

**№14(211), вып. 33
сентябрь 2015**

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

**Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук**

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель:

НИУ «БелГУ»

Издательский дом «Белгород»

Адрес редакции, издателя, типографии:
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-50062 от 29 мая 2012 г.

Выходит 4 раза в год.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

О.Н. Полухин,
ректор НИУ «БелГУ», доктор
политических наук, профессор

Зам. главного редактора

И.С. Константинов,
проректор по научной
и инновационной работе НИУ «БелГУ»,
доктор технических наук, профессор

Научный редактор

В.М. Московкин,
профессор кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ», доктор географических
наук

Ответственный секретарь:

О. В. Шевченко

зам. начальника УНИИ НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Главный редактор серии

В.П. Римский
доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ», БГИИК)

Заместители главного редактора

В.П. Бабинцев
доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Е.Е. Тонков

доктор юридических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета**

Философия Социология Право

Belgorod State University

Scientific bulletin

Philosophy Sociology Law

СОДЕРЖАНИЕ

**ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ
И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Опыт реконструкции историко-философских методов в философии
Г.Г. Шпета. **В.П. Римский, С.И. Рубежанский, В.В. Терехов** 5

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Коммуникативная наука как «альтернативная»: философско-
методологическая экспликация. **Г.Н. Калинина,
О.Н. Римская** 21

Деятельностный подход и принцип рефлексивности в науке.
А.Д. Майданский, О.Н. Полухин, А.В. Федосеев 28

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Динамика ценностей и жизненных целей российской молодежи.
В.П. Бабинцев, Г.Ф. Ушамирская, А.Э. Ушамирский 34

Социальные технологии профессионального развития персонала
организации. **О.А. Рыболовлева** 41

Динамика степени рисков инновационного развития в вузах.
С.А. Шовгеня 47

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

Сетевая природа терроризма: глобальное и региональное.
С.Н. Борисов, М.А. Игнатов 53

Об анализе революции в контексте соотношения дискурса кино и
исторического дискурса. **О.С. Борисова** 60

Интеллектуальная и преступная субкультура модерна: между знанием и
тюремью. **Э.Н. Гуцин, М.В. Новак** 67

Проблема определения культуры в социально-исторической
культурологии. **М.А. Дидык** 77

Анализ региональных языковых субкультур в ценностно-смысловом
пространстве языка. **И.Г. Колесникова, И.Е. Белогорцева,
В.С. Игнатова** 81

Мифологическое сознание романтиков в аспекте допредикативных
структур архетипных состояний человеческого духа. **А.В. Кузнецова,
А.В. Кузнецов** 87

Л.Н.Толстой: сошествие в ад (этическая символика ада в творчестве
Толстого). **Е.Д.Мелешко, В.Н. Назаров** 92

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Гностицистская парадигма в русской культуре и религиозной философии.
Н.А. Киселева, Т.И. Липич 99

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Теоретико-методологические основы информационного права и
информационной безопасности. **Ю.А. Белевская,
А.П. Фисун** 104

Ответственный секретарь**С.С. Почепцов**кандидат философских наук
(НИУ «БелГУ»)**Члены редколлегии****Г.А. Борисов**, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)**С.Н. Борисов**, доктор философских наук, профессор (БГИИК)**О.А. Волкова**, доктор социологических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)**С.А. Никольский**, доктор философских наук, профессор (Институт философии РАН)**Ю.А. Зубок**, доктор социологических наук, профессор (ИСПИ РАН)**С.М. Климова**, доктор философских наук, профессор (НИУ ВШЭ, НИУ «БелГУ»)**Е.А. Кожемякин**, доктор философских наук, доцент (НИУ «БелГУ»)**Л.Г. Королева**, доктор философских наук, профессор (Курский государственный университет)**Ю.Н. Стариков**, доктор юридических наук, профессор (Воронежский государственный университет)**А.Д. Майданский**, доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)**М.В. Мархгейм**, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)**Г.К. Кулдьшева**, доктор юридических наук, профессор (Ошский государственный университет)**М.Д. Розин**, доктор философских наук, профессор (СКНЦ ВШ при ЮФУ)**В.Б. Тарабаева**, доктор социологических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)**С.В. Тычинин**, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)**С.Ф. Шумилин**, доктор юридических наук, профессор (БелЮИ МВД РФ)

Внутренние вызовы национальной безопасности и необходимость совершенствования полицейского миротворчества ООН.

П.Г. Зверев 108

Теоретические разработки доктрины толкования права в Великобритании в период нового времени и на современном этапе.

Ю.В. Недилько 113Историческое развитие поколений «прав человека». **Н.Н. Олейник, А.Н. Олейник 120**Антинаркотическая политика в России: неутешительные итоги или двадцать лет спустя. **Е.Е. Тонков 129**Правовой статус корпорации в рамках реформирования гражданского законодательства. **Е.Ю. Цуканова, А.Е. Китаева 137****НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ**

Коррупция как деформация социально-нравственных добродетелей.

В.В. Горбова 142Ценность справедливости как основа потенциала консолидации населения в современной России. **Д.В. Давтян 148**Интерпретация философской концепции А. Кожева в творчестве Ж. Батая и М. Бланшо. **И.А. Жиленков 153**Концепция права как этического минимума в отечественной правовой доктрине конца XIX - начала XX вв. **А.Е. Кравченко 162**Анализ международного опыта повышения занятости и снижения безработицы среди молодежи. **Г.А. Краснова 165**Соотношение поэтического и философского дискурсов в поздних работах Ж. Батая. **А.Ю. Шутов 179**«Общество знаний»: философско-методологическая критика понятия. **Н.Н. Шамардин 185****Сведения об авторах 193**

Статьи представлены в авторской редакции.

Оригинал-макет *С.С. Почепцов*e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru;
pochepstov@bsu.edu.ru

Подписано в печать 18.09.2015

Формат 60×84/8
Гарнитура Georgia, Impact

Усл. п. л. 23,25

Цена свободная

Тираж 1000 экз.

Заказ 112

Дата выхода журнала 30.09.2015

Подписной индекс в Объединённом каталоге
«Пресса России» – 81462Оригинал-макет подготовлен и тиражирован
в издательском доме «Белгород» НИУ «БелГУ»
Адрес издателя и издательства:
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

**№14(211) Issue33
September 2015**

Scientific reviewing journal

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education «Belgorod State National Research University»

Publisher:

Belgorod State National Research University
Belgorod Publishing House

Address of editorial office, publisher, letterpress plant: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)

Mass media registration certificate
ПИ № ФС 77-50062 May 29, 2012
Publication frequency: 4 /year

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief

O.N. Polukhin,
Rector of Belgorod National Research State University, Doctor of Political Sciences, Professor

Deputy Editor-in-Chief

I.S. Konstantinov,
Vice-Rector on Scientific and Innovative Work of Belgorod State National Research University, Doctor of Technical Sciences, Professor

Scientific Editor

V.M. Moskovkin,
Professor of World Economy Department of Belgorod State National Research University, Doctor of Geographical Sciences

Assistant Editors

Shevchenko O. V.,
Deputy Head of Scientific and Innovative Activity Department of Belgorod State National Research University, Candidate of Historical Sciences

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Chief editor

V.P. Rimskiy
Doctor of philosophy, professor (Belgorod State National Research University, Belgorod state institute of arts and culture)

Deputies of chief editor

V.P. Babintsev
Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State National Research University)

**Belgorod State University
Scientific bulletin**

Philosophy Sociology Law

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета
Философия Социология Право**

CONTENTS

**HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES
AND HUMANITIES**

Experience reconstruction of historical and philosophical methods in philosophy G.G. Shpet. **V.P. Rimskiy, S.I. Rubezhanskiy, V.V. Terehov 5**

LOGICS, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

Communicative nauka as «alternatlve»: philolosophical-methodological explication. **G.N. Kalinina, O.N. Rimskaya 21**

The activity approach and the principle of reflectivity in science. **A.D. Maidansky, O.N. Polukhin, A.V. Fedoseenkov 28**

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

The dynamics of values and vital purposes of the russian young people **V.P. Babincev, G.F. Ushamirskaya, A.E. Ushamirsky 34**

Social technologies of staff professional development. **O.A. Rybolovleva 41**

Dynamics of the risks of innovative development in universities. **S.A. Sovgenya 47**

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

Terrorism network: global and regional. **S.N. Borisov, M.A. Ignatov 53**

Analysis of the revolution relations in the context of movie discourse and historical discourse. **O.S. Borisova 60**

Intellectual and criminal subculture of modern: between knowledge and jail. **E.N. Gushchin, M.V. Novak 67**

Problem determination of culture the socio-historical culture. **M.A. Didyk 77**

The analysis of regional linguistic subcultures in value-semantic space of language. **I.G. Kolesnikova, I.E. Belogortseva, V.S. Ignatova 81**

Romantics mythological consciousness in the aspect of the human spirit archetype structures. **A.V. Kuznetsova, A.V. Kuznetsov 87**

Leo Tolstoy: the descent into hell (ethical symbols of hell in the works of Tolstoy). **E.D. Meleshko, V.N. Nazarov 92**

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

Gnostic paradigm in russian culture And the religious philosophy. **N.A. Kiseleva, T.I. Lipich 98**

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Theoretical and methodological basis of information law and information security. **Yu.A. Belevsky, A.P. Fisun 104**

Internal challenges of national security and the need to improve UN police peacekeeping. **P.G. Zverev 108**

Theoretical research of the doctrine of interpretation of law in the UK in the new time and at the present stage. **Y.V. Nedil'ko 113**

Historical development of generations of «human rights». **N.N. Oleinik, O.N. Oleinik 120**

E.E. Tonkov

Doctor of law, Professor (Belgorod State National Research University)

Responsible secretary**S.S. Pocheptsov**

Candidate of philosophy (Belgorod State National Research University)

Members of editorial board

G.A. Borisov, Doctor of law, Professor (Belgorod State National Research University)

S.N. Borisov, Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State institute of arts and culture)

O.A. Volkova, Doctor of sociology, Professor (Belgorod State National Research University)

S.A. Nikolskiy, Doctor of philosophy, Professor (Institute of Philosophy, Russian Academy of Science)

Y.A. Zubok, Doctor of sociology, Professor (Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Science)

S.M. Klimova, Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State National Research University)

E.A. Kozhemyakin, Doctor of philosophy, associate Professor (Belgorod State National Research University)

L.G. Korolyova, Doctor of philosophy, Professor (Kursk State University)

Y.N. Starilov, Doctor of law, Professor (Voronezh State University)

A.D. Maydanskiy, Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State National Research University)

M.V. Marhgeim, Doctor of law, Professor (Belgorod State National Research University)

G.K. Kuldysheva, Doctor of Law, professor (Osh State University)

M.D. Rozin, Doctor of philosophy, Professor (North-Caucasian Science Centre of High School, South Federal University)

V.B. Tarabaeva, Doctor of sociology, Associate professor, Dean of the faculty of management and entrepreneurship (Belgorod State National Research University)

S.V. Tychinin, Doctor of law, Professor (Belgorod State National Research University)

S.F. Shumilin, Doctor of law, Professor (Belui MIA of Russia)

The articles are given in authors' editing.

Dummy layout by *S.S. Pocheptsov*
e-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru;
pocheptsov@bsu.edu.ru

Passed for printing 18.09.2015

Format 60×84/8

Typeface Georgia, Impact

Printer's sheets 23,25

Order 112

Price free

Circulation 1000 copies

Date of publishing 30.09.2015

Subscription reference in The Russian Press common catalogue – 81462

Dummy layout is replicated at Belgorod National Research University Publishing house "Belgorod"
Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia, 308015

Anti-drug policy in Russia: the disappointing results or twenty years later.

E.E. Tonkov 129

The legal status of corporations under the civil law reform. **E.Y. Tsukanov,**

A.Y. Kitaeva 137

THESIS

Corruption as a deformation of the social and moral virtues.

V.V. Gorbova 142

Value of justice as the basis for building consolidation of the population in modern Russia. **D.V. Davtyan** 148

Interpretation of the philosophical conception of A. Kojève in writings of G. Bataille and M. Blanchot. **I.A. Zhilenkov** 153

The concept of law as an ethical minimum in Russian legal doctrine of the late XIX - early XX centuries. **A.E. Kravchenko** 162

Analysis of international experience employment and reduce youth unemployment. **G.A. Krasnova** 165

The relation between poetic and philosophical discourses in Georges Bataille's late works. **A.Y. Shutov** 179

«Knowledge society»: philosophical and methodological critique of concepts.

N.N. Shamardin 185

About authors 193

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 1 (47+57) (091)

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИХ МЕТОДОВ В ФИЛОСОФИИ Г.Г. ШПЕТА

EXPERIENCE RECONSTRUCTION OF HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL METHODS IN PHILOSOPHY G.G. SHPET

В.П. Римский¹, С.И. Рубежанский², В.В. Терехов³
V.P. Rimskiy, S.I. Rubezhanskiy, V.V. Terehov

¹Белгородский государственный институт искусств и культуры, Россия, 308033, Белгород, ул. Королёва, 7
Belgorod State University of Arts and Culture, 7 Korolev St, Belgorod, 308033, Russia

²Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015, г. Белгород,
ул. Победы, 85

Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

³Орловский государственный университет, Россия, 30202, Орел, ул. Комсомольская, 95.
Orel state University, 95 Komsomolskaya St, Orel, 30202, Russia

E-mail: rimskiy@bsu.edu.ru; rubej31@mail.ru; doktorant2008@yandex.ru

Ключевые слова: история русской философии, историко-философские методы, сравнительно-философский метод, имманентно-критический метод, контекстный метод, биографический метод, институциональный метод.

Key words: history of Russian philosophy, historical and philosophical methods, comparative and philosophical method, immanent-critical method, the shortcut method, biographical, institutional approach.

Аннотация. В статье предпринята попытка реконструкции методов историко-философского исследования в контексте философии Г.Г. Шпета, который последовательно вводил в свои работы и использовал в философско-исторической и историко-философской методологии *основные измерения философии: история философских идей*, выраженная в концептуальных системах и текстах; *история людей*, которые занимались философией, как основным экзистенциальным делом собственной жизни; *история социокультурных институтов*, в рамках и под влиянием которых эти идеи создавались и писались философские тексты; сравнительно-философское исследование «идей, людей и институтов».

Resume. In article attempt of reconstruction of the methods of historical and philosophical research in the context of the philosophy of G. G. Shpet, who has consistently put in their work and used it in a philosophical-historical and historical-philosophical methodology main dimensions of philosophy: a history of philosophical ideas expressed in conceptual systems and texts; the history of the people who studied philosophy, as the main existential destiny of his own life; the history of social and cultural institutions, within and under the influence which these ideas were created and written philosophical texts; comparative philosophical study «of ideas, people and institutions».

Как показывает анализ состояния «шпетоведения» в отечественной философской литературе, нам предстоит сложная задача внесения хотя бы малейшей новизны в состояние заявленной тематики статьи – столь много уже сделано на данный момент, особенно усилиями Т.Г. Щедринной [Щедринна, 2004]. Прежде мы попытаемся определиться в том состоянии историко-философской методологии, в котором на данный момент пребывает отечественная философия.

Парадокс заключается в том, что на данный момент фактически нет узкоспециальных работ (таковым могут считаться монографическое или диссертационное исследование),

посвящённых целостной методологии историко-философских исследований. До сих пор исключение составляют монографии З.А. Каменского [См.: Каменский: История философии как наука; Каменский: История философии как наука в России; Каменский: Методология историко-философского исследования], в которых автор с марксистских позиций провёл систематическое исследование историографии и состояния методологии историко-философских исследований в отечественной философии и науке от начала XIX и до конца XX вв. Вряд ли уместно выискивать у З.А. Каменского какие-либо «марксистские грехи» – таковое было бы возможно, имейся на данный момент нечто сопоставимое в русле иной методологии. Мы должны быть благодарны автору за ту работу, которую он проделал. Он и сам осознавал ограниченность подходов в рамках догматического марксизма: «Если в дореволюционное время, как мы помним, в российской науке царил абсолютный плюрализм – мы сталкивались и с шеллингианской, и с гегельянской, и с позитивистской традициями, и с «вольными» учеными, не принадлежавшими к какому-либо одному идейному направлению, то теперь, после краткого периода относительной свободы мысли, все теоретические поиски, анализы, обобщения подчинялись абсолютному монизму.

В рамках специальной проблематики истории философии как науки это сводилось к доминированию проблемы происхождения и развития идей вообще и философских в частности. В сферу теоретического рассмотрения была включена и непосредственно связанная с названной *проблема традиции* в развитии философии. Однако все эти проблемы рассматривались с применением определенного методологического приема – аргументации *ad hominem*: все новые идеи должны были пройти проверку соотношением их с формулами Маркса и Энгельса. С самого начала такой подход накладывал печать догматизма на всю структуру рассматриваемой науки, что, впрочем, было характерно и для всех других областей официальной советской философии» [Каменский: История философии как наука в России]. Однако, сам З.А. Каменский в своих плодотворных работах почему-то обошёл стороной методологические идеи исторического и историко-философского познания в работах Г.Г. Шпета, удостоив его лишь отдельных упоминаний, как и важную дискуссию в журнале «Вопросы философии» конца 60-х годов прошлого века.

Обращаясь к проблеме реконструкции философско-методологической и положительной философской позиции Г.Г. Шпета, мы не будем сбрасывать со счетов те методологические принципы исследования, на которые указывал сам З.А. Каменский: «Операция реконструкции состоит в решении двух задач: а) реконструкции внешней системы и б) реконструкции внутренней системы... При реконструкции системы мыслителя выясняется и фиксируется не та система, которую строит (если строит!) сам изучаемый мыслитель, а система *объективная, которую устанавливает исследователь* (выделено нами – авт.)... Отбор материала совершенно необходим, поскольку философская мысль далеко не всегда объективируется в документах, строго соответствующих предмету философии. Она вплетена в контекст духовной культуры, объективно существующей как сложнейшее взаимодействие идей и построений, осуществленных деятелями самых разных ее отраслей, и притом не только отраслей науки... Однако при анализе истории философии в национальном плане, когда в поле зрения историка попадают *документы нерафинированные* (выделено – нами – авт.), не имеющие всемирно-исторического значения, являющиеся зачастую синтетическими, включающими в себя элементы разных форм духовной культуры, а также при использовании собственно философских сочинений общепризнанных и даже великих философов... редукция становится важнейшим методологическим средством, которое может быть реализовано на основании предметной детерминации формирования и развития философского знания и строгого определения предмета философии как науки» [Каменский: Методология историко-философского исследования]. С определения методов историко-философского исследования в работах самого Г.Г. Шпета, которая в определённой мере перекликается и со шпетовской методологией*, и начнём собственную реконструкцию его историко-философской методологии и философской позиции в контексте истории русской и мировой культуры и философии.

О последнем моменте хорошо пишет Л.Е. Яковлева: «Одной из важнейших проблем методологии историко-философской науки последних десятилетий является проблема соотношения общего и особенного, универсального и локального в историко-философском

* Если «редукцию» понимать не как упрощение предметности, а феноменологически, как сведение предмета исследования к его сущности и «чистоте».

процессе. Существуют две основные модели решения этой проблемы. История философии рассматривается либо как взаимосвязанная и внутренне логичная последовательность философских событий в пространстве и времени, реализующая определенную цель (гегельянская традиция), либо как набор отдельных, не связанных по смыслу философских учений, «концептов», допускающих многообразную интерпретацию (постмодернизм) [Яковлева, С. 4]. Опять же, Г.Г. Шпет был одним из первых, кто в нашей философии поставил данную задачу определения «специфики русской философии».

С выходом эмигрантских «историй русской философии» были запущены в отечественный контекст поверхностные интерпретации о личности и философии Г.Г. Шпета, вызванные порой личными философскими и политическими пристрастиями и антипатиями их авторов: представление о Г.Г. Шпете как «правовернейшем последователе Гуссерля», «чистом гуссерлианце», «самодовольном, сектантском исповеднике гуссерлианства», «критикане», о «вторичности» и «не оригинальности» его философии, её «атеистичности» (В.В. Зеньковский, которого Г.Г. Шпет имел неосторожность в своё время критиковать) [Зеньковский, С. 133-136]. Б.В. Яковенко наряду с объективными характеристиками продуцировал видение его в качестве «истинного и одновременно самоуверенного и оригинального сторонника» Гуссерля, «феноменологического платоника», «неожиданно» обнаружившего после революции «четкую склонность к диалектике» и создавшего «философию языка» [Яковлева: История русской философии, С. 381-381, 430-431]. Н.О. Лосский, кратко упоминая имя философа в длинном ряду других (при этом были моменты, когда они общались достаточно «плотно») определяет его наряду с самим Гуссерлем в сторонники неокантианцев [Лосский, С. 421], в круг авторов журнала «Логос», что не соответствует реалиям ни жизненным, ни теоретическим и также, скорее всего, стало расплатой за острый критико-аналитический шпетовский ум, отлично работавший в написании рецензий и характеристике философских взглядов коллег в его статьях и монографиях.

Если необдуманно не приписывать философскую позицию Г.Г. Шпета, развиваемую им на протяжении всей его жизни, к соловьёвскому полемическому скептицизму (такое прочтение его «Очерка развития русской философии» в качестве «критического памфлета» мы наблюдаем с момента публикации этой работы до сих пор) или «гуссерлевскому феноменализму», то она представляет собой именно отбрасывание догм и демифологизацию истории философии, как русской, так и западной, попытку диалектического снятия дилеммы «заимствования» и «самобытности» той или иной «национальной философии».

Последнее присутствует не только в реконструкции полного состава его «Очерка развития русской философии», проделанного Т.Г. Щедриной, которая справедливо пишет: «Просто очень важно, чтобы мы, читая книгу, задумались о том, почему мы сегодня зачастую поступаем, как критикуемые Шпетом в главах второго тома Белинский, Чернышевский и громим в псевдокритических журналах малейшие ростки философской мысли, не имея при этом достаточной философской и научной основательности для разгромных суждений; мы отказываемся от своего родства с русской философией советского периода (как будто в этот период не было ничего достойного внимания, способного послужить основой для рефлексивного освоения европейских философских тенденций и проблем). Как и прежде, мы отказываемся от собственного философского и культурного опыта и продолжаем нерелексивное заимствование методологических традиций, схем и понятий из европейской философии. Иными словами, мы сегодня продолжаем делать то, против чего выступал Шпет. А потом мы долго сетуем на семинарах по русской философии, что вот, дескать, нет у нас сегодня настоящих русских философов» [Щедрина 2009, С. 13]. И во всех других работах, начиная с его первых опубликованных и неопубликованных рецензий и докладов по истории философии, Г.Г. Шпет показывает не только глубокое профессиональное знание истории мировой философии, но и сознательную выработку историко-философской и исторической методологии, разрушающей все теоретические и мировоззренческие догмы.

В частности, в своей опубликованной магистерской диссертации «История как проблема логики. Критические и методологические исследования» он дал достойные образцы преодоления историко-философской догматики в понимании философии Канта и интерпретации специфики европейского Просвещения в его национальных формах, которое якобы не обладало «историзмом» и не внесло вклада в развитие философии истории и исторической науки. В диссертации он, например, на несколько лет опередил близкие соображения Э. Кассирера [Кассирер: Философия Просвещения, С. 220-258],

продемонстрировав и более подробный, и более глубокий анализ историзма Просвещения. Кстати, именно в анализе «английского», «французского» и «немецкого» Просвещения [См.: Шпет: История как проблема логики, С. 63-175] Г.Г. Шпет демонстрирует виртуозную диалектику национально-локального и общеевропейского, заимствованного и оригинального в истории философии, основанную на герменевтической интерпретации текстов и феноменологическом проникновении в предметную суть исследуемых философских систем.

Жаль, что Г.Г. Шпет упустил собственный опыт при трактовке русского Просвещения, на что в своей рецензии критически указывал в своё время Д.И. Чижевский [Прокофьев: Густав Шпет. Очерки развития русской философии, С. XVI-350; Чижевский, С. 390-402]. Принося значимость русского Просвещения, Г.Г. Шпет не задался вполне логичным вопросом: а так ли уж оригинальными были сами европейские национальные «просвещения»? Г.Г. Шпет в своей диссертации и ряде статей неоднократно писал как о политико-прагматическом характере французской философии, так и о моралистическом и этицистском прагматизме всего немецкого классического идеализма. Тогда также возникает и другой вопрос: почему в исследовании генеалогии русской философии он ставит ей в вину именно «прагматизм», как политический и этицистский, так и моралистический, будто где-то существовала в те времена (как во все времена) некая «чистая философия».

Ведь он очень хорошо проследил в диссертации эволюцию английского «просвещения» во французское, а их вместе взятых и в сложном переплетении – трансформированными в концепции немецких «просветителей». Причём, он правильно отмечал, что немецкое Просвещение, последним представителем которого стал И. Кант (К. Поппер в этом опоздал – такое понимание кантовской философии уже присутствовало в русской философии начала XX века), было шагом вперёд именно на пути к «чистой философии» и новым горизонтам исторического мышления.

Последнее, кстати, в своей историко-философской концепции не увидел Гегель, игнорируя и принижая немецкое национальное Просвещение. Его русский последователь Г.Г. Шпет здесь и откорректировал его [См.: Белоненко, Римский: 2015, С. 5-24; Белоненко, Римский: 2015, С. 65-80]. Но, к сожалению, сам не смог проделать этого в отношении русской традиции – отечественного «просвещения» и философии. Он не задал себе, современникам и нам, будущим его читателями один элементарный вопрос, поставленный русским кантианцем (почему сразу пишут о «русском неокантианстве»?) А.И. Введенским: разве мы одни заимствовали? Ведь и сам Г.Г. Шпет прекрасно показывает, как в философии французы заимствовали у англичан, а немцы – у французов и англичан одновременно. Никто ведь не отменял принцип аккумуляции идей в науке и философии, как и в целом принцип *философской традиции*, на который всё время делал упор Г.Г. Шпет, до сих пор вызывая недоумения разного рода «новаторов». Ведь следование традиции – ещё не есть свидетельство не оригинальности, её репродуктивного и не творческого восприятия. Вот здесь и возникает проблема объективности и оценки в социально-гуманитарных и философских исследованиях, которую мы пока выносим «за скобки», как и содержательную полемику с Г.Г. Шпетом. Но его собственный опыт понимания истории философии (удачный и не вполне удачный) для нас важен как для реконструкции его собственных философских идей и позиции, так и для уяснения методологии историко-философского исследования.

Особенно репрезентативной в интересующем нас тематическом плане является статья Г.Г. Шпета «К вопросу о гегельянстве Белинского», написанная им в 1923 г. и непосредственно примыкающая к опубликованному в 1922 г. «Очерку развития русской философии», что делает обоснованным включение Т.Г. Щедриной этой статьи и примыкающих материалов в реконструируемую «вторую часть» «Очерков» [Шпет: К вопросу о гегельянстве Белинского, С. 100-184]. Здесь нам имеет смысл применить герменевтическую методологию, показав на примере отдельной статьи как разработку целостной шпетовской методологии, так и её применения в понимании специфики русской философии через интерпретацию текстов В.Г. Белинского, одного из родоначальников отечественного «философского мировоззрения».

Первая методологическая установка или принцип (принцип – не только предпосылка и основа, но и установка, «взгляд на совокупность фактов»), из которого исходил Г.Г. Шпет, состоял в *феноменологической редукции*: выведении «за скобки» той догматики и схематизма, которые накопились в интерпретации истории русской философии и, в частности, философской позиции В.Г. Белинского. Он выделил в качестве такого схематизма, во-первых, разбивку идейной позиции В.Г. Белинского на «периоды», с

выделением как наиболее важного «гегельянского»: «Беспечно, как игрушку, мы развинтили духовный остов Белинского на отдельные части, разложили их по более или менее удобной для нас схеме, установили «периоды», «эпохи» в его духовном развитии, и популяризуем все это, мало заботясь и о формальной и о материальной проверке» [Шпет: К вопросу о гегельянстве Белинского, С. 100]. Другой стереотип в исследовании русской философии первой половины XIX века (М.А. Бакунин, В.Г. Белинский, А.И. Герцен и др.) Г.Г. Шпет определил, как «её основное ядро, смысл и новость – ставшее впоследствии пресловутым сопоставление разумности и действительности» [Шпет: К вопросу о гегельянстве Белинского, С. 103]. Но как произвести «проверку» этих схематизмов?»

Г.Г. Шпет выдвигает в качестве предварительного условия проверки помимо феноменологической установки «выведения за скобки» этих схематизмов, т.е. их *критику*, также *принцип историзма*, т.е. интерпретацию той или иной философии в контексте социально-исторического развития, в выявлении её будущих «последствий» в «контексте современности»: «А, кажется, никогда потребность проверки не была более насущной и своевременной, чем теперь, когда в красном зареве настоящего все прошлое видно яснее, четче, строже» [Шпет: К вопросу о гегельянстве Белинского, С. 100]. Но здесь мы видим такую опасность, как возможность «модернизации» истории философии. Как избежать её? Как достичь «объективно-научного» результата в исследовании истории философии?

И Г.Г. Шпет связывает проблему «объективности» в историко-философском исследовании с другой методологической проблемой: как изучать историю философию – как «историю идей» или «историю людей»? В тексте мы прямо находим это словосочетание об истории «идей и людей» [Шпет: К вопросу о гегельянстве Белинского, С. 178], что прокладывает историческую и логическую параллель его методологии с дискуссионной статьёй М.К. Петрова шестидесятых годов прошлого века о специфике и методологии историко-философских исследований, стоившей ему отлучения от преподавания философии. М.К. Петров писал о необходимости сопряжения «реалистической истории» философских идей и «номиналистической истории» философов-людей: «В принципе необходимы, видимо, оба пути: историко-философский «реализм», когда вклад отдельных философов или философских групп берется лишь в отношении к общему движению философской проблематики, а также, и историко-философский «номинализм», когда центр тяжести анализа переносится на философствующих людей, а общее движение философской проблематики показывается производно, как продукт деятельности философов» [Петров, С. 85]. Мы видим, что и Г.Г. Шпет всегда имел в виду эту дилемму не только в историко-философских и философско-исторических штудиях, но и в развитии собственной «положительной философии», что ещё раз подтверждает шпетовскую мысль «хождения по кругу» русской философии, вынужденной восстанавливать идеи и принципы, однажды ею изобретенные и потом утерянные в катаклизмах истории.

И общая дилемма «истории идей – история людей» в статье Г.Г. Шпета конкретизируется в сопоставлении *критико-имманентного метода* [См.: Куренной: Заметки о некотрых проблемах... С. 3-29], включающего феноменологическую и герменевтическую реконструкцию «чистых идей» (со всеми специальными «текстологическими» практиками, методиками и технологиями определения «филологических контекстов») и *метода биографического*, предполагающего выявление культурно-коммуникативных контекстов путём использования исторических, персонологических, психологических и т.п. методик.

Г.Г. Шпет изначально заявляет о *вторичности* биографического метода в исследовании философской позиции В.Г. Белинского: «Мы интересовались его биографией, бытовой и исторической обстановкою, в которой он жил, как будто не стоит труда передумать его мысли – то, чем он жил... С точки зрения интереса к жизни и быту человека, биографический подход – самый короткий и прямой. С точки зрения объективного изображения развития идей, где важно не личное образование писателя, а последовательность в раскрытии самого содержания проповедуемых идей, биографические объяснения имеют лишь вспомогательное и подчиненное значение» [Шпет: К вопросу о гегельянстве Белинского, С. 100, 101]. И отдаёт *приоритет* методу критико-имманентного исследования истории философии: «Поэтому в свете общего развития русской философской мысли существеннее уяснить, в каком идейном окружении выступал Белинский, каков был тот круг идей, который он поддерживал и который его поддерживал» [Шпет: К вопросу о гегельянстве Белинского, С. 101]. Каково же взаимоотношение критико-имманентного и

биографического методов в процессе конкретного историко-философского исследования по Г.Г. Шпету?

Прежде всего, биографический метод служит лишь для *подтверждения выводов*, полученных в ходе аналитики, описания и интерпретации основных идей того или иного мыслителя, т.е. в процессе исследования методом имманентной критики как феноменологической редукции и «узрения», герменевтического «понимания» и философского «уразумения» (мы сознательно используем эти термины из шпетовских работ) основных философских понятийно-категориальных значений и смыслов в *опубликованных работах*, что предполагает самый широкий спектр филологических (текстологических) методик: от уточнения смысла и перевода тех или иных терминов (что он и производит применительно к текстам Гегеля, немецкого идеализма и художественной литературы, используя словарные и собственные этимологии и коннотации) – до выявления экзистенциальных и культурных контекстов идей (концептов и понятий) в самих текстах.

Г.Г. Шпет предостерегает от того методологического искушения, которое он отметил у видного исследователя философии Гегеля К. Фишера: «Но путь Фишера – не от смыслового анализа к подтверждению его результатов иными данными, а обратный, более грубый путь – от данных биографии и истории работ Гегеля к толкованию смысла... Но мы сами, и с особым упорством, настаиваем на том, что путь биографический не есть объяснение развития общественного и культурного сознания, и как бы Белинский ни пришел к своей проповеди гегельянства, общество, читатели, продолжатели дела Белинского воспринимали его проповедь прежде всего со стороны её объективного смысла и по её предметному значению» [Шпет: К вопросу о гегельянстве Белинского, С. 131-132, 177]. При этом, как мы уже отметили, «последнее решение принадлежит не биографии, а *публичному, печатному выражению мыслей* (выделено нами – авт.)... Таков вообще основной источник и первоисточник развития философской мысли в обществе, и это же – источник для историка этой мысли» [Шпет: К вопросу о гегельянстве Белинского, С. 135]. Но сам Г.Г. Шпет далее вполне осторожно и вдумчиво использует в качестве философских источников письма, дневники и воспоминания мыслителей и их современников, т.е. то, что Т.Г. Щедрина удачно исследует как «архив эпохи», дающий историку философии возможность реконструировать диалогическую культурно-коммуникативную (контекстную) «сферу разговора» философов-людей [Щедрина: «Я пишу как эхо другого...», 2004; Щедрина: Архив эпохи: тематическое единство..., 2008]. Именно в исследовании «архива эпохи», как филологического контекста опубликованных при жизни текстов философов, и «сферы разговора», как культурно-коммуникативных контекстов, проявляет себя *контекстный метод*, который применяется в историко-философских реконструкциях концептных и понятийно-категориальных смыслов и значений философских систем, доктрин и «мировоззрений», т.е. служит пониманию конкретно-исторических *философских дискурсов*, выражаясь актуальным языком.

Под дискурсом мы понимаем не только и не столько формально-логические и рассудочные формы мышления, но *особую систему смыслов*, связанных с культурной ментальностью и идеологией той или иной эпохи, которая *выражена в концептах* и представлена в самых разнообразных языках (текстах, знаково-символических формах), обладающих связностью и целостностью и погруженных в *речевые и культурно-коммуникативные практики*, в жизнедеятельность конкретного человека, в социокультурный, иррационально-психологический и другие *контексты*, т.е. в *экзистенциальный пласт бытия*. И чтобы схватить «смыслы дискурса» в процедурах понимания, необходимо не только прочитывать некоторые «тексты», но и заглянуть в их «зазеркалье» – в контексты, где и формируются объективно-мыслительные и идеально-бессознательные стереотипы мыслительной деятельности человека, экзистенциальные смыслы человеческой жизни. При этом любой «текст культуры» не только погружён в самые разнообразные культурные контексты, но и, в свою очередь, становится *контекстом* для *других текстов*, включенных в дискурсные коммуникации. Взаимодействие конкретно-исторических *дискурсных формаций как открытых систем* и предполагает *взаимообмен смыслами* текстов и контекстов (дискурсное смысловое поле), которые создаются (пишутся) не только великими личностями, но и простыми людьми той или иной эпохи, а уж затем «прочитываются» исследователями и интерпретаторами. Это означает применительно к познанию, интерпретации, пониманию и переживанию любой конкретно-исторической эпохи учет *системного многообразия как текстов, так и контекстов* [Будянская, Римский: Социокультурные и ментальные контексты... С. 7-8; Мельник, Римский: Время жить и время

созерцать... С. 34, 35-36]. Г.Г. Шпет, на наш взгляд, и в этом плане опередил своё время, невольно сформулировав в своих философско-методологических диалогах феноменологии и герменевтики будущие перспективы исследования дискурсов.

«Относительно моих ссылок на письма (выделено нами – авт.), – пишет о своей контекстной методологии Г.Г. Шпет в примечаниях статьи, – я просил бы читателя иметь всюду в виду, что, прибегая к ним, ни в коем случае не хочу дать этим цитатам общей характеристики писателя Белинского. Это только такие личные клочки, отмечающие одно мгновение, против которых столько же других клочков, сколько мгновений в скачках настроений Белинского. В целом такие цитаты – только формальная (?) характеристика отношения Белинского к мысли и философии. Если бы собрать все эти мгновения в их противоречивости, характеристика не изменилась бы, а только обнажилась бы в ужасающую картину душевного распада, до которого может быть доведен человек, лишенный веры в объективность истины и не способный выйти из мглы и мрака субъективных утверждений и самоутверждений. Но *этого человеческого я не касаюсь* (выделено нами – авт.), как и вообще не имею в виду личности его, – мои цитаты из писем, следовательно, только случайные иллюстрации выводов, что получаются из анализа писателя» [Шпет: К вопросу о гегельянстве Белинского, С. 182]. Хотя он видит и значимость «биографического метода», позволяющего реконструировать экзистенциальные контексты философских исканий В.Г. Белинского.

Биографический метод даёт возможность историку философии более конкретно представить публике «эволюцию мыслителя». Что значит «биография» с точки зрения читателя-современника и историка-исследователя? Г.Г. Шпет замечает: «Принципиальной разницы нет, и читатель, не знавший личной жизни Белинского, мог думать, что отношение Белинского к русской действительности с начала его литературной деятельности не менялось, возрастал только объяснительный и оправдывающий материал вместе с образовательным развитием самого Белинского. Только из биографии его мы узнаем, в каком хаосе влияний билась все это время его неустойчивая мысль, как мучителен для него был выбор и как страстно было его подчинение всякому новому влиянию» [Шпет: К вопросу о гегельянстве Белинского, С. 149-150]. Он подчёркивает, что применение биографического и контекстного методов (понимание «сферы общения» через реконструкцию «архива эпохи»), даёт возможность лучше понять и сугубо философские, внутренние смыслы текстов («внутренние идеальные формы»).

Он, в частности, пишет: «Белинский, вместе с Бакуниным, выносит на публику то, что имело для друзей личное значение и что, надо думать, не раз обсуждалось между друзьями, и притом, вероятно, с особым вниманием к соответствующим местам Гегеля. Есть основание предполагать, что и Гамлет обсуждался друзьями прежде, чем Белинский выступил с публичным применением к нему гегелевской теории» [Шпет: К вопросу о гегельянстве Белинского, С. 156-157]. Используя в своём исследовании переписку, документы и воспоминания (метод архива), Г.Г. Шпет не только фиксирует все тонкости (и грубости!) мыслительной работы В.Г. Белинского, но и генеалогию его замыслов, позже реализованных в текстах. Это позволяет ему постоянно совершать своеобразный герменевтико-феноменологический круг, возвращаясь от «контекстов» к значениям и коннотациям идей в текстах и обратно – к культурно-историческим и экзистенциальным контекстам смыслам философских концептов и понятий.

Интересно, как здесь у него всплывает *аналогия* работы учёного-гуманитария с творчеством учёного-естествоиспытателя, которая найдёт в наши дни уже строгое методологическое развитие в исследовании «лабораторной жизни» Б. Латуром [Латур 2002, С. 1-32; Латур, 2013; Латур, 2006; Латур, 2014]. Б. Латур в одной из последних работ, отмечая, что «мы пишем тексты, а не смотрим в окно», контекстно иронизирует над дотошностью феноменологов и делает парадоксальный, на первый взгляд, вывод: «Текстовые отчеты – лаборатория социологов, и если лабораторная практика идет впереди, то объективность может быть достигнута именно благодаря искусственной природе этого места и при условии, что непрерывное и настойчивое внимание будет направлено на выявление артефактов... Текстовые описания точно так же могут оказаться провальными, как это часто бывает с экспериментами» [Латур 2014, С. 179,180]. А вот поразительное по совпадению и не менее парадоксальное высказывание Г.Г. Шпета, когда он через исследование переписки В.Г. Белинского выявляет генеалогию его текстов: «*Лабораторная работа* (выделено нами – авт.) для читателя оставалась скрытой, он мог узнавать только результаты её и по ним только учиться и философии, и способу обращения с нею. Что же он получал для своего ученья и для

отношения к изучаемому?» [Шпет: К вопросу о гегельянстве Белинского, С. 151]. Вот так, как трудный лабораторный труд учёного, понимал Г.Г. Шпет работу учёного-гуманитария и философа над собственными текстами. Как говорится, всё новое – хорошо забытое старое... Мы ещё вернёмся к параллелям идей Г.Г. Шпета и современного методолога и социолога науки Б. Латура.

Какова же роль *контекстного метода* историко-философского исследования (реконструкция «архива» и «сферы разговора»), дополняющего одновременно и метод критико-имманентный, и биографический?

Во-первых, этот метод связан с *эмпирическими методиками* собственно исторического исследования (например, архивного) и позволяет конкретизировать идеи, выраженные в опубликованных источниках, в плане культурных коммуникаций: публичных и межличностных. В этом пересечении возникает возможность *конкретизации* и *идей*, и их биографических, экзистенциальных и культурных *контекстов*, путём выявления за «историческими фактами», устанавливаемыми эмпирически, и «*чистых предметных философских значений и смыслов*», полученных феноменологически и герменевтически (филологическая текстология органично включается в этот метод), и более глубоких временных и *культурно-исторических смыслов*. Во-вторых, именно здесь открывается возможность для логико-методологического проведения «историко-философских сопоставлений», по терминологии Г.Г. Шпета, т.е. применения *сравнительно-философского метода*.

Философская компаративистика может быть представлена как *диалог философских идей и стилей мышления, практик интерпретации философских текстов и контекстов, культурных и философских дискурсов той или иной эпохи*. Философская логика, отличная и в то же время совпадающая со всеми другими «логиками», рефлексирова над собственными предпосылками, выраженными в текстах «предшественников» и «коллег», так или иначе, совмещает современность с прошлым, реализуя определенное целеполагание в горизонте возможных философских, интеллектуальных и мировоззренческих инноваций. Сравнительно-философская методология как аналитика и дескрипция – это особый способ мышления, опирающийся на свободное владение историко-философским материалом и философской культурой в целом. Философская компаративистика одновременно и особый стиль, который даётся не каждому, так как предполагает и свободу мышления самого философа, связанную не только с владением историко-философским и культурно-историческим материалом, но и обладанием собственной, пусть не системно-философской, но хотя бы «философско-мировоззренческой» позицией.

Собственно, рассматривая взаимоотношение национальных «европейских философий» в диссертации «История как проблема логики. Критические и методологические исследования» (1915); русскую философию в контексте переноса идей и концепций западноевропейской философии на русскую «почву» и в русскую институциональную «среду» (наука, образование, литература, журналы), в своём «Очерке развития русской философии» (1922) и примыкающих статьях, Г.Г. Шпет фактически речь ведёт как о «диалоге культур», так и об «аккультурации» философских идей в инокультурном контексте. Такой подход к «культурному бытию» как «конкретной действительности» мы обнаруживаем в текстах и философском мышлении и в таких «зрелых» работах Г.Г. Шпета, как «Эстетические фрагменты» (1922-1923), «Введение в этническую психологию» (1927), «Внутренняя форма слова. Этюды и вариации на темы Гумбольда» (1927), в которых, собственно, и нашёл логическое завершение его философский проект культуры, главное дело его жизни. Г.Г. Шпет дополнял все отмеченные практики историко-философского исследования *философско-сравнительным методом*, умело применяя «методологическое многообразие» в своих текстах.

И в данном плане статья о В.Г. Белинском также является наиболее репрезентативной. Г.Г. Шпет вычленяет в текстах В.Г. Белинского и авторов его «круга общения» концепт «прекраснодушие», опущенный исследователями, и вроде бы избыточную историками русской философии тему (формулу) гегельянской «разумной действительности», демонстрирует виртуозность владения методом сравнительно-философского исследования в контексте критико-имманентного и герменевтико-феноменологического прочтения текстов Гегеля не только в соотношении с текстами и идеями Н.В. Станкевича, Н.И. Надеждина, М.А. Бакунина и других философствующих современников в их влиянии на взгляды В.Г. Белинского, но и в плане соотношения идей раннего и позднего Гегеля, их связи с идеями и литературными

образами сентиментализма, Гёте (глава «Исповедь прекрасной души» в романе «Годы учения Вильгельма Мейстера») и Шекспира* [См.: Густав Шпет и шекспировский круг, 2013], проводит аналитическую критику значений концепта «прекраснодушные» (гегелевское «несчастное сознание») в философии Фихте, Шиллера, Шлегеля, романтиков и т.д. Он реализует их сравнительно-философское исследование в контексте работ и идей Гегеля: перед взором шпетовского читателя (увы, запоздавшего!) разворачивается логическое сравнение текстов, образов и идей Гегеля и Гёте, Гегеля и Канта, Гегеля и романтиков, начиная с юношеских гегелевских работ и «Феноменологии духа» и заканчивая «Философией права».

Г.Г. Шпет даёт не только собственное оригинальное изложение и интерпретацию сути учения Гегеля о действительности и прекраснодушии, но и определяет специфику философского мировоззрения В.Г. Белинского, степень оригинальности русской философии в диалоге с немецкой. Он опровергает догматическое представление о «гегельянстве Белинского» и всего его «круга общения» [См.: Шпет: Философское мировоззрение Герцена, С. 206-298], характеризуя «философское мировоззрение» русских философов в качестве «фихтеизированного гегельянства» и «обще-идеалистической» эклектики, и ставит ряд важных проблем: как отделить «самобытность» национального философствования от «оригинальничанья», упрощения и фальсификации? Как происходила рецепция европейских философских идей в России? В чём состоял главный недостаток русской философствования по сравнению с европейской, особенно немецкой философией?

В связи с этим Г.Г. Шпет делает несколько выводов: «Таким образом, в целом нужно все же, вопреки распространенным заявлениям, признать, что друзья Белинского, т.е. главным образом Бакунин и Катков, правильно схватили, что одною из основных идей философии Гегеля является учение Гегеля о действительности как объективировании духа, и, по-видимому, поняли смысл этой идеи, потому что Белинский, в общем, правильно ее перебросил дальше читателю... Литература была призвана у нас заразить общество духом европейской философии, и «призрачный» философ, литератор Белинский, явился у нас орудием этого духа. В этом смысле нельзя Белинского исключить из развития нашей философии... Положительная необходимость говорить о Белинском в изложении судьбы русской философии состоит в том, что он возбудил в широких кругах русского общества интерес к философии, но еще более в том, что он предугадал также путь и способ выхода из философии...» [Шпет: К вопросу о гегельянстве Белинского, С. 141-142]. Каков же этот путь «русской философии»?

Он пишет далее: «Не столь важно, говорили мы, правильно или неправильно понял Гегеля Белинский, а важно, как он им воспользовался. Воспользовался он философией, как видно из всего сказанного, для оправдания того прагматического решения практических и личных проблем, к которому он пришел, кидаемый жизнью, житейскими размышлениями и порывами своего чувства от одной крайности своих настроений к другой. Путь – нефилософский... Именно с этой точки зрения представляется убедительным тот вывод, согласно которому Белинский, пусть неправильно понял, искажил даже Гегеля, но тем самым задал тон нашей оригинальной философии, нашему оригинальному отношению к ней и специфическим требованиям, которые только мы предъявляем к ней... Русская действительность, русский народ и интеллигенция («общество»), которая теперь не хотела быть оторванной от своего народа, – таковы были прагматические проблемы новой интеллигенции. Белинский превращал их в проблемы философские... Так, на место *высшего всеобъемлющего синтеза мысли, включающего в себя в последнем осуществлении всю духовную культуру* (вот в чём видит Г.Г. Шпет задачу «чистой философии»!; выделено нами – авт.), у Белинского становится мировая сделка... На место мысли – будничная прагма... Он делал из философии жизненное, прагматическое мировоззрение» [Шпет: К вопросу о гегельянстве Белинского, С. 177, 147, 179]. Здесь Г.Г. Шпет подкрепляет то своё принципиальное положение о «прагматическом характере» русской философии, её исключительно политико-идеологическом, морализирующем или в лучшем случае «мировоззренческом» воздействии на человека и общество, которое мы находим в его «Очерке развития русской философии» и других сопутствующих опубликованных статьях и рукописях.

* Перевод и издание произведений Шекспира в это время задумывается Г.Г. Шпетом, а позже реализуется. Это была практическая работа по реализации его собственного «философского проекта культуры».

Но философия, вновь утверждает Г.Г. Шпет собственное понимание её специфики, есть, прежде всего, «наука, истинное знание, напряжение разума, а не пустое философствование, не построение мировоззрений, не формализирование и не морализирование... Философские задачи должны решаться философскими средствами. Всякий другой способ их решения есть уничтожение самой философии. Из её истории тому можно было бы привести несчетное количество примеров, – это был бы длинный мартиролог идей и людей (вот здесь присутствует это словосочетание «идей и людей» – авт.). Кто не умеет пользоваться философским орудием, тот не может способствовать ее созиданию, для него остается доступным только одно философское деяние: отойти от философии и дать ей развиваться своими естественными силами. Действовать в философии нефилософскими средствами – то же, что действовать веревкою и кнутом там, где требуется сердечное участие любви. Вот почему для нас разъясненное прагматическое отношение Белинского к философии – достаточный ответ и на другие вопросы. Последователи Белинского и с ними русское общество и руководившая этим обществом интеллигенция не нашли способов быть в философии философами, – они оставались в ней русскими интеллигентами... как только Белинский начинает говорить своими словами, он срывается и мчится, подгоняемый центробежною силою, прочь от философии в пустоту «мировоззрения» [Шпет: К вопросу о гегельянстве Белинского, С. 181, 178]. Вот здесь вновь уместно продолжить содержательный критический спор с Г.Г. Шпетом, начатый нами выше применительно к проблеме «национальных просвещений», диалога «национальных философий», «прагматики» и «чистоты» европейских философий.

Зададим первый вопрос (он же и критический аргумент): разве, например, французская философия эпохи Просвещения* [См.: Бабинцев, Римский, С. 16-28; Бондаренко, Римский, С. 33-42.] не была сплошь и рядом литературно-критической, политизированной и морализирующей? Тогда, чем литератор и публицист В.Г. Белинский хуже публициста и литератора Вольтера, написавшего в защиту философов-просветителей даже пьесу «Кафе, или Шотландка», или литератора-резонёра Руссо, завалившего европейских читателей скучными сентиментальными моралистическими романами? Ответ очевиден...

Из французских просветителей лишь эмпирик и математизирующий рационалист Даламбер пытался уйти «от «Энциклопедии» к новым формам организации и утверждения интеллектуальной и научной власти – большим академиям» [Рикуперати: Человек Просвещения, С. 22], в то время как все остальные оставались приверженцами публицистики и литератору, т.е. оставались в смысловом поле притяжения таких коммуникативно-институциональных организаций, как газеты и журналы.

С немецкой философией несколько иное: за исключением Гёте, Шиллера и романтиков, дискурсы которых совместили литературно-художественную образность и философскую концептуальность, из классиков лишь Гегель в молодости прошёл через искушение работы в газете. *Немецкая философия по преимуществу пребывала в университете, университет же создавая и охраняя.* Даже такие публицисты и литераторы, как Шопенгауэр и Ницше, прошли основное интеллектуальное становление в университете на академическом поприще. Но и к немецким «классикам» возникает не менее каверзный вопрос: разве Гегель не создавал свою философскую систему в качестве «чистого», философско-логического обоснования религии и протестантской Реформации, преимуществ прусской конституционной монархии в сравнении с французской революционной республикой, что и заметили в своей критике гегелевской системы младогегельянцы и юный Маркс? Разве философия Канта или Фихте не была гносеологическом обоснованием протестантского морализма, что подметил и сам Г.Г. Шпет в исследуемой нами статье и в других работах?

Дело в том, что это была эпоха перехода от «классического модерна» и раннего капитализма к модерну развитому и капитализму «империалистическому», от «научного просвещения» к откровенной новой, современной рациональной мифологии, когда особую роль начинают играть средства массовой коммуникации и новые технологии манипуляции сознанием. И всё начиналось уже в эпоху Просвещения, приобретая порой даже вульгарные, гротескные формы. «Важность приобрела не только генерация идей, – пишет Дж. Рикуперати, – но и их циркуляция, их внедрение. Это благоприятствовало развитию

* Да и в XIX веке во Франции, за исключением О. Конта и А. Бергсона – сплошь утописты типа А. Сен-Симона да «философские литераторы» вроде гениального О. де Бальзака! Не отстал и XX век: один Ж.-П. Сартр чего стоит... Здесь очевидна культурно-типологическая близость французской и русской культур и философий с их болезненным обсуждением проблемы «интеллектуалов» и «интеллигентов».

книжного дела, которое просвещало читателей, поставляя им продукцию двусмысленного свойства: *философию* в ней не всегда можно было отличить от *порнографии*. Расширение сферы действия книги подтверждалось не только цифрами тиражей или числом проданных экземпляров, но также появлением сочинений, отражающих чисто народный менталитет. Среди них встречались такие ошеломляющие и удивительно глубокие произведения, как автобиография парижского стекольщика Жака-Луи Менетра, повествовавшая о его пути в Революцию. В ней было рассеяно множество свидетельств знакомства автора с радикальной культурой, например со знаменитым «Трактатом о трех самозванцах». Стремясь превратить свои записки в «образцовую биографию», профессиональный подмастерье Менетра посягнул на жанр, который до той поры казался монополией «высокой» культуры. Поощряя к совершенствованию не только искусства, но и ремесла, действенный разум «спустил» этот жанр в народную среду» [Рикуперати: Человек Просвещения, С. 19]. Здесь мы выходим на такую проблему, как роль социальных институтов в формировании индивидуального и общественного сознания и значение институциональной методологии (социологии знания) в историко-философских и системных философских исследованиях.

И, как мы видим, первым её поднял не М. Шелер, не К. Манхейм, не социологи Франкфуртской школы, а именно Г.Г. Шпет, не называя свой институциональный метод «социологией знания». В советской философии эти идеи возродятся в 60-е годы XX века в русле советского «творческого марксизма». В частности, в работах М.К. Петрова, который в своей статье, упоминаемой выше, и в других работах писал не только о методологическом сопряжении «реалистической истории» философских идей и «номиналистической истории» философов-людей, но и связывал историко-философское исследование с институциональными, «тезаурисными факторами»* [См.: Огурцов: Наука и образование в перспективе..., С. 53], предполагающими включение в контекст историко-философской экспликации истории науки и университетов, способов инкорпорации научно-дисциплинарных достижений в образовательный процесс.

Институциональный метод в историко-философских исследованиях в те годы отставали и другие советские философы. Особенно в этом плане показательной стала статья М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьева и В.С. Швырева «Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии», опубликованная первоначально на страницах журнала «Вопросы философии», а затем в сборнике [Мамардашвили 1972, С. 28-94], и удостоенная, как и статья М.К. Петрова, чести быть проработанной на самом высоком партийном уровне. Авторы, как и М.К. Петров, и другие советские философы (Н.В. Мотрошилова, А.Н. Ерыгин, Т.П. Матяша, А.В. Потёмкин, Е.Я. Режабек и ещё ряд учёных [См.: Социология науки, 1968; Социальная природа познания, 1979]), пытались найти более гибкие версии марксистской «социологии знания», вводя между «общественным бытием» и «общественным сознанием» третье «звено» – «духовное производство» с его многообразными институциональными и стратификационными измерениями. Они и применяли институциональный метод в историко-философских исследованиях.

Но что такое «социальные институты»? Под социальными институтами (от лат. *institutum* – установление, устройство, обычай) [Быченков: Институт социальный, С. 124-125; *Social Institutions // Stanford Encyclopedia of Philosophy*] мы понимаем исторические сложившиеся способы организации совместной жизнедеятельности людей, общезначимые и самовоспроизводящиеся культурные практики, удовлетворяющие специфические потребности коллективных или индивидуальных субъектов и, тем самым, выполняющие определенные роли и функции по сплочению общества как социокультурной системы, которые влияют на поведение человека посредством правил, культурных образцов, привычек, типов мышления, моделей поведения, норм, ценностей, идеалов, и т.п.

К социальным институтам можно отнести такие способы самоорганизации людей, как семья и род, этнос и нация, обычаи и язык, литература и газеты, искусство и театр, университетские корпорации и общеобразовательные школы, наука и церковь, право и государство и т.д. Все они связаны, так или иначе, с социальными структурами (сословиями, классами, профессиональными группами и т.п.), но являются более устойчивыми культурно-историческими образованиями, имеют длительную жизнь, переживая иногда все «общественно-экономические формации» и сопротивляясь всяческому новшествам

* Под тезаурусом М.К. Петров понимал «естественный национальный язык, который обеспечивает общесоциальную коммуникацию».

(например, язык и семья, школа и церковь). При таком многообразии институциональных формообразований мы в растерянности можем опустить руки, не зная, с чего начать в историко-философском исследовании. Наверное, всё это институциональное многообразие очень трудно даже «иметь в виду» в контекстах интерпретации той или иной философской системы или идей конкретных философов.

Уже тогда были попытки сосредоточиться на более узком понимании «институциональных факторов», связав их с таким феноменом, как «духовное производство» (ещё один эффективный эпистемологический концепт «творческого марксизма» в советском философско-смысловом поле). «Структура духовного производства, – писали М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьева и В.С. Швырев, – обнаруживает себя (и соответственно может быть зафиксирована и подвергнута анализу) двояким образом: с одной стороны, в качестве особых социальных образований и отношений (типичные для данного общества формы разделения, обособления умственного и физического труда, *экономическое положение и социальный статус интеллигенции, институты, в которых организуется духовная деятельность, формы трансляции знания и культуры* (здесь выделено нами – авт.) в обществе и т.д.); с другой стороны, в качестве особой *организации субъективности* самого агента духовного производства. Речь идет о переживании индивидом, осуществляющим духовную деятельность, своего объективного социального положения, своей «роли мыслящего» – переживании, которое отливается не просто в те или иные «настроения», «душевные состояния», а в предельно формальные и абстрактные представления об отношениях между сознанием и самосознанием, мышлением и субъектом мысли; постушком и реализующимся в нем намерением и т.д.» [Мамардашвили, Соловьев, Швырев, С. 33.]. Здесь уместно задать вопрос: неужели институциональный метод был утрачен в постсоветской российской философии, увлеченной переоценкой ценностей и усвоением новомодных философско-мыслительных практик? Нет, это не совсем так.

В последние четверть века традиции социологии знания в исследовании истории философии, развивает, в частности, В.А. Куренной [См.: Куренной: Философия и институты... С. 54-83; Куренной: К вопросу о возникновении... С. 156-182; Куренной: Заметки о некоторых проблемах... С. 3-29; Куренной: Уединение университетского философа, С. 63-75; Куренной: Философский проект «Логоса»... С.13-72], один из основателей такого институционального проекта современной философии, как журнал «Логос», ведущего недвусмысленный диалог с дореволюционным «Логосом» и его евро-ориентированной философской установкой. Его работы интересны вдвойне: он не только рассматривает проблемы методов историко-философских исследований (прежде всего институциональный метод), но и применяет их в интерпретации истории европейской и отечественной философии, в том числе и в интересных институциональных и биографически-контекстных реконструкциях эволюции феноменологии в Европе и России (философия Г.Г. Шпета также присутствует в его работах).

В.А. Куренной обращает внимание в рамках развиваемой им «социологии философского знания» на ограниченность «истории идей», критико-имманентного метода и «канонической текстологии»: «Существующие способы трансляции и развития философской мысли в основной своей части организованы таким образом, что поддерживают представление об определенной внеисторической и внесоциальной тождественности дискурсивных образований в этой сфере. Когда говорится, например, о таких философских направлениях, как теория науки или феноменология, предполагается, что существует некоторое устойчивое концептуальное образование, которое хотя и окрашивается в соответствии с тем социально-культурным контекстом, в котором оно оказывается, однако продолжает сохранять определенную идентичность. Предполагается также, что философская проблематика как таковая может быть вычленена и усвоена в ходе внимательного аналитического прочтения определенных произведений, имеющих систематический и теоретический характер. Сам по себе этот способ экспликации философских проблем является значимым социальным и дискурсивным фактором, оспаривать который на теоретическом уровне – означает игнорировать его природу, включающую в себя как идейно-теоретическую, так и социально-институциональную компоненту» [Куренной: Философия и институты... С. 54]. Здесь, отмечает он, возможны казусы, когда интересы «чистой науки» и её этика, определяемые следованием «философской традиции», т.е. «истории идей», вступают в противоречие со статусно-корпоративными ценностями, карьерными и прагматическими, что и показано им на примере жизненной ситуации Гуссерля с использованием «архива эпохи», переписки Гуссерля и Brentano [Куренной: Философия и институты... С. 59-61]. Это, кстати,

ещё одна иллюстрация к тому, что и немецкая (Брентано – австрийская) философская традиция находилась в напряжении между «чистой наукой» и «прагмой», чего не захотел усмотреть, к сожалению, Г.Г. Шпет в своих работах по истории русской философии.

К сожалению, В.А. Куренной, как и другие авторы, переносит, по нашему мнению, на взаимоотношение критико-имманентной и институционально-контекстной методологии принципы истории и социологии *науки*, понимая философию, как и Гуссерль, в качестве «исключительно науки», что не совсем так* [Порус: Спор о рационализме... С. 146-167], ибо история философии отличается от истории науки и не совсем с нею совпадает. Этот момент связан у всех «феноменологов», с сознательной или неосознаваемой абсолютизацией институционального фактора и его сведением в основном к рассмотрению «университетской академической корпорации» (причём, в её идеализированной «гумбольдтовской версии», отличной и от российских, и от британских, и от французских, и от североамериканских университетских моделей) и близкой «журнально-издательской среды» в истории философии, что порождало и будет генерировать всегда иллюзии в понимании философии в качестве «науки». Это и есть «диатрибическая философия» (кстати, слово «диатриба» любил употреблять Г.Г. Шпет) и профессорская трактовка её специфики [См.: Потемкин, 2003].

Но вернёмся к философии Г.Г. Шпета, так как именно он, задолго до К. Манхейма и, возможно, параллельно с М. Шелером (было ли здесь влияние последнего, так Г.Г. Шпет мог с ним встречаться в Германии?) [Манхейм, 1994; Шелер, 2011], ввёл принципы институциональной методологии не только в историю философии, но и в разработку собственной положительной философии. Конечно, в адрес «Очерка развития русской философии» выдвигали много контраргументов, в том числе и достаточно веских, как сторонники, так и противники шпетовской версии истории русской философии. Мы также могли бы дополнительно привести массу критических и обоснованных аргументов против некоторых шпетовских положений в интерпретации истории русской культуры (например, чего стоит сведение им, тонким лингвистом и филологом, старославянского языка к некоему «болгарскому» и их не отличие от «церковно-славянского»). Для нас сейчас главное не «эмпирические факты» и даже не шпетовский «отрицательный приговор» дореволюционной русской философии, а та методология, которую он разрабатывал и которую мы не усвоили до сих пор. И которую нам надо усвоить, чтобы вновь не изобретать новое, которое есть хорошо (чаще – плохо) забытое старое...

Именно в «Очерке развития русской философии» Г.Г. Шпетом был применён в достаточно полном объёме институциональный метод исследования истории философии. Он вводит в методологию историко-философского исследования учёт таких институциональных факторов, как «национальный язык», «церковь», «образование», «наука», «университеты», «журналы», «политическая власть и государство», «элита» (типы интеллигенции) и т.д. Всё это можно объяснить его интеллектуальной инкорпорацией достаточно эффективных объяснительных и дескриптивных схем «исторического материализма», которым он увлекался в годы обучения на физико-математическом факультете в Киеве, а потом объективно наблюдал за «эволюцией марксизма».

Если учитывать реализацию в текстах Г.Г. Шпета институционального методологического измерения истории русской философии и специфики самой философии как «чистого знания», то тогда будет понятной неуместность иронии В.В. Зеньковского, прозвучавшей в его «Истории русской философии» [Зеньковский, С. 135] по поводу следующей шпетовской (якобы!) «апологии марксизма» в «Очерке развития русской философии»: «Что касается историчности или неисторичности моих суждений, то тут вопрос сложнее и более спорен. Историчность или неисторичность определяется не характером оценок и не изображением фактов, а введением их в должный «контекст», установлением и выбором этого контекста. Здесь самый простой, хотя методологически еще не оправданный путь есть путь *объяснения*. И едва ли в этом смысле можно найти что-нибудь удобнее марксизма. Я хотел бы быть марксистом... Но я всяких объяснений избегал, зато от интерпретации, от усилия «дать понять» не хотелось отказываться. Ближайшим контекстом в таком случае для моей темы было бы

* Над этим, кстати, задумывался и Г.Г. Шпет под влиянием Л. Шестова.

развитие у нас просвещения и науки вообще. Но и здесь я свою задачу сузил и сгустил, чем, не знаю, достиг ли нужной ясности. Мне не хотелось входить в эмпирию культурно-бытовой среды истории, хотелось оставаться в сфере философского и философско-исторического освещения нашей культуры. Насколько я преодолел возникшие с такою постановкою вопроса затруднения, судить мне еще трудно. Мне мысль ясна, но в изложении своем темноты я различаю, тем более, что, как теперь я убеждаюсь, основная моя идея развития и смены интеллигенции, не будучи конечной инстанцией, может вызвать у читателя потребность в новых и более детальных разъяснениях» [Шпет: Сочинения, С. 13-14]. Здесь уместно видеть, как учёт достижений «исторического материализма», так и отличие шпетовского «социального реализма», предполагающего последовательный диалог-диалектику герменевтико-феноменологической методологии в историко-философском исследовании и в создании собственной «положительной философии».

Остаётся только сожалеть, что в своё время прекрасные советские философы прошли мимо столь многогранно и филигранно разработанной философской (и социально-гуманитарной) методологии Г.Г. Шпета. Но их вины в том нет в виду недоступности текстов Г.Г. Шпета вплоть до конца 80-годов прошлого века. Надо сожалеть о том, что мы сейчас мало следуем шпетовским урокам.

Список литературы References

1. Бабинцев В.П., Римский В.П. Матрица русофобии и ментально-антропологические типы русской интеллигенции // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №16 (159). Вып. 25. Белгород, 2013. С. 16-28.
Babintsev V.P., Rimskiy V.P. Matritsa rusofobii i mental'no-antropologicheskiye tipy russkoy intelligentsii // Nauchnyye vedomosti BelGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo». №16 (159). Вып. 25. Belgorod, 2013. S. 16-28.
2. Белonenko Е.О., Римский В.П. Время в самоидентификации модерна // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №2 (199). Вып. 31. Белгород, 2015. С. 65-80.
Belonenko Ye.O., Rimskiy V.P. Vremya v samoidentifikatsii moderna // Nauchnyye vedomosti BelGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo». №2 (199). Вып. 31. Belgorod, 2015. S. 65-80.
3. Белonenko Е.О., Римский В.П. Капитализация времени в цивилизации модерна // Наука. Искусство. Культура. Рецензируемый научный журнал БГИИК. №1 (5). Белгород, 2015. С. 5-24.
Belonenko Ye.O., Rimskiy V.P. Kapitalizatsiya vremeni v tsivilizatsii moderna // Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. Retsenziruyemy nauchnyy zhurnal BGIK. №1 (5). Belgorod, 2015. S. 5-24.
4. Бондаренко Е.А., Римский В.П. Интеллектуальный труд и духовное производство: философско-методологическая экспликация понятий // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №2 (173). Вып. 27. Белгород, 2014. С. 33-42.
Bondarenko Ye.A., Rimskiy V.P. Intellektual'nyy trud i dukhovnoye proizvodstvo: filosofsko-metodologicheskaya eksplikatsiya ponyatiy // Nauchnyye vedomosti BelGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo». №2 (173). Вып. 27. Belgorod, 2014. S. 33-42.
5. Будянская Л.А., Римский В.П. Социокультурные и ментальные контексты Возрождения и Реформации: к методологии исследования генезиса новоевропейской философии // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №2(97). Вып. 15. Белгород, 2011. С. 7-8.
Budyanskaya L.A., Rimskiy V.P. Sotsiokul'turnyye i mental'nyye konteksty Vozrozhdeniya i Reformatsii: k metodologii issledovaniya genezisa novoyevropeyskoy filosofii // Nauchnyye vedomosti BelGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo». №2(97). Вып. 15. Belgorod, 2011. S. 7-8.
6. Быченков В.М. Институт социальный // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2010. С. 124-125.
Bychenkov V.M. Institut sotsial'nyy // Novaya filosofskaya entsiklopediya: V 4 t. M., 2010. S. 124-125.
7. Густав Шпет и шекспировский круг: Письма, документы, переводы. Отв. ред.-сост., предисл., комм., археогр. работы и реконструкция Т. Г. Шедрина. М.; СПб., 2013.
Gustav Shpet i shekspirovskiy krug: Pis'ma, dokumenty, perevody. Otв. red.-sost., predisl., komm., arkheogr. raboty i rekonstruktsiya T. G. Shchedrina. M.; SPb., 2013.
8. Зеньковский В.В. История русской философии. Т. I. Ч. 2. Ленинград, 1991.
Zen'kovskiy V.V. Istoriya russkoy filosofii. T. I. CH. 2. Leningrad, 1991.
9. Зеньковский В.В. История русской философии. Т. II. Ч. 2. Ленинград, 1991.

- Zen'kovskiy V.V. Istoriya russkoy filosofii. T. II. SN. 2. Leningrad, 1991.
10. Каменский З.А. История философии как наука. М., 1992.
Kamenskiy Z.A. Istoriya filosofii kak nauka. M., 1992.
11. Каменский З.А. История философии как наука в России XIX–XX вв. М., 2001.
Kamenskiy Z.A. Istoriya filosofii kak nauka v Rossii XIX–XX vv. M., 2001.
12. Каменский З.А. Методология историко-философского исследования. М., 2002.
Kamenskiy Z.A. Metodologiya istoriko-filosofskogo issledovaniya. M., 2002.
13. Кассирер Э. Философия Просвещения. М., СПб., 2013.
E. Filosofiya Prosveshcheniya. M., SPb., 2013
14. Куренной В. Заметки о некоторых проблемах современной отечественной истории философии // Логос. 2004. № 3-4 (43). С. 3-29.
Kurennoy V. Zametki o nekotorykh problemakh sovremennoy otechestvennoy istorii filosofii // Logos. 2004. № 3-4 (43). S. 3-29.
15. Куренной В. К вопросу о возникновении феноменологического движения // Логос. 1999. №11-12 (21). С. 156-182.
Kurennoy V. K voprosu o vznikhovnenii fenomenologicheskogo dvizheniya // Logos. 1999. №11-12 (21). S. 156-182.
16. Куренной В. Уединение университетского философа // Логос. 2007. №6 (63). С. 63-75; Куренной В. Философия и институты: случай феноменологии // Логос 1991–2005. Избранное: В 2 т. Т. 1. М., 2006. С. 54-83.
Kurennoy V. Uyedineniye universitetskogo filosofa // Logos. 2007. №6 (63). S. 63-75; Kurennoy V. Filosofiya i instituty: sluchay fenomenologii // Logos 1991–2005. Izbrannoye: V 2 t. T. 1. M., 2006. S. 54-83.
17. Куренной В. Философский проект «Логоса»: немецкий и русский контекст // «Логос» в истории европейской философии: Проект и памятник. М., 2006. С.13-72.
Kurennoy V. Filosofskiy proyekt «Logosa»: nemetskiy i russkiy kontekst // «Logos» v istorii yevropeyskoy filosofii: Proyekt i pamyatnik. M., 2006. S.13-72.
18. Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5-6; С. 1-32.
Latur B. Dayte mne laboratoriyu, i ya perevernu mir // Logos. 2002. № 5-6; S. 1-32.
19. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб., 2013.
Latur B. Nauka v deystvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva. SPb., 2013.
20. Латур Б. Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии. С-Пб., 2006.
Latur B. Novogo vremeni ne bylo: esse po simmetrichnoy antropologii. S-Pb., 2006.
21. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014.
Latur B. Peresborka sotsial'nogo. Vvedeniye v aktor-no-setevuyu teoriyu. M., 2014.
22. Лосский Н.О. История русской философии. М., 2011.
Losskiy N.O. Istoriya russkoy filosofii. M., 2011.
23. Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире. Философия и наука. М., 1972. С. 28-94.
Mamardashvili M.K., Solov'yev E.YU., Shvyrev V.C. Klassika i sovremennost': dve epokhi v razvitii burzhuaznoy filosofii // Filosofiya v sovremennoy mire. Filosofiya i nauka. M., 1972. S. 28-94.
24. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.
Mankheym K. Diagnost nashego vremeni. M., 1994.
25. Мельник Ю.М. Римский В.П. Время жить и время созерцать... Экзистенциальные смыслы и философское понимание времени в классической европейской культуре. СПб., 2014.
Mel'nik YU.M. Rimskiy V.P. Vremya zhit' i vremya sozertsat'... Ekzistentsial'nyye smysly i filosofskoye ponimaniye vremeni v klassicheskoy yevropeyskoy kul'ture. SPb., 2014.
26. Огурцов А.П. Наука и образование в перспективе тезаурусной динамики (М.К. Петров как философ науки) // Идеи М.К. Петрова и политическая концептология. Сборн. [Электронный ресурс] / редколл.: В.П. Макаренко и др. Ростов-на-Дону, 2007. С. 53. URL: http://polittheory.narod.ru/Library/Petrov_politconcept.pdf.
Ogurtsov A.P. Nauka i obrazovaniye v perspektive tezaurusnoy dinamiki (M.K. Petrov kak filosof nauki) // Idei M.K. Petrova i politicheskaya kontseptologiya. Sborn. [Elektronnyy resurs] / redkoll.: V.P. Makarenko i dr. Rostov-na-Donu, 2007. S. 53. URL: http://polittheory.narod.ru/Library/Petrov_politconcept.pdf.
27. Петров М.К. Историко-философские исследования. М., 1996.
Petrov M.K. Istoriko-filosofskiye issledovaniya. M., 1996.
28. Порус В. Н. Спор о рационализме: философия и культура (Э. Гуссерль, Л. Шестов и Г. Шпет) // Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания. М., 2006. С. 146-167.

- Porus V. N. Spor o ratsionalizme: filosofiya i kul'tura (E. Gusserl', L. Shestov i G. Shpet) // Gustav Shpet i sovremennaya filosofiya gumanitarnogo znaniya. M., 2006. S. 146-167.
29. Потемкин А.В. Метафилософские диатрибы на берегах Кизитеринки. Ростов-на-Дону, 2003.
- Potemkin A.V. Metafilosofskie diatriby na beregakh Kiziterinki. Rostov-na-Donu, 2003.
30. Прокофьев П. (Д.И. Чижевский). Густав Шпет. Очерки развития русской философии. Первая часть. Петербург, 1922. Стр. XVI – 350 // Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания. М., 2006. С. 385-389.
- Prokof'yev P. (D.I. Chizhevskiy). Gustav Shpet. Ocherki razvitiya russkoy filosofii. Pervaya chast'. Peterburg, 1922. Str. XVI – 350 // Gustav Shpet i sovremennaya filosofiya gumanitarnogo znaniya. M., 2006. S. 385-389.
31. Рикуперати Дж. Человек Просвещения // Мир Просвещения. Исторический словарь. М., 2003.
- Rikuperati Dzh. Chelovek Prosveshcheniya // Mir Prosveshcheniya. Istoricheskiy slovar'. M., 2003.
32. Социальная природа познания. Теоретические предпосылки и проблемы. М., 1979.
- Sotsial'naya priroda poznaniya. Teoreticheskiye predposylki i problemy. M., 1979.
33. Социология науки. Ростов н/Д, 1968.
- Sotsiologiya nauki. Rostov n/D, 1968.
34. Чижевский Д.И. Рецензия на Г. Шпета: Очерк истории русской философии. Ч. I. СПб., 1922 (рукопись) // // Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания. М., 2006. С. 390-402.
- Chizhevskiy D.I. Retsenziya na G. Shpeta: Ocherk istorii russkoy filosofii. Ch. I. SPb., 1922 (rukopis') // // Gustav Shpet i sovremennaya filosofiya gumanitarnogo znaniya. M., 2006. S. 390-402.
35. Шелер М. Проблемы социологии знания. М., 2011.
- Sheler M. Problemy sotsiologii znaniya. M., 2011.
36. Шпет Г.Г. История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Изд. 3-е. М., 2011.
- Shpet G.G. Istoriya kak problema logiki. Kriticheskiye i metodologicheskiye issledovaniya. Izd. 3-ye. M., 2011.
37. Шпет Г.Г. К вопросу о гегельянстве Белинского // Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. II. Материалы. [реконструкция, науч. ред., коммент., археограф, работа Т.Г. Щедрина]. М., 2009. С. 100-184.
- Shpet G.G. K voprosu o gegel'yanstve Belinskogo // Shpet G.G. Ocherk razvitiya russkoy filosofii. II. Materialy. [rekonstruktsiya, nauch. red., komment., arkheograf, rabota T.G. Shchedrina]. M., 2009. S. 100-184.
38. Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989.
- Shpet G.G. Sochineniya. M., 1989.
39. Шпет Г.Г. Философское мировоззрение Герцена // Шпет Г.Г. К вопросу о гегельянстве Белинского // Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. II. Материалы. М., 2009. С. 206-298.
- Shpet G.G. Filosofskoye mirovozzreniye Gertsena // Shpet G.G. K voprosu o gegel'yanstve Belinskogo // Shpet G.G. Ocherk razvitiya russkoy filosofii. II. Materialy. M., 2009. S. 206-298.
40. Щедрина Т.Г. Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М., 2008.
- Shchedrina T.G. Arkhiv epokhi: tematicheskoye yedinstvo russkoy filosofii. M., 2008.
41. Щедрина Т.Г. Предисловие // Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. II. Материалы. Реконструкция Т.Г. Щедриной. М., 2009.
- Shchedrina T.G. Predisloviye // Shpet G.G. Ocherk razvitiya russkoy filosofii. II. Materialy. Rekonstruktsiya T.G. Shchedrinoy. M., 2009.
42. Щедрина Т.Г. «Я пишу как эхо другого...»: Очерки интеллектуальной биографии Густава Шпета. М., 2004.
- Shchedrina T.G. «YA pishu kak ekho drugogo...»: Ocherki intellektual'noy biografii Gustava Shpeta. M., 2004.
43. Яковенко Б.В. История русской философии. М., 2003.
- Yakovenko B.V. Istoriya russkoy filosofii. M., 2003.
44. Яковлева Л.Е. Национальные философские традиции: компаративное измерение // Хора. № 3/4 (9/10). Курск, 2009. С. 4-32.
- Yakovleva L.Ye. Natsional'nyye filosofskie traditsii: komparativnoye izmereniye // Khora. № 3/4 (9/10). Kursk, 2009. S. 4-32.
45. Social Institutions // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/social-institutions>.
- Social Institutions // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/social-institutions>.

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 1 (075.8)

КОММУНИКАТИВНАЯ НАУКА КАК «АЛЬТЕРНАТИВНАЯ»: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ

COMMUNICATIVE NAUKA AS «ALTERNATIVE»: PHILOSOPHICAL-METHODOLOGICAL EXPLICATION

Г.Н. Калинина, О.Н. Римская
G.N. Kalinina, O.N. Rimskaya

Белгородский государственный институт искусств и культуры, Россия, 308033, Белгород, ул. Королева, 7
State Institute of arts and culture, 7 Queen St, Belgorod, 308033, Russia

e-mail: galakalinina@inbox.ru; olgarimskaja@rambler.ru

Ключевые слова: наука, культура, коммуникация, научное сообщество, риторический подход, дискурс, альтернативная наука.

Key words: science, culture, communication, scientific community, rhetorical discourse approach, alternative science.

Аннотация. В статье на фоне «коммуникативного поворота» к пониманию и трактовке науки, кульминацией которого выступает «риторический подход», реализуется анализ коммуникативной науки, исследуется роль контекста межличностного общения научных коммуникаций с позиции признания социальности знания и действия.

Resume: Article on the background of the «communicative» turning to the understanding and interpretation of science, which is «a rhetorical approach», implemented by analysis of communicative science, explores the role of interpersonal context scientific communications with position recognition of sociability knowledge and actions.

Сразу же оговоримся: отрефлексировать природу науки и логику развития научной рациональности нельзя, выводя «за скобки» отношения науки с альтернативными стратегиями и оппозиционными формами знания, и, уж тем более, рассматривая науку изолированно от исторического генезиса «других» рациональных и ментально-когнитивных форм мирознания, от социокультурного контекста, в котором они вызревали и которым в известной мере были с необходимостью обусловлены.

Во-первых, потому, что такого типа «превращения» самостоятельно «живут своей жизнью» в системе в виде отдельного, качественно цельного явления наряду с другими, проходя через ряд метаморфоз в своем развитии, и трансформируясь в органическую, не менее сложную и развитую, чем «действующая» наука, конкретно-историческую целостность, только уже другого порядка. Во-вторых, социально-исторический и культурный контекст развития науки позволяет «высветить» взаимозависимость когнитивных и социальных аспектов науки, отношения между наукой и обществом в широком плане, ее представленность в формах коммуникации и духовного производства. Мы рассчитываем также углубить обоснование правомерности расширения интерпретативного и коммуникативного поля научного (по) знания (включая альтернативные, превращенные формы) до его понимания как мира человеческой деятельности и общения [См.: Петров, 1996; Петров, 2004; Огурцов,

2011], что активизирует необходимость новых подходов в области расширенной трактовки границ науки (в том числе и коммуникативных) и толкования научной нормы.

Сегодня достаточно уверенно позиции завоевывает *коммуникативный подход* к науке, в центре которого – осмысление форм контакта, общения между учеными и научными сообществами, что позволяет выявить роль и границы коммуникаций в росте научного знания, определить особенности научного сообщества и дисциплинарных структур знания, раскрыть нормативный характер методологических и этических правил, а также уточнить регулятивность принципа объективности истины и его нарушений. В существенной мере такое внимание к коммуникативным границам можно связывать с радикальными и свежими процессами в современной эпистемологии и философии науки. В их ряду: признание коммуникативной природы познания; многомерного образа реальности, имеющей объективные онтологические основы и отношений дополнительности, взаимодействия между ними; отказ от логического анализа знания в качестве определяющего, единственного и достаточного подхода к пониманию его природы; рождение (прежде всего, в связи с широкой трактовкой рациональности) целого ряда нетрадиционных и активно обсуждаемых в научных кругах методологий.

Напомним, что в истории науки особым вниманием к социокультурным детерминантам познания заметно отличался постпозитивистский этап, приветствовавший многообразие, взаимокритику методологических концепций и утверждающий относительность норм научно-познавательной деятельности. Прежде всего, это концепции Т. Куна, К. Поппера, С. Тулмина, И. Лакатоса, Дж. Агасси, П. Фейерабенда. Притом, оспаривались коммулятивистские и эволюционистские модели развития науки, симпатии и прерогативы отдавались неявным типам знания и тематического контекста.

Понятно, что эти установки «размывали» границы научных (и иных) коммуникаций, делая их менее жесткими и более подвижными, что шло в «разрез» с установками и основными принципами классической теории познания и в качестве альтернативы входило в противоречие с наукой классического типа, с ее традиционным, ортодоксальным пониманием и нормативной трактовкой. Наиболее ярко эти тенденции закономерно проявляются на «афтепостнеклассическом» этапе транснауки как «единого феномена, затрагивающего организацию и научных теорий, и эмпирического базиса науки [Моисеев, 2011: 90].

В рамках бинарной оппозиции ведущих современных подходов к анализу и трактовке науки (эпистемологический и культурно-исторический) формируются *разные образы науки*. С одной стороны, как системы понятий (различного уровня предложений), а с другой – анализ науки как культуры, при том, что общей объединительной тенденцией выступает технологизация мышления и его инструментализация. Данная альтернатива в виде крайних точек на континууме философских концепций науки выступает границей философских концепций структурализма и лингвистического анализа научного дискурса на этапе современного коммуникативного поворота в понимании науки (феномен коммуникативной науки как альтернативной ее модели).

Актуальные на сегодня концепции коммуникативного действия, в большинстве своем изначально ориентированные на «чисто» социологическую рефлексию сегментов социальности, обогатившись достижениями лингвистики, по сути, привели к иному пониманию сообщества» »[Habermas, 1981]. Как отмечает А.П. Огурцов, знание (и культура в целом) были поняты не столько в контексте бытия, не столько в контексте коммуникаций, сколько как совокупность определенных коммуникативных действий» [Огурцов, 2011: 201], оказавшись отрефлексированными в категориях языка «трансцендентальной прагматики» (по Апелю) и языка «коммуникативного действия и сообщества» (по Хабермасу), выйдя за границы их понимания только в контексте коммуникаций. Примечательно, что для теорий коммуникативного действия (и коммуникативного сообщества) изначально были неприемлемыми трактовки (со) знания, редуцировавшие их к феноменам «личностного знания», где приоритеты, как известно, отдаются скрытому, неартикулированному типу знания. Напротив, теоретики коммуникативного действия в основание исследования когнитивных феноменов кладут «социальность» всякого знания и любого действия и коммуникативные сообщества разного рода, реализуя их изучение с позиций такого рода размерности. Эту особенность предельно ясно характеризует А.П. Огурцов, подчеркивая, что подход к изучению когнитивных феноменов с позиций размерности коммуникативного действия и сообщества уже сам по себе кардинально меняет постановку вопросов и способы их решения: знание оказывается одной из функций коммуникативного действия и

сообщества, «личное знание» - видом компетенции, а в нем вычленяются когнитивная база и прецедентные формы, коммуникативность знания предполагает выявление различных форм дискурса – от экспликативного до экспрессивного» [Огурцов, 2011: 202].

Коммуникативное действие, ориентированное на взаимопонимание и предполагающее понимание и признание со стороны «Другого», выступает исходным пунктом анализа знания и культуры и поднимается (от этапа внутринаучного коммуникационного анализа) до уровня осмысления методологии как правил дискурса и коммуникаций. При этом его трансцендентальным условием является принцип универсализации, воплощенный в этике дискурса, нормы которой признаются всеми участниками и образуют его правила. Трансцендентальные предпосылки знания и культуры осмысливаются здесь в терминах предпосылочных «языковых игр» в сфере языкового сообщества. Само же когнитивное и культурное пространство (как совокупность представлений, алгоритмов восприятия, иерархизации, актуализации получаемой носителями конкретного лингвокультурного сообщества информации) образуют понятие когнитивной базы, как совокупности коллективных представлений участников коммуникации). В структуру коммуникации входят также аксиологическое понимание языковых выражений конкретным лингвокультурным сообществом и расширение процедуры понимания до осознания смысла алгоритма поведения.

Итак, на уровне предварительного обобщения можно констатировать.

Во-первых, очевидный поворот неклассической науки к изучению и анализу коммуникации радикальным образом трансформировал историографию гуманитарного и естественнонаучного знания. Это выражается в изменении прежней традиционной ситуации в сфере достижения научной новации в сторону признания роли «обмена дарами» между учеными как важнейшего первичного социокультурного и коммуникативного акта, лежащего в основании всех обществ. Под эгидой коммуникативного поворота в науковедческих исследованиях и в методологии гуманитарных наук вообще произошел переход к изучению различных форм когнитивного обмена между научными и другими эпистемологическими сообществами – так зазываемые «зоны обмена» информацией («коридорная ситуация», по М.К. Петрову), где, в частности, изучалось взаимоотношение науки с гражданским обществом.

Во-вторых, кардинальные изменения затронули также природу процедурного объяснения генезиса научного знания. В том смысле, что, как уточняет А.П. Огурцов, «теперь трансцендентализм выражается в исследовании условий и возможности коммуникативного сообщества (языкового, прежде всего), в анализе коммуникаций и дискурса» [Огурцов, 2011: 194], а сам трансцендентальный субъект «распался» на микросообщества, образующие между (и внутри себя) различного уровня и типа коммуникации.

Кроме того, на фоне проблематизации статуса теорий как репрезентаций (постструктуралистский подход) сомнению подвергся статус языка как репрезентации мира. Была обоснована его онтологичность в качестве важного фактора по формированию категоризации мира, а концепции лингвистической относительности, «сошедшие с арены», были восполнены концептуальным обоснованием онтологической относительности.

Кульминацией коммуникативного поворота стал так называемый «риторический подход» с характерным обращением к средствам неориторки и утверждающий ее значение в росте науки. Как известно, на роль риторики в росте науки определенно указал в П. Фейерабенд, показав значение аргументации в утверждении новой теории, что по сути означало новое видение научного знания и, следовательно, новые области философской проблематики и методологии науки, в числе которых были пересмотр идеи истинности научного знания во имя утверждения его правдоподобности; отказ от стандартна различения контекстов «открытия» и «оправдания»; осмысление процедур аргументирования, а не акта доказательства и др.

Примечательно, что в последнее время в «свете» названного «сдвига» в области философии науки заметен поиск универсального медиатора актов коммуникаций, восходящий к этапу постмодернистской философии науки. Дилемма выливается в постановку вопроса-выбора между неизменными стандартами (или практиками) рациональности (объективизм, догматизм), с одной стороны, и произвольным предпочтением одного множества стандартов (практик) конкурирующим множествам (релятивизм). В качестве универсального стандарта, избегающего обеих крайностей, рассматривается идея «присутствующего разума» (как совокупность научной аргументации, задающей границы

понимания мира через достижения консенсуса в научном сообществе). При том, однако, что он обретает параметры некоего «безличного мира», создающего условия для желаемого согласия. Сама же идея «присутствующего разума» резюмируется (и, соответственно, направлена) на построение теоретического дискурса «на основе универсального аргумента».

То есть, мы видим, что определенные предпосылки для распредмечивания научной области создаются (и стимулируются) под непосредственным влиянием культуры постмодернизма, отличительной чертой которого, как было показано, является приоритет языка над опытом – «вне текста не существует ничего». Предлагается заменить модернистскую теорию познания («предрассудок» эпохи Просвещения, претендовавший на получение объективной истины) «риторической философией», основанной на принципе «диалога – беседы». Сказанное выступает основанием для тезиса (в постмодернистской виртуальной реальности) «об исчезновении» объекта науки и о необходимости рассматривать процесс познания не как диалог между субъектом и объектом, а как диалог между текстами. В связи с таким пониманием роли языка в познании придается большое значение проблемам интертекстуальности и деконструкции. Предполагается, что в ходе такого диалога происходит как бы растворение суверенной субъективности автора текста в текстах-сознаниях, составляющих «великий интертекст», в результате чего культура воспринимается единый интертекстом.

В значительной мере новый тип науки (и, соответственно, научной рациональности) задает когнитивная стратегия постмодернистской парадигмы, провозглашающая легитимность плюралистического видения реальности и множественность познавательной деятельности. Она ориентирована на потребности «постмодернистского» сообщества с присущим ему многообразием ценностных ориентаций, горизонтов ожиданий, спектров интересов, где сознательное апеллирование к различным слоям потребителей продукции является важным условием выполнения научным сообществом своих коммуникативных функций, склоняя исследователя на «искусство многоязычия». Тот же факт, что в известной мере наука утрачивает функцию построения картины мира, объясняет озадаченность научного сообщества поисками новых оснований для реконструкции категории «рациональность», чтобы на основе переосмысления роли рационального в процессе познания задать его новые границы и горизонты в соответствии с требованиями, выдвигаемыми современной научной практикой. Причем, в рамках постановки данной задачи предлагаются различные варианты и модели ее современного решения. «Ставка» делается на методологическое мышление, которое, производя синтез рациональности, порождает новые формы человеческого мышления и деятельности, основанные на признании первичной ценности разума над другими формами познания.

В сфере анализа современного научного знания утверждается подход, согласно которому «понимание» научной ситуации может быть достигнуто нетрадиционными способами. Здесь симпатии и прерогативы отдаются таким понятиям, как правила, контроль, контекст, программа, «идеал естественного порядка» и другим, рождается целый ряд нетрадиционных методологий. Все чаще прообразом новой рациональности становится смесь духовности и религиозности, релятивизм, синергия и другие варианты. Свою «новую» форму научная рациональность обретает через разработку философских категорий (герменевтика, топосы, гуманистическая и другие), Внимание исследователей науки фокусируется на возникновении нового знания из вненаучной сферы, причем, эти тенденции не рассматриваются более как аномалия. В отраслевых науках создаются новые (в том числе псевдонаучные) парадигмы, с целью произвести наиболее полную «сборку» научной картины мира. По мнению значительной (если не основной) части методологически рефлектирующих исследователей, ставится под сомнение сама научная реальность как таковая, а границы науки становятся зыбкими и легко разрушаемыми. Утверждается, что постмодернизм представляет «рациональность особого рода», образ мышления, основным принципом которого является положение, что предмет и субъект исследования выступают равноправными творцами действительности, а исходным пунктом – утверждение «*affirmo – ergo est*» («утверждаю, значит, так есть») (хотя, по сути, субъекта в постмодернизме нет, он «умер»).

То есть, специфика постпозитивистского этапа, делая разворот в сторону внимания к социокультурным детерминантам познания, провозглашает многообразие методологических концепций с их взаимной критикой, утверждает относительность норм научно-познавательной деятельности, оспаривает куммулятивистские и эволюционистские модели

развития науки, отдавая должное месту, роли и значению неявного типам знания и тематического контекста. В целом постмодерн «размывает» границы коммуникаций (тем самым и границы науки), в направлении их мягкости, аморфности и динамичности.

Как таковой, коммуникативный поворот в истории науки привел к уяснению значимости логических правил аргументирования науки для многообразных форм коммуникаций внутри научного сообществ и между ними. Негативная же часть этой «работы» оказалась чреватой деконструктивистской историографией науки, «замыканием» рациональных реконструкций истории науки преимущественно в пределах герменевтически истолковываемых коммуникаций между учёными. По большому счету, с коммуникативным поворотом в сегменте философии науки разрушаются всякие надежды на освоение наукой реальности и на изучение самой науки в этой перспективе, отказ от метаисторических и транскультурных определений науки и понимания ее границ, соответственно. Вероятно этим отчасти объясняется характерное для последнего периода неприятие этой деконструктивистской программы и начинается поиск универсальных и актуальных посредников коммуникации, единых норм и правил, создающих «безличный мир» рациональности (то есть её критериев, стандартов, регулятивов и методов).

Представляется симптоматичным, что сегодня на общем фоне альтернативных подходов к анализу науки, разворачивающих свои дискурсы в «полях притяжения» постмодернизма и утверждающих приоритетность границ коммуникативно понимаемой рациональности, набирает силу движение по переосмыслению ряда установочных идей (прежде всего, идеи «смерти автора и авторства» в позитивном направлении). По всей видимости, в настоящий момент начинается новый круг возврата к идее универсальности, ориентации на поиск универсальных норм и правил, в том числе и касающихся и научных коммуникаций. Причем, показательно, что осмысление радикальных новаций и тенденций, на границах столь сложного объекта рефлексии, каким является наука, ее сегодняшнее изучение именно с коммуникативной стороны, ощущает достаточно прочную «почву под ногами», нежели у истоков данного движения.

Поскольку современная наука предоставляет большой диапазон возможностей привлечения самых различных методов ее изучения, позволяющих полноценно осмыслить формы и стороны научной коммуникации, постольку эти процессы способствуют эффективности анализа коммуникативных границ научного знания, «альтернативной науки» на этапе (и с учетом особенностей) коммуникативного поворота в философии и истории науки. Так же они будут способствовать «вхождению» науки в культуру, извлечению пользы понимания науки как культуры [Калинина, 2012: 225].

Иначе говоря, в рамках коммуникативного подхода к анализу науки феномен альтернативной науки понимается как коммуникация, «освещенная» контекстом коммуникативного взаимодействия, нагруженного интенциональными смыслами и установкой на равноправное сознание Другого, а само (любое) коммуникативное взаимодействие обусловлено контекстом общения, присущего природе науке как таковой. И если мы признаем, что наука «соткана» из множества живых диалогических нитей в пространственно-временном континууме, то мы, тем самым должны понимать: научное знание оказывается направленным взаимодействием различных актов полагания смысла на границах с другими смыслами, достигнутыми через взаимопонимание в условиях диалогической коммуникации. Иначе говоря, научное исследование становится коммуникативным процессом, интерференцией актов коммуникации, подчиненной алгоритму взаимодействия членов научного сообщества, где нормы и образцы обеспечивают устойчивость научного знания, отлагаясь в системе дисциплинарной структуры науки, ее идеалах и стандартах научности.

Своеобразный «культурно инспирированный протест» против отождествления Разума с его упрощенной моделью (а не бунт иррационализма против диктатуры разума) содержала в себе романтическая модель альтернативной науки с характерной критикой «чистого» рационализма. Причем, это было не просто альтернативное движение, в центре критики которого оказалась ньютоновская наука, но вполне оправданная реакция на трудности и противоречия механистической картины мира, в которой не было удовлетворительного ответа на культурно обусловленные вопросы о природе и смысле человеческого существования, где из научной картины мира «выпадало» основное важное звено – *человеческая экзистенция*, а в мире вещей правил жесткий детерминизм. Это был симптоматичный вызов-протест против уравнивания человека с предельно

рационализированной природой и понимание важности наполнения новыми смыслами ценностного статуса свободного и целеустремленного творчества. Заметим, что противостояние романтической модели альтернативной науки «ньютоновской» (в дальнейшем – «классической») стратегии обнаруживает себя и сегодня в различных формах возобновления интереса к отвергнутым наукой идеям, обретая свое инобытие в отличных от научной сферах и нетрадиционных познавательных «нишах», в то время как идейная атмосфера романтической науки освещалась благородной идеей безграничных возможностей человеческого разума не в меньшей, в даже большей степени, чем рациональная наука ньютоновского образца и в значительной мере вдохновлялась ими.

На этапе постмодернистской культуры движение альтернативной науки выступает специфической (как правило, конфликтной) оппозиционной структурой между «научными коммуникациями и властью, старыми (традиционными) и новыми (альтернативными) формами коммуникации. Хотя анализ культурно-исторических, социальных и идеологических предпосылок альтернативной науки удостоверяет ее генезис как закономерной и правомерной по своей сущности реакции на одиозные формы организации науки и системы научного знания, как выражение неприятия роста инстанций власти внутри (и вовне) науки. Причем всегда формообразующим ингредиентом движения за альтернативную науку выступало (и является теперь) научное сообщество, понимаемое как коммуникация равноправных участников исследования и диалога, и представленное (по мере развития форм институционализации науки) в разных формах коммуникационного взаимодействия ученых. Надо сказать, что Формы коммуникации варьировались и трактовались (за всю историю науки) по-разному: «невидимая коллегия», университеты, академии, сеть научных обществ (королевское научное общество); также вынашивалась идея учреждения общеевропейской коммуникации ученых, в русле создания европейской системы коммуникаций в XVII в. Это был определенный тип коммуникации – «незримые коллегии», с доминированием принципа неформальных отношений в среде европейских ученых. Сегодня его аналогом выступает сеть коммуникативных объединений как альтернатива формальной, институциональной организации науки («научные школы», «невидимые колледжи», «сплоченные группы», «социальный круг» и другие функционирующие в общенациональных (а не только на местах) масштабах, но на тех же принципах построения, неформальные межличностные коммуникации).

Культурно-идеологическая база альтернативного типа науки определяется как контридеология в отношении науки как системы власти и относительно институционально организованной «Большой науки», а сама конструкция научной коммуникации выступала и играла роль фундаментального пласта науки. Сила и социальная роль этого альтернативного движения состояла в наличии межличностного пласта – научных коммуникаций между учеными, который всегда несет в себе эвристический потенциал, имеющий первостепенной важности значение в плодотворном развитии науки, обеспечивая ее неисчерпаемые горизонты. Вместе с тем границы ее идеологии были заключены в «узкие», с оттенком маргинальности, границы альтернативной (и уже потому неэффективной) контридеологии, носителями которой были и романтики, а также совокупный сегмент недовольных формами общения в социальном институте науки (несмотря на их принадлежность к таковому). К сожалению, последняя тенденция, набирая силу, увела (и уводит сегодня) науку по пути отказа от «живого», межличностного общения, подменяя его все в большей мере опосредованной научной коммуникацией, удельный вес которой идет по восходящей линии, вплоть до сегодняшнего дня, как негативный пример «чисто внешних» связей и все большего втягивания научное сообщество в систему легитимной власти.

Таким образом, границы науки в ее специфическом коммуникативном понимании определяются и существуют в плоскости отношений, которые задаются внутренними нормами коммуникативного научного сообщества как определенного, исторически сложившегося в формах коммуникации «набора» когнитивных правил, формирующих алгоритм общения и поведения всех членов-участников коммуникации. Сегодня *модель сосуществования* как «альтернативно-оппозиционной», так и государственной науки обогащается пониманием факта значимости контекста межличностного общения между коммуникативными сообществами как «генетической» составляющей природы науки как таковой.

В результате внешние границы коммуникаций выстраиваются на основе взаимодополнительности, а их визуализация фиксируется через сопряжение всех единиц

коммуникативного сообщества, понимаемого в качестве единой, коррелирующей друг с другом, множественной целостности. Такая модель, по нашему мнению, положительно работает на оптимизацию эвристического ресурса научного знания как двигателя прогресса. Однако нельзя с такой же очевидностью отрицать наличие напряженной оппозиции между «альтернативного типа» наукой (в «лице» контридеологии), с одной стороны, и «хорошей», официальной наукой, традиционно аккумулирующей и опосредующей «заданные» интересы легитимной власти и иных идеологически насыщенных структур, с другой.

В целом же мы считаем, что по отношению к альтернативному знанию и неортодоксальным познавательным формам разумно было бы попытаться возвыситься до уровня понимания «множественного» как многообразия форм, спаянных в конечном счете единством значения [Кассирер, 1995: 202]. Определенную матрицу такого понимания задает сегодня сама культура модернити. В наши дни особенно важно укрепиться в сознании того, что чем богаче явлено многообразие мира культуры (и с этих позиций – науки), тем сильнее связано оно в единстве (нет необходимости, преломляя эту проблему в теории познания, настаивать на обратном). Не менее важно при этом не потерять в сегодняшней плюралистичности путей и форм единой в своей сущности познавательной перспективы; при том, что рефлексия относительно будущего науки однозначно видится нам на пути выхода в широкую сферу культуры.

Список литературы References

1. Ильин В.В. Проблема начала науки // Вопросы истории естествознания и техники. М., 1984. № 2. С. 34-42.
Il'in V.V. Problema nachala nauki // Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki. M., 1984. № 2. S. 34-42.
2. Калинина Г.Н. Границы науки и превращенные формы знания. Монография. Белгород, 2012.
Kalinina G.N. Granitsy nauki i prevrashchennyye formy znaniya. Monografiya. Bel-gorod, 2012.
3. Кассирер Э. Философия символических форм: введение и постановка проблемы // Культурология. XX века. Антология. М., 1995.
Kassirer E. Filosofiya simvolicheskikh form: vvedeniye i postanovka problemy // Kul'turologiya. KNKH veka. Antologiya. M., 1995.
4. Моисеев В.И. Транснаучные измерения биоэтики / Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 5. М., 2011.
Moiseyev V.I. Transnauchnyye izmereniya bioetiki / Bioetika i gumanitarnaya eks-pertiza. Vyp. 5. M., 2011.
5. Неретина С.С. Тропы и концепты // Библиотека svitk.ru. URL: http://svitk.ru/004_book_book/17b/3664_neretina-tropi.php.
Neretina S.S. Tropu i kontsepty // Biblioteka svitk.ru. URL: http://svitk.ru/004_book_book/17b/3664_neretina-tropi.php.
6. Огурцов А.П. «Философия науки. Двадцатый век. Концепции и проблемы: В 3 частях». СПб., 2011. Ч. 3.
Ogurtsov A.P. «Filosofiya nauki. Dvadsatyy vek. Kontseptsii i problemy: V 3 chas-tyakh». SPb., 2011. CH. 3.
7. Петров М.К. Историко-философские исследования. М., 1996.
Petrov M.K. Istoriko-filosofskiye issledovaniya. M., 1996.
8. Петров М.К. История европейской культурной традиции и её проблемы. М., 2004.
Petrov M.K. Istoriya yevropeyskoj kul'turnoj traditsii i yeyo problemy. M., 2004.
9. Потемкин А.В. Метафилософские диатрибы на берегах Кизитеринки. Ростов н/Д, 2003.
Potemkin A.V. Metafilosofskiye diatriby na beregakh Kiziterinki. Rostov n/D, 2003.

УДК 377.09

**ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД
И ПРИНЦИП РЕФЛЕКСИВНОСТИ В НАУКЕ****THE ACTIVITY APPROACH AND THE PRINCIPLE OF REFLECTIVITY
IN SCIENCE****А.Д. Майданский¹, О.Н. Полухин², А.В. Федосеев³
A.D. Maidansky, O.N. Polukhin, A.V. Fedoseenkov**^{1,2}Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85³Ростовский государственный строительный университет,
Россия, 344022, г. Ростов-на-Дону, ул. Социалистическая, 162^{1,2}Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia
³Rostov State University of Civil Engineering, 162 Socialist St, Rostov-na-Donu, 34402, Russia

E-mail: andy@caute.ru; Polukhin@bsu.edu.ru; afvoyage@yandex.ru

Ключевые слова: философия науки, деятельностный подход, рефлексивность, идеальное, советская философия, Э.В. Ильенков, М.А. Лифшиц, Е.Я. Режабек.

Key words: philosophy of science, activity approach, reflexivity, the ideal, Soviet philosophy, E.V. Ilyenkov, M.A. Lifshitz, E.Ja. Rezhabek.

Аннотация. В статье исследуется взаимосвязь между принципом отражения (рефлексивности) в науке и деятельностным подходом, который пользовался популярностью в советской психологии и философии, особенно в 1960-е годы.

Resume. The article examines the relationship between the principle of reflexivity and the “activity approach” that was popular in the Soviet psychology and philosophy, especially in 1960s.

Формирование деятельностной платформы в науках о человеке началось в конце 1920-х годов в трудах советских психологов культурно-исторической школы. «В начале было Дело», – эта фаустовскую формулу любил повторять Л.С. Выготский, психолог, создавший первую марксистскую, предметно-деятельностную теорию души, человеческой психики. Его ученики и последователи – прежде всего А.Н. Леонтьев – во многом развили и углубили деятельностный подход. В последние 30 лет созданная их усилиями концепция интенсивно развивалась в западных странах, от Финляндии до Австралии, обозначаемая аббревиатурой СНАТ (Cultural Historical Activity Theory). С конца 1950-х деятельностный принцип начинает интенсивно разрабатываться отечественными философами и, параллельно, югославскими неортодоксальными марксистами из группы «Praxis».

Манифестом деятельностного подхода стала статья «Идеальное», написанная Э.В. Ильенковым для второго тома «Философской энциклопедии» (1962). Идеальное – это не просто «отражение» внешнего мира при помощи мозга и органов чувств, как то считалось в советском диамате. Идеальное – это *атрибут человеческой деятельности*, ее особое, культурно-историческое измерение. Всё, что попадает в круг этой деятельности, в том числе и кора головного мозга, получает печать идеальности, становясь на то время, пока длится деятельность, жилищем и орудием идеального.

Ильенков определял идеальное как «отражение внешнего мира в формах деятельности человека», или «наличное бытие внешней вещи в фазе ее становления в деятельности субъекта» [Философская энциклопедия, Т. 2. С. 219, 222]. Это форма деятельности, копирующая форму вещи, или форма вещи, отделившаяся от самой этой вещи в процессе человеческой деятельности. И существует идеальное лишь в самый момент превращения формы вещи в форму деятельности и обратно. Как только человеческая деятельность прекратилась, в тот же миг угасает и идеальное.

Ильенковская теория идеального складывалась под сильным воздействием философии Спинозы. В отечественной философии Э.В. Ильенков был одним из немногих, кто сумел по

достоинству оценить, пользуясь выражением Маркса, «деятельную сторону» спинозовского учения о мышлении как атрибуте субстанции [См.: Майданский: Понятие мышления у Ильенкова и Спинозы, С. 163-173; Майданский: О «деятельной стороне» учения Спинозы, С. 201-212].

Расцвет деятельностных исследований в советской философии и психологии приходится на 60-е годы прошлого века, когда советское общество испытывало творческий подъем, и наши люди реально пытались «самоизмениться». В 70-е советское общество стагнирует – не удивительно, что деятельностный подход теряет свою популярность. Советские философы все чаще увлекаются экзистенциальными сюжетами, «аксиологией» неокантианского толка и даже эзотерикой (Г.С. Батищев), стараясь вывести из-под «юрисдикции» категории деятельности то мышление (школа С.Л. Рубинштейна), то весь «индивидуальный уровень бытия» (К.А. Абульханова-Славская), то воспитательные процессы (А.М. Матюшкин и др.), то совесть (Э.Г. Юдин и А.П. Огурцов) или свободу (Ю.Н. Давыдов). Выходит по-прежнему много работ, в которых деятельностный подход декларируется, но при этом понятие деятельности буквально на глазах деградирует, теряя свою конкретность и превращаясь в общую фразу.

С другой стороны, марксистская философия становится всё более догматичной, из нее улетучивается живой, деятельный дух 60-х. Немалая часть философов, внешне сохраняя лояльность марксизму, занимаются исследованиями в духе «аналитической философии» и постпозитивистской «философии науки» (В.С. Готт, И.С. Нарский и их многочисленные ученики).

Впрочем, отдельные интересные опыты деятельностных исследований появляются и на излёте советской эпохи. К их числу относятся, например, работы ростовского философа Е.Я. Режабека 70-х – начала 80-х годов, в которых исследовалась категория «органической целостности». Природу органических систем Режабек, вслед за Гегелем, усматривает в рефлексивности – «активности рефлексивного типа», «рефлексивной деятельности», как формы движения, обращающейся и замыкающейся на самое себя.

Рефлексию Е.Я. Режабек трактует как способ разрешения противоречия между самодеятельностью органической системы и воздействиями со стороны внешней среды, которые данная система претерпевает в ходе своего взаимодействия с другими органическими и неорганическими системами. «Рефлексивным актом противоречие между внутренними и внешними воздействиями разрешается в пользу внутренних воздействий: внутренние воздействия начинают доминировать над внешними, благодаря чему возникает способность органической системы как к самосохранению, так и к саморазвитию. На основе рефлексивного акта органическая целостность приобретает возможность располагать продуктами собственной деятельности: она их интериоризует, присваивает» [Режабек: Особенности органических систем ... С. 28]. Описанный принцип диалектической рефлексивности Е.Я. Режабек обнаруживает в только что явившейся в то время на свет естественнонаучной дисциплине, получившей название «синергетика». Он подчеркивает, что эта физическая теория, «физика диссипативных процессов» (И. Пригожин), является наследницей диалектической философии от Канта до Маркса.

В дальнейшем интересы Е.Я. Режабека смещаются в область исследований общественного сознания, в особенности такой его формы, как миф. При этом он по-прежнему остается верен диалектическому предметно-деятельностному подходу. «Самодеятельный» принцип рефлексивности Е.Я. Режабек рассматривает как «источник гетерогенности сознания» [Режабек: Гетерогенность сознания... С. 175]. Всякая специфически-человеческая деятельность осуществляется через общение, коммуникацию с другими людьми, вследствие чего и возникает многоголосие, «полифония» сознаний, о которой писал М.М. Бахтин. Вместе с тем, как подчеркивает Е.Я. Режабек, подлинная коммуникация необходимо включает в себя, помимо позитивно-диалогического момента, еще и момент конфликта, конфронтации, борьбы за сохранение и приращение субъектом собственной идентичности. «Моя самоидентичность утрачивается при выходе за пределы себя и восстанавливается возвратным движением, движением работы “на себя”. Саморазвитие требует сбалансированности актов деструкции и конструкции за счет воспроизведения многообразия петель обратной связи» [Режабек: Гетерогенность сознания... С. 176].

В последние годы жизни Е.Я. Режабек полемизировал с конструктивистскими концепциями «постмодернистской волны», абсолютизирующими духовную

самодеятельность человека. Себя он позиционировал как сторонника «научного реализма». Философские исследования Е.Я. Режабек по своему духу особенно близки к марксистской философии науки М. Вартофского. Решающий аргумент против «радикального конструктивизма» Е.Я. Режабек видит в *практике* – в практическом «конструировании» предметного мира человеческим трудом. «Именно предметное конструирование обнаруживает сопротивляемость вещей нашему воздействию и потому выполняет критериальную функцию. Соразмерность знания со способами его производства и методами проверки – вот противоядие против его погрешимости. Мир артефактов культуры – тот оселок, который нужен для проверки репрезентативности универсума знания» [Режабек: Радикальный конструктивизм... С. 203].

Практическая деятельность, в отличие от чувственного созерцания и «опыта» (в кантовском смысле), имеет дело не с «феноменами», а напрямую с реальностью. В ходе практической деятельности людей совершается взаимное превращение идей и вещей, идеального и материального: внешняя вещь распредмечивается – раскрывает свою природу, уступая человеческим целям либо оказывая им сопротивление, – тогда как мысль опредмечивается, воплощается в форме внешней вещи. Тем самым различие между знанием и реальностью снимается. Знание оказывается деятельной формой выражения природы самих вещей. Определенная мысль есть не что иное, как распредмеченная реальность.

В материалистической диалектике истина – это не просто соответствие знания и предмета, но *превращение, переход* знания в предмет и обратно, их практическое слияние. Для «практически истинного» (термин Маркса: *praktisch wahr*) знания проблема соответствия с предметом вообще не встает, ибо такое знание целиком и полностью *возникает* из реального предмета, извлекается из него человеческой деятельностью.

«Сопоставление одной формы реальности (искусственной) с другой формой реальности (естественной), осуществляемое практическим путем, означает выход мысли за пределы ее самое, выход за пределы сознания к миру как таковому». «Именно практическая реализация когнитивной модели представляет собой мост между мышлением и бытием, сознанием и внешним миром, идеальным и материальным, воображаемым и реальным, по которому осуществляется двусторонняя связь между субъектом и объектом» [Режабек: Радикальный конструктивизм... С. 209, 219].

Пожалуй, наиболее основательную критику деятельностного подхода, более того – альтернативную концепцию мышления, отражения и идеального вообще, мы находим в работах М.А. Лифшица. К сожалению, большая часть их не была опубликована в советское время и смогла увидеть свет уже в следующем столетии [Лифшиц: Диалог с Эвальдом Ильенковым. 2003]. В одной из них, написанной уже после смерти Ильенкова, его старший друг Лифшиц осудил деятельностную концепцию идеального, усмотрев в ней пагубное влияние «психологов, которые в философии не понимают. Они придумали понятие «деятельности», кот<орое> играет у них такую же роль, как *glandula pinealis*, шишковидная железа у Декарта, т.е. нечто среднее между духом и материей. Но такого нет, и деятельность тоже бывает либо материальная, либо духовная» [Лифшиц: Письма В. Досталу... С. 212].

Таким образом, монистическому деятельностному подходу М.А. Лифшиц противопоставил дуализм материального и духовного в человеческой деятельности: «либо – либо». Связь этих двух начал – чисто внешняя: материя *отражается* в духе. Понятие отражения у Лифшица, и в марксизме вообще, есть материалистическая версия гегелевского понятия рефлексии. Если у Гегеля дух рефлектирует себя, отражаясь во внешнем, предметном мире, то в марксизме природа отражается в себе самой. Особое внимание Лифшиц уделяет искусству, в котором видел одну из форм этой рефлексии природы в самое себя, а именно – ее отражение в художественных образах. Художник, подобно актеру, призван быть «голосом», «глашатаем» самой природы вещей, утверждает Лифшиц.

На склоне лет Лифшиц конструировал собственную метафизическую концепцию, которую именовал «материалистической онтогносеологией». Она представляет собой своеобразное эстетическое толкование старой материалистической теории отражения. Сторонники последней так или иначе увязывали термин «отражение» с психикой, выискивая в природе квази- и протопсихические явления. Лифшиц же придает этому термину совершенно иной «космический смысл». Отражение есть способ превращения абстрактного в конкретное, или превращения неопределенной, «разлитой» в природе

всеобщности – в «актуальное всеобщее» [Лифшиц: *Varia*. С. 25]. Последнее представляет собой *целостное, индивидуальное, автономное выражение всеобщих форм бытия*: к примеру, ландшафт как концентрация и актуализация «дремлющих элементов природы»; живой организм в качестве представителя своего биологического вида и самой бесконечной жизни; личность как конкретное выражение общественности.

«Онтогносеологическое» понимание категории отражения имеет весьма мало общего с сенсуалистической трактовкой принципа отражения в трудах Плеханова и Ленина [Ленин: Полное собр. сочинений, Т. 18. С. 91]. Общим является лишь положение, что Природа отражается в себе самой, рефлектирует в самое себя, однако конкретное понимание этой рефлексии у Лифшица гораздо более тонкое, если не сказать изощренное. Наиболее подробное изложение основ онтогносеологии мы находим в рукописи «Диалог с Эвальдом Ильенковым» [Лифшиц: Диалог с Эвальдом Ильенковым, 2003].

Разговор о сознании Лифшиц предлагает начать с анализа бытия, ибо сознание есть «самоотражение» бытия, «внутренняя сторона» некоего материального процесса. Выяснив, что это за процесс, мы поймем природу сознания. Опорным пунктом своей онтогносеологии Лифшиц делает различие бесконечного и конечного, целостного и частичного, «большого» и «малого» бытия природы-материи. Сознание возникает на границе этих двух измерений бытия в качестве их «дифференциала», или «истинной середины» (*die wahre Mitte*, Аристотелево *mesotes*) бытия. При этом сознание есть *высшая* форма отражения бесконечного в конечном. Сверхзадача сознания – «раскрытие абсолютного содержания действительности», манифестация объективной истины бытия.

«Содержанием субъективной жизни людей как в искусстве, так и в других областях их деятельности, не исключая самых практических, является абсолютная истина. Историческое движение и борьба классов – все это совершается в пределах ее магнитного поля, если можно говорить о пределах там, где жизнь раскрывается с ее бесконечной стороны» [Лифшиц: Были и небылицы, С. 259].

Анализируя тот или иной феномен сознания, в том числе художественные произведения или даже целые направления искусства, первым делом необходимо выяснить, какой именно модус бытия находит в нем свое выражение, свой истинный «голос» – бесконечная и вечная реальность («идеальное», в терминологии Лифшица) или же какие-то частные факторы и обстоятельства нашего «малого» бытия. К последнему Лифшиц относит не только физиологию тела, с его природными нуждами и нейродинамикой мозга, но и материальные условия общественной жизни.

Сознание, целиком обусловленное эмпирией «малого» бытия – так сказать, взятое в плен собственным телом и обществом, – есть сознание превратное, ложное, слепое. Классики марксизма называли такого рода сознание «идеологией», а Герцен именовал «историческим бредом». Будучи на деле «простым эпифеноменом, субъективным переживанием слепо действующих за нашей спиной объективных сил» [Лифшиц: Диалог с Эвальдом Ильенковым, С. 92.], оно сопровождается патологически острым ощущением собственной свободы, независимости создающего субъекта от внешнего мира.

Субъективистская философия представляет собой не критическую рефлексию этого ложного сознания в самое себя. При этом его эпифеноменальный статус выдается за истинную природу сознания, а «малое» бытие – за единственно доступный сознанию объект. Тою же самой слепотой к вечному, «большому» бытию поражен и вульгарный марксизм, доискивающийся своекорыстных «классовых интересов» в симфониях и поэмах.

Где же человеку искать заветное «большое» бытие? Для этого нам не требуется трансцендировать в мир иной, отвечает Лифшиц. Большое отражается и выражается в малом, бесконечное – в конечном, и задача сознания сводится к поиску в поле своего «малого» бытия явлений и ситуаций, «заряженных всеобщностью». Предоставляя свой голос этим конкретным, индивидуализированным всеобщностям, выслушивая и озвучивая «исповедь мира», человек превращает свое сознание в зеркало объективной реальности.

«Мыслить – это значит сделать так, чтобы объект мыслил в нас. Свободно действовать, это значит быть субъектом большей реальности вне нас, почти отделиться от самого себя, не чувствовать себя связанным своим малым бытием, своим трепетным экзистенциалом... Только опираясь на эту более широкую реальность, можно переступить порог слепоты, навязанный нам нашим эмпирическим бытием» [Лифшиц: Бытие и сознание]. В этих строках у Лифшица явственно слышна Спинозистская нота: свобода есть приобщение мыслью и действием к бесконечной реальности, к самой природе вещей. У

разума нет никакой собственной, «эгоистической» логики, он универсален, как сама природа. Полное описание действий мышления равнозначно построению модели Вселенной, являющейся предметом мышления. В этом смысле мышление – атрибут природы, а не просто модус среди других ее модусов.

А вот в решении психофизической проблемы онтогносеология Лифшица открыто порывает со спинозизмом, примыкая к Ламетри и другим материалистическим «писателям XVIII века, которые разрабатывали тему *причинно-следственной связи между телом и духом*» [Лифшиц: Диалог с Эвальдом Ильенковым, С. 123]. Мозг и сознание не два разных модуса бытия одной и той же вещи – человека, как у Спинозы. По Лифшицу, сознание является «продуктом мозга», той формой, в которой мозг «переживает для себя» процесс отражения им внешнего мира [Лифшиц: Диалог с Эвальдом Ильенковым, С. 271]. Это положение образует краеугольный камень того «созерцательного материализма» (*der anschauende Materialismus*), критику которого мы находим в Марксовых тезисах о Фейербахе.

Лифшица это нимало не смущает. Он пробует распространить «мозговое» объяснение сознания на мир человеческой культуры и, таким образом, дать бой культурно-исторической теории (философу Ильенкову и его единомышленникам – психологам школы Выготского) на ее собственной территории. Согласно этой теории, сознание есть форма деятельного общения человека с человеком через посредство орудий и предметов труда. Сознание – функция культуры, а не натуры. Настоящей субстанцией и субъектом сознания является не органическое тело человека со всеми его нейронами, но рукотворное тело культуры.

Для Лифшица же, наоборот, материальная культура представляет собой «как бы удлинение мозга его неорганическими придатками» [Лифшиц: Диалог с Эвальдом Ильенковым, С. 273]. Вырастающее между сознанием и природой культурное «средостение», с одной стороны, просветляет сознание, увеличивая его независимость от природной основы, с другой – замутняет сознание мифами и иными культурными стереотипами.

«Бюрократизм культуры, начиная с иероглифической письменности Египта и канцелярской мудрости шумерских писцов и кончая “чернильной культурой”, на которую жаловался Гердер, и омертвевшими штампами средств информации более поздних времен, – страшная вещь» [Лифшиц: Диалог с Эвальдом Ильенковым, С. 274-275].

К категории «страшных вещей» культуры относится и модернизм. Абстрактное искусство подменяет реальность мифами и наглухо замыкает наше сознание в «малом бытии». По этой причине Лифшиц отказывает ему в идеальности.

Критикуя «фетишизм культуры», Лифшиц держит в уме Марксов коммунистический идеал. Коммунизм определяется им как «идеальное общество, соответствующее своему понятию, в противовес превратным отношениям товарного мира» [Лифшиц: Диалог с Эвальдом Ильенковым, С. 278]. С возникновением такой «кристаллически ясной формы» общественных отношений между людьми навеки исчезнет и «бюрократизм культуры» – рассеется, как дым, всякая мифология, уйдет в небытие абстрактное искусство и восторжествует реализм.

В целом, онтогносеологию Лифшица можно охарактеризовать как воскрешение на марксистской почве натуралистических идей французских просветителей и русских революционных демократов. Проект остался незавершенным, но его основные линии просматриваются достаточно ясно. Душой, движущей силой творчества Лифшица было искание высшей правды, *Naturwahrheit*, – в этом отношении он был одним из самых стойких и талантливых защитников художественной и философской классики на трудном для нее «вираже истории».

Таким образом, как мы видели, в советской философии существовали несколько принципиально разных решений проблемы взаимосвязи категории деятельности и принципа отражения (рефлексивности). В постсоветский период деятельностный подход сохраняется, главным образом, в школе Э.В. Ильенкова. Значительно меньше последователей у М.А. Лифшица, тем не менее их усилиями опубликованы около десятка томов рукописного наследия философа. Ну а начатый в трудах спор Ильенкова и Лифшица спор о природе идеального, вне всяких сомнений, еще далеко не окончен.

Список литературы References

1. Ильенков Э.В. Идеальное // Философская энциклопедия, 5 т. М.: Советская энциклопедия, 1960-1970. Т. 2. С. 219-227.
Il'yenkov E.V. Ideal'noye // Filosofskaya entsiklopediya, 5 t. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1960-1970. T. 2. S. 219-227.
2. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полное собрание сочинений, 5-е изд. Т. 18.
Lenin V.I. Materializm i empiriokrititsizm // Polnoye sobraniye sochineniy, 5-ye izd. T. 18.
3. Лифшиц М.А. Varia. М.: Grundrisse, 2010.
Lifshits M.A. Varia. M.: Grundrisse, 2010.
4. Лифшиц М.А. Были и небылицы // В мире эстетики. М.: Искусство, 1985.
Lifshits M.A. Byli i nebylitsy // V mire estetiki. M.: Iskusstvo, 1985.
5. Лифшиц М.А. Бытие и сознание (архивная заметка) // URL: www.gutov.ru/lifshitz/texts/bitie&soznanie.htm.
Lifshits M.A. Bytiye i soznaniye (arkhivnaya zametka) // URL: www.gutov.ru/lifshitz/texts/bitie&soznanie.htm.
6. Лифшиц М.А. Диалог с Эвальдом Ильенковым. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
Lifshits M.A. Dialog s Eval'dom Il'yenkovym. M.: Progress-Traditsiya, 2003.
7. Лифшиц М.А. Письма В. Досталу, В. Арсланову, М. Михайлову, 1959-1983. М.: Grundrisse, 2011.
Lifshits M.A. Pis'ma V. Dostalu, V. Arslanovu, M. Mikhaylovu, 1959-1983. M.: Grundrisse, 2011.
8. Майданский А.Д. О «деятельной стороне» учения Спинозы // Логос. 2007. № 2. С. 201-212.
Maydanskiy A.D. O «deyatel'noy storone» ucheniya Spinozy // Logos. 2007. № 2. S. 201-212.
9. Майданский А.Д. Понятие мышления у Ильенкова и Спинозы // Вопросы философии. 2002. № 8. С. 163-173.
Maydanskiy A.D. Ponyatiye myshleniya u Il'yenkova i Spinozy // Voprosy filosofii. 2002. № 8. S. 163-173.
10. Режабек Е.Я. В поисках рациональности (статьи разных лет). М.: Академический Проект, 2007.
Rezhabek Ye.YA. V poiskakh ratsional'nosti (stat'i raznykh let). M.: Akademicheskii Proyekt, 2007.
11. Режабек Е.Я. К вопросу о диалектике саморазвития // Философские науки. 1984. № 1. С. 38-46.
Rezhabek Ye.YA. K voprosu o dialektike samorazvitiya // Filosofskie nauki. 1984. № 1. S. 38-46.
12. Режабек Е.Я. Гёте о проблеме становления органических целостностей // Философские науки. 1982. № 3. С. 90-97.
Rezhabek Ye.YA. Gote o probleme stanovleniya organicheskikh tselostnostey // Filosofskie nauki. 1982. № 3. S. 90-97.
13. Режабек Е.Я. Гетерогенность сознания как «несущая конструкция» рациональности нового типа // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М., 2004. С.368-378.
Rezhabek Ye.YA. Geterogennost' soznaniya kak «nesushchaya konstruktsiya» ratsional'nosti novogo tipa // Sinergeticheskaya paradigma. Kognitivno-kommunikativnyye strategii sovremennogo nauchnogo poznaniya. M., 2004. S.368-378.
14. Режабек Е.Я. Особенности органических систем и принцип историзма // Вопросы философии. 1981. № 5. С. 29-38.
Rezhabek Ye.YA. Osobennosti organicheskikh sistem i printsip istorizma // Voprosy filosofii. 1981. № 5. S. 29-38.
15. Режабек Е.Я. Радикальный конструктивизм против научного реализма. Состоятельна ли такая философия? // Научная мысль Кавказа. 2006. № 1. С. 30-36.
Rezhabek Ye.YA. Radikal'nyy konstruktivizm protiv nauchnogo realizma. Sostoyatel'na li takaya filosofiya? // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2006. № 1. S. 30-36.

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 316.346.32

ДИНАМИКА ЦЕННОСТЕЙ И ЖИЗНЕННЫХ ЦЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

THE DINAMICS OF VALUES AND VITAL PURPOSES OF THE RUSSIAN YOUNG PEOPLE

В.П. Бабинцев¹, Г.Ф. Ушамирская², А.Э. Ушамирский³
V.P. Babincev, G.F. Ushamirskaya, A.E. Ushamirsky

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

^{2,3}Волжский институт экономики, педагогики и права,
Россия, 404111, г. Волжский, ул. Советская, 6

Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia
Volzhsk Institute of Economics, Pedagogy and Law Formation strategy, 6 Sovetskaya St, Volzskij, 404111,
Russia

E-mail: babintsev@bsu.edu.ru; rector@viepp.ru

Ключевые слова: молодежь, ценности, жизненные цели, целеориентированная модель поведения.
Key words: young people, values, vital purposes, aim-oriented model of behavior.

Аннотация. В статье рассматривается проблема эволюции ценностей и жизненных целей современной молодежи. На основе анализа результатов эмпирических исследований выявляются тенденции, определяющие изменение ценностного мира современной молодежи: доминирование индивидуалистических ценностей, смещение нравственных ориентиров, диверсификация ценностей. Подчеркивается, что ценностные изменения дополняются модификацией жизненных целей – снижением значимости установки на семейное счастье при возрастании роли карьерных планов и участия во властных структурах, все более отчетливо выраженной установкой на самореализацию.

Resume. In the article the problem of evolution of modern youth`s vital purposes is considered. On the basis of the analysis of the results of the empirical researches the tendencies determining the modification of valuable world of modern young people are identified: predominating individualistic values, the displacement of moral guidelines, deversification of values. It is emphasized that the value changes are complemented by the modification of vital purposes - the reduction of significance of the precept on family happiness at the growing role of career plans and participation in power structures, more distinctly pronounced precept for self-realization.

Молодежь, согласно ставшему уже классическим определению В.Т. Лисовского, «поколение людей, находящихся в стадии социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции...» [Социология молодежи..., 1996, с. 32]. Естественная маргинальность молодежи, незавершенность и переходность ее статуса предопределяет преобладающее оперирование молодыми людьми не столько категориями «здесь» и «сейчас», сколько – «где-нибудь» и «в будущем». Это не значит, что для их не имеют значения радости сегодняшнего дня (скорее, даже наоборот), но возможность жизненного успеха обычно проецируется на будущее.

Между тем, в исследованиях молодежного сознания и поведения специалисты традиционно обращают особое внимание на ценности [Бабочкин П.И., 2001; Бубнова С.А., 2013; Гегель Л.А, Зубков В.И., Николаев Г.Г., 2008; Горшков М. К., Шереги Ф. Э., 2010; Огородникова А.Ю., 2008; Петров А.В., 2008; Ценностный мир..., 1993]. Безусловно, это в значительной степени оправдано, если учесть, во-первых, особую роль ценностей, как регуляторов общественных процессов. По мнению П. Сорокина, «именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры. По этой причине важнейшие составные части такой интегрированной культуры также чаще всего взаимозависимы: в случае изменения одной из них остальные неизбежно подвергаются схожей трансформации» [Сорокин П.А., 1992, с. 429].

Ценности являются важнейшим социокультурным механизмом интеграции и развития общества. Представляя собой феномен коллективного сознания, ценности выражают общественные идеалы, цели, к которым так или иначе привязаны наиболее предпочтительные способы поведения. В традиционных обществах, характеризующихся высокой степенью стабильности и преемственности, работает механизм воспроизводства ценностных ориентаций. В этих обществах ценности, варьируя применительно к различным социальным группам (и внутри их, отличаясь высокой степенью устойчивости), тем не менее, интегрируют общество, так как среди них выделяются социокультурные универсалии.

Во-вторых, в ситуации радикального реформирования российской (в основе своей русской православно-христианской) культуры интерес к молодежным ценностям был более чем обоснован. Происходящие с ними изменения были абсолютно новыми, во многом неожиданными и слабо прогнозируемыми. Не случайно проблема эволюции ценностных ориентаций молодежи России начала активно обсуждаться еще в начале 90-х годов прошлого века. Одной из первых научных конференций в данной связи стала конференция «Ценностный мир современной молодежи: на пути к мировой интеграции» (1993 год).

Несколько позднее А.А. Козлов определил основной вектор трансформации ценностной системы молодого поколения первой половины 1990-х гг. следующим образом:

- по своим социально-политическим установкам и ориентациям современное поколение может быть охарактеризовано как в массе своей продемократическое;
- по отношению к экономическим составляющим оно в основе своей является прорыночным;
- оно плюралистично по своим идейным позициям;
- по структуре и содержанию качеств, объективно необходимых для жизни, молодые россияне оказываются в более выгодном положении, нежели представители старших поколений;
- несмотря на значительные трудности, с которыми приходится встречаться молодым людям, они сохраняют высокий уровень оптимизма;
- наконец, они в массе своей видят себя в качестве граждан новой России с довольно высокими показателями российского патриотизма и этноцентричности [Козлов А.А., 1997, с. 10].

Безусловно, данная точка зрения не является единственной и общепризнанной. Проблема молодежных ценностей крайне сложна для понимания. Она требует системного анализа, в ходе которого должны применяться различные методологические подходы.

Исследования, проведенные Информационно-социологической группой отдела, а затем и управления по делам молодежи Белгородской области в первой половине 1990-х годов¹, а также в ряде других регионов, выявили ряд характерных тенденций в развитии молодежного сознания.

Во-первых, выдвижение на первый план ценностей индивидуалистического характера, связанных с практическим успехом и достижением личного благополучия. Обобщение этих данных позволило сделать вывод о том, что в молодежном сознании стали

¹ В их числе исследования: «Проблемы организации социальных служб для молодежи Белгородской области» (общий объем выборки 800 респондентов); «Молодежь и власть» (объем выборки 1000 респондентов); «Перспективы развития социальных служб для молодежи Белгородской области» (объем выборки 4010 респондентов); «Негативные явления в молодежной среде и их предупреждение» (объем выборки 1000 респондентов); «Социальные и психологические факторы правонарушений в молодежной среде» (объем выборки 2000 респондентов); «Молодежь России» (объем выборки 500 респондентов).

доминировать престижно-потребительские установки и ориентации. Их преобладание стало естественной реакцией молодежи на реализацию стратегии внедрения рыночных принципов в экономику.

Во-вторых, в начале 1990-х годов стало возможным вести речь о нарастании нравственной дезориентации значительной части молодых людей, которые все чаще стали затрудняться различать в реальной жизни нравственное и безнравственное, добро и зло, потеряли четкое представление о моральной норме. Это наглядно подтвердило социологическое исследование «Негативные явления в молодежной среде и их предупреждение», проведенное в Белгородской области в 1994 году. В ходе его лишь 55,65 % опрошенных молодых людей заявили, что имеют представление о том, какие действия и поступки являются нравственными. 14,97 % признали, что не имеют такого представления. 28,69 % - вообще затруднились ответить [Негативные явления..., 1994, с. 22].

При этом реально число дезориентированных молодых людей было значительно выше, так как гораздо большее число респондентов затруднилось дать моральную оценку конкретным поступкам и действиям. Так лишь 49,77% опрошенных оценили, как безнравственное, воровство, 48,39% - вымогательство; 35,6% - проституцию; 42,74% - измену друзьям [Негативные явления..., 1994, с. 22].

В-третьих, произошла значительная диверсификация ценностных и правовых ориентаций. Это дало основание говорить о наличии в молодежной среде различных субкультур, среди которых особую роль стала играть делинквентная субкультура, которая по своим параметрам, несомненно, принадлежала к типичным культурам аутсайдерства, но, фактически, рассматривалась значительной частью молодых людей как нормативная и наиболее привлекательная.

Таким образом, тенденции определяющие эволюцию молодежных ценностей, давили и продолжают давать богатую пищу для умозаключений, нередко крайне негативного характера. В частности, А.С. Запесоцкий, подчеркивая особую роль ценностей в общественном развитии, пишет: «Современная Россия оказалась лишена подобных ценностей. У нее теперь нет идеалов, консолидирующих общество. Взрослеющая молодежь изолирована от нашего великого наследия – русской, российской культуры, и это объективная реальность» [Запесоцкий А.С., 2011, с. 5]. И этот вывод более чем применим в отношении молодежи.

Однако, отмечая особую роль ценностей в развитии современной молодежи, нельзя не учитывать, что ценности являются маркерами, в первую очередь, актуального состояния молодежной среды, безусловно, значимыми и требующими внимания. О перспективе в гораздо большей степени, чем ценности, дают представление жизненные цели молодых людей.

При этом следует подчеркнуть, что ценности и цели, как феномены сознания, существенно различаются между собой. А.И. Пригожин выделяет следующие позиции, отличающие цели от ценностей (таблица 1) [Пригожин А.И., 2008, с. 26 - 33].

Таблица 1
Table 1

Ценности и цели Values and Goals

Цели	Ценности
Конечны	Бесконечны
Это программируемое будущее	Это воображаемое будущее
Их достижение измеряемо	Приближение к ним оценивается в сравнении с другими
Соотносятся с затратами	Выражаются через стремление и удовлетворенность
Рациональны	Соотносятся с эмоциями
Имеют объективные показатели достижения	Воспринимаются субъективно
Создаются, назначаются	Внушаемы
Ориентированы на исполнение, завершение	Приоритетен процесс

По нашему мнению, именно жизненные цели молодежи наиболее адекватно характеризуют молодежь как специфическую статусную группу, позволяя прогнозировать модели ее поведения и – соответственно – выстраивать ориентированную на перспективу государственную и общественную молодежную политику. В то же время именно жизненные цели молодых людей пока еще мало исследованы, особенно с точки зрения их динамики в последние два-три десятилетия.

В настоящей статье мы предпринимаем попытку проанализировать динамику жизненных целей молодежи на основе комплекса эмпирических исследований, проведенных, начиная с 1997 года, в Белгородской, Волгоградской, Саратовской и Ростовской областях². При этом мы вслед за Ю.М. Резником и Е.А. Смирновым рассматриваем жизненные цели как определяемые на ближайшую или долгосрочную перспективу конкретные пути и способы достижения желаемого (или возможного в данных условиях) состояния жизни» [Резник Ю.М., Смирнов Е.А., 2002, с. 243 - 244].

Анализируя жизненные цели молодежи, мы учитываем несколько обстоятельств:

- сложный процесс определения целей, важнейшими факторами которого являются ценности, потребности, интересы (внутренние факторы), принятые в молодежной среде и в обществе в целом стандарты и нормы поведения, а также условия жизни (внешние факторы);

- динамизм целей, которые значительно более изменчивы, чем, например, ценности и жизненные смыслы;

- условность целей, заключающаяся в том, что цели, представляющие символический образ желаемого будущего, в определенной степени оторваны от реальности, движение к ним носит вероятностный характер и зависит от волевых усилий субъекта.

Таблица 2

Table 2

Распределение ответов на вопрос: «Что бы вы хотели добиться в жизни?»

Answers to the question: «What would you like to achieve in life?»

Варианты ответов	Доля ответивших		
	1997	2009	2014
Семейного счастья	69.73 %	65.00%	57.47%
Сделать карьеру	24.84 %	41.29%	41.20%
Богатства	32.78 %	33.00%	34.60%
Иметь возможность реализовать свой талант и способности	22.55 %	27.43%	27.67%
Быть свободным и независимым в своих решениях и поступках	37.16 %	26.57%	25.67%
Стать квалифицированным специалистом	19.21 %	18.14%	19.20%
Принести пользу человечеству и своей стране	15.87 %	11.29%	16.20%
Власти	7.72 %	11.29%	17.07%
Славы	6.68 %	10.29%	12.20%
Покоя и возможности ни во что не вмешиваться	14.82 %	5.86%	12.53%

² Социологический опрос «Молодежь России» (1997 год, n = 1000); социологический опрос «Самоорганизация и атомизация молодежи как противоположные формы социокультурной рефлексии» (2009 год, n = 700); социологический опрос «Проблемы участия молодежи в региональных социальных конфликтах» (2014 год, n = 1500).

Сравнительный анализ результатов исследований, представленный в таблице 2, дает основание для следующих выводов.

1. На протяжении последних семнадцати лет приоритетной целью молодых людей остается семейное счастье. Однако, если в 1997 году, на эту цель ориентировались 69.73% респондентов, в 2009 – 65%, то в 2014 – только 57.47%. Снижение показателя, как нам представляется, является, прежде всего, следствием влияния глобальных тенденций, выражающихся в утверждении префигуративной формы воспроизводства культуры, в рамках которой снижается авторитет традиционных социальных институтов, а главным агентом трансляции культурных ценностей становятся масс-медиа и гипер-медиа. Но именно они зачастую не поддерживают, а разрушают авторитет семьи. М. Мид, в частности, полагает, что традиционные агенты культурной социализации (семья, образование, сверстники) в данном случае уступают место сетевым сообществам, которые берут на себя роль модераторов процесса культурного воспроизводства. В противоположность централизованным иерархическим структурам усиливается влияние сетей коммуникаций и отношений, поддающихся сравнительно легкой трансформации в зависимости от культурных потребностей индивида [Мид М., 1988].

2. По сравнению с 1997 годом в 2009 и в 2014 годах существенно выросла и остается стабильной доля респондентов, стремящихся сделать карьеру. Это изменение довольно ожидаемо и вполне объяснимо, поскольку связано с утверждением в молодежной среде целерациональной модели поведения (по М. Веберу). Многие исследования подтверждают, что индивидуализм и прагматизм сегодня остаются базисными ценностями, определяющими духовное развитие большей части молодых людей [Ценностный мир..., 1993].

Если судить по результатам нашего последнего исследования, то значительной части молодых людей удастся продвинуться в направлении реализации своих целей. По меньшей мере, такое впечатление остается у них самих, поскольку 12.07% респондентов относят себя к преуспевающим молодым людям; 41.40% - к молодым людям, хорошо приспособившимся к современной ситуации, чувствующим себя комфортно (таблица 3).

В данной связи возникает вопрос: насколько совместимы две приоритетные целевые установки современных молодых людей. По нашему мнению, в российских условиях такое совмещение возможно в весьма ограниченных условиях. И представляется, что возникающее противоречие молодые люди будут разрешать за счет отказа от ориентации на семейное счастье. Показательно в данной связи, что в старшей возрастной когорте (25 – 29 лет) эту цель указывают в качестве приоритетной лишь 37.07% респондентов, в то время как карьеру – 40.20%.

Таблица 3
Table 3

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«К какой из названных ниже групп молодых людей Вы относите себя?»
Distribution of answers to the question:
«Which of these groups of young people below you consider yourself?»**

Варианты ответов	Количество	
	абс.	%
Преуспевающие молодые люди, молодежные лидеры	181	12.07%
Молодые люди, хорошо приспособившиеся к современной ситуации, чувствующие себя комфортно	621	41.40%
Молодые люди, переживающие временные трудности, но имеющие хорошую жизненную перспективу	389	25.93%
Молодые люди, живущие трудно, но борющиеся за свое будущее	179	11.93%
Молодежь, не имеющая перспективы в жизни, обреченная на неудачу	54	3.60%
Затрудняюсь ответить	71	4.73%
Не ответили	5	0.33%
Всего	1500	100.00%

3. Фактически в течение всех лет измерений остается неизменной доля тех, кто нацелен на богатство и возможность стать квалифицированным специалистом. Разумеется, причины такой стабильности в каждом случае различны. В отношении установки на богатство, скорее всего, действуют два ограничителя. Первый – более или менее адекватное представление о дефиците собственных возможностей легальным путем заработать значительные деньги. Второй, скорее всего, связан с инерционным воздействием отечественной культурной традиции, в которой богатство само по себе чаще всего не воспринималось как добродетель или, как в рамках протестантской этики – как божественной милости. Для россиян важнее был социальный статус, который гарантировал и богатство, и социальный комфорт. Именно этого статуса и стремятся добиться современные молодые люди, ориентируясь на карьеру.

Стабильность установки стать квалифицированным специалистом, характерной – отметим – почти для каждого пятого респондента, отражает общую ситуацию на рынке труда, где профессионалы пока еще мало востребованы.

4. Во все большей степени молодежь связывает свое будущее с властью. Если она была главной целью для 7.72% респондентов в 1997 году, то в 2014 уже для 17.07%. Таким образом, в целом относясь к власти негативно, или, по меньшей мере, равнодушно, молодые российские граждане готовы входить в нее, используя представленные властью ресурсы в своих интересах. Подтверждением этому служит, в частности, высокий конкурс в вузах на направление «Государственное и муниципальное управление». Установка на участие во власти, как жизненной цели, сопрягается с установкой на карьеру и, на наш взгляд, отражает не столько отечественную традицию, сколько специфику российских реалий, где властные институты, несмотря на декларации о демократии и развитии гражданского общества, контролируют большую часть сфер общественной жизни.

5. Вероятно, отражением российских реалий является и заметное сокращение (почти на 11 пунктов в 2009 году и почти на 12 пунктов в 2014) по сравнению с 1997 годом доли тех молодых людей, кто хотел бы быть свободным и независимым в своих действиях. Выявленная тенденция весьма примечательна, и, скорее всего, она – опять-таки – является реакцией на российскую общественно-политическую ситуацию. Судя по всему, прагматически ориентированная молодежь воспринимает индивидуальную свободу как утопию, в определенной степени готова пожертвовать ею во имя обретения высокого социального статуса.

6. В 2007 году довольно значительно (почти на 5 пунктов по сравнению с 1997 годом) возросла доля молодых людей, целью которых является возможность реализовать свой талант и способности. И этот показатель сохранился в 2014 году. Что важно, он мало различается в зависимости от образования, хотя, казалось бы, должен быть значительно выше в группе молодых людей с высоким образовательным цензом. Но среди тех, кто имеет высшее и незаконченное образование, показатель составляет 28.18%; среднее специальное – 25.58%; среднее и незаконченное среднее – 28.20%. Таким образом, ориентация на самореализацию является устойчивой. Однако вполне логичным выглядит вопрос: в каких сферах молодые люди предпочитают реализовать свои способности. Проведенные исследования не позволяют однозначно ответить на него. Однако можно предположить, что приоритетной областью является управление, естественно, связанное с властью и возможность контролировать и присваивать (очевидно, в основном легально) социальные ресурсы.

Последнее обстоятельство позволяет предположить, что большая часть современной российской молодежи довольно успешно интегрировалась в административную социально-политическую систему. Это далеко не поколение нонконформистов; скорее, напротив. Не случайно, вступая в конфликты, которые, как правило, ограничиваются микросредой, 49.80% респондентов предпочитают договориться; 11.00% идти на уступки, а 9.67% вообще стараются избежать конфликтов.

Таким образом, характер жизненных целей молодежи позволяет заключить, что, по меньшей мере, в ближайшей перспективе она не будет серьезным источником социального напряжения в России.

Список литературы References

1. Бабинцев В.П., Морозова Т.И., Реутов Е.В., Самоорганизация и атомизация молодежи как формы социокультурной рефлексии. – Белгород: КОНСТАНТА, 2009. – 238 с.
2. Бабочкин П. И. Социокультурное становление молодежи в динамично изменяющемся обществе : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11. – М.: МГСА., 2001. – 42 с.
3. Бубнова С.А. Эгоцентрические ценностные ориентации в сознании современной молодежи // Молодежная Галактика. – 2013. - № 9. – С. 102 – 106.
4. Гегель Л. А., Зубков В.И., Николаев Г.Г. Ценностные ориентации российской студенческой молодежи: социально-политические и образовательные аспекты. Отчет о всероссийском социологическом исследовании. – М. : Парадиз, 2008. – 202 с.
5. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Ин-т социол. РАН, 2010. – 592 с.
6. Запесоцкий А.С. Молодежь России: проблемы социализации // Социология образования. - 2011. - № 11. - С. 4 – 17.
7. Козлов А. А. Молодежь – лидирующая группа общества // Человек и общество: тенденции соц. изменений : материалы междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 24-26 сент. 1997 г. – СПб. ; Минск ; Ростов н/Д, 1997. – Вып. 2: Проблемы молодежи и образования, ч. 1 : Молодежь и общество. – С. 8-12.
8. Мид М. Культура и мир детства. – М.: Наука, 1988. – 429 с.
9. Негативные явления в молодежной среде и их предупреждение. – Белгород: без изд-ва, 1994. – 38 с.
10. Огородникова А.Ю. Исследование интериоризации ценностей современной молодежи как информационный ресурс управления // Социология власти. - 2008. - № 5. - С. 202 – 211.
11. Петров А. В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений // Социологические исследования. – 2008. – № 2. – С. 83-90.
12. Положение молодежи в Белгородской области: 1996 – 1997 годы. Доклад главе администрации Белгородской области. – Белгород: без изд-ва, 1997. – 105 с.
13. Пригожин А.И. Ценности и цели // Психология для руководителя. - 2008. - № 10. – С. 26-33.
14. Резник Ю.М. Жизненные стратегии личности: (опыт комплексного анализа) [Текст] / Ю.М. Резник, Е.А. Смирнов. – М.: Институт человека РАН, 2002. – 234 с.
15. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – М. : Политиздат, 1992. - 542 с.
16. Социология молодежи: учебник. - СПб.: СПбГУ, 1996. – 457 с.
17. Ценностный мир современной молодежи: на пути к мировой интеграции [Текст] : по материалам междунар. науч. конф., Москва, 24-26 нояб. 1993 г. / Ком. РФ по делам молодежи, Рос. союз молодежи, Ин-т молодежи, Науч.-исслед. центр при Ин-те молодежи. – М.: Социум, 1994. – 172 с.

УДК 347.77

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПЕРСОНАЛА ОРГАНИЗАЦИИ

SOCIAL TECHNOLOGIES OF STAFF PROFESSIONAL DEVELOPMENT

О.А. Рыболовлева
O.A. Rybolovleva

*Орловский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel branch*

E-mail: olga-rybolovleva@yandex.ru

Ключевые слова: социальные технологии, профессиональное развитие, персонал организации, профессиональные компетенции.

Key words: social technologies, professional development, organization staff, professional competence.

Аннотация. В статье затрагиваются актуальные вопросы социальных технологий профессионального развития персонала организации. Раскрывается сущность социальных технологий профессионального развития. Характеризуются виды социальных технологий профессионального развития персонала организации.

Resume. The actual questions of social technologies of staff professional development are mentioned in the article. The features of considered technologies are discussed in details. The forms of social technologies of professional development are characterized.

Среди множества теоретических концепций XX века одно из важнейших мест занимает концепция технологий [Дятченко, С.33]. Технологии применяются практически во всех сферах деятельности человека, а их совершенствование является необходимым условием и средством прогресса человечества.

Особое место среди технологий занимают социальные технологии, создаваемые с целью совершенствования социальных отношений, социальных процессов, социальных институтов, самого человека.

Проектирование социальных технологий началось в начале XX века и велось в рамках социальной инженерии. Основателями нового направления в социологии стали такие ученые как Э. Меой, А.К. Гастев, Н.А. Витке (группа ученых Центрального института труда).

Дальнейшее бурное развитие теория социальных технологий получила в западных странах, масштабно человековедческие технологии осваивались на предприятиях ФРГ, Франции, Италии. В ряде университетов США в 70-е годы XX века проводились социологические эксперименты, получившие название социотехнического конструирования. Огромную роль для дальнейшей популяризации социальных технологий на западе и США принадлежит МОТ (Международной организации труда).

Следует выделить следующих западных ученых, активно разрабатывающих теорию «социальных технологий»: Карл Поппер, Никола Стефанов (монография «Общественные науки и социальная технология»), Марко Марков (монография «Технология и эффективность социального управления») и другие.

Советская школа «социальных технологий» второй половины XX века представлена следующими учеными: В.Г. Афанасьев, В.Н. Иванов, С.Г. Климов, А. Дикарева, М. Мирская, В.С. Дудченко, В.Н. Макаревич, А.К. Зайцев, Л.Г. Ионин и другие.

Целесообразно отметить современных исследователей теории социальных технологий: Л.Я. Дятченко, Н.С. Данакин, В.М. Герасимов, Г.Д. Никредин, В.И. Патрушев, В.Н. Иванов и другие.

Этапы развития теории «социальных технологий» представлены в таблице 1.

Таблица 1
Table 1

**Этапы развития теории «социальных технологий»
Stages of development of the theory of "social technologies"**

Направления развития теории «социальных технологий»	Основные представители	Основные положения
Советская, российская школы	<u>Ученые начала и середины XX века:</u> А.К. Гастев, Н.А. Витке, В.Г. Афанасьев, В.Н. Иванов, С.Г. Климов, А. Дикарева, М. Мирская, В.С. Дудченко, В.Н. Макаревич, А.К. Зайцев, Л.Г. Ионин	Признание человеческого фактора в управлении, разработка основ социальной инженерии, рассмотрение сущности социальных технологий, популяризация социальных технологий
	<u>Современные ученые:</u> Л.Я. Дятченко, Н.С. Данакин, В.М. Герасимов, Г.Д. Никредин, В.И. Патрушев, В.Н. Иванов	Раскрытие сущности социальных технологий, диверсификация социальных технологий, внедрение социальных технологий
Западная, американская школы	Ученые начала и середины XX века: Э. Мейо, К. Поппер, Н. Стефанов, М.Марков	Признание человеческого фактора в управлении, теоретические основы теории «социальных технологий», сущность социальных технологий

По мнению Н.С. Данакина, понятие «социальная технология» имеет два значения. С одной стороны, социальная технология – это процесс направленного воздействия на социальный объект с целью получения определенного результата. С другой стороны – это наука, исследующая процессы направленного воздействия на социальные объекты, разрабатывающая эффективные способы и приемы воздействия [Дятченко, С.43].

В.И. Патрушев и В.Н. Иванов выделяют новую область научного знания – социально-технологическую, которая осваивает новые методы, способы достижения социального результата в соответствии с целями общества по более полному использованию человеческих ресурсов, воспроизводству жизненных сил [Иванов, С. 43].

По нашему мнению, в самом общем виде социальная технология представляет собой деятельность человека, направленную на социальный объект с целью оптимизации, совершенствования последнего.

Важным является вопрос раскрытия сущности социальных технологий профессионального развития персонала организации.

Выделим основные параметры социальных технологий профессионального развития персонала организации:

- субъекты социальных технологий – кадровая служба, менеджер по кадрам, специалист по человеческим ресурсам в организации;
- объект социальных технологий – персонал организации;
- предмет социальных технологий – профессиональное развитие персонала организации;
- цель социальных технологий – совершенствование профессионального развития персонала организации.

Таким образом, социальные технологии профессионального развития персонала организации представляют собой деятельность службы по управлению человеческими ресурсами, направленную на персонал организации с целью совершенствования профессионального развития последнего.

При применении компетентностного подхода к профессиональному развитию персонала организации целесообразно рассматривать социальные технологии

профессионального развития персонала организации как деятельность службы по управлению человеческими ресурсами, направленную на персонал организации, с целью совершенствования профессиональных компетенций последнего.

Использование компетентного подхода по отношению к аспектам профессионального развития персонала организации не случайно – данный подход упрощает понимание сущности профессионального развития и делает процесс профессионального развития измеримым (т.к. профессиональные компетенции можно измерить/оценить).

В зависимости от стадий профессионального развития персонала организации возможно выделение следующих социальных технологий профессионального развития персонала организации (таблица 2):

- социальные технологии профессионального развития, характерные для стадии профессиональной адаптации (программы адаптации, обучение, наставничество, самообучение);

- социальные технологии профессионального развития, характерные для стадии первичной профессионализации (стажировка, тренинг, обучение, коучинг, самообучение, ротация);

- социальные технологии профессионального развития, характерные для стадии вторичной профессионализации (стажировка, тренинг, обучение, коучинг, самообучение, ротация);

- социальные технологии профессионального развития, характерные для стадии профессионального мастерства (стажировка, тренинг, обучение, коучинг, самообучение, наставничество (роль наставника)).

Таблица 2
Table 2

Социальные технологии профессионального развития персонала организации в зависимости от стадии профессионального развития персонала организации
Social technology professional development Organization's depending on the stage of professional development the Organization

№п/п	Стадии профессионального развития персонала организации	Социальные технологии профессионального развития персонала организации
1	Профессиональная адаптация (стаж от 0 до 3 лет)	Программы адаптации, обучение, наставничество, самообучение, характерные для данной стадии
2	Первичная профессионализация (стаж от 3 до 8)	Стажировка, тренинг, обучение, коучинг, самообучение, ротация, характерные для данной стадии
3	Вторичная профессионализация (стаж от 8 до 16 лет)	Стажировка, тренинг, обучение, коучинг, самообучение, характерные для данной стадии
4	Профессиональное мастерство (стаж более 16 лет)	Стажировка, тренинги, обучение, коучинг, самообучение, наставничество (роль наставника), характерные для данной стадии

В зависимости от целей деятельности в области профессионального развития персонала организации социальные технологии делятся на следующие виды: (рисунок 1):

- социальные технологии, позволяющие выявить/оценить профессиональные компетенции персонала организации (check technologies): профессиональное тестирование, профессиональный отбор, психологическая консультация, профессиональная ориентация, собеседование и другие;

- социальные технологии, позволяющие развить профессиональные

компетенции персонала организации (development technologies): обучение, самообучение, наставничество, коучинг, стажировка, тренинг;

— социальные технологии, нацеленные на поддержку и одобрение внешним окружением деятельности в области профессионального развития (support technologies): социальные технологии поддержки от семьи, социальные технологии поддержки от ближайшего внешнего окружения, социальные технологии поддержки от коллег по работе;

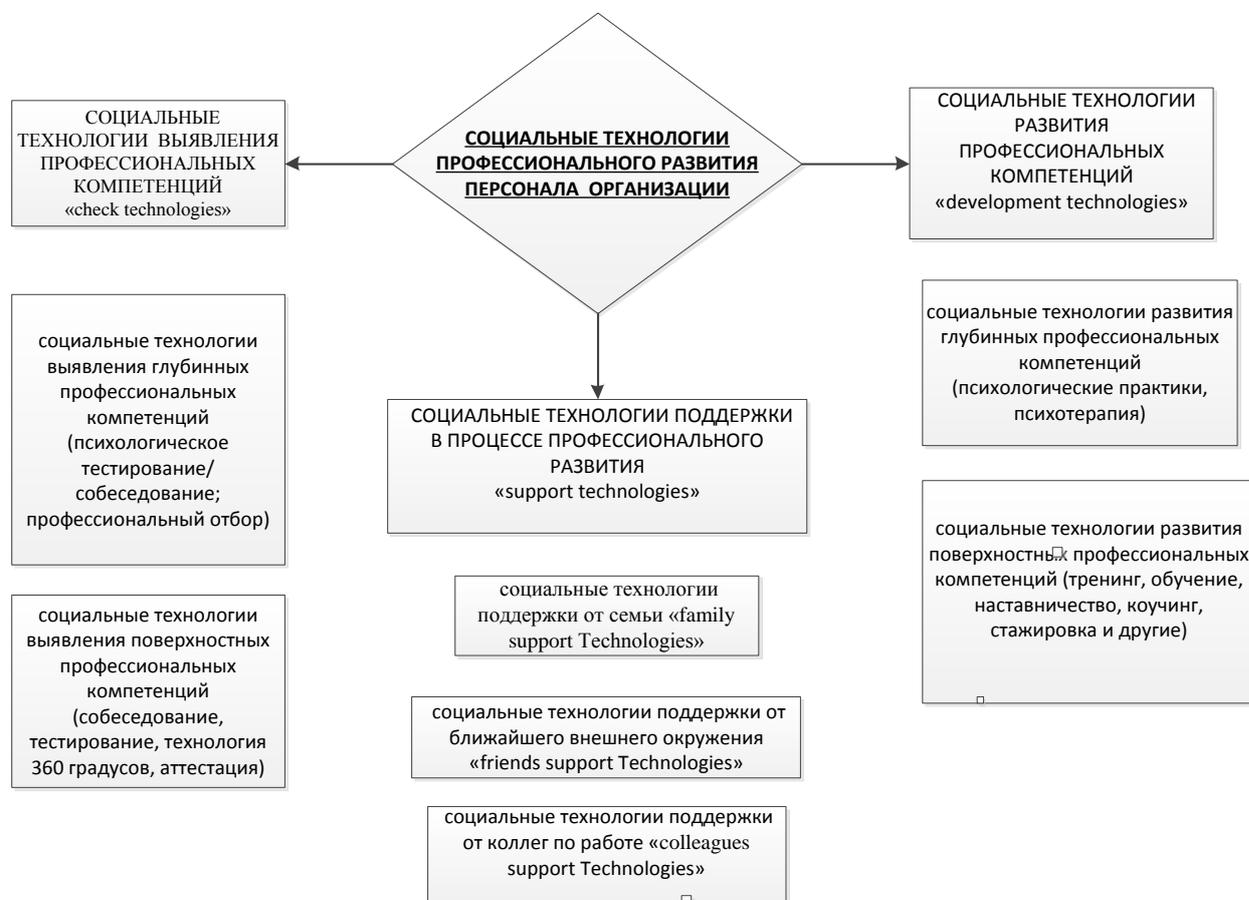

Рис.1. Виды социальных технологий профессионального развития персонала организации

Fig.1. Types of social technology professional development organization

Социальные технологии профессионального развития, представленные на рисунке 1 являются социальными технологиями, рассчитанными на отдельного индивида (сотрудника организации).

Социальные технологии профессионального развития, относящиеся к группам (коллективам), представляют собой деятельность службы по управлению человеческими ресурсами, направленную на совершенствование групповых профессиональных компетенций.

По аналогии с индивидуальными профессиональными компетенциями групповые профессиональные компетенции представляют собой определенные характеристики групп (коллективов) работающих вместе людей, необходимые для успешного выполнения работы (например, скорость принятия решений группой, эффективность взаимодействий, внутренний микроклимат и другие).

Таким образом, социальные технологии профессионального развития персонала организации возможно разделить на две большие группы:

- социальные технологии профессионального развития, рассчитанные на индивида («individual technologies»);
- социальные технологии профессионального развития, рассчитанные на коллектив («group technologies»).

На рисунке 2 можно ознакомиться с групповыми и индивидуальными социальными технологиями профессионального развития персонала организации.

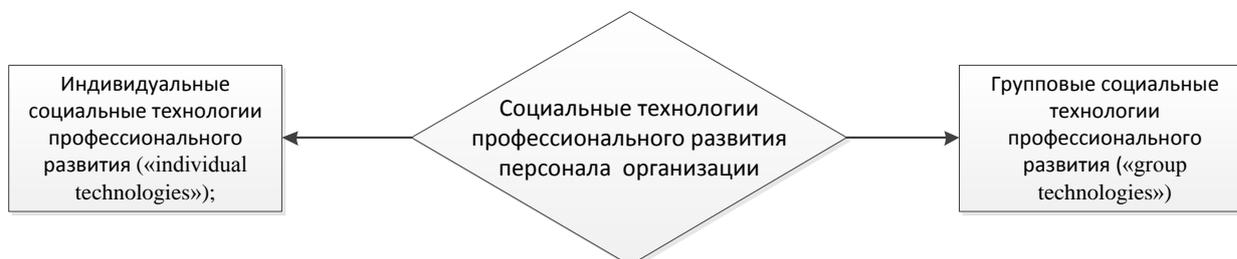

Рис.2. Виды социальных технологий профессионального развития персонала организации

Fig.2. Types of social technology professional development organization

В будущем основное внимание организаций будет уделено именно групповому профессиональному развитию персонала организации посредством применения групповых социальных технологий профессионального развития персонала организации («group technologies»), что позволит быстро добиваться синергетического эффекта от командной работы и невероятного конкурентного преимущества.

Таким образом, целесообразно сделать вывод о том, что социальные технологии профессионального развития персонала организации представляют собой деятельность службы по управлению человеческими ресурсами, направленную на персонал организации с целью совершенствования профессиональных компетенций последнего.

В зависимости от стадии профессионального развития персонала организации выделяются следующие виды социальных технологий профессионального развития персонала организации:

- социальные технологии, характерные для стадии профессиональной адаптации;
- социальные технологии, характерные для стадии первичной профессионализации;
- социальные технологии, характерные для стадии вторичной профессионализации;
- социальные технологии, характерные для стадии профессионального мастерства.

В зависимости от целей деятельности социальные технологии профессионального развития делятся на следующие виды:

- социальные технологии, позволяющие выявить профессиональные компетенции персонала организации;
- социальные технологии, позволяющие развить профессиональные компетенции персонала организации;
- социальные технологии, нацеленные на поддержку и одобрение внешним окружением деятельности в области профессионального развития (support technologies).

В заключении следует сказать о том, что применение различных видов социальных технологий профессионального развития персонала организации способствует повышению эффективности работы персонала организации, сплочению коллектива компании, снижению текучести кадров, а также повышению уровня лояльности сотрудников организации.

Применение социальных технологий профессионального развития персонала благотворно влияет на управленческую культуру в организации [Теоретические подходы к изучению... С.71-76], выводит бизнес компании на новый уровень, во главе которого стоит человек, человек творческий, активный, самореализованный. А в XXI веке именно человеческий капитал компании является решающим конкурентным преимуществом.

Список литературы
References

1. Дятченко, Л.Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами/ Л.Я. Дятченко.- Белгород: Центр социальных технологий, 1993.- 343 с.
2. Иванов, В.Н. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления /В. Н. Иванов, В.И. Патрушев.- М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2001.- 327 с.
3. Российский менеджмент: технологии успеха: учеб. пособие для вузов/Б.Н. Герасимов, В.Н. Иванов, С.Б. Мельников [и др.]. – М.: Муниципальный мир, 2005. – 390 с.
4. Теоретические подходы к изучению управленческой культуры государственных гражданских служащих/ Л.А. Пашин, Н.В. Проказина, В.В. Комлева//Среднерусский вестник общественных наук.- 2013.-№3.- С.71-76.

УДК 316.472.47

ДИНАМИКА СТЕПЕНИ РИСКОВ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В ВУЗАХ

DYNAMICS OF THE RISKS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT IN UNIVERSITIES

С.А. Шовгеня
S.A. Sovgenya

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: shovgenya@bsu.edu.ru

Ключевые слова: инновационная деятельность вузов, управление рисками, опыт регионов.
Key words: higher education, innovation, risk management, experience of the regions.

Аннотация. Рассматривается проблема управления инновационным развитием учреждений высшего профессионального образования связанная с тем, что современному российскому вузу в новых организационно-экономических условиях приходится сталкиваться с решением проблемы необходимости управления рисками инновационного развития вуза.

Resume. The problem of innovative development of institutions of higher education that modern Russian higher education institution in new organizational and economic conditions faced by the problem of the need for risk management of innovative development of the University.

Сфера высшего образования России, рассматриваемая как система подготовки специалистов, с точки зрения наличия управленческого риска представляет в современных условиях особый исследовательский интерес. В первую очередь управленческие риски, конечно, связаны с деятельностью вуза в контексте качества образования. Это достаточно специфическая область, для которой характерны свои особые риски, отличные от тех, которые традиционно рассматриваются в теории риск-менеджмента.

Внедрение в вузах страны принципиально новых организационно-экономических, управленческих решений, а также фундаментальных разработок из области науки и техники, по экспертным оценкам значительно увеличивает степень рисков инновационного развития в вузах.

Отметим, что человеческая деятельность весьма многообразна, но любому ее виду присущи, в той или иной степени, общие черты: неопределенность, случайность и вероятность. Эти характеристики неразрывно связаны с понятием риска. Проявления риска могут быть различными, его виды многообразны. Наряду с общими для всех сфер деятельности видами рисков существуют специфические риски, свойственные только тому или иному виду человеческой деятельности.

При проведении инновационных изменений организации подвергаются определенному риску. Степень риска при различных инновационных мероприятиях неоднозначна. Менее рисковыми считаются те мероприятия, которые связаны с частичной модернизацией оборудования и технологии производства, обновлением выпускаемой продукции, снижением издержек производства и материальной заинтересованности членов трудовых коллективов в результатах своего труда. По сути дела указанные риски являются обязательными условиями постоянного повышения эффективности организации.

Фактором возникновения и нарастания остроты социальных рисков выступает общая тенденция развития мировой цивилизации в условиях глобализации и открытости социальных систем. В связи с этим современное общество предстает как сложно организованная система с социальными процессами, которая пребывает в постоянных изменениях.

Различные типы социальных рисков являются объектом изучения многих дисциплин: социологии, культурологии, политологии, экономики и т.д. Социология исследует влияние процессов трансформации на производство и воспроизводство социальных рисков, где в центре внимания находятся деятельность индивида, социальных групп, их ценностные ориентации и модели поведения. В данном случае социальные риски являются основной чертой социальной действительности, где выбор действия – выбор из множества альтернатив, то есть весьма высока неопределенность будущего. Таким образом, любая деятельность социального субъекта сопровождается риском, мы согласны с тем, что свободного от риска поведения не существует.

Российский опыт показывает, что системным подходом к решению рассматриваемой проблемы является развитие инновационной деятельности в научно-технической и образовательной сферах высшей школы. Инновационная деятельность высшей школы решает задачи коммерциализации знаний и технологий, рождаемых научными сотрудниками и преподавателями вузов, и предполагает серьезное взаимодействие сотрудников и преподавателей с рынком через инфраструктуру высшей школы.

Инновационная деятельность вузов имеет определенные особенности, характерные для образовательной системы. В частности, необходимо вспомнить о том, что только в постановлении Правительства РФ от 17.09.2001 № 676 «Об университетских комплексах» впервые официально вводится понятие университетского комплекса вуза, обеспечивающего единство учебного и инновационного процессов. Это означает, что инновационная деятельность в вузах получает статус основного вида деятельности наравне с учебной (образовательной) и научной. В то же время, инновационная деятельность всегда предметна и направлена на конкретную область. Для системы профессионального высшего образования такими областями являются научная и образовательная сферы. Следовательно, в системе Минобрнауки России инновационная деятельность в сфере науки и образования должна присутствовать как обязательный и профильный для всей системы элемент, как необходимое условие поступательного движения и устойчивого развития; она должна быть осознана и принята научно – педагогической общественностью. Именно сейчас коммерциализация результатов научной и образовательной деятельности становится необходимым условием выживания и фактором устойчивого развития вузов, одним из основных инструментов повышения его конкурентоспособности на рынке образовательных услуг и продуктов, рынке труд и рынке наукоемких разработок и услуг. Важнейшим условием развития инновационного менеджмента в вузе является выявление и фиксация новых научных результатов, полученных сегментов рынка [1].

При достижении своих целей личность, вуз, общество, работодатели и государство сталкиваются с различными трудностями и попадают в рискованные ситуации. В теории рисков риск определяется как возможность возникновения потерь, вытекающая из специфики тех или иных явлений природы и видов человеческой деятельности; вероятность принятия неверных или непринятия нужных управленческих решений; вероятность получения незапланированных результатов при осуществлении той или иной деятельности. Наступление рискованного случая может привести к разным результатам: отрицательному, положительному или нулевому (все прошло так, как было запланировано). Применительно к рассматриваемому случаю риск будет заключаться в недостижении заинтересованными сторонами целей, зависящих от качества образования. Например, предприятие не сможет быстро увеличить производительность труда вследствие недостаточной квалификации работников. Кроме того, имеется вероятность, что за счет использования вузами эффективной, постоянно совершенствующейся системы менеджмента качества, а также системы прогнозирования будущих запросов потребителей образовательных услуг и выпускников заинтересованные стороны могут получить результаты сверх своих ожиданий. Например, студент (личность) может получить от вуза гораздо больше полезных знаний, чем рассчитывал при поступлении. Из сказанного можно сделать вывод, что риск в области высшего образования следует отнести к разряду спекулятивных рисков (т. к. при преобладающем отрицательном и нулевом результате все же возможен положительный исход в достижении намеченных целей).

Проблема управления инновационным развитием учреждений высшего профессионального образования (ВПО) в значительной степени является проблемой сознания участников этого процесса, где на местах должна работать практика привлечения регионального экспертного интеллектуального сообщества [2] Социальные барьеры

инноваций представляют собой групповые интересы, которые расходятся со смыслом нововведений, т.е. интересы должностных, ведомственных профессиональных групп, от которых зависит решение проблем внедрения инновационного управления вузом. Каким бы тяжелым ни было существующее положение дел, всегда есть социальные группы, заинтересованные в его сохранении, потому, что они сжились, срослись с ним. Прямо или косвенно эти группы склонны противодействовать нежелательным для них переменам. Сопротивление инновациям имеет как объективные, так и субъективные причины. В значительной мере оно связано подчас с неготовностью и низкой способностью руководства вузов оценивать состояние общественного мнения, недооценивать возможности информационной поддержки инновационной деятельности вузов в условиях конкретных регионов, мотивацию участников общественного процесса, применять технологии, обеспечивающие включение в него наиболее перспективных в творческом отношении кадров [3].

Среди исследователей нет единства в отношении концептуального подхода к управлению рисками инновационного развития вуза, его определение является принципиальным вопросом, от решения которого в решающей степени зависит выстраивание стратегии инновационного развития вуза.

В этой связи приобретает особое значение социологический анализ управления рисками инновационного развития вуза. Проводя анализ сложившейся ситуации можно отметить, что современному российскому вузу приходится, как правило, сталкиваться со следующими рисками: невозможность обеспечить необходимое финансирование образовательной деятельности; невозможность обеспечить современную материально-техническую базу достаточного объема; трудности и неудачи в налаживании связей с предприятиями для организации практической подготовки студентов и отсутствие программ практической подготовки в самом вузе. Названные проблемы, провоцируют риски недостаточного количества высококвалифицированных и талантливых преподавателей, что связано с уходом таковых в более высокооплачиваемые сферы деятельности. Недофинансирование провоцирует риск невозможности обеспечить студентов современной литературой и доступом к информационным ресурсам, невозможность создать благоприятные условия для активной научной, практической, общественной, культурной и спортивной деятельности. Отдельно необходимо отметить и еще одну особенность, связанную с рисками вузов - это недостаточно высокий начальный уровень подготовки поступающих в вуз абитуриентов. Исследовательский интерес к данной проблеме, как риску инновационного развития вуза, на наш взгляд должен быть простимулирован и поддержан научным сообществом. Сталкиваются вузы и с несоответствием применяемого вузом учебно-методического обеспечения образовательного процесса современным требованиям, что вполне может быть преодолимо, если администрацией вуза активно поддерживается идея формирования соответствующего уровня инновационной культуры вуза.

В целом современные высшие профессиональные образовательные учреждения страны, борющиеся за свои рейтинговые показатели и отстаивающие свои статусные позиции, должны организовать серьезную работу по формированию соответствующего уровня инновационной культуры вуза, где потребность в инновациях, в большинстве случаев должна зарождается в самом высшем учебном заведении. Инновационное развитие вуза, как конкретной организации, должно предполагать, что вуз как потребитель сам осуществляет необходимые разработки для удовлетворения собственных потребностей в совершенствовании организации основного вида образовательного, научного и повышения технического уровня. В практике управления инновационными процессами, особенно связанными с рисковыми ситуациями, необходимо уделять отдельное внимание стимулированию инноваций. Здесь важную роль в процессе реализации стратегии развития организации играют способности стимулов воздействовать на поведение участников инновационного процесса. В конечном счете, интерес организации определяет повышение активности коллектива организации, в свою очередь его заинтересованность в ускорении инноваций и их практической реализации. В классике жанра инновации стимулируются увеличением спроса на продукцию, ростом объема продаж, особое место в указанном процессе можно отвести вопросам возможного повышения цен на отдельные виды ресурсов, что вполне соотносимо с деятельностью вузов, когда увеличивается степень рисков их инновационного развития в соответствии со спецификой деятельности и выполнением

соответствующих социальных задач подготовки высокопрофессиональных специалистов для отраслей народного хозяйства.

Вуз производит продукцию и услуги для разных категорий потребителей. В зависимости от конечного потребителя результатом образовательной деятельности вуза можно считать предоставляемые образовательные услуги, если потребителем является личность - студент, аспирант, слушатель системы повышения квалификации, или выпускаемых специалистов, если потребителем является работодатель, государство или общество. Государство в этом процессе выступает в роли партнера, располагающего значительными ресурсами, одновременно является и организатором, регулятором институциональной основы инновационного обеспечения профессиональных учреждений, что придает ему высокое значение в организации инновационной деятельности учреждений профессионального образования. Таким образом, диалектика отношений государства, вуза, гражданского общества должна строиться на взаимных обязательствах и взаимной ответственности.

С учетом факторов социального развития общества за основу современной образовательной политики должно быть принято понимание образования как одного из важнейших институтов социализации. Подобный подход обеспечит стабильность функционирования общества, поскольку его опорой составят граждане, освоившие как профессиональные, так и общие социальные и личностные компетенции.

Рассматривая потребности общества в высшем образовании отметим, что в качестве основной цели здесь должно рассматриваться стремление общества к саморазвитию, самосовершенствованию. В этом случае можно сформулировать следующие, как минимум, основные требования общества к высшему образованию: подготовка кадров высшей квалификации, способных решать творческие задачи, проводить фундаментальные и прикладные исследования, обеспечивающие прогресс во всех областях знаний и отраслях народного хозяйства; воспитание высокообразованных, культурно и нравственно развитых личностей, способных сохранить и обогатить национальную культуру; подготовка, совместно с системой здравоохранения, физически развитых и здоровых личностей путем физического воспитания студентов.

В цепи заинтересованных сторон государство, органы государственной власти преследует свои цели. Так в цивилизованной, ориентированной, прежде всего, на своих граждан стране, должно стать повышение уровня жизни граждан. Поэтому государство заинтересовано в том, чтобы вузы подготовили высококвалифицированных специалистов, способных поставить экономику страны в один ряд с экономиками развитых стран и тем самым, если речь идет о государственных вузах и студентах, обучающихся на бюджетной основе, оправдать затраты бюджетных средств на их подготовку. При этом выпускники и качество их образования должны соответствовать требованиям государственных образовательных стандартов.

Особо отметим, что вузам для достижения своей основной цели, а также удовлетворения требований других заинтересованных в качестве образования сторон необходимо: позаботиться о ресурсном обеспечении научно-образовательного процесса, т. е. привлечь талантливые, высококвалифицированные преподавательские кадры; обеспечить себя финансовыми средствами из разных источников, современной материально-технической базой, а также осуществить набор абитуриентов с высоким начальным потенциалом; создать условия для активного участия студентов в научно-практической, культурной, спортивной деятельности; установить связи с предприятиями для практической подготовки студентов и сформировать программы практической подготовки в самом вузе.

При достижении своих целей государство, общество, личность, вуз, работодатели и сталкиваются с различными трудностями и попадают в рисковые ситуации. Участвуя в дискурсе понятия «риск для инновационного развития вуза», на основании авторского социологического исследования, считаем вполне уместным прокомментировать результаты полученного экспертного опроса [4], где отвечая на вопрос «Что такое, по Вашему мнению, риск инновационного развития вуза?», мнения распределились следующим образом: риск – это деятельность инновационного вуза, связанная с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой имеется возможность оценить вероятность достижения желаемого результата, неудачи, отклонения от цели, содержащиеся в выбираемых альтернативах (35.71%); риск – это деятельность инновационного вуза, направленная на привлекательную цель, достижение которой сопряжено с элементом

опасности, угрозой потери или неуспеха (17.86%); риск – это деятельность инновационного вуза, сопряженная с возможностью получения дополнительных доходов, полученных вследствие внедрения новых разработок (14.29%); риск – это деятельность инновационного вуза, сопряженная с опасностью возникновения различных потерь и убытков (12.50%); риск – это деятельность инновационного вуза, сопряженная с действиями наудачу в надежде на счастливый исход (8.93%); риск – это деятельность инновационного вуза, сопряженная с возможностью получения сверхдохода, получаемого в результате применения высокоэффективных технологий и изобретений с использованием интеллектуальных факторов производства и информационных ресурсов и т.д. (5.36%); затрудняюсь ответить или не определились с ответом еще 5,36% опрошенных респондентов.

По характеру государственного воздействия на научную и инновационную деятельность вузов различают методы прямого (бюджетное финансирование научной сферы, а также охватывает содержательную сторону инновационной деятельности) и косвенного регулирования (проводимые в рамках налоговой, кредитно-финансовой, амортизационной и внешнеэкономической политики). В качестве негативных сторон прямого государственного регулирования, как минимум, можно отметить: неуверенность в отношении кратко- и среднесрочной ориентации государственной политики, ограниченной бюджетными трудностями, состоянием конъюнктуры и др.; субъективный подход к принятию решений со стороны чиновников, которые, как правило, не располагают достаточными знаниями о действительной потребности в средствах или не задействованы непосредственно в реализации своих решений; замедление исследовательского процесса в связи с бюрократическим характером оформления заявок; неприемлемость для частного бизнеса вмешательства государства в принятие решений о возможных инвестициях, в том числе в систему вузовского образования.

Для государства основные потенциальные риски возникают по вине системы высшего образования, остальные зависят от эффективности деятельности самого государства. Таковыми вполне можно считать: риск неэффективного использования бюджетных средств; риск недостаточного бюджетного финансирования для обеспечения качественной подготовки специалистов; риск несовершенства нормативной базы в области образования; риск несовершенства системы контроля качества высшего образования.

Однако, отметим, что отвечая на вопрос связанный с анализом возможных последствий деятельности инновационного вуза в условиях неопределенности и оценки возможных потерь эксперты отмечают, что наибольшая опасность связана с возможным оттоком из вузов высококвалифицированных научно-педагогических кадров и сотрудников управления (57.14%), а также с ростом цены образовательных услуг (26.79%), снижением уровня заработной платы научно-педагогических кадров (25.00%), нарастанием эмоционально-психологической напряженности и конфликтности в трудовом коллективе (25.00%), разбалансированностью системы управления вузом (23.21%), сокращением бюджетных мест и контингента студентов (21.43%), потерей ценностно-мотивационного единства, сплоченности трудового коллектива (21.43%), отказом от позитивных традиций вуза (17.86%), снижением качества прогнозирования (10.71%), ухудшением имиджа вуза (10.71%), повышением недоверия профессорско-преподавательского состава к администрации вуза (10.71%), нарушением организационных коммуникаций (7.14%), невозможностью планирования карьерного роста (7.14%), ограничением самостоятельности вуза (5.36%), сокращением финансирования социально-воспитательной деятельности (5.36%).

Определяя в нашем исследовании, что наиболее типичные причины риска инновационного развития вуза связаны с тем как они обеспечены ресурсами, в том числе кадрами, как осуществляются организационно-управленческие, информационные, правовые, финансовые, социально- психологические их составляющие, мы получили следующие данные.

Наиболее типичными причинами риска инновационного развития вуза в кадровом обеспечении называются чрезмерная бюрократизация деятельности (30.36%), недостаточный уровень квалификации управленческих кадров вуза и недостаточный уровень практического опыта управленческой деятельности администрации вуза (35.71%) и недостаточная квалификация научно-педагогических кадров 25.00%.

В организационно-управленческом, информационном обеспечении наиболее типичные причины риска инновационного развития вуза связаны с тем, что определяется низкий уровень сплоченности и ценностно-мотивационного единства профессорско-

преподавательского состава и администрации вуза (93.93%), низкий уровень удовлетворенности характером и содержанием труда администрации вуза и профессорско-преподавательского состава (23.21%), высокий уровень конфликтности и психоэмоциональной напряженности внутри коллектива (16.07%), отмечают так же низкий уровень удовлетворенности характером и содержанием труда администрации вуза и профессорско-преподавательского состава, неадекватность поведения руководителей среднего звена (12,50%), неудовлетворенность системой материальных и моральных стимулов профессиональной деятельности (10.71%).

В правовом отношении наиболее типичные причины риска инновационного развития вуза связаны с тем, что наблюдается низкий уровень организационной структуры и организационной культуры вуза (71.43%), невозможность прогнозирования возникновения потерь и убытков (10.71%), нарушение организационных коммуникаций (536%).

При анализе финансовой составляющей наиболее типичные причины риска инновационного развития вуза связаны с тем, что определяется недостаточное финансирование образовательной и научно-исследовательской деятельности (60.71%), неэффективное использование внебюджетных средств для стимулирования профессорско-преподавательского состава и административно-управленческого персонала (14.29%), что так же связано, по мнению экспертов с низким уровнем коммерциализации результатов научно-исследовательской работы (7.14%), нецелевым использованием бюджетного финансирования научно-исследовательской деятельности (5.36%), а так же с сокращением объемов финансируемых хозяйственных и госбюджетных НИР (5.36%).

Особо отметим, что среди наиболее типичных причин риска инновационного развития вуза предлагалось проанализировать и дать оценку социально-психологической составляющей, как ресурса вуза, эксперты выделили здесь неудовлетворенность системой материальных и моральных стимулов профессиональной деятельности (42.86%), низкий уровень удовлетворенности характером и содержанием труда администрации вуза и профессорско-преподавательского состава (25.00%), низкий уровень сплоченности и ценностно-мотивационного единства профессорско-преподавательского состава и администрации вуза (14.29%), высокий уровень конфликтности и психоэмоциональной напряженности внутри коллектива и неадекватность поведения руководителей среднего звена (10,72%), так же были отмечены низкий уровень удовлетворенности характером и содержанием труда администрации вуза и профессорско-преподавательского состава (1.79%).

Ограничиваясь рамками подачи материала, отметим, что возможности снижения выявленных рисков, прежде всего, связаны с дополнительным сбором данных, оценкой величины и значимости каждого из рисков и только затем разработкой технологичной методики способов их устранения или снижения.

Список литературы References

1. Бабинцев В.П., Сегедина Н.Н. Управление инновационными процессами в региональной системе образования. Монография. Белгород, 2007.
2. Бабинцев В.П., Надуткина И.Э., Сапрыка В.А. Экспертное сообщество как субъект гражданского участия в регионе // Власть. 2014. №7. С. 3-9.
3. Надуткина И.Э., Шовгеня С.А. Ресурсное обеспечение проектно-инновационной деятельности в регионе / И.Э. Надуткина., С.А. Шовгеня. // Среднерусский вестник общественных наук. – 2011. – № 4. – С. 161-168.
4. Социологическое исследование «Риски инновационного развития в вузах: причины, динамика и способы преодоления» проведено «БелГУ» в 2013-2014 г. (рук. – ст. преп. Шовгеня С.А.) среди экспертов методом анкетного опроса (N=56).

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 130.2

СЕТЕВАЯ ПРИРОДА ТЕРРОРИЗМА: ГЛОБАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ¹

TERRORISM NETWORK: GLOBAL AND REGIONAL

С.Н. Борисов, М.А. Игнатов
S.N. Borisov, M.A. Ignatov

*Белгородский государственный институт искусств и культуры, Россия, 308033, Белгород, ул. Королёва, 7
Belgorod State University of Arts and Culture, 7 Korolev St., Belgorod, 308033, Russia*

E-mail: snborisov31@gmail.com

Ключевые слова: терроризм, сеть, структура, система, коммуникация.
Key words: terrorism, network, structure, system, communication.

Аннотация. В статье рассматривается проблема сетевой природы современного терроризма. Отмечается, что ранее выдвинутое авторами определение терроризма как антисистемного насилия сохраняет свою актуальность. При этом системная методология изучения терроризма успешно может применяться в анализе его сетевой природы. Результатом такого исследования является идея о совмещении в террористических проектах глобального и регионального через пересечение органических и идеологических сетей с помощью современных коммуникативных технологий.

Resume. The article deals with the problem of modern terrorism network. The definition of terrorism as antisystem violence given by the authors earlier continues to be actual. The system methodology of studying terrorism can be successfully used in analyzing its network. The result of such a research is the idea of global and regional adjustment in terroristic projects through organic and ideological nets transversion by modern communicative technologies.

Феномен терроризма уже довольно давно вошел в нашу повседневность и стал частью современного мира. При этом научная рефлексия этой проблемы настолько обширна, что сложилась уже комплексная дисциплина террорология, ограничивающая свой объект сугубо терроризмом. Мы, в свою очередь, отметим, что терроризм интересен нам только как культурно-антропологический феномен. Целый ряд наших исследований уже был посвящен этой теме [Борисов, 2010, 2011, 2012], но возврат к ней обусловлен новыми историческими и культурными реалиями, равно как и изменениями, которые претерпел сам терроризм, став из некоторого «неучтенного» фактора мирсистемного развития ее частью. Смыслы этих изменений еще предстоит выявить, мы же предпримем попытку их наметить в контексте глобального и регионального измерения.

1. Философские парадигмы в определении понятия «терроризм»

Прежде всего, стоит отметить понятийную неопределенность в исследованиях проблемы терроризма. Несмотря на то, что феномен терроризма вошел в повседневность современного мира, и концепты, связанные с этой культурной реальией прочно вписаны в

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ №14-13-31010 и рамках гранта БГИИК по развитию перспективного научного направления «Сетевые парадигмы в исследовании культуры: концептуализация нового направления в культурологии».

коммуникативную практику не только специалистов, но и широких слоев населения, общепринятого определения понятий «террор» и «терроризм» до сих пор не сложилось.

В культурно-идеологической практике понятие «террор» и «терроризм» в современном значении стали употребляться в период Французской революции 1791-1794 гг. Современная семиотика и лексикология связывает с террористическим дискурсом прежде всего жестокие насильственные действия в сфере политики и реализации прав субъектами власти.

В частности, террор как отношение государства к своим оппонентам, репрессивное и жесткое, исследуется отечественным политологом И.М. Ильинским. А. Бернгард в работе «Стратегия терроризма» указывает на связь терроризма с силой, но понимает его как применение силы слабыми в отношении сильных. Американские исследователи В. Маллисон и С. Маллисон определяют терроризм как систематическое использование насилия и угрозы насилия для достижения политических целей. Таким же недостатком обладает определение терроризма, данное сотрудником Государственного департамента США Д. Лонгом, который сводит феномен терроризма к действиям по изменению существующего политического строя, существующего мирового порядка. Ф. Уилкоккс, координатор по борьбе с терроризмом Госдепартамента США, видит в терроризме политически обусловленное насилие, направленное против мирного населения.

Общим для всех перечисленных определений является взгляд на терроризм как на политически, социально обусловленное насилие. Применение понятия «террор» исключительно к политической сфере значительно суживает реальное поле феномена терроризма, акцентирует внимание на политической власти, имеющей аппарат принуждения, и относит «террор» к оппозиционным власти силам. Такой подход в определении терроризма вполне приемлем для юридической фиксации данного явления. Он нашел отражение в Федеральном законе РФ «О борьбе с терроризмом», принятом в 1998 г. Между тем достаточность такого определения терроризма для юридического применения совсем не соответствует требованиям междисциплинарного научно-гуманитарного анализа.

Нередко отождествление терроризма с таким явлением как война, партизанская война или гражданская. Ряд авторов, М. Либиг, Ф. А. Фрайхер фон дер Хейдте, П. А. Шерер, Д. Стерлинг, Л. Ларуш, говорят о терроризме как особой форме войны, не выделяя его как самостоятельный феномен. М. Либиг не отрицает социально-экономическую, национальную, этническую и идеологическую обусловленность терроризма, однако истинные причины, по его мнению, кроются в политической заинтересованности государств в таком эффективном средстве реализации своих интересов как терроризм. Фон дер Хейдте определяет терроризм как современную нерегулярную малую войну, которая характеризуется нерегулярными боевыми действиями, длительностью, специфическими «террористическими» тактиками. Необходимо отметить общую основу для сопоставления войны и терроризма – *насилие*. Подчас схожи цели и методы войны и терроризма, особенно при сопоставлении политического террора и войны в ее классическом понимании.

Помимо того, обладая рядом других недостатков: сведение терроризма к физическому устранению политических лидеров и военно-политическому насилию, подмена понятия «терроризм» более узким понятием «террористический акт». Все вышеперечисленные смыслы террора и терроризма, так или иначе, возводят проблему на уровень взаимодействия государства и его политических оппонентов, тем самым не рассматривается ни религиозная природа терроризма, ни его сетевая специфика в эпоху постмодерна, которая характеризуется «метагосударственностью» и не всегда обусловлена политической борьбой.

Терроризм конца XX - начала XXI века, понятие «современный терроризм», требуют нового определения. Необходимо взглянуть на феномен терроризма в большей культурно-исторической перспективе: в пространстве между «миром традиционализма» и «миром постмодерна» обнаруживается мифо-архетипическая и религиозно-этническая, культурно-антропологическая специфика современных и постсовременных форм терроризма, характеризующихся «метагосударственностью» и «цивилизационной метафизичностью», обусловленными не столько политической борьбой, сколько сакрально-культурными кризисами и ментально-антропологическими переворотами последних столетий.

Мы считаем, что для категориальной проработки феноменов «тоталитаризма» и «терроризма», синергетически сопряженных в одном культурно-цивилизационном пространстве, важны системные идеи, которые возникли в классической философии в процессе логического обоснования достаточно традиционной философской категории

целостности (тотальности). С этих позиций терроризм можно определить как *использование нелегитимного, антисистемного насилия*.

В силу вышеизложенного мы вправе говорить о терроризме (нелегитимном насилии) как специфическом социокультурном феномене, имеющем в основании определенные культурно-антропологические предпосылки, которые позволяют не только диагностировать террористические проявления, но и осуществлять их профилактику.

2. Методологические основания исследования

Прежде всего, для категориальной проработки феномена терроризма, важны системные идеи, которые возникли в классической философии в процессе логического обоснования достаточно традиционной философской категории *целостности (тотальности)*.

Конкретно-исторический анализ всех социокультурных кризисов, так или иначе сопровождающих великие цивилизационные трансформации, показывает *хаос* и упадок в основных сферах жизни общества. Система как бы *соскальзывает* назад в культурно-историческом развитии, начинается стихийное воспроизводство старых, отживших форм (это мы наблюдали и в России начала XX века, и в современной России). В кризисных условиях общество не только имитирует старые формы, но разрушается вся иерархия устойчивых структур и элементов. Подобный революционный откат всегда приводил к *упрощению* системы. Но простота, унификация связана с воспроизведением социального однообразия, примитивной целостности: социальный хаос не может продолжаться бесконечно, система требует стабилизации и всегда идет по самому легкому, простому пути – устанавливается диктатура, военный режим правления и экономической деятельности, не обладающие легитимностью и поддерживающие свое существование *террором*.

Собственно, *тоталитарно-террористические элементы и структуры* могут возникнуть еще на стадии стабильного существования старой системы жизнедеятельности: иногда они выступают как новообразования, иногда маскируются и имитируют старые формы и структуры. В любой достаточно сложной нелинейной системе обязательно могут существовать инородные вкрапления, т.е. элементы и структуры, которые не несут основной «системной нагрузки», не играют существенной роли в процессах самополагания и самообоснования организма. Иногда подобную роль могут выполнять и атактистические системы, превращаясь фактически в *антисистему*. Антисистема может очень долго существовать в латентной, скрытой форме, пока не возникнут соответствующие условия для ее активизации.

Конфликт системы и антисистемы достигает особой силы в ситуации сопряжения основного системного противоречия, внутреннего, с активизацией разрушительных тенденций в деятельности антисистемы. При таком развитии мы и имеем дело с превращением системы органического типа, приводящего к появлению *извращений, социальных и цивилизационных монстров*. *Антисистемы* оказываются той «культурной парадигмой» и *матрицей*, которая воплощается в тоталитарных системах и сопровождающих ее функционирование террористических клонах, в соответствующих *террористических архетипах и социокодах*. Это связано с тем, что все антисистемы, к которым можно отнести все революционно-террористические и крипто-тоталитарные секты и организации, характеризуются высокой степенью внутренней *иерархической замкнутости* при внешней *горизонтально-сетевой подвижности*.

В этом ключе и формируется *тоталитарно-террористическая мифология* с ее первобытным дуализмом *сакрального и профанного*, являясь идеологической санкцией и идеологическим оправданием и воспроизводством квазиэтнического дуализма. В этих структурных метаморфозах мы наблюдаем странное «гибридное» переплетение *ценностной иерархической вертикали* (религиозно-метафизической или революционно-мифологической) и *сетевой горизонтальной «боевой организации»*, часто весьма прагматичной, технологичной и далекой от всяческой метафизики. Например, многочисленные ступени посвящения у катаров, масонов или конспиративные «ячейки» и структуры у народовольцев, большевиков или исламистов всегда облакаются в ту или религиозно-метафизическую или революционно-мифологическую «знаково-символическую телесность».

Простота антисистемы позволяет ей легко мимикрировать в зависимости от изменения исторической ситуации. И особая значимость упрощенности и унифицированности антисистемы сказывается в ситуации цивилизационного кризиса. В условиях, когда идет разрушение и стирание устойчивых связей и структур, появляется настоятельная потребность в замене, замещении традиционных связей новыми. Однако, новое не рождается мгновенно, и тогда возникает ситуация, когда уцелевшие антисистемы принимают на себя выполнение несвойственных им функций. Дело усугубляется и тем, что антисистема оказывается *наиболее подготовленной к ситуации кризисного упрощения*, так как может бесконечно долго пребывать в примитивном состоянии и на стадии расцвета цивилизационного организма, и на стадии его застоя или консервативности.

Вампиризм антисистем становится гипертрофированным на стадии системного кризиса, когда превращенные формы жизнедеятельности системы стягиваются к антисистеме как *псевдоцентру*: антисистема начинает перестраивать всю старую систему по своему образу и подобию, доводит ее до степени максимального упрощения. Реализуется *тоталитарный сценарий* культурно-исторического развития. Социальные иррациональные механизмы жизнедеятельности дополняются непомерным *идеологическим мифотворчеством* и созданием духовных монстров рационально-иррационального типа. И все «богатство» тоталитарного уродства воплощается в *мощной знаково-символической телесности*, которая зачастую и придает тоталитаризму псевдообаяние, маскирует творческую несостоятельность культурных тоталитарно-террористических систем в *имитативных образованиях*, эклектически воспроизводящих исторические стили различных прошедших эпох в творениях соцреализма или «национального романтизма».

Что же происходит с человеком в таких социокультурных трансформациях? «Человек массы» в тоталитарном организме или в ситуации системного кризиса остается до поры до времени (а может быть и навсегда?) на уровне «обыденного сознания», той феноменологической ступени, которую Гегель отвел «сознанию» в форме чувственной достоверности, восприятия-иллюзии и даже рассудка. Ведь даже «*рабское сознание*» возникает лишь в форме *самосознания*. Этот «маленький человек», открытый великой русской литературой, *анонимный «человек массы»*, с ужасом обнаруженный европейскими интеллектуалами за стенами собственных кабинетов, оказался символом нашего времени, заявил о своих правах именно в эпоху модерна и постмодерна.

Человек массы удивительно амбивалентен и инверсивен, но это не гибкость червя, слепо рыхлящего почву истории. При всем трагизме переживаемой нами эпохи надо отдать ей должное, что она впервые не только предоставила рупор, чтобы прозвучали анонимные «голоса из хора» (Н.Н. Козлова), но грозно предупредила человечество: каждый человек имеет право на самость, самый последний Акакий Акакиевич должен обладать не только теплой шинелью, отдельной квартирой и гарантированным минимумом социальной защиты, правом на труд – он должен иметь шанс возвысить свой *индивидуальный голос*, стать *субъектом* культурного творчества и социальной динамики.

Другое дело, что эта великая идея, рожденная еще в «осевой период» человеческой истории, в нашем мире приобрела уродливые черты и далека от реального осуществления. Вся трагедия эпохи и заключается в том, что тоталитарная мифология для того и создавалась, чтобы не только эффективно *управлять* безликим человеком массы. Ведь этот ментально-антропологический тип использовался как в системах политико-военного и психо-идеологического терроризма эпохи модерна, но и втягивается в орбиту виртуально-коммуникативных «аль-каид» нашей постсовременности. Это, как правило, массовая база для развертывания боевых действий.

И если этот ментально-антропологический образ можно назвать *эгалитарной, «атомарной личностью»* и соотнести эту персонификацию с атомарным индивидом первичного, «дикого капитализма» или индивидом, погруженным в революционный или послевоенный (любой!) хаос уравнительности (абстрактная единичность), то второй феноменологический образ, вызванным потребностями личностной идентификации в соотнесении с различными *культурно-идентификационными проектами*, выводит нас на другой уровень ментальной персонификации, когда чувственная достоверность преодолевается на пути к восприятию-иллюзии от простого созерцания.

Гегель соотносил эту феноменологическую персонификацию с определенной экзистенциальной установкой. Идеологическая машина терроризма и тоталитаризма постоянно озабочена не только своеобразным «просвещением» атомарной, абстрактной личности, «актеров» исторического процесса, но также их обработкой, пытающихся строить собственный идентификационный проект. Именно народную этноконфессиональную культуру, оставшуюся в наследие от порушенного традиционного мира, тоталитаризм и терроризм стремятся поставить себе на службу, включить в мифологический эффект психо-идеологических технологий. Современные исследователи отмечают буквально наплыв в тоталитарно-террористические структуры представителей так называемого «среднего класса» или крестьянства, часто выбившихся из самых низов (это наиболее характерно для стран «третьего мира»).

Сомневающийся массовый человек, стремящийся забыть в своем искусственном мирке, «мещанском быте», невольно поднимается на уровень гегелевского восприятия, оказывается предрасположенным к *иллюзиям* – и здесь нарушается единство массового сознания, оно тяготеет к факту собственной «задумчивости», перестает быть «вещью в себе», открывает *другого*. Возникает символический, *языковой и игровой тип* массового человека и сознания, которое *добровольно* желает усвоить социокод и культурно-идеологические тексты эпохи, освободиться от первичной рефлексии и идентифицироваться с «большим обществом» (часто оказывается, что современные террористы получили достаточно прилично «высшее образование»).

Напряжение вертикально-иерархической религиозной метафизики и сетевой «боевой прагматики» порождает то поле, в котором рождается «раздваивание» *сознания*. Собственно, здесь мы имеем не один ментально-антропологический тип, а как бы проявление в реальной культурно-исторической магне двух антропологических форм – *конформистской и авторитарной личности*. При этом «двойное сознание» не только порождает два самостоятельных ментально-антропологических типа, но и своеобразного трикстера: *нонконформистскую личность, бунтаря*. «Конформизм – авторитаризм» выступают в контексте тоталитарно-террористической культуры *основными ментально-личностными структурами*, составляющими субстанцию антисистемы. Данная культурная антропология позволяет тоталитарно-террористическим обществам структурироваться совершенно на иных основаниях: человек массы в силу гипердинамизма маргинализованного общества может *перемещаться от статуса к статусу*, легко превращаясь из одного типа личности в другой.

Теперь не столь загадочной представляется антропологическая метаморфоза «человека террористического», возросшего от героической фигуры террориста-революционера, до обезличенного и виртуального современного террориста. Представленная методология позволяет увидеть скрытую механику этого превращения.

3. Глобальное и региональное

Среди определений современного терроризма глобальный его характер признается если не всеми, то подавляющим большинством исследователей. Причем, определение момента возникновения «глобального терроризма» имеет четкий признак, наделяние событий, номинируемых как терроризм, коннотациями глобальной угрозы. По нашему мнению, такой «поворот» глобального медиа-дискурса произошел после трагических событий, произошедших на Олимпийских играх 1972 года в Мюнхене. Акция палестинской организации «Черный сентябрь» не была первым проявлением международного терроризма, но последующую за ней реакцию мирового аппарата СМИ можно считать первым шагом к формированию бренда «глобального терроризма». В работе Брюса Хоффмана «Терроризм изнутри» утверждается, что «около 900 миллионов человек в 100 странах наблюдали за развитием кризиса на телевизионном экране» [Хоффман, 2003]. Несомненно, что это первый пример встраивания терроризма в глобальный контекст средствами массмедиа.

Логика нашего исследования позволяет несколько иначе оценить факт «авторства» данного и других подобных событий. Традиционной является точка зрения, согласно которой палестинские (исламские, международные и прочие) террористы, совершившие теракт, стремились привлечь внимание к той или иной проблеме (в данном конкретном примере проблеме автономии Палестины) и использовали для этой цели мировые СМИ. Составляющими этой террористической стратегии является выбор значимого объекта,

позволяющего привлечь внимание мировой общественности, а точнее массмедиа, которые донесут это послание до адресатов.

Ключевым является то значение, которое мы придаем собственно передаче сообщения. Иначе говоря, сводится ли роль СМИ только к передаче? Дискурсная теория подразумевает, что социальные объекты (такие, как терроризм в нашем случае) являются результатом властно и исторически обусловленных процессов социального конструирования. Множество событий, номинируемых как террористические, оставались и остаются исключенными из глобального дискурса о терроризме, что ясно свидетельствует о необходимости «перевернуть» привычную схему и рассматривать массмедиа не только как активного участника в передаче сообщения, но как автора глобального дискурса о террористической угрозе.

Также и с позиции, ранее озвученной нами методологии исследования антисистем, использование структурами терроризма массмедиа есть не только встраивание в уже готовые практики трансляции информации, паразитирование на них, что было бы явным упрощением, но также следствием системного, более фундаментального пересечения сетевой природы современных массмедиа и самого терроризма.

Эпоху «до глобального терроризма», формировавшую его локально-событийное восприятие, следует связать с дискурсивными практиками «локализации» терроризма. Примером подобного можно считать не только террористические проявления революционного характера (Россия XIX и начала XX в.в.), но также постколониальные освободительные движения в Алжире и Кипре, леворадикальный терроризм в Европе XX века. Формирование глобального мега-бренда террористической угрозы связано с переживанием тотальности терроризма и практиками «рассеивания» в терминологии Фуко. Местные проявления терроризма неизбежно оказываются связанными с терроризмом международным. Локальное растворяется в глобальном, что рождает парадоксы смысла, когда вне зависимости от политической, национальной или религиозной идентичности объекты номинируются как террористические. Именно в размытости самого определения терроризма и логике номинирования, наиболее четко просматривается политико-экономическая обусловленность глобального дискурса террористической угрозы

Итак, при рассмотрении роли социальных элит и СМИ в конструировании дискурса глобального терроризма, возможен вывод о поэтапном «развитии» идеи террористической угрозы от локального, к глобальному дискурсу. При этом активную роль в процессе конструирования сыграли глобальные системы СМИ, ориентированные на создание и развитие брендов транснациональных корпораций. Роль собственно террористических организаций в конструировании глобального террористического дискурса на смену локальному можно охарактеризовать как вторичную. Можно сказать, что глобальные медиа создали глобальный терроризм как символический феномен, не только транслируя теракты и тем самым презентуя их на глобальном уровне, но и создавая сам глобальный террористический дискурс.

Антропологическое измерение современного терроризма продолжает уже отмеченную нами логику раздваивания, когда локально-региональное становится глобальным или выдается за такое на уровне массмедиа, а на уровне антропологической реальности человек массы, погруженный в обыденную реальность, перешагивает эти привычные границы и начинает мыслить категориями глобальными. Гипердинамизм маргинализованной личности террориста проявляется в выстраивании сетевых террористических структур, которые опираются на кровно-родственные (атавистические элементы системы) или дружеские сети. Американский исследователь М. Сейджман указывает, что террористические образования (клики) возникают на основе некоторой общности людей. Это могут быть дружественные или родственные отношения, отношения близкого личного общения, ученичества и т.д. [Сейджман, 2008]. Далее органические локальные сети родственных или дружеских связей преодолевают свою ограниченность и восходят на уровень глобального как раз через структурно родственные и также сетевые структуры интернет коммуникации. Сейджман убедительно доказывает, что глобальные террористические структуры возникают только с появлением новых коммуникационных технологий, которые позволили преодолеть необходимость личного общения членов террористических групп. При этом сети расширяются и меняют свою основу, в едином образовании сочетая плотность родственных и

дружественных сетей и плотностью глобальных сетей сугубо идеологического порядка. Тем самым глобальное и региональное совмещаются в переплетении сетевой структуры террористической антисистемы, когда одно подменяется другим до неразличимости.

Список литературы References

1. Борисов С.Н., Борисова О.С. Событие и дискурс: к антропологии русских революций начала XX века // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – 2011. № 8(103). Вып.16 – С. 192-199.
Borisov S.N., Borisova O.S. Sobytiidiskurs: k antropologiirusskihrevoljucijnachala XX veka. NauchnyvedomostiBelGU. Serija «Filosofija. Sociologija. Pravo». 2011. № 8(103). Vyp.16. S. 192-199.
2. Борисов С.Н., Переверзев Е.В. Метафизика террора и дискурс: методологические аспекты // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2010. Вып. 3(83). – С.211-214.
Borisov S.N., Pereverzev E.V. Metafizikaterroraidiskurs: metodologicheskieaspekty. VestnikTambovskogouniversiteta. SeriyaGumanitarnyenuki. Tambov, 2010. Vyp. 3(83). S.211-214.
3. Борисов С.Н., Римский А.В. Культурно-исторические формы религиозного экстремизма: от традиционализма к модерну // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2012. №5. – С.114-123.
Borisov S.N., Rimskiy A.V. Kul'turno-istoricheskieformyreligioznogoekstremizma: ottraditsionalizma k modern. UchenyepapiskiOrlovskogogosudarstvennogouniversiteta., 2012. №5. S.114-123.
4. Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. – М.: Идея-Пресс, 2008. – 216 с.
Seydzhman M. Setevyestrukturyterrorizma. M.: Ideya-Press, 2008. 216 s.
5. Хоффман Б. Терроризм изнутри. – М.: Ультра. Культура., 2003. – 264 с.
Khoffman B. Terrorizmiznutri. M.: Ul'tra. Kul'tura., 2003. 264 s.

УДК 130.2

**ОБ АНАЛИЗЕ РЕВОЛЮЦИИ В КОНТЕКСТЕ СООТНОШЕНИЯ ДИСКУРСА
КИНО И ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА****ANALYSIS OF THE REVOLUTION RELATIONS IN THE CONTEXT OF MOVIE
DISCOURSE AND HISTORICAL DISCOURSE****О.С. Борисова
O.S. Borisova**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015, г. Белгород,
ул. Победы, 85
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: borisova@bsu.edu.ru

Ключевые слова: революция, кино, дискурс, методология, событие.
Key words: revolution, movies, discourse, methodology event.

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения дискурса кинематографа и дискурса исторического, которые сталкиваются в анализе фильмов о революции. Отмечается, что исследование революции как события должно опираться на принципы деконструкции и историизации.

Resume. The article considers the problem of correlation between movie discourse and the historical discourse that encountered in the analysis of films about the revolution. It is noted that the study of the revolution as an event must be based on the principles of deconstruction and historiization.

В ряде наших работ мы уже рассматривали аспект возможности реализации события средствами кино. Этот глобальный вопрос влечет за собой целый ряд других. Способен ли знак в кино к трансляции события? Возможна ли репрезентация события средствами кино? Мы позволим себе продолжить наше исследование этой проблемы и обратиться к понятию дискурса кинематографа и исторического дискурса. Поскольку проблема знака как такового не может рассматриваться изолированно от культуры, социума, истории, политики. Следовательно, от рассмотрения «языка» кино необходимо перейти к исследованию кино как дискурса, множественности, включающей не только знаково-символические средства и образы, но также уровень широкой социокультурной обусловленности.

Словарное определение дискурса фиксирует следующее значение этого слова: «дискурс – вербально артикулированная форма объективации содержания сознания, регулируемая доминирующим в той или иной социокультурной традиции типом рациональности» [Новейший философский словарь, С.327]. Этимология отсылает к исходному значению латинского термина «discutere», что означало «обсуждение», «переговоры», «перебранка».

В эпоху Возрождения дискурс связывается со значением «пустой» речи («говорить много и ничего при этом не сказать»), а также рациональной процедурой извлечения смысла, по сути способом мышления «...который при помощи совершенного способа выражения артикулирует способности разума и извлекает скрытые истины из существа предмета» [Касавин, С. 352]. Новое время оформляет указанное размежевание смыслов и дискурс воспринимается как способ оформления научного знания в эссеистическом стиле, либо как рационализированная процедура мышления подчиненная законам логики [Касавин, С. 352].

В XX веке в рамках неклассической философии происходит значительное переосмысление понятия дискурс, особенно в таких ее направлениях как структурализм и постструктурализм. Не останавливаясь подробно на историко-философском анализе концепций дискурса, остановимся на ставшей классической концепции дискурса М. Фуко, что в полной мере отвечает нашим целям. Поскольку данная концепция помещает дискурс в контекст феноменов власти и знания, власти (и политики как ее проявления) и процессов смыслопорождения. При этом мы должны оговориться о специфическом понимании власти у М. Фуко, поскольку она не отождествляется непосредственно с законом, но являет собой

«...многообразие отношений силы, внутренне присущих областям, в которых они существуют, и являющихся конституирующим элементом данных областей; а также те игры, битвы и конфронтации, в ходе которых они трансформируются, усиливаются, переворачиваются» [Foucault, P. 122]. Власть не сводится только к господству и подчинению, но также к функции конституирования.

Власть предстает не столько внешней силой, сколько внутренней, пронизывающей социальность и движущей конкретным индивидом. Именно поэтому знание и власть гомогенны друг другу, будучи воплощены в дискурсе. Сам дискурс, определяемый Фуко как совокупность высказываний, организованных в соответствии с механизмами «рассеивания» и «сцепления», наделен качеством избирательности и недостаточности, поскольку делает возможным одно знание и не возможным другое.

Поскольку исходным «элементом» дискурса у Фуко является высказывание, представляется важным соотнести его с образом и далее оценить возможность применения фукианского анализа в сфере кино. Это предприятие выводит высказывание из привычного круга понятий его сопровождающих и направлено на поиски все того же качества избыточности. Перефразируя, можно предположить избыточность не только дискурса как целого, но и избыточность высказывания как части. В этом ракурсе высказывание действительно выпадает из категориального ряда семиотики и нагружается более метафизически, позволяет соотнести его с категорией смысла. Две параллели, знакопроизводство и смыслопроизводство оказываются неравнозначны: «... Фуко говорит о том, что отношение высказывания к тому, что высказывается, не совпадает ни с какими другими отношениями. Отношения, которые оно поддерживает с тем, что высказывает, не тождественны совокупности правил применения. Только внутри определенных отношений высказывания можно установить отношение позиции к референту и фразы к ее смыслу» [Археология знания, С. 52].

Категория смысла является определяющей в фукианской версии высказывания, что позволяет соотнести его с трактовкой кино-образа у Делеза. Высказывание, как и образ в кино, можно описать в категориях актуальности и виртуальности, в соответствии с указанием избыточности. Высказывание лишь одна из возможностей, осуществленная, актуализированная в конкретных исторических условиях, что соотносимо с виртуальностью образов у Делеза (и также Бергсона).

Можно также предположить, что событие как разрыв в наследовании и воспроизводстве смысла будет связан со сменой дискурса, а точнее того, что Фуко называет дискурсивными практиками. Под ними он понимает: «совокупность анонимных исторических правил, всегда определенных во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического пространства условия выполнения функции высказывания» [Археология знания, С. 53]. Собственно подобные смены дискурсивных формаций М. Фуко и исследовал в ряде своих работ («Рождение клиники: Археология врачебного взгляда», «Слова и вещи», «Археология знания», «Надзирать и наказывать», «История сексуальности»).

Выявленные параллели между образом и высказыванием как «атомами» кино и дискурса позволяют нам обратиться к той концепции анализа дискурса, которую предложил М. Фуко и обозначить следующие основные этапы анализа дискурса у М. Фуко:

- анализ формирования объектов;
- анализ формирования модальностей высказывания;
- анализ формирования понятий;
- анализ формирования тематических стратегий.

Первый этап – формирования объектов – связан с выяснением вопроса о возникновении высказываний как объектов дискурса, что конкретизируется в выяснении:

– «поверхностей возникновения» высказываний или «полей первичной дифференциации». Тех пространств, в которых высказывание возникает.

– описании «инстанции разграничения», определение границ объекта путем сопоставления с другими объектами.

– анализ «решеток спецификации», который ставит вопрос о системе, что делает разрозненные объекты дискурса дискурсом – системой. Правила собирания высказываний в дискурс, которые Фуко формулирует следующим образом: «Такое формирование объектов обеспечивается совокупностью отношений, установленных между инстанциями

возникновения, разграничения и спецификации» [Фуко, С. 99]. Высказывания привлекаются, становятся дискурсом если соответствуют правилам дискурса.

Второй этап – формирование модальностей высказывания – представляет собой выяснение позиций, занимаемых субъектом дискурса, говорящим. Все это предполагает:

- ответ на вопрос «Кто говорит?», описание говорящего, его статуса, права использования дискурса (которым обладают далеко не все).

- анализ «институционального местоположения», тех институций, к которым принадлежит говорящий.

- анализ положения субъекта дискурса по отношению к различным областям и группам объектов, тех возможностей, которые может занимать говорящий, относительно высказывания.

Третий этап, обозначенный как «формирование понятий», связан с описанием «полей высказываний», в которых они возникают и изменяются. Эта часть анализа конкретизируется в следующих подэтапах:

- анализ «форм последовательности», который связан с определением «упорядоченности рядов высказываний», а также «типов зависимостей».

- анализ «форм сосуществования», включающий «поля присутствия», образованные всеми уже сформулированными высказываниями, а также «поля сосуществования», высказывания, затрагивающие иные области объектов, но действующие среди изучаемых высказываний, и «область памяти» – высказывания, которые не привлекаются в пространство дискурса, но как-бы подразумеваются, присутствуют в нем не явно.

- анализ «процедур вмешательства» – правил «перевода», изменения высказываний. Того, что происходит с высказываниями, и того, что можно с ними делать.

Четвертый этап – формирование стратегий – связан с анализом совокупностей высказываний, которые Фуко называет стратегиями. Задача на данной уровне анализа заключается в том, чтобы узнать, как стратегии распределяются в истории. Это возможно при выяснении следующих моментов:

- определении точек несовместимости, эквивалентности, пересечения и сцепления высказываний, «точек дифракции».

- изучении «устройства дискурсивной констелляции» – отношений дискурса с соседствующими дискурсами.

- изучение функций дискурса «в поле недискурсивных практик», что предполагает также анализ способов и правил присвоения дискурса и желаний дискурса.

Последний этап дискурс-анализа М. Фуко, подтверждает наше ранее высказанное предположение о конечной сборке, ранее обособленных, деконструированных высказываний-образов в контексте или пространстве уже «недискурсивных практик». То есть, обладая собственной логикой организации высказываний, дискурс имеет и внешнюю детерминацию. Вся совокупность вопросов заданных по Фуко: где возникает высказывание, кто говорит, откуда говорит? – завершается вопросом о согласовании того, что было уже сказано с настоящим дискурсом. Речь идет о разрыве в повествовании или об истории, трактуемой как смена дискурсивных формаций.

Здесь уместно вспомнить слова М. Фуко о необходимости изучения истории с позиции современности, но другое и невозможно.

Такая позиция, в определенной степени, есть продолжение марксистских взглядов о решающем влиянии среды на человека (схема: среда – сознание – человек – действие – среда). Под средой в данном случае можно понимать все то, что окружает человека (в данном случае конкретизация характера среды не важна, важен принцип). В определении характера этого влияния мы доверимся мнению американского философа Фредерика Джеймисона, который говорит о приоритете и доминировании визуального в современности. «Визуальность для него – это не просто новейшая «примесь» к филологической субстанции культурных реалий, не культурный «крен», возникающий относительно некоей классической сбалансированности, это базовый модус существования современной культуры «позднего капитализма», общий принцип структурирования ее продуктов» [Горных: Повествовательная и визуальная форма...]. Все значения и смыслы, по Ф. Джеймисону, обретают себя лишь в пространстве визуального [Jameson, P.1.]. Но что более важно, визуальный опыт есть возможность обретения любого другого опыта, он придает опыту форму, структурирует его.

Вместе с тем, взгляд-познание для Ф. Джеймисона не нечто отвлеченное, а конкретное – «историизированное». Она позволяет определить параметры взгляда. Избежать

рассматривания ради самого рассматривания, того, что Джеймисон определяет как «порнографическое» рассматривание. Тем самым «историизация» выступает инструментом, позволяющим исправить изначальную ущербность визуального. Постоянно возвращает взгляд к объекту, фокусирует на нем.

Этот же метод применяет Джеймисон и для анализа самой визуальности. Визуальной форме культуры предшествует «реализм» - раннекапиталистическая культурная парадигма, существовавшая с XVII по сер. XIX века. Суть данного периода определяется нарративной формой. Нарратив, «повествование», есть некий способ упорядочивания мира, организации себя. Вот как описывает его А. Горных: ««Повествование» - один из ключевых терминов (пост)марксистской концепции Джеймисона. С одной стороны, реалистическое повествование как жанр западноевропейской литературы, берущий свое начало в новелле Возрождения и совершенствуемый до великих романов XIX в., является «после-образом» (after-image) реальных социальных практик и напряжений торгово-купеческой активности становящегося капитализма... С другой, Джеймисон рассматривает повествование не просто как литературный жанр, эстетическую форму, но как возможность беспроблемного соотнесения с трансцендентальным по отношению к индивиду планом существования – со Временем и Историей» [Горных: Повествовательная и визуальная форма...]. Являясь выражением традиционного, архаического мировосприятия, «повествования» организуют темпоральный опыт человека. Они же гарантируют его включенность в различные бытийственные общности, до социальных, до коммуникативных и ценностных.

Нарративная форма мировосприятия сменяется визуальной, вместе с развитием логики капиталистических отношений, что фиксируется Ф. Джеймисоном понятием «реификация» [Горных: Повествовательная и визуальная форма...]. Реификация в данной интерпретации не ограничивается исходным значением «овеществления» отношений людей, а трактуется гораздо шире: 1) как «фрагментаризация и специализация социального поля»; 2) как «автономизация социальной жизни»; 3) как «товарная фетишизация» [Горных: Повествовательная и визуальная форма...]. Историизация претворяется в реификации, которая есть логика развития не только капитализма, но модерна в целом.

Антропологический смысл вышеизложенных положений заключен в визуальности восприятия современного человека. «Мировоззренческая оптика» действительно является оптикой, мировоззрение действительно зрением, самодостаточным взглядом незаинтересованного наблюдателя. За «смертью автора» следует «большой брат», который все видит, но которому «все равно». Дурное скольжение взгляда прерывается, по Ф. Джеймисону, лишь усилием историизации. Взятая в своем методологическом измерении, она позволяет говорить о реификации, заключающейся во фрагментаризации, специализации-функционализации, формализации-автономизации.

Возникает своеобразная ситуация деконструкции деконструируемого. В данном случае мы сознательно следуем логике модерна-постмодерна и избегаем синтеза и поиска общего. Нами движет «предпочтение сегментов и изолированных объектов как способ уклониться от рассмотрения тех единств высшего порядка, тотальностей, в случае анализа которых исследователь в конечном счете пришел бы к весьма дискомфортным социальным и политическим выводам» [Jameson, P. 24]. Доводя до логического завершения этот принцип сегментизации, мы утрируем и сегментируем сегменты, рационализируем рационализированное. Используя, по сути, лишь те инструменты, которые нам единственно доступны, мы можем лишь надеяться, что в остатке что-то останется. Некий атом антропологических и социальных проявлений. А сам принцип обернется своей противоположностью, то есть отвергнутым ранее синтезом и конструированием.

Все сказанное выше позволяет нам обратиться уже к конкретному, к применению метода историизации к историческому (историческое как относящееся к прошлому), каким является революция и «революционный субъект». По-прежнему оставаясь на дистанции, не давая конкретных определений самой революции, мы лишь фиксируем её историчность, а значит должны обосновать понятие истории.

Следуя избранной методологической схеме, история предстает как прошлое, наделяемое Ф. Джеймисоном рядом значений, с которыми мы соглашаемся: «...понятие Истории предстает как единство двух содержательных уровней: истории как внешнего социально-экономического бытия людей в смене своих типов во времени и как внутренней формы опыта (обыденного, эстетического, философского и т.д.) обитателей данного времени» [Энциклопедия, 2001: С. 219]. История является сложным синтезом внешнего –

капиталистического способа производства (сочетанием производственных сил и производственных отношений), и внутреннего – строящегося по данной схеме формы восприятия мира.

Так для интересующей нас эпохи модерна (развитого капитализма), характерен процесс овеществления, при котором связь между потребительской и меновой стоимостью прерывается. Меновая стоимость получает самостоятельное, господствующее значение. Капиталистический способ производства, характеризующийся отчуждением, в своем развитии достигает того этапа, когда в схеме обмена потребительская стоимость поглощается рыночной. Из неё исключается фигура производителя-потребителя, которая превращается в знак. Знак как самодовлеющий участник рыночного обмена, отделенный от означающего; так как он является тем «слабым звеном», которое не соответствует рационализации – ведущему принципу капитализма [См.: Вебер: Протестантская этика и дух капитализма].

Производитель-потребитель есть та фигура, которая несет на себе черты архаического. Так М. Вебер отмечал, что традиционализм есть препятствие на пути капитализма. Человек во всей его полноте не может участвовать в обмене только рационально, исключая все другие измерения. Об иных сторонах процесса производства и потребления мы находим у Ж. Бодрийара в «Критике политической экономии знака», где он выделяет помимо «экономической логики меновой стоимости», «логику потребительской стоимости» (область пользы), «логику символического обмена» (отношения дарения), а также «логику стоимости\знака» (статусные отношения) [Бодрийар, С. 64]. Причем можно говорить о том, что логика рынка выступает вместе с логикой знака против остальных. По Бодрийару «логика стоимости\знака» есть логика различия, статуса и знака. Именно знак роднит эту логику с логикой рынка. Из соединения этих логик следует двойное овеществление человека, его «пленение» у мира вещей-знаков. На уровне сознания этим процессам соответствует смена нарратива визуальностью (по Ф. Джеймисону), как формы восприятия мира.

Вместе с тем, при анализе революции как исторического, принадлежащего истории, мы сталкиваемся с нарративами повествованиями современников революции и проч. И, несмотря на их визуальное восприятие, необходимо дать им определение.

Повествование является продуктом истории. Но в то же время история «живет» в повествовании. Нарратив есть место бытия прошлого. Франк Анкерсмит выражается по этому поводу более точно, говоря о том, что «...исторические повествования являются репрезентациями прошлого» [Анкерсмит, С. 9]. Он (нарратив) есть то, что делает прошлое вновь актуальным, присутствующим. И это неперемное условие повествования задает вопрос о соотношении прошлого и самого нарратива (так называемой «логики репрезентации»).

Рассмотрение соотношения есть вопрос уяснения истинности повествования. Решить его, возможно разложив нарратив на некоторые единичные высказывания, после чего выяснить их истинность. Однако нарратив не сводим к единичным высказываниям, он всегда нечто большее: «...отношение между репрезентацией и тем, что она репрезентирует, отличается от отношения между истинным высказыванием и тем, относительно чего оно является истинным. В репрезентации есть неопределенность, которая не имеет своего аналога в случае истинного высказывания» [Анкерсмит, С. 10]. Анкерсмит определяет эту неопределенность как метафорическую. Повествование есть всегда определенная позиция автора и упорядочивание нашего знания о прошлом. И даже еще более шире, упорядочивание опыта о мире: «наше прошлое является наиболее удобной матрицей для овладения способностью упорядочивать высказывания о реальности последовательным образом» [Анкерсмит, С. 22]. Поэтому предпочтительным (более приближенным к представлениям о прошлом) является тот нарратив, в котором преобладает целое над частью, метафора над единичным высказыванием.

Не менее сложной является затронутая нами проблема истинности нарратива (именно о ней, а не об истинности единичного высказывания пойдет речь), и его уточнения. Так, например, возникает вопрос о том, будет ли являться нарративом художественное произведение (возможно ли его использование в качестве достоверного, репрезентативного источника) и дает ли оно истинную информацию? Можно ответить, что истинным будет только повествование историка, опирающееся на истинные единичные высказывания. О чем, в частности, говорит Коллингвуд: «...произведения историка, и произведения романиста, будучи продуктами воображения, не отличаются в этом смысле друг от друга. Разница, однако, в том, что у романиста только одна задача – построить связную картину, картину

обладающую смыслом. У историка же двойная задача: он должен, как и романист, построить осмысленную картину, и вместе с тем эта картина должна быть и картиной вещей, какими они были в действительности, и картиной событий, какими они случились в действительности» [Коллингвуд, С. 232].

Мы оставим этот вопрос открытым в этом ракурсе и переведем его в иную плоскость. Повествование как оно есть сложно наделить значениями истинности или ложности, но «визуальное» рассмотрение снимает, на наш взгляд, это противоречие. Уравнивая в «правах» исторический нарратив и роман. Как объекты «разглядывания» они одинаково значимы. Это утверждение основывается на уверенности в том, что не существует Субъекта познающего историю, есть лишь Зритель, равнодушно разглядывающий образы: «...мы верим в реального Субъекта, движимого потребностями и сталкивающегося с реальными предметами, то есть с источниками удовлетворения...Предмет, потребление, потребности, стремления, - все эти понятия необходимо деконструировать...» [Бодрийар, С. 59]. Собственно это требование применимое к истории воплощается в историизации.

Деконструкция, являющаяся не результатом нашего стремления, а данностью, единственно возможным, уравнивает повествования и образы, делает их неразличимыми. Уже нет возможности рассматривать революции прошлого, вне контекста современных революций. Произошло совмещение прошедшего и настоящего, коренной переворот в опыте восприятия темпоральности, которым мы связываем с господствующими практиками социально-экономической формации капитализма.

Капиталистическое производство вносит существенные изменения в традиционные представления о времени. Существовавшее «до» время традиционного общества было неразрывно связано с природой, её циклами. Земледелие, скотоводство и другие занятия утверждали этот опыт, фиксировавшийся в мифе. Экономическое производство разрывает эти представления. На смену циклическому и повторяемому времени приходит линейное и необратимое: «победа буржуазии – это победа глубинного исторического времени, так как оно является временем экономического производства, постоянно снизу доверху преобразующего общество. Пока сельскохозяйственное производство остается основным трудом, циклическое время, все еще присутствующее в глубинах общества, питает объединенные силы традиции, которые вот-вот затормозят движение. Но необратимое время буржуазной экономики искореняет такие пережитки по всему миру» [Дебор, С. 84].

Новое время, свойственное капитализму, оказывается «временем вещей» (термин Ги Дебора). Это время неразрывно связанное с производством и на него переносятся свойства, присущие товару (можно вспомнить всем известную поговорку «время – деньги»). Вещное время лишается качественности и становится эквивалентным, таким же товаром, как и все остальное. Вместе с тем прошлое (история), выступает товаром особого рода. История не является временем производства вещей, но имеет значение в качестве отторгнутого, отчужденного времени. Времени реализовавшегося принуждения, реализации власти: «...буржуазия заставила признать и навязала обществу необратимое историческое время, но отказало обществу в его использовании. «История была, но её больше нет», потому что класс владельцев экономики, который уже не в состоянии порвать с историей экономической, должен также подавить как непосредственную угрозу всякое иное необратимое применение времени» [Дебор, С. 85]. Практики узурпации истории господствующим классом сводятся к все той же визуальности, расщеплению «исторической ткани» повествования на образы. Все это ведет к девальвации истории и возможности манипуляции.

Так то, что мы обозначаем как революцию, это явление или объект, в пространстве истории неоднократно изменяет себе, скрывается, меняет «цвета». Безмолвие, неназванность революции для России прерывается Великой Французской революцией, поставившей несомненную точку отсчета в шкале исчисления истории.

Таким образом, мы имеем единственную возможность рассмотрения проблемы революции сквозь призму визуального, что, тем не менее, не снимает вопроса о методе исследования.

Повествование и образ, слившиеся в визуальности, объединяются понятием репрезентации (историческое повествование - репрезентация прошлого). Такое понимание повествования отсылает нас к трактовке репрезентации в русле традиции феноменологической концепции А. Шюца и социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана. Когда репрезентация понимается не столько как адекватное отражение реальности, сколько как соотносимая с другими репрезентациями. Таким образом, вопрос истинности решается

путем уравнивания в правах исторического факта и художественного образа, а также образа и повествования в визуальности.

Историческое повествование и взгляд-образ как итог рассматривания равны как объекты применения взгляда, как репрезентируемое.

Репрезентируемое, как являющееся вновь, в самодовлеющих текстах-образах, отражается во всей своей полноте в понятии дискурса. Дискурс позволяет более точно определить то, что ранее мы называли результатом рассматривания.

В целом такая концепция (рассмотрения исторического и настоящего как некой совокупности автономных взглядов) ставит вопрос об изменении взгляда на историю как нечто целостное, раз и навсегда определенное. Это особенно важно для нас при рассмотрении избранной темы. Это вопрос об историческом и его исследовании.

Логика разделения, которой мы следуем, вслед за М. Фуко предлагает нам избавиться от ряда понятий, относящихся к «противоположному лагерю». Среди них понятия традиции, влияния, развития и эволюции, а также «ментальности» и «духа». Которые являются скрепами событий, объединяют их в строгие последовательности, то есть, по сути, делают историю: «...вместо того чтобы по-прежнему допускать их произвольное использование, заботясь о методе, лучше согласиться, хотя бы при первом приближении, иметь дело только с популяцией рассеянных событий» [Фуко, С. 63].

Из всех разделов исторической науки только археология обладает привилегией соприкасаться с вещами. Все остальные довольствуются текстами. Однако вещи неизбежно должны помещаться в некий контекст и тем самым становиться текстом.

Вместе с тем мы не можем положиться и на единство текста и автора, которое подвергает сомнению М. Фуко [Фуко, С. 66-68]. Автор, равно как и произведенный им текст не образует того «элементарного» истории, что можно подвергнуть анализу. Таким образом, вместо привычных нам единств остается пространство дискурса, образованное автономными и самодостаточными взглядами-высказываниями (текстами-образами): «Действительно, как только все эти непосредственные формы непрерывности на время устранены, сразу же высвобождается целая область. Область безграничная, но которую все же можно определить: она образована совокупностью всех существующих высказываний (неважно, устных или письменных) в их событийном рассматривании и в инстанции, присущей каждому из них» [Фуко, С. 72].

Таким образом, важными принципами, предшествующими собственно анализу революционного кино, будут являться принципы деконструкции и историизации. Деконструкция как установка на восприятие киноповествования как совокупности сингулярностей, организованных дискурсивно и событийно. Историизация как необходимость диахронного анализа события-репрезентации или исследования смены дискурсивных формаций, нахождения точки их рассогласования или нарушения «верности» событию по А. Бадью.

Список литературы References

1. Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
2. Бодрийар Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библион – Русская книга, 2003. 258 с.
3. Дебор Г. Общество спектакля. М.: Изд-во «Логос», 2000. 184 с.
4. Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М.: Канон+, 2008. 544 с.
5. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 488 с.
6. Новейший философский словарь. М.: Книжный дом, 2003. 1280 с.
7. Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия, 2004. 416 с.
8. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сид, 1994. 408 с.
9. Foucault M., Histoire de la sexualité 1. 1976.
10. Jameson F. Signatures of the visible. New York: Routledge, 1990.
11. Jameson F. The prison-house of language; a critical account of structuralism and Russian formalism. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1972.

УДК 130.2

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ И ПРЕСТУПНАЯ СУБКУЛЬТУРА МОДЕРНА:
МЕЖДУ ЗНАНИЕМ И ТЮРЬМОЙ****INTELLECTUAL AND CRIMINAL SUBCULTURE OF MODERN:
BETWEEN KNOWLEDGE AND JAIL****Э.Н. Гущин, М.В. Новак
E.N. Gushchin, M.V. Novak**

*Белгородский государственный институт искусств и культуры, Россия, 308033, Белгород, ул. Королева, 7
State Institute of arts and culture, 7 Queen St, Belgorod, 308033, Russia*

E-mail: Eduard.Gushchin@gmail.com, novakmargarita@yandex.ru

Ключевые слова: маргинальность, криминал, субкультура, интеллектуальная субкультура, М.Фуко, система наказаний, капитализм, модерн, постмодерн.

Key words: marginality, crime, subculture, intellectual subculture, M. Foucault, the penal system, capitalism, modernism, postmodernism.

Аннотация. В статье рассматриваются практики взаимодействия субкультур в обществе модерна и постмодерна на примере развития маргинальных, криминальных и интеллектуальных формообразований в контексте истории системы наказаний в капиталистическом обществе (западном и российском). Основу изложения составляют как работы отечественных авторов, так и французского мыслителя Мишеля Фуко. Авторы обозначили проблемное поле, частично изученное другими учёными и философами, и дали собственные первичные определения.

Resume. The article discusses the practices of interaction of subcultures in society, modernism and post-modernism in the historical development of marginal, criminal and intellectual formation in the context of the history of the penal system in capitalist society (Western and Russian). Basis of presentation represent the work of local authors, and the French thinker Michel Foucault. The authors have outlined the problem field, partially understood by other scientists and philosophers, and gave their preliminary identification.

1. Понятие «субкультура»

Под субкультурой часто понимают «наиболее крупные сегменты целостных локальных культур (этнических, национальных, социальных), отличающиеся определенной местной спецификой тех или иных черт (или комплексов черт). В принципе любая культурно-специфическая группа в своих культурных особенностях может быть названа субкультурой (вплоть до «субкультуры императорского семейства»), но, как правило, наука до таких крайностей не доходит и определяет в качестве субкультур лишь культуры сравнительно крупных, компактно и относительно изолированно поселенных или иным образом выделяющих себя групп... Помимо субкультур, отличающихся от основной культуры какими-либо этническими, лингвистическими или конфессиональными признаками, существует множество субкультур, основанных на социальной или возрастной специфике. Например, молодежная субкультура, субкультура пенсионеров и людей пожилого возраста, субкультура среды инвалидов, субкультура гомосексуалистов и т.п.» [Флиер, с. 152, 153] Понятие «субкультуры», таким образом, уже изначально отражало нечто «недо-»: «недосоциализированное», «недоцивилизованное», «недокультурное» или антикультурное, т.е. нечто девиантное, и несло оттенок негативизма, что в последнее время уже преодолевается [Белоусова, Мельник и др. с. 30-41]. Субкультуры – сложный объект изучения гуманитарных наук, прежде всего, потому что в самой парадигме изучения субкультурных групп до сих пор не решены некоторые методологические вопросы.

Например, на сегодняшний день, ещё продолжается дискуссия о том, можно ли рассматривать общество как совокупность субкультур; как следует определять границы различных субкультурных групп [Щепанская, с. 30]. Ещё одной проблемой выступает взаимодействие субкультур, сопровождающееся, иной раз, «взаимообменом» культурного

фонда различных социальных групп [Щепанская, с. 30]. Уже достаточно укоренилось мнение о том, что субкультура – это не обязательно противопоставленное доминирующей культуре явление; более того, в субкультуру могут входить «несобранная» либо «неорганизованная» группа людей, объединение которой в какую-либо общность носит условный характер, по принципу «культурной» схожести между людьми; что следует изучать не только молодёжные субкультуры, или не только новые субкультуры.

Теория субкультур в отечественной философии культуры и культурологии развивается благодаря работам К. Б. Соколовой, Ю.В. Осокиной, Т.Б. Щепанской, В.П. Римского, О.Н. Римской, С.Н. Борисова, Е.Л. Омельченко, Е.Л. Левашовой, А.Н. Ильина, В.А. Лукова. Научное понятие «субкультура» потеснило другие подходы к культурной дифференциации общества с целью его изучения (существуют принципы разделения общества на классы, страты, малые группы, слои общества, этносы, этнокультурные группы и т.д.). И в этом «потеснении» есть своя логика и оправданность: научно-культурологическое описание общества обретают объём, многоплановость, «фактурность». Иллюстрацией к вышесказанному может служить классификация субкультур, предложенная К.Б. Соколовой, Ю.В. Осокиной [Щепанская, с. 30-31], которые разделяют субкультуры на половозрастные, социально-профессиональные, досуговые, религиозные, этнические. Т.Б. Щепанская отмечает, что помимо выделенных, существуют также территориальные, локальные субкультуры [Щепанская, с. 31]. Таким образом, любая попытка классифицировать субкультуры показывает как их многообразие, так и недифференцированность критериев, по которым они могут быть определены.

Изучение субкультурных групп неизменно должно дополняться изучением взаимодействия той или иной субкультуры с «доминирующей культурой», с другими субкультурами, существующими рядом, или противостоящими друг другу, возможно имеющими «родственное происхождение». Только такой сравнительный подход, позволяет адекватно определить место субкультуры в общественной культуре, приблизиться к решению вопроса о механизмах формирования субкультур, закономерностях их жизнедеятельности и т.п. Под взаимодействием субкультур можно понимать различные явления: поглощение одной субкультуры другой, полное совмещение субкультур (интеграция), или уже упомянутый «взаимообмен» культурным фондом, перенимание лишь одной субкультурой каких-то культурных черт субкультуры-«донора» (ассимиляция), противостояние (или противопоставление) субкультур друг другу, наконец сегрегация, заключающаяся либо в независимом существовании субкультур друг от друга, либо в сознательном избегании, изоляции от другой субкультуры (например, доминирующей) и т.д. Все эти процессы, вероятно, присутствуют и осуществляются в любом обществе, поскольку никакая субкультура не может существовать без динамики развития, в полной стагнации, в раз и навсегда запечатлённой форме. Процессы взаимодействия субкультур имеют и разный результат – упрощение культурных характеристик той или иной субкультуры, либо усложнение её, образование новых отличительных черт или характеристик.

Проблемами девиантного поведения различных групп, занимались такие отечественные авторы, как А. Михайлов, и в частности молодёжной группы – А.Ю. Аршавский, А.Я. Виякс, Е.Б. Балашов, С.В. Волкова, В.К. Катушонок, И.П. Башкатов, В.В. Бахарев, Данакин Н.С., И.П. Башкатов, Ю.А. Васильев, В.А. Васильева, С.А. Заврашин, О.В. Лапина, В. Лелеков, Ю. Прохоров, В.Ф. Пирожков, Петрова Г.О., Т.С. Сулимова, Т.Г. Татидивинова, Е.А. Глебова и др. Рассмотрению маргинальности как явления, посвящали свои работы А.Н. Олейник, С.Л. Скорьнин, Л.И. Кемалова, Ю.Д. Парунова И.М. Прибыткова, Д.С. Жуков, С.К. Лямин А.В. Пестриков, И.В. Могдалева, С.П. Гурин, М.Горбулева, Л.Шабанов, О.Н. Галсанамжилова. Подчеркнём, что маргинальная субкультура – также сложное по своим составляющим, система, в которую входят различные слои населения – криминал, люди с девиантным поведением, психические больные, надломленные люди, оппозиционеры, провокаторы, анархисты, политически неустойчивые групп и т.д. Отметим, что как маргинальная, так и интеллектуальная субкультуры сегодня достаточно активно изучаются научным сообществом. Преступность, преступление, преступник как научные категории, принадлежащие психологии, юриспруденции, социологии, философии исследованы в работах Г. Тарда, Д.Ю. Некрасова, В.В. Волкова. Тюремную субкультуру исследовали Н.В. Тищенко, Н.Д.Узлов, С.Ш. Арасланов, а криминальную – Т.Б. Щепанская, Д.Г. Донских, И.В. Костерина, В.Ф. Пирожков, В.А. Радзиевский, В.В. Шемякина, В.В. Гаврилюк (гопники), И.В. Туровский, А.А. Тайбаков.

2. Криминальная и интеллектуальная субкультуры в эпоху модерна и постмодерна

Как представляется, значительную степень активности в культуре эпохи модерна и постмодерна, проявляют две субкультуры (или два субкультурных объединения) – криминальная и интеллектуальная. И та и другая субкультуры могут приобретать характеристику маргинальности. А иногда – обрести статус доминирующих или признанных групп (например, в 90-е годы криминальная субкультура была популярна как объект художественного отображения в кино, телепередачах, литературе). Если проанализировать новостные сообщения различных телеканалов, газет, журналов, можно заметить, что значительную часть информации составляют новости о громких судебных процессах, криминальных происшествиях, бытовых и экономических преступлениях, а также о различных научных достижениях, особенно в области сложных технологий (например, новости о медицине, CERNе, технических новинках, запуске космических кораблей, вручении крупных научных премий и т.д.). Это показывает, что субкультура научной сферы частично вплетена в жизнь даже обычного человека, никак не связанного с интеллектуальными разработками, что обществу немаловажны интеллектуальные достижения, которые демонстрируют уровень развития того или иного государства; а интерес к криминальным новостям и фактам жизни преступников выдаёт общественные страхи, проецирует мнимые или реальные «угрозы повседневности».

Анализ философской литературы (в частности, работ М. Фуко) позволяет сделать вывод, что на протяжении двух веков интеллектуальная и криминальная субкультуры равно стремились к таким ценностям как власть, свобода, обретали характеристику мобильности субкультуры (при этом свобода и мобильность могут являться одними из составляющих власти). В этой позиции *знание* и *несвобода* противостоят друг другу, однако, это не означает, что маргинальная субкультура противостоит интеллектуальной. Попробуем проследить эти субкультуры и их отношения в данной статье.

Если говорить об обществе модерна, обретающем черты постмодерна, то следует упомянуть примечательное явление из жизни субкультур – многие из них утрачивают позиции противостояния друг другу. Можно говорить об этом явлении, как наблюдаемом в некоторых случаях, но гораздо сложнее понять его природу: возможно, это происходит потому, что исчезают некоторые предпосылки противостояния, конфронтации; возможно, общество само ищет возможность к большей толерантности, и, наконец, причиной может быть *подвижная иерархия общества* модерна и постмодерна [См.: Римский, с. 14-23; Фатенков, с. 47-57], многоуровневая иерархия, которая, отчасти, снимает вопрос противостояния. Субкультуры структурно усложняются, включают в себя различные общественные группы и представителей из разных кругов общества. Так, например, в криминальную субкультуру оказываются включёнными люди с хорошим образованием, интеллектом и талантами (а не только маргиналы в полном смысле слова), а сами преступления усложняются и требуют высочайших технологических разработок или узкого специализированного знания.

Зарождение модерна принято связывать с условно выделенными историками эпохой Нового времени. Общественное мнение часто противопоставляет друг другу маргинальную и интеллектуальную субкультуры (сравним оппозицию «гопник – ботаник», или «учёный – маргинал», а «нищий», «бомж», «тунеядец» вообще противостоят любой профессиональной определённости); однако практики взаимодействия этих субкультур гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Разве можно не признать в некоторых интеллектуалах – учёных, мыслителях некоторых черт маргинальности – босом и нищем Сократе, бездомном Диогене Синопском, гоняющем пауков одиночке Барухе Спинозе. Поскольку существует примеры признания научным сообществом феномена интеллектуальной маргинальности (И.В. Могадлёва рассматривает это явление) [Могадлёва, 2013], можно утверждать, что интеллектуальная и маргинальная субкультуры способны к некоторой интеграции.

Если описывать интеллектуальную субкультуру, то, пожалуй, следует сказать, что это не всегда «собранное сообщество», организованное лишь частично, её составляют ряд субкультур, зачастую, не связанных друг с другом. Однако интеллектуальную субкультуру необходимо признать целостным явлением, поскольку в субкультурах её составляющих, присутствуют схожие ценности, практики, мировоззрение, образ жизни, схожа среда существования, коммуникативные связи.

К интеллектуальной субкультуре в России традиционно относились, во-первых, различные профессиональные субкультуры, связанные с интеллектуальным трудом – субкультура врачей, учителей, юристов, священников. Эти профессиональные сообщества располагают большим уважением общества.

Среди названных профессиональных сообществ, безусловно, существуют в большей или меньшей степени элитарные группы, причём профессиональное сообщество, чаще всего, само определяет эту элитарность. Не раз приходилось слышать о том, что самые привилегированными (и обеспеченными) врачами сами медицинские работники называют стоматологов и гинекологов, причём в западной обществе в этот круг входят психотерапевты. В мире юриспруденции, до недавнего времени, негласно считалось, что быть адвокатом лучше, чем прокурором или судьёй (вероятно, это связано со степенью профессионального риска). Кроме этого, в интеллектуальную субкультуру, со всей очевидностью входит научное сообщество, часть интеллигенции (Д. Горецкий, А. Юров говорят о том, что интеллигенция является лишь потребителем и транслятором продукта интеллектуалов [Горецкий, Юров]) и часть так называемой «богемы», людей из мира искусства.

Исследованием феномена интеллектуальности, интеллектуализации, субкультурой интеллектуалов и интеллигенцией (иногда отождествляя эти понятия) в разное время занимались как западные – М. Фуко, Ф. Лиотар, Р. Дарендорф, П. Брюкнер, Р. Арон, Ж. ле Гофф, – так и отечественные авторы – В.Л. Иноземцев, В.П. Бабинцев, В.П. Римский, С.Н. Борисов, Е.А. Бондаренко и другие [См.: Бабинцев, Римский с. 16-28; Борисов, Бондаренко, Римский с. 5-19]. Широкий интерес научного сообщества к интеллектуалам объясним не только как попытка рассмотреть «самих себя». Нашу современную жизнь сопровождает феномен интеллектуализации. Крупнейший социолог Г. Зиммель указывал на растущую свободу человека в связи с интеллектуализацией жизни и развития экономики. Используя характеристику величины той или иной группы, он показал её связь со степенью индивидуальности и свободы членов группы. Так расширение группы приводит к росту возможностей социализации и интеллектуализации [Громов, Мацкевич]. Подтверждение теории Г. Зиммеля демонстрирует зарождение принципов «большой науки» в связи с развитием капитализма в Европе, в новое время, как раз в то время, когда в полной мере формировалась субкультура интеллектуалов.

Таким образом, наша гипотеза о том, что границы субкультуры интеллектуалов довольно непрочно, косвенно подтверждается – слишком много общественных групп (довольно больших групп, если такой термин позволят применить социологи), используя различные параметры и критерии (уровень образования, наличие статуса учёного, общая эрудиция, информированность, креативность – это не одно и то же) могут причислять себя к «клану» интеллектуалов, которые, как раз, и «ведут» в своём развитии общество.

Можно предположить, что интеллектуализация оборачивается своеобразным общественным защитным психологическим механизмом, позволяя объяснить (и пережить) всё – в том числе, негативные явления и стороны жизни. Кажется, что подобную роль в прошлом выполняли различные священные тексты, в которых прежде искали ответы на любые вопросы. Напрашивается вывод, что современное интеллектуализированное общество – это структура, наделённая большой свободой действия, хотя, религия не способствовала большой свободе индивида.

Маргинальность – термин, выдвинутый Э. Парком в работе «Человеческая миграция и маргинальный человек», и некоторое время термин использовался в связи с рассмотрением проблем аккультурации. Затем, Э. Хьюз предложил связать маргинальность с неопределённой социальной идентификацией. Так, маргинальным может считаться человек, который идентифицируется с двумя статусами или референтными группами [См.: Сергеев с. 492-493]. Таким образом, интеллектуал, рискнувший оказаться меж двух социальных групп признаётся обществом, не теряющим неопределённости, маргинальным (достаточно вспомнить обвинение в тунеядстве И. Бродского), а поскольку интеллектуал в силу своей природы оказывается где-то посередине (реальности (интеллектуалы и мечтатели и практики), правды (в том числе и посередине игры и «правды жизни»), общества), он легко причисляется обществом к маргинальной субкультуре.

В истории России существовал период, когда интеллигенция противопоставлялась рабоче-крестьянскому, пролетарскому обществу, не просто условно, а даже демонстративно, причислялась к маргинальным субкультурам (трудящиеся шаражек, барды, некоторые диссиденты балансировали на грани интеллектуальности и маргинальности). И раньше (А.Н.

Островский в пьесе «Без вины виноватые» рисует маргинальность актёрского мира), и в советское время в частности, на грани маргинальности и чрезвычайного утончённого интеллектуализма находилась талантливая советская богема. В своё время, психолог Т. Шибутани указал, что «...обязательного соотношения между маргинальным статусом и личностными расстройками душевного состояния не существует. Часто маргинальные личности формируют свои сообщества и следуют их ценностям. Невротические симптомы развиваются чаще у тех, кто пытается идентифицировать себя с высшей стратой и бунтует, когда их отвергают. Положительный исход маргинальной ситуации для личности – высокая творческая активность» [Сергеев с. 492-493]. Таким образом, интеллигенция, ощутив в какой-то период времени кризис, перешла в творческие профессии.

Среди характеристик, отличающих криминальную субкультуру, М.В. Гусев отмечает: «1) наличие враждующих асоциальных группировок; 2) жесткая групповая стратификация (иерархия ролей); 3) наличие системы мелких исключений для «верхов»; 4) психологическая и физическая изоляция «отверженных»; 5) наличие кличек; 6) распространение азартных игр; 7) распространение тюремной лирики и блатных (уголовных) песен; 8) распространение уголовного жаргона; 9) распространение татуировок; 10) насаждение тюремных традиций и воровских клятв; 11) вандализм» [Гусев, с. 113].

Наиболее яркий пример описания как антропологии наказания, маргиналов, (криминала и сумасшедших), так и образа интеллектуала и его отношений с обществом дал французский философ XX века Мишель Фуко. Его знакомство с работами Ф. Ницше позволило понять, что за познанием стоит стремление к власти [Дьяков, с. 63]. Обратное состояние – безумие является «гарантом интеллектуальной и духовной свободы человека» [Дьяков, Власова с. 52]. Заметим, что обратное утверждение тоже может быть справедливо: выход из-под контроля общества может быть расценен как выход «за норму», движение в сторону безумия. Криминальный мир всегда старался выйти из-под контроля общества, (самоорганизоваться или саморассогласоваться – но не испытывать давление извне). Таким образом, и в «блажи» интеллектуалов, в их «умном безумии» и в агрессии криминала видна потребность свободы – общественной, над-личностной, над-временной (криминал – древнейшая структура).

Современные отечественные исследователи прослеживают это стремление на практическом уровне: например, С.И. Шпак отмечает, что представителей криминальной субкультуры отличает стремление к личной свободе [Шпак, с. 272]. Но если для криминалитета свобода понимается как «свобода действия», то для интеллектуальных кругов – это, прежде всего, «свобода мысли»; при этом интеллектуальную культуру можно упрекнуть в некоторой инертности действий, пассивности, даже незащитности. В то же время, модерн можно охарактеризовать как время нарастающей поведенческой свободы субъекта и борьбы личного сознания с общественным сознанием. Например, М. Фуко в некоторых работах упоминает, что современное общество постепенно переходит от контроля тела к контролю сознания (что, вероятно, невозможно без участия интеллектуалов, и без смены сторонней позиции на участвующую).

3. Между тюрьмой и знанием: криминальное и интеллектуальное в философии М. Фуко и реальной истории

В работе «Ненормальные» М. Фуко определяет преступление как действие (пусть не всегда напрямую) затрагивающее властителя, шедшее вопреки его воле и интересов. В каждом преступлении, пишет М. Фуко, есть «толика царубийства» [Фуко, с. 108]. Эта мысль позволяет перейти к определению преступности и маргинальности: это всё то, что отдаляет человека от общества. Криминальность (и маргинальность) можно рассматривать как явление не приближающее, а отдаляющее какого-либо субъекта, группу людей от элитарных групп (и в этом смысле античные философы правы – исход из элитарной массы позволял наблюдать за происходящей реальностью более пристально). Поясним, что на наш взгляд, общество образно можно представить как явление с постоянными динамичными процессами: часть групп, его составляющих бесконечно далека от элит и бесконечно к ним приближается (естественно, такое движение может не заканчиваться ничем – оно практически бесконечно в исторической перспективе), существуют и обратное, противоположное движение, когда другая часть групп бесконечно удаляется от властного центра, от элитарных групп (власть и элита могут отождествляться или нет). Например, криминальные субкультуры, на протяжении многих веков противопоставлялись обществу, однако нельзя сказать, чтобы в

итоге криминальная субкультура выпала из какой-либо культуры, общества, была уничтожена или искоренена.

Как указывают А.В. Дьяков и О.А. Власова, М. Фуко разделяет области человеческой деятельности на четыре категории: «1) экономическое производство; 2) воспроизводство общества (сексуальность и семья); 3) речевые практики (говорение); 4) игровая деятельность. Соответственно этому, во всех обществах выделяются лица, поведение которых выходит за рамки правил, определяемых этими четырьмя областями, т.е. маргиналы: 1) те, кто уклоняется от экономического производства; 2) люди с сексуальной девиантностью; 3) лица, ускользающие от нормы дискурса; 4) лица, исключённые из игр и празднеств» [Дьяков, Власова, с. 52-53]. Изучая данную классификацию, можно провести неполную параллель с криминальной субкультурой, в которую входит, точно также, различные категории людей, совершившие разные преступления (экономические, преступления против личности и вопреки праву частной собственности и т.д.).

Отметим, что только в XIX-XX (общество модерна) вв. стал возможен новый вид преступлений – «информационное преступление», «преступный дискурс» (умышленная клевета и очернение чести и достоинства человека, в том числе и в средствах массовой информации, нарушение авторских прав и плагиат, ложная информация, распространяемая с целью уничтожить конкурентов по бизнесу, подстрекательство к вражде и ксенофобии, пропаганда терроризма, насилия и общественно порицаемого поведения (самоубийства, наркомании, педофилии, каких-либо извращений), реклама товаров, способствующих вредным привычкам, нездоровому образу жизни, информационное растление детей и т.д.), хакерство. Законодательные структуры разных стран откликнулись на это явление введением новых законов, и такая юридическая практика только начинает набирать обороты. Появляются новые виды наказания за информацию и её распространение, или, наоборот – использование, причём в новые виды наказания включены практики воздействия именно через информацию – которая является ценностью информационного общества.

М. Фуко подготавливает читателя к выводу о том, что общество переходит от практики «контроля-над-телом» к практике «контроля-над-мыслью» (или разумом). Возможно, катализатором подвижной иерархии общества модерна, составляющих его субкультур, во многом стремится выступить если не знание, то информация. Именно информация может объединять людей, а информированность способствует единому поведению в субкультурах (вспомним о влиянии западной моды на появление различных субкультур в России в 90-е годы – тиражированные образы как раньше, так и теперь копируются современными российскими подростками и молодёжью).

Постоянное (в исторической перспективе – чаще всего успешное) изгнание маргиналов из элитарных групп, показывает, что маргинальная и элитарная субкультура иногда находятся предельно близко друг от друга, фактически сливаясь, но в результате всё же дифференцируются общественными процессами и усилиями. Примерами «маргиналов-власти» могут служить личности первого и второго Лжедмитриев, Петра III и Павла I, которые не были поняты и приняты до конца своим окружением, дворянством, аристократией. Их мнимая, приписываемая окружением «маргинальность» (не по родству и привычкам, а по действиям, которые были так восприняты), во многом определялась двойным статусом российского монарха и человеком, подыгрывающим западной культуре.

Исторически, конечно, существуют примеры, когда маргинальные группы проникали в «верха», становясь элитарными группами – это история всевозможных революций и переворотов. Но и такое «движение» - не в сторону элит, не в стремлении сотрудничать с ними, интегрироваться, перенять культурные характеристики, а против них. Образно выражаясь, общество – та же Вселенная, со своими «взрывами сверхновых» (появление субкультур), «годовым параллаксом» (динамика субкультурных групп). Конечно, возникает вопрос, что считать центром (т.е. где граница элитарных, властных групп). Отметим, что «центр», как правило, тоже находится в движении, динамике, развитии.

Изменение субкультурных групп демонстрирует феномен *подвижной общественной иерархии*, способной выстаиваться как по «вертикальному», так и по «горизонтальному» принципу. Таким образом, субкультура может с большей вероятностью включать в себя совершенно различные группы людей, а границы субкультуры будут более размытыми, склонными к «миграции». Мы видим, что с увеличением доли образованных людей в разных странах, в течение XX века, в субкультуру интеллектуалов стали входить самые разные круги и представители.

В некотором смысле интеллектуальная субкультура в большей мере приближена к элитарным кругам, и в современном мире признана всё нарастающая корреляция между интеллектуалами и властью в обществе, ценящем информацию. Но, поскольку информация, всё же, не приравнивается к знанию, а связана с вопросом хорошо налаженных коммуникаций, возникает ситуация «ложных» интеллектуальных кругов, которые имеют возможность маргинализировать науку, сделать фикцией – образование, а в итоге – изменить то или иное общество.

М. Фуко отмечает, что политика – традиционное занятие интеллектуала, в силу его положения в буржуазном обществе. По мнению французского философа, власть и знание предполагают друг друга. Он выделяет два типа интеллектуалов – «проклятого» и тип «интеллектуала-социалиста». Автор заключает, что в настоящее время общество не нуждается в интеллектуалах ради знания, а роль интеллектуала – быть частью системы власти, «совестью» общественных отношений, бороться против всех видов власти (заметим – что это может породить некоторый идеологический, культурный хаос) [Фуко]. Также М.Фуко добавляет, что власть бесконечна, но не всеильна [Фуко]. Однако, как показывают некоторые работы, интеллектуальная субкультура также может стремиться к независимости от любой общественной власти, сохранить расстояние между собой и властными структурами.

Д. Горещкий, А. Юров выделяют виды отношений интеллектуалов и власти: союз, оппозиция, уход и альтернатива. Говоря о последней стратегии, авторы указывают, что она включает в себя и «создание собственных сообществ, претендующих на статус «независимого альтернативного социального пространства» [Фуко]. Безусловно, такая стратегия предполагает выстраивание новой иерархии, структуры субкультурной группы, определённые изменения как внутри группы, так и по отношению к остальному обществу.

Перед нами вновь случай подвижной иерархии, выстраивающейся не обязательно «вертикально», но и «горизонтально». Почти во всех четырёх стратегиях интеллектуалов по отношению к власти, мы можем увидеть чёткое дистанцирование от властных групп, сохранение своей собственной внутренней субкультурой структуры. На наш взгляд, одной из самых используемых исторических стратегий поведения российских интеллектуалов являлся именно уход, перерастающий в создание какой-либо альтернативы. Возможно поэтому, российского интеллектуала обвиняют в отсутствии ответственности перед обществом и историей, безразличии к происходящим событиям, когда чувство самосохранения перекрывает все остальные и даже влечёт за собой подобие антипатриотизма или отказ от Родины (проблема российской эмиграции и «утечки мозгов»). Особенно интересно об этом размышлять, если вспомнить ещё одну идею М.Фуко – о том, что существует 4 типа обществ по типу «избавления» от живых людей: общества бойни и ритуальных убийств, общества ссылки, общества реабилитации, общества заключения. Капиталистическое общество является обществом заключения [Фуко, с. 10].

В российском обществе XIX века, которое несло в себе все признаки «от» и «до» модернизирующегося общества (как в техническом, так и в социальном отношении) с признаками капитализма, на протяжении всего времени (вероятно, начало этому положено указами императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II о запрете смертной казни) именно ссылка (политическая казнь) была основным, социально наиболее важным вариантом наказания, подходившем под любой, выходящий в сторону криминала случай и годный для всех слоёв населения – как для закоренелого душегуба, так и для дворянина – революционера. Это необязательно ссылка в Сибирь, в тяжёлые условия жизни – возможно лишь ссылка в собственное поместье. Две самые страшные тюрьмы – Шлиссельбургская и тюрьма Петропавловской крепости - представляют собой символическое подобие ссылки – обе расположены на островах, и именно из-за условия отдалённости от всего мира, Шлиссельбургская тюрьма (на остров плохо проникают даже звуки извне) была наиболее тяжким вариантом наказания. Опасения Екатерины II, её попытки справиться с вольнодумством – это предвиденье «наступления интеллектуалов», которое начнётся по-настоящему, возможно, только с декабристами. В более ранние времена смуту породил совсем другой класс (восстание Емельяна Пугачёва, и гораздо ранее – Стеньки Разина).

В XIX веке возникает субкультура каторжан – в европейской литературе в это время появляются романтизированные образы заключённых и ссыльных (у В.Гюго, А.Дюма), романтизируются и образы реально живших людей – поэтов А.С. Пушкина сосланного в Михайловское и М.Ю.Лермонтова, сосланного на Кавказ. Отечественная интеллигенция, испытав на себе наказание ссылкой, в какой-то степени приняло её как упомянутую

альтернативу создания своего социально-культурного пространства, дающего возможность творческой деятельности и самовыражению. Ещё одним вариантом ссылки является отъезд за границу по собственному решению или иммиграция, участие в крупных исторических и политических событиях (деятельность А.С. Грибоедова). В редких случаях интеллигент сам себя изолирует от общества.

Как представляется, ссылка (изгнание) – одна из наиболее древних форм наказания, наряду с ритуальным убийством. Трагическая гибель Сократа, выбравшего смерть, а не изгнание, показывает, что последний вариант наказания не менее тяжёлый и более позорный, в представлении людей прошлого. Многие современные государства законодательно отказываются от использования наказания ссылкой, что не мешает существованию ссылки или изгнания в многоликих символических формах (например, изгнание может быть информационным). В XX-XXI веке отмечается большое количество разнообразных преступлений (хотя нет возможности сравнивать уровень жестокости преступлений прошлого и настоящего), а капиталистическое общество перешло к частому использованию заключения как меры пресечения и меры наказания преступлений.

Возможно, такая связь типа общества и традиций наказания может быть объяснена следующим образом. Ссылка как культурное явление связана с представлениями о территориях и территориальности государства у населения и представителей власти. Наказание ссылкой широко применялось в государствах с территориями, владение которыми было «неудобным», «затруднительным» в силу их отдалённости, плохих качеств земли или небольших природных ресурсов. Она избиралась, как наказание, в государствах с сильной авторитарной властью, с монархией (например, Великобритания и Россия). Ссылочные люди заселяли отдалённые или малонаселённые территории, символически подтверждая, таким образом, права монарха на владение удалёнными или спорными областями; они хоть и изгонялись из общества, но оставались подданными монарха. Несмотря на общественный позор, в ссылке есть некоторые привилегии, которые сохраняют за собой опальное дворянство: привилегия остаться живым, возможность заниматься, хотя бы немного, своей жизнью и интересами (Например, А.Д. Меньшиков в ссылке смог построить деревянную церковь). Менее привилегированные заключённые оканчивали свою жизнь не в ссылкой, а казнью (Е. Пугачёв, С. Разин). Заключение более предпочтительно в буржуазном обществе, где земля, территория не только возводится в одну из главных материальных ценностей, но и разделяется общественными группами (а при сохранении монарха, в его владениях могут быть незначительные территории). Возможно, каторга на раннем этапе развития буржуазии была предпочтительна как радикальный вариант труда, часто связанного с тем или иным освоением и обработкой земли.

Но правильно ли рассматривать наказание как результат изменений взглядов, общественного уклада, идеологии только общества, но не изменений самой криминальной или маргинальной субкультуры? Наказание выбирается обществом по принципам не только «удобства» в широком смысле, но и действенности. Общество, разделяя какие-либо взгляды, может столкнуться с группой лиц, которая выходит за рамки той или иной культуры, идеологии, системы мышления – и наказание перестаёт действовать. Например, система наказания царской России не повлияла существенно на рост революционного, антимонархического движения. Пролетариат был уже несколько оторван от земли (в отличие от крестьянства в провинции), а смерть революционера обретала священность через понятие жертвенности, наделялась символическим значением (революционная символика близко подходит к древним сакральным символам – крови, огню и т.д.).

В работе «Надзирать и наказывать» М.Фуко отмечает, что общество судит, в основном, страсти, инстинкты, аномалии, физические недостатки, неприспособленность, последствия воздействия среды или наследственность. Это замечание обнаруживает у маргиналов, криминалитета (да и у интеллектуальных групп) слабо развитые механизмы социальной адаптации к обществу и общественным явлениям.

В заключение, можно с уверенностью утверждать, что и маргинальная и интеллектуальная субкультуры одинаково стремились к лидерским позициям в обществе модерна, и сейчас эти субкультуры представляют собой динамично развивающиеся, доминирующие общественные группы. Например, маргинальную субкультуру за последний век стало составлять большее разнообразие малых субкультур: XX век открыл всевозможные протестные движения, сформировал способы бунта, произвёл его в фактор взросления как общества, так и индивида. Интеллектуальная субкультура открыла новые механизмы

вхождения в интеллектуальные круги (в силу возросшей, но не возрастающей доступности образования), предлагает новые формы власти (власть символов, информационный контроль, мифологизация, манипулирование общественным мнением и т.д.). На протяжении истории интеллектуалы характеризовались как культурной, так и ролевой маргинальностью (терминология Дж.Б. Манчини [Сергеев, с. 493]) – в разной степени. Так, ролевая маргинальность интеллектуалов присутствовала в первые годы после Октябрьской революции, когда интеллектуалы показались ненужными в обществе, а культурная маргинальность присуща интеллектуальным кругам сегодня, поскольку, как правило, эти круги противостоят массовой культуре и обществу потребления.

Список литературы References

1. Бабинцев В.П., Римский В.П. Матрица русофобии и ментально-антропологические типы русской интеллигенции // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №16 (159). Вып. 25. Белгород, 2013. С. 16-28.
Babintsev V.P., Rimskiy V.P. Matritsa rusofobii i mental'no-antropologicheskiye tipy russkoy intelligentsii // Nauchnyye vedomosti BelGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo». №16 (159). Вып. 25. Belgorod, 2013. S. 16-28.
2. Бабинцев В.П., Римский В.П. Бюрократизация вуза как антиинтеллектуальный процесс // Наука. Культура. Искусство. Рецензируемый научный журнал БГИИК. №4. Белгород, 2014. С. 5-17.
Babintsev V.P., Rimskiy V.P. Byurokratizatsiya vuza kak antiintellektual'nyy protsess // Nauka. Kul'tura. Iskusstvo. Retenziruyemyy nauchnyy zhurnal BGIK. №4. Belgo-rod, 2014. S. 5-17.
3. Борисов С.Н., Бондаренко Е.А., Римский В.П. Культурный капитал и интеллектуальные субкультуры в античном духовном производстве. Статья 1 // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №9 (180). Вып. 28. Белгород, 2014. С. 5-19.
Borisov S.N., Bondarenko Ye.A., Rimskiy V.P. Kul'turnyy kapital i intellektual'nyye subkul'tury v antichnom dukhovnom proizvodstve. Stat'ya 1 // Nauchnyye vedomosti BelGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo». №9 (180). Вып. 28. Belgorod, 2014. S. 5-19.
4. Борисов С.Н., Бондаренко Е.А., Римский В.П. Культурный капитал и интеллектуальные субкультуры в античном духовном производстве. Статья 2 // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №16 (187). Вып. 29. Белгород, 2014. С. 5-11.
Borisov S.N., Bondarenko Ye.A., Rimskiy V.P. Kul'turnyy kapital i intellektual'nyye subkul'tury v antichnom dukhovnom proizvodstve. Stat'ya 2 // Nauchnyye vedomosti BelGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo». №16 (187). Вып. 29. Belgorod, 2014. S. 5-11.
5. Бондаренко Е.А., Борисов С.Н., Римский В.П. Интеллектуальные субкультуры в Средние века и эпоху Возрождения // Наука. Искусство. Культура. Научный рецензируемый журнал БГИИК. Белгород, 2014. № 4. С. 178-184.
Bondarenko Ye.A., Borisov S.N., Rimskiy V.P. Intellektual'nyye subkul'tury v Sredniye veka i epokhu Vozrozhdeniya // Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. Nauchnyy retsenziruyemyy zhurnal BGIK. Belgorod, 2014. № 4. S. 178-184.
6. Горецкий Д., Юров А. Гуманитарият, или о месте интеллектуалов в социальном пространстве [Эл. ресурс]. URL: http://www.pgpalata.ru/reshr/ap_01.shtml.
Goretskiy D., Yurov A. Gumanitariyat, ili o meste intellektualov v sotsial'nom prostranstve [El. resurs]. URL: http://www.pgpalata.ru/reshr/ap_01.shtml.
7. Громов И.А., Мацкевич А.Ю. Западная теоретическая социология. Формальная социология Г. Зиммеля [Эл. ресурс]. URL: http://society.polbu.ru/gromov_sociology/ch16_all.html.
Gromov I.A., Matskevich A.YU. Zapadnaya teoreticheskaya sotsiologiya. Formal'naya sotsiologiya G. Zimmelya [El. resurs]. URL: http://society.polbu.ru/gromov_sociology/ch16_all.html.
8. Гусев М.В. Проблема распространения криминальной субкультуры в России. //Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2007. №5. С. 112-115.
Gusev M.V. Problema rasprostraneniya kriminal'noy subkul'tury v Rossii. //Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2007. №5. S. 112-115.
9. Дьяков А.В. «Открытая философия»: Фуко и Ницше // Хóра. 2007. №1/2. С.61-68.
D'yakov A.V. «Otkrytaya filosofiya»: Fuko i Nitsshe // Chóra. 2007. №1/2. S.61-68.
10. Дьяков А.В., Власова О.А. Мишель Фуко в пространстве клиники // Хóра. 2008. №1. С. 50-62.
D'yakov A.V., Vlasova O.A. Mishel' Fuko v prostranstve kliniki // Chóra. 2008. №1. S. 50-62.

11. Могдалёва И.В. Роль маргинала-интеллектуала в развитии общества // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). №1(21). 2013. URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/64/o>.

Mogdalova I.V. Rol' marginala-intellektuala v razvitii obshchestva // Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyy nauchnyy zhurnal). №1(21). 2013. URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/64/o>.

12. Римский В.П. Православие и русская культура в XXI столетии: опыт культурологического прогноза // Христианство и культура: Научно-богословский сборник / Под ред. В.П. Римского. Белгород, 2002. С. 14-23.

Rimskiy V.P. Pravoslaviye i russkaya kul'tura v XXI stoletii: opyt kul'turologicheskogo prognoza // Khristianstvo i kul'tura: Nauchno-bogoslovskiy sbornik / Pod red. V.P. Rimskogo. Belgorod, 2002. S. 14-23.

13. Сергеев Е. Маргинальность // Новая философская энциклопедия. М. : Мысль. 2010. Т. 2. С. 492-493.

Sergeyev Ye. Marginal'nost' // Novaya filosofskaya entsiklopediya. M. : Mysl'. 2010. T. 2. S. 492-493.

14. Фатенков А.Н. К онтологическим истокам идеи подвижной иерархии / А.Н. Фатенков // Вопросы философии. 2008. №5. С. 47-57.

Fatenkov A.N. K ontologicheskim istokam idei podvizhnoy iyerarkhii / A.N. Fatenkov // Voprosy filosofii. 2008. №5. S. 47-57.

15. Флиер А.Я. Культурология для культурологов. М., 2000.

Fliyer A.YA. Kul'turologiya dlya kul'turologov. M., 2000.

16. Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году. СПб.: Наука, 2005.

Fuko M. Nenormal'nyye: Kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1974-1975 uchebном году. SPb.: Nauka, 2005.

17. Фуко М. Интеллектуалы и власть [Эл. ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_intel_power/Fuko_03.php

Fuko M. Intellektualy i vlast' [El. resurs]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_intel_power/Fuko_03.php

18. Фуко М. Восстановить бесполезно? [Эл. ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz%20/2011/5/fu2.html>.

Fuko M. Vosstavat' bespolezno? [El. resurs]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz%20/2011/5/fu2.html>.

19. Фуко Мишель Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 2 / Пер. с франц. И. Окуневой под общей ред. Б. М. Скуратова. М.: Практис, 2005.

Fuko Mishel' Intellektualy i vlast': Izbrannyye politicheskiye stat'i, vystupleniya i interv'yu. Chast' 2 / Per. s frants. I. Okunevoy pod obshchey red. B. M. Skuratova. M.: Praksis, 2005.

20. Шпак С.И. Криминальная субкультура как социальный феномен // Общество и право. 2012. № 2 (39). С. 271-275.

Shpak S.I. Kriminal'naya subkul'tura kak sotsial'nyy fenomen // Obshchestvo i pravo. 2012. № 2 (39). S. 271-275.

21. Щепанская Т.Б. Традиции городских субкультур // Современный городской фольклор. М.: РГУ, 2003.

Shchepanskaya T.B. Traditsii gorodskikh subkul'tur // Sovremennyye gorodskoy fol'klor. M.: RGGU, 2003.

УДК 008(091)

**ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ
В СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ****PROBLEM DETERMINATION OF CULTURE
THE SOCIO-HISTORICAL CULTURE****М.А. Дидык
M.A. Didyk***Южный федеральный университет, Россия, 344006, г. Ростов-на-Дону, Б. Садовая, 105/42
Southern Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, 344006, Russia**E-mail: madidyk@yandex.ru*

Ключевые слова: культура, типология культуры, историческая социальная культурология.
Key words: culture, typology of culture, historical and social cultural studies

Аннотация. В статье представлена проблема осмысления культуры, различные подходы и интерпретации, подводящие к констатации многогранности и многоплановости культуры, с одной стороны, и к «запутанности» сложившейся ситуации, с другой. Предпринята попытка поиска «общего знаменателя» культуры в рамках исследовательского поля социальной исторической культурологии.

Resume. The article presents the problem of understanding the culture, the different sub-passages and interpretations lead-in to the statement of versatility and diversity-sti culture, on the one hand, and to the "confusion" of the situation, on the other. An attempt to find a "common denominator" culture within the research field of social historical cultural studies.

Слово культура имеет глубокие лингвистические основания и смыслы, поражающие своей континуальностью и выводящие, тем самым, на многообразную почву понятийного пространства. Сегодня понимание культуры допускает такие сверхскоростные «полеты» мысли и на такие «расстояния», что не всегда оказывается возможным объять и обозреть их единичным умом. Количество вариантов-версий, «притянутых» к культуре и включающих ее в основной «именной» состав неумолимо растет и начинает влиять на качественно новое содержание. Уже в 1975 г. М.К. Петров ярко представил эту тенденцию «культурного изобилия» на красочных примерах: «культура чувств», «культура речи», «культура обслуживания», «две культуры», «культурная революция», «культура земледелия», «культура Востока», «физическая культура», «философская культура» и даже «культура раздоя фуражных коров» [1, 83].

Этот неполный список «разношерстных» словоупотреблений в середине XX в., который можно было бы продолжать, М.К. Петров привел как пример многогранности и многоликости культуры. В таком многообразии неизбежно потребовалась определенность в понимании культуры, как «общего для всех словоупотреблений смыслового инварианта» [1, 84], допускающего различные его специфические дополнения, но не изменяющие сущностные характеристики.

Спустя четверть века тенденция «окультуривания» культурой «всего и вся» возросла, что справедливо заметил А.П. Огурцов, сославшись на свою с С.С. Неретиной книгу «Время культуры» (2000), и даже утратила первоначальные смыслы. «Я не буду говорить о банализации понятия «культура», которое стала прилагаться ко всему и вся – и к высокой культуре, и к массовой культуре, и к культуре быта и т.д. Это понятие стало настолько расхожим, что оно потеряло смысловое содержание и как ярлык стало прикладываться ко многим явлениям и процессам, которые весьма далеки от культуры» [2, 95].

Сегодня беспорядочное звучание и употребление слова «культура» практически вошло в привычку. По телевидению транслируют канал «Культура», новостные эфиры как правило завершают «Новости культуры», СМИ во всей полноте – культура в культуре. Реалии и практики культуры обнаруживаются во всех сферах человеческой действительности, порой

самых неожиданных. Например, в августе 2014 г. в Министерство здравоохранения поступило обращение депутата Госдумы от «Справедливой России» Олега Михеева в котором он высказал просьбу о запрете тестирования косметики на животных, напомнив, что в настоящее время разработаны способы исследования веществ непосредственно на культуре клеток [3].

Так что же такое культура? Найден ли тот общий знаменатель или «инвариант», позволяющий собрать воедино все это многоликое, многоструктурное образование? Можно ли говорить о культуре в реалиях одного контекста и одной парадигмы?

Констатируя неизбежность выхода на это проблемное поле при любой попытке теоретического осмысления и представления культуры М.К. Петров, тем не менее подчеркивал «бесплодность» и «методологическую несостоятельность» идеи «знаменателя», объясняя это «неоднозначностью отношений между явлением и научными подходами к его изучению». Другими словами, «одни и те же реалии культуры могут нести различные смысловые нагрузки, если подходы используют различную методологию и задают свои особые контексты», а, следовательно, исследование и изучение культуры может быть фундировано на том или ином подходе к ее пониманию [1, 85].

В сходном ключе рассуждает А.Я. Флиер представляя культуру как «фабрику» по производству смыслов в исторической динамике [3]. По сути, культура может рассматриваться как некоторое отражение той действительности, в которой она существует. То есть каждый исторический этап [4], наполненный теми или иными социальными событиями, интересами и потребностями, интерпретациями и запросами, становится так называемой площадкой по выработыванию смыслов [5], понятий, категорий культуры, актуальных для соответствующего «социального Бытия».

По мнению В.М. Межуева, наиболее значимым является «не культура сама по себе, а то, что думали о ней философы в разные времена и у разных народов» [6, 5]. И здесь необходимо отметить особую роль философского осмысления культуры. Критикуя различные определения, предложенные в духе определения Э. Тайлора, где культура – есть комплекс, включающий знания, верования, искусства, нравственность, законы, обычаи, а также некоторые иные способности и привычки, усвоенные человеком как членом общества [7, 18], В.М. Межуев предлагает свое собственное понимание культуры, «как сферы существования и развития человеческой личности, свободной индивидуальности в ее отношении к природе, другим людям и самой себе», которое предполагает наличие культурно-исторической типологии. Выделяя три уже сложившихся исторических типа – этническую культуру («коллективную личность»), национальную («коллектив личностей») и массовую («безличный коллектив») – В.М. Межуев подводит к новому высокому типу, сменяющему массовый, в рамках которого можно было бы представить объединение «массовости современной культуры с индивидуальностью авторского лица» [8, 37].

Сопряжение исторического и социального в культуре, образует некоторый смысловой фон, позволяющий осуществлять различного рода исследования как в рамках чистой культурологии [9, 301-302], так и в междисциплинарном пространстве гуманитаристики. На сегодняшний день, в современной отечественной культурологии обнаруживается достаточно большой пласт основательных работ, посвященных целостному представлению проблемы культуры и ее теоретическому осмыслению. Весь спектр теоретической проблематики, касающийся сугубо специальных вопросов (структура, функции, цели, методы и т.д.), представлять нет необходимости, а остановиться на ключевых смысло-понятийных репрезентациях культуры (т.е. погрузиться в теоретическую часть исторической культурологии) в исследуемом контексте, кажется весьма полезным.

Отталкиваясь от классической, общепринятой и ставшей традиционной начиная с XVII в. в европейской институциональной образовательной среде, периодизации исторического процесса, предложенной итальянскими гуманистами XV в., и распространившейся благодаря «Методу легкого изучения истории» (1566 г.) Жана Бодена, в рамках которой вся история была разделена на древнюю, среднюю и новую, можно было бы рассмотреть и ключевые фазы генезиса «культуры» в указанной исторической перспективе. Латинское происхождение «культуры» обуславливает концентрацию внимания к развитию европейского региона культуры [1; 9], в контексте которого и уместно представлять трансформацию его смыслов.

Итак, европейский регион культуры рожденный в античности [13; 14], прошел путь поэтапного изменения идей и реалий. «И Античность, и Средние века, и Просвещение были, конечно, эпохами культуры, а не варварства, однако они не мыслили о себе в понятиях

“культуры”, “ценностей культуры”, “типов культуры”. Та “система отсчета”, которая была фундаментальной для каждой из этих типов социальных систем, была иной, и именно она формировала специфические установки личности и критерии “отнесения” того или иного произведения человека к “вечным ценностям» [10, 5]. Исторический критерий такой типологии представляет культуру как некоторую социальную память [12, 39], «как живое образование, как сообщество людей, имеющих видение и сознание» [11]. Эта «линейная» социально-трансляционная историческая перспектива, отражает в целом пошаговое изменение европейского региона.

В этом контексте уместно обращение к концепции М.К. Петрова в отношении трех типов культуры, лично-именном (связанным с первобытностью), профессионально-именном (связанным с сельскохозяйственными цивилизациями) и универсально-понятийном (в сущности, европейском). По сути концепция М.К. Петрова не представляет линейный взгляд на развитие всемирной истории, подобно универсалистской картине Г. Гегеля, формационной К. Маркса и др., так как генетический сбой, мутационное вмешательство, отклонившее от исторической «нормы» только один единственный социальный организм, определяет уникальную инновационную линию развития, не исключая параллельного существования, так называемых, нормальных культур. Оторвавшись как бы от всемирной истории, оставив за бортом «всеобщие» основания (то в истории, что предшествует античной культуре в новом измененном формате «отклонения от нормы») и дистанцируясь от параллельных сценариев, мы, по сути, оказываемся в проекции развития сценария нашего европейского социокода.

В работе «Самосознание и научное творчество» [13] представлена проблема культуры в современном звучании. Текст «Самосознания...» представляет, на наш взгляд, большой интерес во многих отношениях. Во-первых, как самая «широкая постановка вопроса» о культуре как «способе социальной жизни», выводящая за рамки сложившегося традиционно-ценностного подхода. Во-вторых, как проба новационной модели исторического процесса, перешагивающая рамки линейно-диалектического и этапно-формационного представления. В-третьих, как научная лаборатория осуществляющая поиск и кристаллизацию связи самосознания и научного творчества уникального европейского способа мысли, представленного в картине типологического спектра традиционных оснований и оснований универсальности.

«Сегодня всех нас волнует культура. Причем культура не как совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человечеством по ходу общественно-исторического развития, а скорее как самая широкая постановка вопроса о способе социальной жизни, куда на правах частных и допускающих некоторое множество решений входили бы проблемы мировоззрения, форм общественного сознания, базисных и надстроечных структур, способа производства и т.п.» [13, 6]. В этой самой общей постановке [15] прослеживается мысль о культуре как некоторой динамической системе, включающей целый спектр элементов разного характера, обуславливающих взаимодействия, что и представляет социальную жизнь. С другой стороны, учитывая особенности и индивидуальные характеристики конкретных культур, необходимо включается понятие «способ», прямо выводящее на типологию социальных систем, распределяющихся, в первом приближении, между двумя главными потоками развития – «европейским» и «неевропейским». Фактически именно «способ» определяет дальнейшие возможные движения мысли, включая во всеобщий контекст неоднозначность, различенность, вариативность, выводящие к типологии.

«Античная культура» (1966), «Философские проблемы „науки о науке“» (1965-66) и «Социальные основы самосознания и научного творчества» (1967) – монографии М.К. Петрова, образующие своеобразный междисциплинарный узел, рождающий в рамках философской мысли рефлексию на культуру, науку, социальность в историческом контексте. Именно здесь рождается та проблематика историко-культурной социальности, которая в последствии вырастает и утверждается в «Языке, знаке, культуре» (1974). М.К. Петров создал на этой основе – в рамках своей философии культуры – настоящую и полноценную историческую социальную культурологию. В этом исследовательском поле проблема культуры, несмотря на вариативность и типологию, все же приобретает не только возможные и допустимые ориентиры, но и четкие формы системы с «общим знаменателем», где культура – «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни» [14].

Список литературы
References

1. Петров М.К. Методологические проблемы культуроведения // Философское и культурологическое осмысление: феномен восточнохристианской цивилизации. ЕН АРХН: Выпуск 1 / Серия «Восток-Запад-Россия». Ростов-на-Дону, Изд.-во ООО «ЦВВР», 2003.
2. Огурцов А.П. Поражение философии // Политическая концептология. № 2, 2014.
3. Флиер А.Я. Культура как смысл истории // Общественные науки и современность – 1999.
4. Флиер А.Я. Культура как «фабрика» по производству смыслов: историческая динамика // Культура культуры. № 3, 2014.
5. URL: <http://cult-cult.ru/archiv-2014-3/> дата обращения – 12.08.2015.
7. Пелипенко А.А. Постигание культуры: в 2 ч. Ч. 1. Культура и смысл / А.А. Пелипенко. – М.: РОССПЭН, 2012.
8. Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. - М.: Университетская книга, 2012.
9. Тайлор Э. Б. Первобытная культура: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1989.
10. Межуев В.М., Нилогова А.С. Культурология vs философия культуры (беседа А. С. Нилогова с В. М. Межуевым) // Вопросы культурологии. № 4, 2015.
11. Дидык М.А. Типология культуры в региональном и осевом измерениях / Цивилизационная парадигма в философии и смысложизненная рефлексия. Сб. трудов научной конференции с международным участием. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015.
12. Неретина С.С., Огурцов А.П. Время культуры. СПб.: РХГА, 2000.
13. Розин В.М. Условия мыслимости понятия культуры // Культура культуры. № 3, 2015.
14. Докучаев И.И. Трансгрессия и редукция: пути интеграции социально-гуманитарных наук и культурология // Современная теория, философия и методология исследований культуры. Сборник статей. / СПб: Эйдос, 2012. – 861 с.
15. Петров М.К. Самосознание и научное творчество. Изд. Рост. ун.-та. Ростов-на-Дону. 1992.
16. Степин В.С. Культура // Новая философская энциклопедия. – М., 2010. – Т.2. – С.341.
17. Порус В.Н. Духовность как потенциал свободы / Культурно-историческая психология. 2012. № 2. С. 104-112

УДК 130.2

АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВЫХ СУБКУЛЬТУР В ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЯЗЫКА¹**THE ANALYSIS OF REGIONAL LINGUISTIC SUBCULTURES IN VALUE-SEMANTIC SPACE OF LANGUAGE****И.Г. Колесникова, И.Е. Белогорцева, В.С. Игнатова
I.G. Kolesnikova, I.E. Belogortseva, V.S. Ignatova***Белгородский государственный институт искусств и культуры, Россия, 308033, Белгород, ул. Королёва, 7
Belgorod State University of Arts and Culture, 7 Korolev St., Belgorod, 308033, Russia**E-mail: kashnikova_i@mail.ru*

Ключевые слова: субкультура, язык, культура, ценности, оценка, картина мира, образ мира.
Key words: subculture, language, culture, values, assessment picture of the world, the image of the world.

Аннотация. В статье рассматривается понятие языковой субкультуры относительно региональной специфики. Авторами анализируется региональная языковая субкультура в ценностно-смысловом пространстве языка.

Resume. The article deals with the concept of linguistic subculture on regional specificity. The authors analyze regional language subculture in value-semantic linguistic space.

В свете анализа региональных языковых субкультур в аспекте лингвокультурологии необходимо рассмотрение таких базовых понятий как «языковое сознание» и «картина мира». В современном языкознании имеется весьма широкий спектр толкований понятия «языковое сознание». Для О.С. Ахмановой это «особенности культуры и общественной жизни данного человеческого коллектива, определившие его психическое своеобразие и отразившиеся в специфических чертах данного языка» [Ахманова 2007, 439]. По А.А. Леонтьеву, понятие «языковое сознание» близко к тому содержанию, которое вкладывается в «образ мира». Нередко языковое сознание определяется как «психические механизмы порождения речи, обеспечивающие речевую деятельность человека – механизмы порождения, восприятия и хранения языка в сознании» [Попова 2002, 3]. Это, как нетрудно заметить, «широкое» понимание искомого понятия. Нам же предпочтительнее «узкое» его определение, при котором оно получает подкорковый статус, сопрягаясь с понятием «языковая компетенция». В таком ракурсе, понятие «языковое сознание» может быть применимо к данному исследованию, поскольку может рассматриваться как отражение специфической языковой структуры в подсознании личности, отражающего в своей речи смысловую языковую и образную особенность. Вместе с тем, для лингвокультурологии субкультур в отдельных случаях необходимо обращаться и к отдельным аспектам широкого понимания языкового сознания.

Фактически языковое сознание – это совокупность всех знаний человека о своем языке и знаний, закодированных в его семантике, существование и осмысление которых невозможно без погружения в контекст региональной культуры, позволяющей выделять в рамках инвариантного общерусского языкового сознания одну из его категорий – региональную языковую субкультуру.

Диалог культур (украинской и общерусской) способствует созданию в лексических фондах частных языковых картин мира, аккумулирующих лексику, необходимую для описания региональной культуры. Наряду с традиционным усвоением единиц национальной культуры наблюдается «перекрестное» освоение литературными языками единиц другой культуры.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-13-31010.

Основой для создания вторичных наименований в отдельных случаях является наличие у слова внутренней формы, обладающей яркой образностью и экспрессивностью. «Именно здесь при сравнении одного языка с другим выявляются несоответствия, обнаруживаются лакуны, отчасти связанные с культурно-историческими и этнографическими лакунами, отчасти объясняемые спецификой внутренних форм», – замечает Ю.Н. Караулов [Караулов 1976, 244].

Однако любая языковая культура (т.е. в пределах одной языковой системы) складывается из нескольких субкультур (в значении «нахождение внутри чего-либо», а не в значении «суррогат», «заместитель», «второстепенный»). Субкультура, следовательно, – это более узкое языковое пространство, чем пространство языковой культуры. При взаимодействии языков нормы определенной субкультуры складываются из соответствующих социально-языковых ситуаций.

Региональные языковые субкультуры формируются и развиваются под влиянием преимущественно экстралингвистических факторов и связаны с типами существования (бытования) языка, с одной стороны, и сферами функционирования языка (сферами общения), с другой. Субкультуры нельзя сводить к приведенным двум сферам (бытования языка и функционирования языка), поскольку они связаны с поведенческой стороной речевой деятельности человека и социума, и нормы субкультуры базируются не на собственно языковых (системно-языковых) отношениях и связях, а конвенциональных и культурно-исторических факторах. Из этого следует, что в субкультурах узус определяет речевое поведение участников коммуникации, хотя при определенных условиях или в результате соответствующей кодификации (ср. понятие языкового строительства) узус в некоторых своих проявлениях может стать элементом языковой нормы.

Модель презентации функциональных единиц региональной языковой субкультуры имеет эксплицитную и имплицитную части. Такие ментальные конструкты, как когнитивные прототипы, концепты, фрейм структуры, находятся в подводной части и эксплицируются комплексом функциональных единиц лингвистического и культурного пространств. Это взаимопроникающая и подвижно-комбинаторная система, где различные функциональные единицы вступают во взаимодействие друг с другом, конструируя характерные для определенного временного континуума комбинации. «Продукты» взаимодействия функциональных единиц дискурсивного пространства образуют сферу сознательной деятельности личности.

Базисные функции языковой субкультуры – интерпретативная (осуществление видения мира) и регулятивная. Наличие единой языковой субкультуры может внутренне интегрировать и одновременно внешне отграничивать представителей одного этнического, культурного, профессионального сообществ. Языковая субкультура опосредует акты мировосприятия и миропонимания, а также осуществляет построение субъектных образов мира, используя особый арсенал функциональных единиц. Так, разновидностью языковой субкультуры стало возникновение специфичного «олбанского языка» (так его именуют сами носители).

При исследовании региональной языковой субкультуры в её структуре можно выделить три уровня:

- вербально-семантический,
- когнитивный,
- прагматический.

Когнитивный слой, представляющий собой информационное пространство, иерархически структурирован и неоднороден, поскольку когнитивная деятельность может осуществляться как отдельными индивидами, так и различными коллективами, организованными по профессиональным, этническим, социальным принципам, и в результате их когнитивной деятельности складываются особые системы знаний. Например, с широким распространением сети Интернет и доступностью ее различным социальным и возрастным категориям формируется субкультура «падонкаф» или «каменткаф». Ее представителей объединяет специфичное использование русского языка в общении и комментировании записей на форумах, в социальных сетях, виртуальных дискуссиях.

В.В. Красных предлагает различать три набора знаний и представлений, понимая под знаниями «информационные», «содержательные» единицы, а под представлениями собственное представления, образы и понятия, а также связанные с ними оценки и коннотации [Красных 2003, 44]. Первый набор образует индивидуальное когнитивное

пространство, представляющее собой определенным образом структурированную совокупность знаний и представлений, которым обладает любая (языковая) личность, каждый человек говорящий. Второй вид совокупности знаний и представлений принадлежит всем личностям, входящим в тот или иной социум (коллективное когнитивное пространство). Наконец, третий вид – это определенным образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингво-культурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета, все говорящие на том или ином языке [Красных 2003, 45].

Таким образом, в контексте нашего исследования функциональные единицы региональной языковой субкультуры вполне можно квалифицировать как особым образом закодированные структуры репрезентации знаний в языке, имеющие определенное содержание и используемые для кумуляции и трансмиссии информации.

В аспекте лингвокультурологического подхода к исследованию ценностно-смыслового пространства языка мы опираемся на идею о том, что исследование ценностей субкультуры возможно только в рамках данной этноязыковой культуры, причем этнокультурное сознание в целом является способом существования концептосферы языка – на разных уровнях сознания этнокультуры «продуцируются те смыслы и идеи, на основе которых формируются культурные концепты» [Алефиренко 2010, 77]. Исследование языковой субкультуры через изучение соответствующих лексико-семантических полей позволяет выявить структуру эмотивно-оценочной части концептосферы личности.

Для исследования феномена языковой субкультуры необходимо уяснение понятия «картина мира». Картина мира – это «исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании её носителей и являющийся результатом всей духовной деятельности человека» [Серебренников 1988, 19]. Её органической составляющей является языковая картина мира (ЯКМ) – «совокупность знаний о мире, запечатленных в языковой форме» [Маслова 2001, 64], та призма, через которую человек видит мир. Она «включает в себя не только отраженные объекты, но и позицию отражающего субъекта, его отношение к этим объектам, причем позиция субъекта – такая же реальность, как и сами объекты» [Маслова 2001, 67]. В свою очередь позиция отражающего субъекта формирует языковую личность носителя субкультуры. Её сущность раскрывается через анализ тех языковых средств, с помощью которых эта картина мира создаётся. С этой целью под объективом лингвистического микроскопа оказываются многочисленные дискурсивно-познавательные средства языка. Например, если говорить о молодежных субкультурах, то данный возраст характеризуется многофакторной социализацией (развитие через обучение и через межличностное общение).

Важнейшими направлениями лингвокультурологических исследований является язык как «система семиотической репрезентации культурных ценностей» и принципы «отображения в семантике языковых единиц ценностно-смысловых категорий культуры» [Алефиренко 2010, 20], следовательно, лингвокультурология дает возможность изучения ценностей культуры посредством исследования языковой семантики, т.е. лингвокультурологический подход к изучению языка субкультур дает возможность изучения ценностей той или иной субкультуры в контексте определенной этнокультуры. Например, региональной культуры.

Ценности обычно понимаются как сформированные представления, значения некоего объекта для субъекта [Чернявская 2004, 45]. Для корректного применения понятия ценности в лингвокультурологии особую актуальность приобретают мысли С.Н. Виноградова [Виноградов 2007, 93-95]. Ученый определяет ценность как «идеальное образование, представляющее собой важность (значимость, значительность) предметов и явлений реальной действительности для общества и индивида и выраженное в различных проявлениях деятельности людей» [Виноградов 2007, 93]. Выраженность ценности, возможность ее физического проявления обнаруживает ее объективную сущность. Разновидностью выраженности является речевое воплощение представлений людей о ценностях, словесные модели ценности, создаваемые носителем языка. Простейшим примером выраженности ценностей являются такие их названия, как добро, правда, справедливость, свобода, красота и т.д.

Ценности иерархически организованы (в каждой лингвокультуре существует своя шкала ценностей); они носят исторический характер (ценности могут меняться), играют

исключительно важную роль в синергетике (самоорганизации) культуры. Вместе с тем они достаточно стабильны. Только формирование, осознание и принятие новой системы ценностей позволит окончательно преодолеть кризисные явления в культуре. Ценность всегда связана с оценкой, понимаемой широко – как определение полезности, целесообразности, уместности чего-либо и т.д., т.е. как размещение явления или факта на шкале «хорошо – плохо», как положительное или отрицательное отношение к чему-либо.

Оценка – форма существования ценностей. Оценка может быть (а) эмоционально-чувственной, если выражается единичной эмоцией или комплексом эмоций (в виде восхищения или негодования, стремления или отвержения, любви или ненависти); (б) рационально-вербальной, если дается оценка значимости объекта (в рецензиях, высказываниях, критических статьях, экспертных заключениях и т.д.); 3) прагматически-поведенческой – в форме реального действия или поведения, в том числе и сценического.

Для субкультуры самыми важными являются оценки, выраженные словесно. Наиболее зримо ценность и оценка связаны с такими языковыми явлениями, как семантика, языковые и речевые средства выражения значения, парадигматические отношения, обусловливаемые закономерностями варьирования и выбора номинативных единиц (семантико-стилистическая синонимия, вариантность лексических и фразеологических единиц и т.п.). Например, наиболее часто в языке субкультуры встречаются слова с явной оценочной характеристикой (*беспонтовый, мировой, борода* и т.д.).

Ценность и оценка как разновидности идеального существуют объективно, независимы от нашего сознания. Они связаны с выбором языковых средств, способов речемыслительной деятельности. Выбор – культурологически важная сфера деятельности людей или, по крайней мере, необходимая составная часть лингвокультуры. Таким образом, ценность, как и культура в целом, связана с деятельностью, выполняет в ее механизме конструктивную роль. Действительно, человек всегда к чему-либо стремится, чего-то избегает. При этом он оценивает и окружающих людей, и жизненные обстоятельства, и собственное поведение и на основе этой оценки действует. Поддерживая тезис о том, что ценности существуют объективно, независимо от нас, приходится заострять внимание на том, что они – не сами предметы и явления окружающего мира, а метонимически (по смежности) перенесенные на них их окказиональные, свойства и признаки. Если предмет получает свое знакообозначение, он отрывается от индивидуального или коллективного субъекта, номинировавшего его, и становится культурно значимым. Поэтому любые культурные концепты независимо от того, передают ли они ценность в её обыденном или научном понимании, являются ценностями. Почти все слова в процессе дискурсивно-метафорического мышления становятся словами-ценностями [Хэар 1985, 183]. Подтверждает это наличие в языковой субкультуре коммуникативных оценочных суждений (*зависающе, улёт* и др.)

Непременным условием актуализации культурных ценностей является «вертикальный контекст», который, в отличие от горизонтального, собственно языкового, рассматривается как своего рода пресуппозиция, совокупность сведений культурно- и материально-исторического, географического и прагматического характера, которая предполагается у носителя языка. Однако такое истолкование вертикального контекста лишено даже элементарного понимания его сущности. Понимание вертикального контекста в науке о языке опирается на изучение сверхфразового единства (см. работы Л.М. Скрединой о концептуальной схеме предложения и концепцию Густава Гийома). Вертикальный контекст органично вписывается в теорию сценической (диалогической по своей сути) речи. В его структуру входит 1) начальное предложение (высказывание говорящего субъекта) и 2) развертывающий фрагмент, содержащий несобственно-прямую речь как способ передачи чужого высказывания. Конфигурация векторов, изображающих контекст в процессе его развертывания, позволяет назвать данный вид сверхфразового единства вертикальным контекстом, а способность несобственно-прямой речи передавать произнесенную, словесно оформленную речь дает возможность именовать контекст вертикальным контекстом речи. На концептуальном уровне начальное предложение вертикального контекста речи содержит предмет речи; развертывающий фрагмент формирует то, что говорится о предмете. На поверхностном (речевом) уровне объект речи начального предложения выражается именем существительным (одушевленным или неодушевленным) в синтаксической функции дополнения. Предложения несобственно-прямой речи раскрывают содержание объекта речи. Имя существительное, выражающее объект речи, либо прямо повторяется в высказывании говорящего субъекта, либо заменяется другим существительным или местоимением в синтаксической функции

подлежащего, реже – дополнения. Анализ способов отражения в тексте проявлений активной деятельности сознания двух субъектов (передающего и говорящего) выявляет когнитивную природу рассматриваемого явления.

Вертикальный контекст служит приводным ремнём системно-функционального механизма интериоризации знаний, представлений, мнений об объективной действительности, выработанных человечеством в рамках той или иной этнокультуры, в процессе их ценностной интерпретации и моделирования таких базовых категорий культуры, как картина мира, концептуальная система мира, модель и образ мира. Каждая из этих категорий представляет собой относительно завершённый и целостный фрагмент глобального образа мира, который, в свою очередь, является буферным звеном между предметно-практическими (материальными) и духовными (идеальными) аспектами нашей жизнедеятельности, выступая универсальным средством образования того или иного этнокультурного сообщества. Они представляют собой структуры особой философии познания мира – герменевтики, которая, в отличие от гносеологии, не открывает, а истолковывает познаваемую действительность. Возможность такого структурирования познаваемого мира исходит из сущности основополагающей категории когнитивно-дискурсивной теории культуры, которой, в нашем представлении, и является глобальный образ мира. В основе когнитивно-дискурсивного структурирования глобального образа мира лежит уже известная тройственная связь между «предметом», «концептом» и «словом», с тем лишь отличием, что исходной точкой здесь оказывается не «концепт», а «слово», связующее предмет и его отражение в нашем сознании [Колесов 2002, 8]. При таком подходе региональная языковая культура может рассматриваться как антикультура, контркультура, субкультура, маргинальная, периферийная культура, не отражающая истинные ценности, а с точки зрения молодежи именно молодежная субкультура является наиболее привлекательной, т.к. отражает их ценностные приоритеты, то есть глобальный образ мира.

Глобальный образ мира – основа субъективного миропонимания, результат системной духовной активности человека по освоению всей своей предметно-практической деятельности. Такого рода субъективный образ объективной действительности, оставаясь образом реального мира, непременно подвергается семиотизации, объективируется разными подсистемами языковых знаков, которые, не будучи зеркальным отражением реальности, творчески её интерпретируют и после такой герменевтической обработки вводят в уже сложившуюся систему мировосприятия [Серебренников 1988, 21].

Региональная языковая субкультура, будучи вторичным, производным образованием, сложна, вариативна, динамична, но, тем не менее, у неё есть некий инвариантный остов – субкультурные константы, входящие в состав сознания каждого члена данного этноязыкового или регионального сообщества. Благодаря субкультурным константам обеспечивается не только взаимопонимание разных индивидуальных сознаний в рамках одной региональной языковой субкультуры, но и так называемая межкультурная коммуникация. Последняя осуществляется благодаря таким общим для субкультуры и культуры свойствам, как (1) отражающие мировоззрение этноса культурные и языковые формы сознания, (2) находящиеся в состоянии постоянного диалога. (3) Субкультура и культура имеют индивидуальные и общественные формы существования. «Внешний мир, в который погружен человек, чтобы стать фактором культуры, подвергается семиотизации и разделяется на область объектов, нечто означающих, символизирующих, указывающих, т.е. имеющих смысл, и объектов, представляющих лишь самих себя» [Лотман 2000, 178]. Такие семиотические единицы и порождают возникновение и функционирование региональной языковой субкультуры.

В ценностно-смысловом пространстве культуры категория смысла занимает особое место. Её сущность определяется общей соотносённостью и связью всех относящихся к понимаемой ситуации явлений. Только в таком случае можно говорить о том, что какой-либо текст культуры несёт определённый смысл. Осмысление такого рода общей соотносённости и связи организует понимание таким образом, что человек получает возможность фиксировать функциональные характеристики элементов ситуации относительно друг друга и относительно ситуации в целом, и может устойчиво воспроизводить эти характеристики во вторичных текстах. Только в этом случае можно утверждать, что «смысл текста понят». Для автора текста это означает главное: замысел, его смысловое содержание удачно трансформировано в набор функционально значимых элементов текста или предметов, относящихся к репрезентируемой ситуации.

Что касается исследования языковых субкультурных феноменов, то категория смысла также занимает ведущее место (наряду с ценностями, установками, моделями поведения). При этом культурные коды языковой субкультуры позволяют реконструировать не только языковые

особенности, но и репрезентируемую картину мира, включающую языковые субкультурные ценности.

Таким образом, языковая субкультура это модель ценностного пространства субкультуры во всех своих коннотативных, денотативных и ценностных предпочтениях. При этом региональная языковая субкультура представляет собой синтез ценностно-смысловых особенностей региона, его этнокультурных стереотипов и семантических и синтаксических моделей культуры.

Ведущим механизмом в этом синергетическом континууме оказывается языковая модель субкультурного мира, поскольку именно в ней отображается многоплановая действительность: а) социальный или культурно сложившийся в данном этноязыковом и региональном сообществе образ мира; б) свод ненормативных грамматических субъектно-объектных отношений между элементами регионального пространства; в) лингвосомиотический механизм концептуализации мироздания. В силу этого каждая языковая субкультура отражает именно ту, а не иную картину мира, способ ее восприятия и кодировки – семантическое «подпространство» соответствующего языка.

Таким образом, региональная языковая субкультура – это деятельностно-дискурсивное пространство, главным образом местного характера, организованное ценностно-смысловыми и коммуникативными структурами, в котором любая личность получает способность в специфических художественных формах осознавать окружающий мир, формировать на основе сложившихся пресуппозиций знания, соотносимые с характерными для данного региона образами, символами и социо-культурными стереотипами речевого поведения.

Список литературы References

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. – М., 2010. – 288 с.
Alefirenko N.F. Lingvokul'turologiya: tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka. – M., 2010. – 288 s.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 4 изд., стереотипное. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
Akhmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. 4 izd., stereotipnoe. – M.: KomKniga, 2007. – 576 s.
3. Виноградов С.Н. К лингвистическому пониманию ценности // Русская словесность в контексте мировой культуры. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2007. – С. 93-95.
Vinogradov S.N. K lingvisticheskomu ponimaniyu tsennosti // Russkaya slovesnost' v kontekste mirovoy kul'tury. – N. Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo un-ta, 2007. – S. 93-95.
4. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 334 с.
Karaulov Yu.N. Obshchaya i russkaya ideografiya. – M.: Nauka, 1976. – 334 s.
5. Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.: Юна, 2002. – 448 с.
Kolesov V.V. Filosofiya russkogo slova. – SPb.: Yuna, 2002. – 448 s.
6. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 216 с.
Krasnykh V.V. «Svoy» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? – M.: Gnozis, 2003. – 216 s.
7. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство, 2000. – 704 с.
Lotman Yu.M. Semiosfera. – SPb.: Iskusstvo, 2000. – 704 s.
8. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
Maslova V.A. Lingvokul'turologiya. – M.: Akademiya, 2001. – 208 s.
9. Попова З.Д. Язык и национальная картина мира. – Воронеж, 2002. – 59 с.
Popova Z.D. Yazyk i natsional'naya kartina mira. – Voronezh, 2002. – 59 s.
10. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – 416 с.
Serebrennikov B.A. Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira. – M.: Nauka, 1988. – 416 s.
11. Хэар Р.М. Дескрипция и оценка // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.16. – М., 1985. – С. 183-195.
Khear R.M. Deskriptiya i otsenka // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. – Vyp.16. – M., 1985. – S. 183-195.
12. Чернявская Ю.В. Апология культурологии // Человек. – 2004. – № 6. – С. 44-52.
Chernyavskaya Yu.V. Apologiya kul'turologii // Chelovek. – 2004. – № 6. – S. 44-52.

УДК 130.3

**МИФОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ РОМАНТИКОВ В АСПЕКТЕ
ДОПРЕДИКАТИВНЫХ СТРУКТУР АРХЕТИПНЫХ СОСТОЯНИЙ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХА**

**ROMANTICS MYTHOLOGICAL CONSCIOUSNESS IN THE ASPECT OF THE
HUMAN SPIRIT ARCHETYPE STRUCTURES**

**А.В. Кузнецова, А.В. Кузнецов
A.V. Kuznetsova, A.V. Kuznetsov**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015, г. Белгород,
ул. Победы, 85
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: ludvig_14@mail.ru; kuznetsov_a@bsu.edu.ru

Ключевые слова: миф, музыка, эпистема, мироощущение, познание, архетип, символика, семиозис.
Key words: myth, music, episteme, perception, cognition, archetype, symbolism, semiosis.

Аннотация. В статье рассматривается романтический ракурс как близкий различного рода художественным типам конструирования риторической программы текста и мироощущению музыки, оформленному в эстетический контекст целостного мировоззрения.

Resume. Describes a romantic view of how close different artistic style of constructing a rhetorical programme text and the attitude of music executed in an aesthetic context a holistic worldview.

Увлеченность аналитической составляющей, характерная для европейской культуры с XVII века, по нашему мнению, оборачивается утратой целостного взгляда на мир и забвением главной цели любой деятельности, – раскрытия человеческого в человеке в пространстве культуры, которая есть язык, объединяющий человечество. Поиск общего основания обуславливает ту сферу, за которой закрепляется культура как область объективированной субъективности, – мир мифов, или символов, выражающих как ценности социального общения, так и самые глубокие идеалы. Устремленность к идеалу относят к таким принципам восприятия действительности, которые обуславливают определенную перспективу, осознаваемую как мечту о прекрасном, прорыв в сферу свободного человеческого духа. Этот романтический ракурс близок различного рода художественным типам конструирования риторической программы текста и мироощущению музыки, оформленному в эстетический контекст целостного мировоззрения. Исторически романтика как изначальная базовая «интенциональная форма» постижения, обладая, по сути, статусом «эпистемы», предполагает цельное, дорефлексивное «схватывание» мира (в модусе «естественной точки зрения» на бытие – бытие сущего) в повседневной жизни. Следовательно, постижение здесь скорее оказывается еще не «процессом внутри» человека, а предшествующим всякой рефлексии, допредикативным способом действия в мире. В романтизме в силу принципиальной открытости спонтанным динамическим (качественным) изменениям, повседневное постижение становится непредсказуемым и не может быть адекватно формализовано, а также не может быть опосредованно каким-либо «уже имеющимся» знанием о мире. Однако, само постижение такого типа возможно благодаря укорененности постигающего человека и человечества в целом в непредсказуемое взаимное соиздание человека и мира, вовлеченности человека в процесс актуального осуществления бытия. На допредикативном уровне именно «в музыке... мы видим всю нашу обыденную склонность к абстракции» [7: 318]. Несмотря на то, что «музыка существует только во времени, то есть... живет и создается как процессуальность... дает еще чистое качество предмета... то, из чего этот предмет состоит» [7: 317]. Например, грусть, навеянная музыкой – это не грусть предмета, но сущности предмета. Вместе с тем, «как бы художественное познание мира не отличалось от научного,

органическое представление о душе и сознании должно заставить нас искать и находить общий корень этих двух познаний» [7: 298].

В современной культуре сознательно используется символика традиционных и современных мифологических систем. Данное обстоятельство указывает и на то, что накопленные философско-культурологические и гуманитарные идеи в исследовании мифосознания не потеряли своей актуальности и репрезентативности. Миф проходит через всю историю человечества. И не собирается исчезать [см. 3: 167-174]. Иными словами, между мифологическим сознанием и сознанием более поздних эпох нет четкой демаркации. Более того, субъект и объект синкретичен: мифосознание «отождествляет образ и предмет» [5:43]. Осмыслить логику мышления как особый тип познавательного отношения – значит, мыслить о всяком бытии как бытии *смысла* этого бытия. Поэтому техническое разделение мифосознания в сфере мифа и музыки достаточно грубо с глубинно-психологической точки зрения, так как они «...могут иметь одно и то же мироощущительное значение» [7:301]. Ведь в смыслах заключено больше, чем в созерцаниях. Несмотря на возможность известной объективации опыта, всегда остается «неотчуждаемый» мир опыта в единстве индивидуального и социального. При этом необходимо учитывать то обстоятельство, что доминирование роли естественного языка в его выражении обуславливается лишь изначальной инициацией на полноценный охват. Дело в том, что с помощью языка мы можем «выражать только то, что можно выразить» [1:122]. Причиной этому является языковой зазор реальности, который мы сохраняем, пытаясь преодолеть естественный язык как систему типизирующих схем познания. «Искусство есть прежде всего познание, а в познании является главным прежде всего степень его оформления» [7:302]. Однако в нем преобладают не «связи истинности» (отношения субъектных представлений к их предметному содержанию), а внутренние связи между аналитически неразложимыми концептуальными фрагментами мифоповествования, что и порождает господство в нем ассоциативного способа упорядочивания мыслительного материала. Таким образом, мифосознание находится у истоков всей человеческой культуры и мышления, которое «имеет логику своего порядка» [8:392]. Подобные структуры мышления, выявленные в музыке, указывают нам на природу человеческого мышления. И хотя «с рационалистической, пространственно-временной точки зрения, непрерывный поток бытия в соединении с его чистой качественностью и до-предметностью представляет собой величайший хаос» [7:319], любая симфония показывает нам, что в основе величайшего хаоса лежит самый совершенный порядок. В этой связи, слово является уже производной (формой) упорядоченных допредикативных структур обыденности, но «сам звук – есть существующая абстракция, если его брать из цельной музыкальной массы» [7:320], борющегося с губительной иррациональностью чувств. Таким образом, в музыке усложняется и модифицируется первично ощущаемое человеком бытие, сгущается и оформляется в преобразованное качество. В трудах А.Ф. Лосева подобное сгущение можно выделить двух родов: 1) «базируется на чистом художественном опыте... лишенном всяких структурных форм» (чистая музыка без обязательных ассоциаций пространственно-временного плана бытия, например IV соната Скрябина и т.п.); 2) «накопление структур на основе чистого эстетического опыта» [7: 302] (романсы Рахманинова, симфонии Римского-Корсакова, Вагнера...). Таким образом, «психическая процессуальность и музыкальная онтологически вполне адекватны» [7: 304].

Мысль и чувство – две области сознания человека, гармония которых всегда была высшим идеалом человека. Чувства – язык природы, шифром к которому отнюдь не являются слова. Но именно эмоциональная составляющая в слове ориентирует нас не на объяснение, а на понимание. Зачастую фонетическая сторона слов играет большую роль, чем их значение, ибо позволяет нам почувствовать смысл, который нам видится в отношениях, связях между событиями и их выражениями [9: 231-234], а потому способ выражения, задающий тип языка может быть любым. Поэтому к типам языка, с помощью которых романтики наиболее адекватно выражали идеи, определяющие универсальные принципы восприятия, первоначально обусловленные в различных мифах, можно отнести не только философию романтизма, пусть даже оформленную в поэзию, но и музыку. Одна эмоционально-окрашенная диалогическая речь не может адекватно представить целостность романтического чувства. Сущность идеи является через свой знак в мифе, музыке, но помимо воли и желания самого субъекта. Знаковый характер того, что можно считать в данной ситуации знаком (или языком), субъекту дан лишь вторично – благодаря тому, как он

понимается другими. Не случайно миф есть все же коллективная традиция. Как ни парадоксально, но исследования в области семантики (отношение знаков к реальности) и прагматики (отношения знаков к их пользователям) показывают, что знак является первоначально «знаком для других» и, лишь в силу этого, «для меня самого». По сути, центральной проблемой истолкования подобного чувственного самоопределения является вопрос перевода бессознательных содержаний на запредельный для них язык сознания посредством выражения скрытого знания, воплощенного в нас как способ видения. Таким образом, возможны различные типы семиозиса, в том числе и такие, в которых знак обладает как бы потенциальным значением. Иными словами, миф, музыка не может пониматься только как код, как система знаков. Мифологические образы представляют собой смыслообразующие феномены, ключом к которым являются собственная риторическая программа мифа, его стилистика, архетипика и символика. Мифологические образы не просто знаки мудрости и т.п., а сами по себе есть проявление мудрости, как живые, чувственно ощущаемые [5:42]. Иными словами, структура мифа может раскрываться средствами музыки [см. 10]; «слушая музыку и только в то время, когда мы ее слушаем, мы приближаемся к чему-то, похожему на бессмертие» [10:28]: музыка напоминает миф; подобно ему, она преодолевает антиномию исторического, истекшего времени и перманентной структуры. Среди всех языков только музыкальный язык объединяет противоречивые свойства быть одновременно умопостижимым и непереводаемым, что превращает музыку «в высшую тайну науки о человеке, сущность которой эта наука пытается раскрыть и которая является ключом к прогрессу этой науки» [10:31].

Философия взяла от мифа то, что поддается рационализации и, вместе с тем, лучшие умы Греции признавали, что подлинная мудрость человеку недоступна. Иными словами, философия понимается нами как открытое и свободное трансцендирование мысли. Немецкие романтики заключали ее смысл скорее не в том, чтобы обладать истиной, а в «бытии к истине» – перманентной рефлексивности, за пределами которой остается только область последней тайны бытия, постижимой уже не только с помощью автономного разума. Противоречивость романтического способа описания, обуславливающего опосредованное понимание, предполагает описание образов вещей, независимых друг от друга, однако парадоксально единых в своей противоположности. Опосредованное понимание – значит посредством чего-либо, в свете иного – просветленного сознания. Поэтому смысл образов в таком состоянии сознания всегда двойной, исключая возможность наличия только формального здравого смысла с его причинно-следственной логикой. Такая двусмысленность всегда обусловлена раздвоением цели. Также, события в мифе никогда не являются причинами друг друга; скорее они вступают в отношения квазипричинности, некоей нереальной призрачной каузальности, которая бесконечно вновь и вновь проявляется в этих двух смыслах. Данное обстоятельство указывает на то, что интенция романтика является первичной по отношению к языку, то есть сама философия немецкого романтизма выводится из интенциональности. Вместе с тем, собственно интенциональность не тождественна осознанности, ведь многие состояния не всегда осознаются.

Сущность идеи является через свой знак в мифе, музыке, но помимо воли и желания самого субъекта. Знаковый характер того, что можно считать в данной ситуации знаком (или языком), субъекту дан лишь вторично – благодаря тому, как он понимается другими. Не случайно миф есть все же коллективная традиция. Как ни парадоксально, но исследования в области семантики (отношение знаков к реальности) и прагматики (отношения знаков к их пользователям) показывают, что знак является первоначально «знаком для других» и, лишь в силу этого, «для меня самого». По сути, центральной проблемой истолкования подобного чувственного самоопределения является вопрос перевода бессознательных содержаний на запредельный для них язык сознания посредством выражения скрытого знания, воплощенного в нас как способ видения. Таким образом, возможны различные типы семиозиса, в том числе и такие, в которых знак обладает как бы потенциальным значением. Иными словами, миф, музыка не может пониматься только как код, как система знаков.

Наиболее адекватным, по нашему мнению, способом рациональной формы отражения целостности миропонимания посредством романтического мироощущения жизненного мира, является диалектика. Алгоритм диалектического истолкования усматривается нами во множестве способов передачи (указания) смысла (логоса), сплетенных из необозримого количества культурных кодов – символов, заимствований, реминисценций, ассоциаций, цитат, отсылающих к жизненному опыту. Однако глубокая противоречивость феномена

романтизма и в том, что специфика романтического восприятия не позволяет нам судить с достаточной достоверностью о том, что говорящий и слушающий полностью отдают себе отчет в том, какие именно оттенки смыслов могут вспыхивать на каждой отдельной грани раздробленного отчуждаемого опыта. Осознание этого и позволяет фиксировать уже такие особые состояния сознания, как дискурсы. А подобная речь нуждается в подробной расшифровке, ведь слово не умирает, а умирает лишь означаемое в слове. Признаваясь, например, в любви или ненависти, романтики влекутся к вдохновенному (логосу) и волей-неволей пытаются уловить то выраженное словом событие, в котором мелькнула искра вдохновенности.

Гносеологические корни диалектического мышления в мифе представлены в аксиологически модальном допущении многосущности предметов, возможности оборачивания любого принципа в его противоположность посредством объединяющей различные предметы скрытой силы. На уровне абстрактно-теоретической рационализации при анализе мифа во взаимосвязи с религией и наукой в отрыве от развития общей культурной ситуации мифомышление ограничивается оборотнической логикой: все во всем. Вместе с тем, нельзя не отметить такое свойство мифа, отмеченное Ф. Х. Кессиди, которое заключается в неразличении субъекта и объекта, их синкретичности, благодаря которой мифологизирующее сознание отождествляет образ и предмет [5:43]. Благодаря этому, в мифе желаемое отождествлялось с возможным, идеальное и реальное еще не противопоставлялись друг другу, существуя слитно и нераздельно. «Миф... объединяет человека с миром, утверждая его неотъемлемость и родство со всем миром» [4:16-17]. Таким образом, сконструированные мифологические образы представляют собой смыслообразующие феномены, ключом к которым являются собственная риторическая программа мифа, его стилистика, архетипика и символика. Мифологические образы не просто знаки мудрости и т.п., а сами по себе есть проявление мудрости, как живые, чувственно ощущаемые [5:42].

Положение же музыки между мифом и речью обусловлено тем, что она действует одновременно и на разум, и на чувства, апеллируя как к логическому, так и к эмоциональному восприятию: музыка становится не только объектом, но и способом анализа. По мнению Шопенгауэра, именно через музыку можно непосредственно соприкоснуться с мировой волей, без посредников – «идей». Для Ницше музыка придает жизни ощущение самодостаточности и одновременно углубляет понимание ее природы: «Всех богов оттолкнул он в своем одиночестве, лишь одного он не может лишиться: музыка для него нектар и амброзия, освобождающая душу и дарующая вечную юность» [11:722]. Таким образом, музыка дарует ощущение свободы. Философское понятие свободы едва ли не самое сложное, имеющее множество смыслов и значений. Развитый эстетический и художественный вкус – критерий свободы индивида и общества как субъекта эстетического сознания. В этом смысле, романтики «считали себя вправе всему существующему противопоставить свою действительную свободу и спрашивать не о том, что есть, а о том, что возможно» [2:25]. В романтической мысли свобода становится абсолютной ценностью бытия: «Быть свободным – значит быть человеком» [13:235]. Была ли эта попытка утвердить нового Прометея в человеческой культуре? Но как видим, в конечном результате человечество получило неоромантического Сверхчеловека Ф. Ницше. Отмечая бессознательный и коллективный аспект мифомышления, Ф. Шеллинг [см. 12] определяет специфику мифопорождающей ситуации: миф – продукт «рода, который в то же время есть индивидуум, подобный одному человеку» [12:265]. Романтики сумели уловить самые глубинные, архетипные состояния человеческого духа: жизнь и смерть, вечность, ощущения времени, пространства, органических страданий мира, страдания, как общего для всего живого, чувства. Не «Я мыслю – следовательно, я существую» – утверждение интеллектуала, а «страдаю – следовательно, существую» – выражение глубокой (бессознательной, инстинктивной) уверенности всего живого.

Таким образом, более древним, архетипным основанием «я» является не разум, а чувство – страдание, как одно из самых элементарнейших и первичных чувств, близкое всему живому в природе. Подобно мифу, музыка преодолевает антиномию исторического, истекшего времени и перманентной структуры и актуализирует замысел через слушателя и слушателем, затрагивая общие для них ментальные структуры; воздействует одновременно на разум и чувства, синкретизируя идеи и эмоции. Таким образом, поставленные еще Платоном проблемы соотношения искусства и философии, искусства и науки, познавательных возможностей искусства и отношения его к истине в воззрениях романтиков все более склоняются в сторону приоритета искусства в сравнении с другими формами знания.

Список литературы
References

1. Бенвенист Э. Заметки о роли языка в учении Фрейда// Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Наука, 1974. – С. 115-126.
2. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. – Л.: Художественная литература, 1973. – 567 с.
3. Гулыга А. Миф и современность (О некоторых аспектах литературного процесса) // Иностранная литература, 1984, №2. – С.167-174
4. Гурьев Д.В. Становление общественного производства. – М.: Политиздат, 1973. – 263с.
5. Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу. – М.: Мысль, 1972. – 312 с.
6. Кузнецова А.В. Миф и музыка в позднем немецком Романтизме (на примере тетралогии Р. Вагнера «Кольцо Нибелунга»). – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2013. – 171 с.
7. Лосев А.Ф. Форма-стиль-выражение /Сост. А.А.Тахо-Годи; Общ. ред А.А.Тахо-Годи и И.И. Маханькова. – М.: Мысль, 1995. – 944 с.
8. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 480 с.
9. Досократики. Доэлеатовский и элеатовский периоды. – Мн.: Харвест, 1999. – 348 с.
10. Леви-Строс К. Мифологии. В 4-х тт. – Т.1. Сырое и приготовленное. – М.; СПб.: Университетская книга, 1999. – 406 с.
11. Гарин И.И. Ницше. – М.: Терра, 2000. – 848 с.
12. Шеллинг Ф. Философия искусства. - М: Мысль, 1966. – 496 с.
13. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: В 2 т. Т.1. – М.: Искусство, 1983. – 479 с.
14. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: В 2 т. Т.2. – М.: Искусство, 1983. – 448 с.

УДК 82

**Л.Н.ТОЛСТОЙ: СОШЕСТВИЕ В АД
(ЭТИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА АДА В ТВОРЧЕСТВЕ ТОЛСТОГО)**

**LEO TOLSTOY: THE DESCENT INTO HELL (ETHICAL SYMBOLS OF HELL IN
THE WORKS OF TOLSTOY)**

**Е.Д.Мелешко, В.Н. Назаров
E.D. Meleshko, V.N. Nazarov**

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 300026, Тула, пр. Ленина, 125
Tula State Pedagogical University of L.N. Tolstoy, 125 Lenina St, Tula, 300026, Russia*

E-mail: phileo@tspu.tula.ru

Ключевые слова: Толстой, ад, грехи, пороки, наказание, покаяние, воздаяние.
Keywords: Tolstoy, hell, sin, vice, punishment, repentance, reward.

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть образы героев художественных произведений Толстого в контексте грехов и пороков, соответствующих дантовской структуре ада. Смысл художественного творчества Толстого раскрывается при этом как «сошествие в ад» с целью оправдания и выведения героев «из ада» через их наказание и покаяние. Это соответствует внутреннему освобождению от грехов самого автора, для которого образы героев персонифицируют его собственные грехи и пороки.

Resume. The article attempts to consider the characters of works of art in the context of Tolstoy's sins and vices corresponding model of Dante hell. The meaning of art is revealed with Tolstoy as "descent into hell" in order to justify and excretion heroes "from hell" through their punishment and repentance "This corresponds to the inner liberation from the sins of the author, for which the characters personify his own sins and vices.

«Редко встречал человека, более меня одаренного всеми пороками: сластолюбием, корыстолюбием, злостью, тщеславием и, главное, себялюбием. Благодарю Бога за то, что я знаю это, видел и вижу в себе эту мерзость и все-таки борюсь с нею»
Л.Н.Толстой. Дневники , 7 августа, 1910 г.

Метафора жизни и ухода Л.Н.Толстого – не «бегство из рая» [См.: Басинский, 2010]. Напротив, его жизнь и творчество есть поэтапное **сошествие в ад**. Если наложить дантовскую схему кругов ада на творчество Толстого, особенно в аспекте его учения о грехах, соблазнах и суевериях, то можно выявить его постепенное погружение в глубины человеческой порочности.

Круги греховности героев произведений Толстого

Учение Толстого о грехах, соблазнах и суевериях может служить религиозно-философской основой понимания судеб героев его произведений в плане классификации их греховных страстей (пороков), особенностей их зарождения и развития, борьбы с ними и их преодоления, раскаяния и возмездия. В этом смысле все герои толстовских произведений могут быть выстроены по определенным кругам греховности, подобных тем, которые мы находим в Аду и Чистилище Данте. Так, герои «Анны Карениной» повторяют судьбу Франчески и Паоло, которые несут наказание во втором круге Ада за прелюбодеяние и супружескую измену. Не случайно, Толстой избирает эпитафию – «Мне отмщение, и аз воздам», в которой выражена идея возмездия, как главного закона существования порочных душ (грешников) в аду. Среди героев художественных произведений Толстого мы найдем и чревоугодников, и скупцов, и расточителей, и воров, и лжецов, и богохульников, и предателей. Но наибольшее количество грешников художественного мира Толстого должны нести наказание во втором круге Ада (по классификации грешников Данте) среди сладострастников и прелюбодеев.

В данной статье мы хотели бы уделить особое внимание толстовским грешниками «второго круга» из романа «Воскресение» – Дмитрию Нехлюдову и Екатерине Масловой, раскрыть этическую символику их ада, показав зарождение и развитие греховной страсти, характер раскаяния и смысл возмездия.

«Воскресение» как сюжет ада

Роман Л.Н.Толстого неоднозначен и в определенной степени загадочен. Может быть потому, что он был задуман как «роман de longue haleine», «роман большого дыхания», в котором сфокусированы, по мнению писателя, все «неисполненные замыслы» и который, как всякое великое произведение, наполнен различными смыслами. Каждый век и каждое поколение прочитывает эти смыслы по-своему: кто-то видит в них «Воскресение», а кто-то – «Ад».

В чем смысл этого романа для нашего современника? Ведь сюжет банален и лишен драматизма для читателя, искушенного картинами смертей, откровенного разврата, нравственных падений и обманов. Барин обольстил и обманул молодую девушку, затем, по прошествии лет, увидел ее в суде, предложил ей спасение, брак, даже пошел за ней на каторгу (какой сюжет для комиксов!). Сколько таких, еще более драматических судеб эпохи российской перестройки рассказано нам с экранов телевидения и газетных полос. И как мы к ним привыкли! Ведь это судьбы других, а не нас и наших близких..., Вспоминается эпитафия на могиле известного французского философа: «Кстати умирают другие...».

И все же... почему этот вполне банальный сюжет романа так завораживает? Вероятно, потому, что Толстой, как и Данте в «Божественной комедии», показал *круги ада* современной жизни. Только в отличие от Данте, он рисует сошествие в ад не *после смерти*, а в течение всей *человеческой жизни – от рождения до смерти*. Этот ад, выписанный Толстым, зависит от морального выбора человека и связан с колоссальной духовной работой преодоления греха – раскаянием и самосовершенствованием.

Метафоры Ада. Сошествие в ад начинается с рождения для людей определенного социального положения. Катюша Маслова, например, с рождения, как и сотни других младенцев в русских деревнях, была приговорена к голодной мучительной смерти, однако, физически была спасена сентиментальными тетушками Нехлюдова [Толстой: Воскресение, С. 24].

Условия жизни Масловой в доме терпимости сопоставимы с кругами ада падших грешниц [Толстой: Воскресение, С. 28].

Ад в романе высвечен Толстым в его описании условий осужденных: тюрьма, этапирование и т.д. Все эти условия ассоциируются с нечеловеческими мучениями и страданиями грешников-преступников, попадающих в ад. Но если условия ада (невыносимый жар, стояние в холоде, воде, экскрементах и т.д.) [Толстой: Воскресение, С. 379] - наказание и связаны с божественной карой, то в представлении Нехлюдова эти невыносимые условия жизни, [Толстой: Воскресение, С. 312] повлекшие многочисленные мучительные смерти этапированных каторжан, создаются государственными людьми, представителями судебных и надзирательных органов, которые «если не были губернаторами, смотрителями, офицерами, двадцать раз подумали бы о том, можно ли отправлять людей в такую жару, двадцать раз дорогой остановились бы...свели бы несчастье, выказали бы сострадание». Однако виновных в убийстве нет: «И что ужаснее всего, что убили, и никто не знает, кто его убил. А убили. Никто не виноват, а люди убиты и убиты все-таки этими самими не виноватыми в их смертях людьми» [Толстой: Воскресение, С. 326].

Ад «Воскресения» – это *нравственный хаос*, в котором все поставлено с ног на голову, рожденные жить – умирают, невиновные подвергаются мучительным пыткам и несправедному суду, родных людей разлучают, виновным воздается прощение, а наказание – дьявольски искажено идеей нравственного и духовного «исправления» преступников на каторге, в тюрьме. Такова «перевернутая» реальность жизни, ее абсурдность и нравственная выхолощенность, выписана Толстым с необыкновенно художественной и психологической правдой...

Так что же такое ад современной жизни романа «Воскресение», тот ад, в котором живут все люди, независимо от социального положения? Ад - порождение *зла*, которое

очевидно, есть зло социальное. Однако, зла, как это не парадоксально звучит, согласно учению Толстого, не существует, оно иллюзорно...

Иллюзия зла: грехи – соблазны – суеверия

Зло в понимании Л.Н. Толстого имеет двойственный парадоксальный смысл. "Мы называем злом все то, - пишет Толстой во вступительном, ключевом изречении к разделу "Зло" в "Пути жизни", - что нарушает благо нашей телесной жизни. А между тем вся жизнь наша есть только постепенное освобождение души от того, что составляет благо тела. И потому для того, кто понимает жизнь такую, какая она действительно есть, нет зла" [Толстой: Путь жизни, С. 358]. Эту мысль Толстой приводит в еще более парадоксальной и лаконичной форме: "То, что мы считаем для себя злом, есть большею частью не понятое еще нами добро" [Толстой: Путь жизни, С. 363].

Таким образом, позиция Л.Н. Толстого в определении зла двойственна и противоречива: с одной стороны, зло реально не существует, это – иллюзия, с другой, - зло есть "непонятое добро", следовательно, зло для Толстого *эфемерно, иллюзорно и в то же время реально*. В этом смысле (реальности зла) Толстой ориентируется на христианскую традицию (контекст евангельской заповеди позволяет предположить, что зло не просто реально, оно *суперреально*. "Дьявольская" реальность зла узурпирует все права сущего быть онтологически значимым. Христос заповедует не противиться *человеческой силой* этому дьявольскому онтологизму зла, противопоставив ему *духовную сверхсущую реальность* кротости, терпения и милосердия.).

Толстой выделяет различные виды зла. Но в целом, опыт восприятия и переживания зла оказался для него смещенным в область *зла социального*, прежде всего, *собственности и власти*, которые он рассматривает в качестве *моральных пороков* личности и общества: греха туеядства и праздности, греха корыстолюбия и богатства, греха властолюбия, соблазна неравенства и соблазна насилия.

Совокупность грехов, согласно учению Толстого, - зло, в его онтологическом и этическом смысле. Зло конкретизируется в понятии **греха**. В узком же смысле грех понимается как "потворство телесным похотям"; соблазн - как "ложное представление человека о своем отношении к миру", а суеверие - как "принятое на веру ложное учение" [Толстой: Путь жизни, С. 71]. Соотношение между грехами, соблазнами и суевериями Толстой сформулировал следующим образом: "От тела -- грехи, от мнения людей -- соблазны, от недоверия к своему разуму -- суеверия" [Толстой: Путь жизни, С. 77].

Следовательно, существующее зло есть то, что *создано самим человеком*. Зло не онтологично по своей природе, оно персонифицировано непосредственно в грехах, то есть в поступках и что более важно, в мыслях, которые мотивируют поступки.

Творение человеком греха

В романе «Воскресение» Толстой высвечивает этапы развития греха: зарождение – развитие – искоренение, показывает их внутреннюю и внешнюю мотивацию: трансформацию греха в социальное зло, сложное переплетение родовых, социальных, семейных личных грехов, которые искажают судьбы, изменяют души, уничтожают и совершенствуют человека.

Нехлюдов всю свою сознательную жизнь прожил, ориентируясь на иллюзию добра, доверяясь «общественному суеверию жизни», основанного на привычках и правилах повседневности людей его круга. Будучи молодым юношей, он считал «своим настоящим я духовное существо», поэтому мир представлялся ему божественной тайной, природа, женщина – поэтической загадкой... Именно в это время возникает первое чисто чувство к Катюше. Однако перемена, которая произошла с ним, превратила поэтического чистого юношу в «развращенного эгоиста, любящего только свое наслаждение». Это произошло вследствие того, что Нехлюдов «перестал верить себе и стал верить другим. Перестал же он верить себе, а стал верить другим..., потому, что жить, веря себе, было очень трудно: веря себе всякий вопрос надо решать не пользу своего животного я, ищущего легких радостей, а, почти всегда, против него; веря же другим, решать нечего было, все уже было решено, и решено всегда против духовного в пользу животного я. Мало того, веря себе, он всегда подвергался осуждению других, - веря другим, он получал одобрение людей, окружающих его» [Толстой: Воскресение, С. 61].

Это состояние жизни определяется в романе как «*хроническое сумасшествие эгоизма*», именно оно мотивирует поступки и мысли героя, которые препятствуют любви и, как следствие, противоречат нравственности.

Толстой показывает, как, казалось бы, простая банальная интрижка с горничной, перерастает в масштабное предательство не только близкого и любимого когда-то человека, но и в предательство самого себя; ведь и Нехлюдов, и Катюша Маслова после рокового сближения и гибели их общего ребенка, смерть которого в определенном смысле символична, потеряли свое *духовное достоинство*: то поэтическое, светлое и чистое, что составляло квинтэссенцию души. Эта душевная особенность высвечивается в любви: «В любви между мужчиной и женщиной бывает всегда одна минута, когда любовь эта доходит до своего зенита, когда нет в ней ничего сознательного рассудочного и нет ничего чувственного. Такой минутой была для Нехлюдова эта ночь светло Христова воскресения. Когда он вспоминал Катюшу, то из всех положений, в которых он видел ее, эта минута застлала все другие. Черная, гладкая, блестящая головка, белое платье со складками, девственно охватывающее ее грудь и невысокую грудь, и этот румянец, и эти нежные чуть-чуть от бессонной ночи косящие глянцевиные черные глаза, и на всем существе ее две главные черты: *чистота девственности любви* (*курсив наш – Е.М., В.Н.*) не только к нему, - он знал это - но любви ко всем и ко всему, не только хорошему, что только есть в мире, - к тому нищему, с которым она поцеловалась. Он знал, что в ней была эта любовь, потому что он в себе в эту ночь и в это утро сознавал ее, и сознавал, что в этой любви он сливался с нею в одно» [Толстой: Воскресение, С. 69].

Соборность и религиозность этого чувства подчеркивают низость греха, обусловленного «животным чувством», которое «выпроставшись из-за прежнего чувства хорошей любви к ней, овладело им и царило одно, ничего другого не признавая» [Толстой: Воскресение, С. 72].

Сила этого религиозного чувства такова, что даже после десяти лет забвения этого случая с Масловой роковая встреча в суде «требовала от него признания своей бессердечности, жестокости, подлости, давших ему возможность спокойно жить эти десять лет с таким грехом на совести» [Толстой: Воскресение, С. 76].

Грех (предательство любви), обусловленный животной страстью, развивает такие пороки как гордость, эгоизм, себялюбие, бессердечность, жестокость, черствость, пошлость и др. Эта схема соотношения греха и порока очевидна в романе, когда герой, «исполненный чувства некоторого самодовольства достигнутой цели», «в состоянии сумасшествия эгоизма...думал только о себе - о том осудят ли его и насколько, если узнают о том, как он с ней поступил, а не о том, что она испытывает и что с ней будет». Или когда совал ей за пазуху деньги, «не потому что ей эти деньги нужны, а потому, что так всегда делают, и его бы считали нечестным человеком, если бы он, воспользовавшись ею, не заплатил бы за это» [Толстой: Воскресение, С. 75].

Грех, совершенный Нехлюдовым отразился на судьбе Масловой, бросив ее на самое дно жизни, обезличив и умертвив в ней, прежде всего, *доверие* к людям [Толстой: Воскресение, С. 136].

Греховный поступок, таким образом, вовлекает в свою дьявольскую орбиту все большее количество безнравственных поступков, мотивов, людей, формируя в своей совокупности *коллективное зло*, которое сосредотачивается в судебных учреждениях, тюрьмах и каторгах. На страницах романа «Воскресение» - судьбы людей, убийц, воров, политзаключенных, которые по тем или иным причинам попадают в тюремное «колесо сансары», делая свой моральный выбор. В этом плане роман «Воскресения» представляет собой масштабное историческое и культурное полотно нравов, проект, раскрывающий смысл «большого дыхания».

Рост души. Раскаяние

Социальное зло в романе «Воскресение» впечатляет не только своей масштабностью, но и тем, что, казалось бы, оно распространено повсюду, и главное, - зло торжествует своей непреодолимостью и кажущейся справедливостью. Человеческие грехи как «атомы» зла, по мысли Толстого, тем страшны, что они проникают в повседневную жизнь, составляя ткань повседневности. Значит ли это, что зло непреодолимо? И возможно ли искоренение греха?

В своем последнем произведении "Путь жизни" Толстой считает, что в этой жизни человек не может освободиться от грехов, что он может быть только более или менее грешен, но безгрешным не может быть никогда. Однако в самом сознании своей греховности,

мобилизующим человека на борьбу с собственными пороками и скрывается тот момент "благодати" и "спасения свыше", которые характеризуют истинно христианский путь преодоления зла.

В романе «Воскресение» преодоление греха связано понятиями роста души, раскаяния, умоперемены, самосовершенствования.

Рост души в романе представлен как *постепенное осознание* последствий совершенного греха. Первый импульс – *мучительное воспоминание*, которое рождает *нравственное потрясение и страх общественного порицания* [Толстой: Воскресение, С. 85].

Нехлюдов в суде с ужасом узнает в подсудимой «девушку-воспитанницу-горничную, в которую он в одно время был влюблен, именно влюблен, а потом в каком-то безумном чаду соблазнил и бросил, и о которой никогда не вспоминал, потому что воспоминание это было слишком мучительно, слишком явно обличало его и показывало, что он, столь гордый своей порядочностью, не только непорядочно, но прямо подло поступил с этой женщиной» [Толстой: Воскресение, С. 47].

Раскаяние Нехлюдова связано с глубочайшим эмоциональным и нравственным потрясением, хотя внешне «по усвоенной привычке, положив ногу на ногу и небрежно играя своим *pince-nez*, в самоуверенной позе сидел на своем втором стуле первого ряда», однако, внутренняя работа души продолжалась и давала почувствовать «всю жестокость, подлость, низость не только этого своего поступка, но и всей своей праздной, развратной, жестокой и самодовольной жизни, и та страшная завеса, которая каким-то чудом все это время, все эти двенадцать лет скрывала от него и это преступление, и всю его последующую жизнь, уже колебалась, и он урывками уже заглядывал за нее» [Толстой: Воскресение, С. 87].

Нравственное потрясение как начало осознания греха приводит к Богу, молитвенное обращение к Богу нашего героя означало, что «Бог, живший в нем, проснулся в его сознании», поэтому «он почувствовал себя им и почувствовал не только свободу, бодрость и радость жизни, но почувствовал *все могущество добра (курсив наш – Е.М., В.Н.)*. Все, все самое лучшее, что только мог сделать человек, он чувствовал себя теперь способным сделать это» [Толстой: Воскресение, С. 110]. С ощущением божественного присутствия связано и с чувство любви ко всем людям: «Удивительное дело: с тех пор как Нехлюдов понял, что дурен и противен сам себе, с тех пор другие перестали быть противны ему; напротив, он чувствовал к Аграфене Петровне и к Корнею ласковое и уважительное чувство. Ему хотелось покаяться и перед Корнеем... [Толстой: Воскресение, С. 123]. Таким образом, Бог идентичен любви, которая распространяется на всех людей, а грех – препятствие любви и Богу. Открытие Нехлюдовым жестокой и абсурдной реальности, в которой он находился, вызывает *ужас* и это экзистенциальное чувство «ужасания» сопряжено с *удивлением* «как он мог не видеть этого прежде, как могли другие не видеть этого» [Толстой: Воскресение, С. 128].

С другой стороны, абсурдность бытия и, главное, - *осознание* этой абсурдности являются мощной мотивацией не только к поступку, но и к *изменению образа жизни*. Нехлюдов понимает необходимость этих перемен: «прежде Нехлюдов играл своим чувством любования на самого себя, на свое раскаяние, теперь ему было просто страшно. Бросить ее – он чувствовал это – теперь он не мог, а между тем не мог себе представить, что выйдет из его отношения к ней» [Толстой: Воскресение, С. 166].

Характерно и то, что в романе рост души связывается с определенными чувствами. Для Нехлюдова – это чувства, как мы это показали выше, *ужаса, страха, удивления*. Маслова ощущает *боль*, которую она пытается погасить прежними привычками – выпивкой, курением: «Она в первую минуту вспомнила смутно о том новом, чудном мире чувств и мыслей, который открыт был ей прелестным юношей, любившем ее и любимым ею, и потом об его непонятной жестокости и целом ряде унижений, страданий, которые последовали за этим волшебным счастьем и вытекали из него. И ей сделалось больно» [Толстой: Воскресение, С. 149]. Боль рождает в Масловой желание отомстить или использовать Нехлюдова, и, одновременно боль – знак *пробуждающегося достоинства*, именно болезненный рост души дает ей право отвергнуть предложение Нехлюдова, почувствовать тщеславный лоск его раскаяния: «Я каторжная, а ты князь, - вскрикнула она, вся преобразенная гневом, вырывая у него руку. – Ты мной хочешь спастись, - продолжала она, торопясь высказать все, что

поднялось в ее душе. – Ты мной в этой жизни услаждался, мной же хочешь и на том свете спастись! Противен ты мне, и очки твои, и жирная, поганая вся рожа твоя. Уйди, уйди ты! - закричала она, энергическим движением вскочив на ноги» [Толстой: Воскресение, С. 165].

Отношение к Нехлюдову постепенно меняется, по мере того, как меняется и он сам, его поступки не только по отношению к ней, Масловой, но и по отношению к каторжным, политическим, которым Нехлюдов бескорыстно помогает.

Радость совершенная - радость преодоления зла. Это понятие является центральным в религиозно-нравственном учении Толстого и вершиной нравственного пафоса романа. Умоперемена, произошедшая в Нехлюдове и Масловой проявляется не только внутренне, но и во внешнем виде Масловой, образе жизни и мыслей Нехлюдова. «После двух месяцев похода по этапу происшедшая в ней перемена проявилась и в ее наружности. Она похудела, загорела, как будто постарела; на висках и около рта обозначились морщинки, волосы она не распускала, а повязывала голову платком, и ни в одежде, ни в прическе, ни в обращении не было уже прежних признаков кокетства. И эта происшедшая и происходившая в ней перемена не переставая вызывала в Нехлюдове особенно радостное чувство» [Толстой: Воскресение, С. 346].

Само понятие и состояние "радости преодоления зла", как нам кажется, лучше всего передают противоречивость толстовского понимания природы зла. Зло выступает здесь и как самостоятельная, реальная сила, которую необходимо побороть и преодолеть, и как иллюзия, разрушение которой и создает ощущение радости и свободы. Ибо абсолютная, "совершенная радость" возможна только в случае ощущения абсолютного преодоления злой силы, полного освобождения от нее, что достигается только в результате радикального искоренения зла как иллюзии. И вместе с тем радость приобретает высший смысл, если речь идет о преодолении реальной, предметной силы зла. Грех рассматривается Толстым как *препятствие, мешающее проявлению любви*. Значение данного препятствия Толстой склонен оценивать весьма позитивно, усматривая в нем динамический момент *самосовершенствования* и *самоспасения*. Таким образом, грехи как препятствия, мешающие проявлению любви, самоценны не только в силу того, что процесс их преодоления доставляет "совершенную радость", но также и в силу того, что без грехов невозможно познание высшей истины, которая одна может помочь человеку реально отвратиться от зла и всецело стать на сторону добра. Речь здесь, конечно, идет не о пассивном состоянии греховности, но активном осознании своих грехов, ведущем к "умоперемене".

Круговорот греха: бесполезность раскаяния

Предполагало ли полное очищение от греха сладострастия женитьбу Нехлюдова на Екатерине Масловой? Толстой не отвечает прямо на этот вопрос, но гипотетическая логика развития сюжета однозначно говорит о том, что тяжелейшие испытания Нехлюдова по очищению от греха пропали даром.

Понимая, что Маслова, уходя с Симонсоном, приносит себя в жертву, освобождая Нехлюдова, и вместе с тем продолжая страдать, потому что не перестает любить его, он не в силах признаться себе в этом. «Нехлюдов вдруг почувствовал страшную усталость». При этом, как подчеркивает Толстой, он устал не от бессонной ночи, не от волнения, не от путешествия в Сибирь, но «страшно устал от всей жизни». У Нехлюдова не хватает силы воли довести до конца дело раскаяния, дело очищения от собственного конкретного греха. Вместо этого приехав в гостиницу, он открывает Евангелие и переключается на «общее дело» избавления от абстрактного зла. «Так вот оно, дело моей жизни», - думает он. – Только кончилось одно, началось другое». Но это – обманная мысль, то, что Толстой называет суеверием – «ложной наукой». Дело раскаяния не кончилось, ибо любовь Масловой так и не была скреплена семейными узами, и, следовательно, оказалась незащищенной от новых соблазнов. Значит, и «другое дело» (борьба со всеобщим злом) не могло начаться. Толстой интуитивно прочувствовал это в возможном виртуальном развитии сюжета. В июле 1904 г., предполагая продолжить роман и написать «деревенского Нехлюдова», Толстой записывает в Дневнике: «Захотелось написать 2-ю часть Нехлюдова. Его работа, усталость, просыпающееся барство, соблазн женский, падение, ошибка...» [Толстой: Полн. собр. соч., Т. 55. С. 66]. Для Нехлюдова все как бы возвращается на круги своя. Ибо из кругов Ада выхода нет.

Список литературы
References

1. Басинский П.В. Лев Толстой: Бегство из рая – М.: Аст, 2010.
Basinskiy P.V. Lev Tolstoy: Begstvo iz raya – M.: Ast, 2010.
2. Толстой Л.Н. Воскресение. Библиотека Всемирной литературы. Серия 2. Изд-во «Художественная литература». М., 1976.
Tolstoy L.N. Voskreseniye. Biblioteka Vsemirnoy literatury. Seriya 2. Izd-vo «Khudozhestvennaya literatura». M., 1976.
3. Толстой Л. Н. Путь жизни. - М.: Республика, 1993.
Tolstoy L. N. Put' zhizni. - M.: Respublika, 1993.
4. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Юбилейное издание в 90 т. М.-Л.: Художественная литература, 1928-1958.
Tolstoy L.N. Poln. sobr. soch. Yubileynoye izdaniye v 90 t. M.-L.: Khudozhestvennaya literatura, 1928-1958.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 133.4

ГНОСТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ И РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

GNOSTIC PARADIGM IN RUSSIAN CULTURE AND THE RELIGIOUS PHILOSOPHY

Н.А. Киселева¹, Т.И. Липич²
N.A. Kiseleva, T.I. Lipich

¹Орловский государственный институт экономики и торговли, Россия, 302028, г. Орел, ул. Октябрьская, 12.

²Белгородский государственный национально-исследовательский университет, Россия, 308015, г. Белгород,
ул. Победы, 85

¹Orel state Institute of economy and trade, Russia, Orel, 302028, October St, 12.

²Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: nadekiseleva@mail.ru; Lipich@bsu.edu.ru

Ключевые слова: русская культура, православие, образы любви, гностицизм, русская религиозная философия.

Key words: Russian culture, Orthodoxy, images of love, Gnosticism, Russian religious philosophy.

Аннотация. В статье определены культурно-исторические и религиозные предпосылки трансформации отечественной традиционной модели любви и эксплицированы гностические контексты её трансформаций и противоречий. Отмечается, что реформы Петра I, связанные с секуляризацией общества, распространением «народной веры» и индивидуализма эпохи догоняющей модернизации, привели к снижению духовного влияния церкви и десакрализации традиционной модели любви. В социокультурной атмосфере XIX века традиционно-православная этика любви утратила актуальность, проповедуются полярные идеи любви: чувственность в народной среде сочетается с аскетизмом и отрицанием плоти в сектах гностического толка, среди просвещенной общественности распространяется светская позитивистская модель любви и брака, связанная с гуманистической моралью и показным благочестием и набожностью. Многоаспектность мировоззренческих установок в понимании любви оказывается благодатной почвой для формирования её новой антиномичной модели, продуцирующей ценностные разломы в межличностных гендерных отношениях и семье.

Resume. The article defines cultural-historical and religious background for the transformation of the traditional model of domestic love and explicated Gnostic contexts of transformations and contradictions. It is noted that the reforms of Peter I, associated with the secularization of society, the spread of "people of faith" and individualism of the era of modernization, led to the decline of the spiritual influence of the Church and the desacralization of the traditional model of love. In socio-cultural atmosphere of the XIX century traditionally Orthodox ethics of love have lost their relevance, are preached polar ideas of love: sensuality in the national environment combined with asceticism and denial of the flesh in the Gnostic sects of persuasion, among the enlightened public is spreading secular positivist model of love and marriage associated with humanistic morality and forms of godliness and piety. The multidimensional nature of worldview in the understanding of love is fertile ground for the formation of a new antinomic models that produce value faults in interpersonal gender relations and the family.

Русская духовная культура имеет двуединую основу – это православие, которое выражает отношение человека к Богу и миру через духовную составляющую любви, и древнеславянская культура, где в качестве истока духовной любви представлена любовь земная в ее общечеловеческом утилитарном смысле, в котором уже просматривается

онтологическое значение любви как универсального космологического принципа устройства мира. Феномен любви выступает в христианской традиции практически центральной философско-мировоззренческой категорией, связывающей воедино сферы онтологии (бытийный аспект), гносеологии (познавательный аспект), этики (нравственно-социальный аспект) и эстетики (аспект духовного наслаждения). Святоотеческая антропология [См.: Зеньковский, 2002], раскрывающая смысл и предназначение божественной любви в земной жизни человека, складывалась на протяжении многих столетий. Она впитала в себя многое из иудео-христианского вероучения о природе и судьбе человека, а также приняла и канонизировала отдельные древнерусские языческие традиции, подчинив их своей значительно более высокой иерархии ценностей. Давая сущностную характеристику любви, русское богословие отмечает ее родственно-двойственную природу: божественную и земную. При этом утверждается общечеловеческая значимость земной и божественной любви, которая признается высшим достижением личностного духовного развития человека.

Не менее важным в формировании христианского понимания земной любви являются взаимоотношения между мужчиной и женщиной. Об этом сказано в первых главах Книги Бытия: «Оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей» (Быт. 2:24). Любовь – это то чувство, которое человек перенес из рая в свою земную жизнь, так как главное, чему научился Адам за время краткого пребывания в раю – любить Бога и любить женщину. Эти две любви были для него неразделимы, поэтому до сих пор в любви между мужчиной и женщиной сохраняется образ любви божественной. «Одна любовь соединяет создания и с Богом, и друг с другом» (Авва Фаласский). Любовь между мужчиной и женщиной даже в ее современном, искаженном и страстном состоянии, все-таки сохраняет в себе некие черты, некие отблески первоначальной любви райской: в конечном счете, она может быть объяснена как тоска по утраченному блаженству [См.: Илларион (Алфеев), С. 240-350]. Православная этика любовь между мужчиной и женщиной рассматривает не столько как физиологическое влечение, приносящее чувственное наслаждение, сколько как духовный акт, поднимающий человека до трансцендентных высот, дающий истинное самозабвение. Важно отметить, что половая любовь в православии освящается лишь в браке, так как в таинстве брака души любящих соединяются с Богом неизреченным незримым союзом.

Таким образом, концепция половой любви в православной традиции имеет этико-сотериологический характер, и брак понимается как онтологическое соединение двух людей в единое целое, которое совершается Богом, и является даром красоты и полноты жизни, который необходим для совершенствования, для осуществления своего предназначения, для преображения и вселения в Царствие Божие. Следовательно, любовь «небесная» и «земная» – это два пути, определяющие отношение человека к жизни. Призывая следовать любви «небесной», святоотеческое богословие утверждает, что как духовная жизнь не отрицает материальную, а поднимает ее на другой, более высокий уровень, так и любовь «небесная» не отрицает любовь «земную», но преображает ее, давая возможность человеку, познавшему совершенную любовь, открыть в себе образ Божий и реализовать всю полноту собственной жизни.

Однако христианская концепция любви в процессе развития русской культуры, испытывая различные влияния, подверглась существенным трансформациям. Эти изменения в значительной степени связаны с расколом, который произошел в православной церкви в XVII веке и лишил ее прежней духовной силы над верующими. Впоследствии местные, мирские, национальные моменты взяли верх над вселенским объединяющим началом. Наиболее значительным трансформациям традиционные идеи и образы любви подверглись в период реформ Петра I, открывшим дорогу не только европейской просвещенности, но и различным сектантским еретическим учениям. Преобразование на рубеже XVII-XVIII вв. русского царства в российскую империю послужило смене мировоззренческих ориентиров, русская культура стала на путь секуляризации, что сопровождалось ломкой патриархально-сословных структур, изменением национального сознания в сторону обмирщения и снижением роли духовности в русском обществе.

В XIX веке в нашем обществе усиливается влияние идущих с Запада идей революционного переустройства, зарождаются ценности нового позитивистского взгляда на жизнь, при этом, рационалистическая парадигма опирается на фундамент «прикладной» науки и связанные с нею материализм и нигилизм. В конце XIX века общеевропейский культурный кризис затрагивает и Россию. Урбанизация, пришедшая с запада, поменяла идеологию патриархального феодального строя на буржуазные индивидуально-

психологические устремления, а потому прежние формы и методы социального и этического обустройства общества изживали себя.

В итоге отечественная культура становилась духовно и социально неравновесной: она как бы разделилась на два уровня, один представлял народные слои, другой образованные слои, дворянство, интеллигенцию. Однако и там, и там ощущалась «эпоха перемен», что обусловило распространение пессимистического настроения эсхатологических предчувствий, и как результат – различных утопий (социального реформаторства, национального мессианства, посягательства на преобразование мира). Именно эти утопии роднили «просвещенную личность» и «народную веру», революционную интеллигенцию и мистические секты, уже широко распространившие свое влияние в XIX веке и среди образованной интеллигенции, и в простом народе.

Православие с его традиционными нравственно-этическими установками также переживает глубокий кризис, церковь все больше отделяется от гуманистической светской культуры, с одной стороны, и от «народной веры», с другой. Заложившая сакральные константы русской культуры, она, словно обессиливает, и уходит в сферу мистического бытия, это приводит к консервации и упрощению форм общественной и духовной жизни, появлению в народе фанатичного верования, в котором почти исчезает подлинная христианская глубина и преобладают полужызычные суеверия и сектантские ереси.

Следует уточнить, что понятие «народная вера» весьма неоднозначно, она довольно далека от церковной и связана, как правило, с сектантским движением: практиками хлыстов, скопцов, молокан, духоборов. Мистико-экстатические секты, такие как хлысты, скопцы, ведут свое историческое начало от гностико-манихеев и встречаются вплоть до наших дней. Еще С.Н. Трубецкой в свое время был обеспокоен *живучестью гностических идей*, отмечая, что «в наши дни, после векового развития критической философии и величайших успехов естествознания, нередко наблюдается возвращение к мистицизму, и притом в наиболее грубых его формах» [Трубецкой, С. 413]. В отечественной научной литературе существует широкий спектр работ (В.В. Болотова, М.Э. Поснова, А.Ф. Лосева, А.М. Эткинды, И.И. Евлампиева, А.В. Дьякова, В.П. Римского, И.Г. Яковенко), где вслед за С.Н. Трубецким исследуется феномен концепции гностицизма и рассматривается его влияние на русскую культуру.

Гностико-манихейские секты причудливо вобрали в себя мистические представления Востока о страдающем и воскресающем боге (Митра, Осирис), о борьбе добра и зла в космическом масштабе, мессианские чаяния иудаизма, космологические построения неоплатоников, индо-пифагорейскую идею вечного перерождения и перевоплощения душ, пифагорейско-кабаллистическую мистику цифр и символов, аскетическую практику даосизма и буддизма [См.: Римский, С. 65-80]. Позднее, уже под влиянием христианского культа, в сектах справлялись обряды, похожие на крещение и причащение, что помогло им приспособиться к обрядам официальной церкви. Сектанты, спаянные строгой дисциплиной и тайными ритуалами, первоначально обозначили себя приверженцами христианства, которое будто бы «хотели восстановить во всей его первоначальной чистоте» [Эткинд, С. 62]. Сектанты и им сочувствующие были охвачены напряженным ожиданием конца «старого мира» и предсказанного в «Апокалипсисе» наступления на земле Царства Божия, когда все «станут Христами». Однако, гностико-манихейское вероучение во многом отличалось от христианства, в том числе они по-разному подходили к интерпретации любви.

Многие исследователи указывают, что гностические учения не ставили перед собой задачу разработки целостного аксиологического и этического учения. Однако в контексте нашего исследования мы будем касаться, условно нами названных «аксиологического» и «этического» планов аскетических практик и мировоззрения гностиков. Поясним, что в христианстве присутствует свое понимание духовной и телесной аскезы, это путь преодоления страстей, которые делятся на духовные и телесные, но и телесные не являются «естественными явлениями физиологического порядка», они «произрастают из худого делания ума, из помрачения разума» [Эткинд, С. 343-346], а потому христианство не отвергает природных начал в человеке, более того их необходимо также духовно преобразить, как и душу. «Истинно христианское отношение человека к своей телесной природе имеет основанием глубочайшее смирение, первостепенным важнейшим фактором любовь к Богу и целью освящение тела как храма живущего в нем Святого Духа» [Эткинд, С. 347]. Иное дело в гностицизме: здесь не только проповедуется уничтожение природного мира и плоти как

вместилища зла, но и сам дух оказывался оскопленным, рафинированным, утратившим Любовь, Красоту и Добро.

Степень строгости гностической аскетической практики может варьироваться, но главное остается – это *активная неприязнь к плоти*, выражающаяся в стремлении ее подавления, что реализуется через нормы и правила поста и сексуальной аскезы. Если в христианстве половая любовь соотносится со сферой семейных отношений и несет в себе аксиологический и сотериологический смыслы, то гностико-манихейские секты не редко отвергают брак и деторождение. Деторождение в некоторых гностических сектах порицалось ещё потому, что при умножении человечества происходит рассеяние божественных элементов. Вообще следует отметить, что в гностицизме практически не встречаются те модификации любви, о которых мы говорили в христианстве. В гностической космогонии нет места любви в христианском смысле.

Гностический эрос имеет чувственный характер, в этом он близок античному эросу, но противоположен пониманию любви в русской народной культуре, где в основном она сводилась к чувственному эросу. Народный эрос уходит корнями в языческую стихию культа природы и телесности, утверждавшего идею плодородия и чувственной красоты. Об этом свидетельствуют многие сохранившиеся славянские святочные и масленичные обряды, смеховая культура – все они замешаны на языческом эросе, который, как было отмечено выше, оказывал мощное давление на духовные устои православной этики, которая из языческой стихии телесности приняла и одухотворила светлое, «аполлоновское» начало. Очевидно, что гностико-манихейское представление о любви противоположно традиционному образу любви в русской культуре, формировавшемуся на основе интегрирования православной этики любви и народного эроса.

Так, в аксиологическом плане для гностика гносис выступает высшей ценностью, и хотя любовь и знание уравниваются, но гносис имеет интеллектуальную природу, а значит и любовь в большей степени соотносится с разумом, но не сердцем. Именно момент гностического познания описывается как мистическое, сокровенное, чувственно окрашенное, интимное состояние. Не через божественную любовь идет гностик к истинному смыслу жизни, для него мир есть знаки и символы, которые необходимо расшифровать разумом, так как истина пришла в мир на уровне символов и образов. Однако и для гностика наступает момент любви, на высшем уровне постижения, когда незнание преодолено, ему не нужно уже испытывать к тварному, погрязшему во зле, миру неприязнь. Сам спасшийся знанием, пневматик должен любить мир и Вселенную, чтобы спасти и их. И здесь возникает морально-этическая составляющая гностической любви: знание истины возвышает сердца тех, кому не дано творить грех, они стали свободными из-за знания, а теперь из-за любви они спасают других.

Среди основных черт гностицизма, выделяемых с исследуемой темой любви соотносятся следующие: во-первых, гностицизм не знает Богочеловека, а, значит, нет и абсолютной любви, связывающей человека и Бога; во-вторых, отрицается единство человечества, так как род людской делится на материальных, душевных и духовных людей, из которых спасаются лишь избранные, изначально несущие в себе божественный («пневматический») элемент, следовательно, идея соборности, основанная на единстве людей в любви к Христу, отсутствует; наконец, материя и, в частности, тело, спасению не подлежит, так как изначально лежит во зле, более того, на практике возникают два образа жизни, одинаково оправдываемые: аскетизм и нравственная распущенность. Образ жизни для гностика никакого значения не имеет, так как для пневматика, имеющего божественную природу, метафизически и нравственно безразлично, какой образ жизни вести, он должен исчерпать все возможности греха, чтобы скверна оказалась бессильной. Следовательно, гностическая любовь лишена и основного христианского смысла – сотериологического, она не связана с идеей спасения. В гностическом учении обретение гносиса приводит к спасению, но не любовь ведет человека по пути самотворчества и преображения. Очевидно, что полнота православного образа агапическо-эротической любви создает предпосылки для оптимистического взгляда на человека и его будущее, в гностических системах подобный оптимизм отсутствует, так как земной мир принципиально ошибочное творение и необходимо его физическое разрушение.

Русская культура не могла не испытывать влияния гностического мировоззрения, этот факт нашел отражение и в формировании идей и образов любви. Очевидно, что в ней к XIX веку сложилось противоречивое отношение к любви: общество породило новые культурные образы любви, которые генерировались как на уровне обыденного сознания, так и в системе «тайных орденов», «тайных общин», мистических сект, где проповедовались хилиастические идеи разрушения старого и наступления нового мира не на небе, а на земле;

пропагандировалась идеология общности жен и имущества, или, напротив, отрицалась семья и деторождение.

В создавшейся социокультурной атмосфере XIX века, когда традиционно-православная этика любви утратила актуальность, а новые идеи и образы любви, проповедовавшие или разгул чувственности (в мирской среде), или аскетизм и отрицание плоти (в сектах гностического толка), требовали адаптации к обозначившимся общественным условиям, развивается позитивистская установка в понимании любви (ханжеская мораль), претендующая на официальную идеологию любви.

Своеобразной сердцевиной русской культуры стала религиозная философия, которая, принимая во внимание личностную и общественную значимость любви, исследует ее сущность и смыслы в соотнесенности с национальными особенностями и традициями. Специфика русского менталитета обусловила особенности «диссонансного» философского мировоззрения, в основе которого острое ощущение дисгармонии и несовершенства земного мира и желание осуществить его гармоничное переустройство, которое во многом связано с влиянием гностических умонастроений. Это объясняет существование таких антропологических констант религиозной философии, как экзистенциальное мышление, склонность к духовной свободе, поиск универсальных путей преодоления внутренних и внешних (социальных) противоречий.

Эта разнородность подходов в понимании и реализации любви сказалась и на характере ее осмысления в философии: тут присутствует и влияние западной метафизики, и восходящее к славянофилам стремление вернуться к христианским истокам и генерировать новые образы любви на религиозном основании, сближая ее с богословием; и мистико-окультурные мотивы, восходящие к гностицизму. Религиозно-философская мысль берет на себя обязанность, осмыслив общественные настроения того времени и ориентируясь на многоаспектность мировоззренческих установок в понимании любви, создать образ любви, тесно связанный с концепцией мистическо-трансцендентного содержания Абсолюта и смысла Бытия, а, главное – предзаданной включенности человека в систему целостности земного и Божественного.

Очевидно, что русской культуре ближе оказалось метафизическое восприятие любви, потому что религиозно-философская мысль создает образы любви, отличные от западных, и обосновывает их через понятия, раскрывающие общий характер русского жизнеустройства и целостное мировосприятие в системе «человек – природа – космос». Отсюда в религиозной философии представлен анализ любовной эмоции как особенного душевно-духовного состояния, открывающего целостность физического и метафизического начал человека, чем задается вопрос о высшей природе любви, ее божественной сущности. Прежде чем человек выйдет на уровень своего истинного любовно-духовного бытия, ему предстоит освоить душевно-земную ипостась любви, не менее значимую для человека, она определяется как нравственное познание собственной природы и находит выражение в культурной жизнедеятельности личности и народа. Бинарная природа любви, исследованная религиозными философами, не разрушает ее сущностного единства, так как имеет онтологический статус, предопределяющий синтез дуальных построений земного и трансцендентного в человеке.

Список литературы References

1. Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. Клин, 2002.
Zen'kovskiy V.V. Problemy vospitaniya v svete khristianskoy antropologii. Klin, 2002.
2. Игумен Илларион (Алфеев) Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие. М., 1996.
Igumen Illarion (Alfeyev) Tainstvo very. Vvedeniye v pravoslavnoye dogmaticheskoye bogosloviye. M., 1996.
3. Римский В.П. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. Белгород, 1997.
Rimskiy V.P. Demony na pereput'ye: kul'turno-istoricheskij obraz totalitarizma. Belgorod, 1997.
4. Трубецкой С.Н. Учение о логосе в его истории. М., 2000.
Trubetskoy S.N. Ucheniye o logose v yego istorii. M., 2000.
5. Эткинд А.М. Хлыст. Секты, литература и революция. М., 1998.
Etkind A.M. Khlyst. Sekty, literatura i revolyutsiya. M., 1998.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

УДК 34.342

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА И ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS OF INFORMATION LAW AND INFORMATION SECURITY

Ю.А. Белевская, А.П. Фисун
Yu.A. Belevsky, A.P. Fisun

Государственный Университет – Учебно-научно-производственный комплекс, Россия, Орёл, Наугорское шоссе, 29
State University - Educational scientific production complex, Oryol, Naugorskoye Highway, 29

E-mail: furiya_ua@mail.ru; fisun11@yandex.ru

Ключевые слова: информация, информационное общество, информационная сфера, методология права в информационном обществе.

Keywords: information, information society, information sphere, methodology of the theory of the right.

Аннотация. Рассматривается актуальная проблема развития терминологического базиса методологии права в информационном обществе. Систематизированы существующие концепции, направления формирования информации как основной категории теории права и объекта правового регулирования общественных отношений материально-энергетических и информационной сферы современного общества.

Resume. The actual problem of development of terminological basis of methodology of the right in information society is considered. The existing concepts, the directions of formation of information as main category of the theory of the right and object of legal regulation of the public relations material and power and the information sphere of modern society are systematized.

Одним из центральных понятий современного информационного общества, его материально-энергетических и информационной сфер, является понятие «информация», которое, как известно, относится к абстрактным категориям, первичным понятиям, а понимание его содержания рассматривается как от наиболее широкого, общесистемного, философского смысла, в том числе и как свойства материи, воспринимаемые управляющей системой из окружающего внешнего материального мира, из процессов, происходящих в самой системе [Агапов, 1999; Философский словарь, 1991; Белевская, Фисун, 2014], так и до наиболее узкого, технократического и прагматического, отражающего определённые сведения, представленные в той или иной форме, являющиеся объектом создания, сбора, обработки, накопления, хранения, поиска, распространения, потребления [Берг, 1966], отождествляющего понятия «информация» и «сообщение», в котором информация определяется как существенная для получателя часть сообщения, а сообщение – как материальный носитель информации, один из конкретных элементов конечного или бесконечного множества, передаваемых по каналу связи и воспринимаемых на приеме системы связи некоторым получателем [Берг, 1966].

Так, известное содержание понятия «информация», определенное К. Шенноном [Шеннон, 1963; Шеннон, 1978], которое отражает количество непредсказуемого, содержащегося в сообщении. Здесь количество информации есть мера того нового, которое данное сообщение вносит в сферу, окружающую получателя. В работах Хартли и Шеннона информация возникает перед нами лишь в своей внешней оболочке, которая представлена отношениями сигналов, знаков, сообщений друг к другу – синтаксическими отношениями. Количественная мера Хартли-Шеннона не претендует на оценку содержательной (семантической) или ценностной, полезной (прагматической) сторон передаваемого сообщения [Шеннон, 1963; Шеннон, 1978], что зачастую не учитывается современными исследователями, которые используют понятие «информация» без учёта смысла его содержания, отождествляя с понятиями «знания», «данные».

Рассматривая основные положения действующего Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», необходимо отметить, что в части семантики терминологического базиса, в большей степени понятия относятся к документированным, можно сказать, техническим формам представления информации, и не достаточно полно отражают смысловое содержание информации как основного объекта правоотношений в информационной сфере. Об этом свидетельствует, хотя и достаточно высокого уровня общности, определение «информации» как сведений (сообщений, данных) независимо от формы их представления. В тоже время, содержания самого термина «сообщение», «данные», «форма представления» законодателем не определены. Для сравнения, в ранее действующем до 2006 года Федеральном законе «Об информации, информатизации и защите информации» содержание информации, хотя и было представлено более низким уровнем общности, ограничивающим смысловое содержание термина информации частными её характеристиками, как объекта реально существующих в науке и практике информационных отношений «...сведения о предметах, объектах, явлениях, процессах, независимо от формы их представления» [ФЗ № 24 от 20 февраля 1995 г.], тем не менее, такое содержание обеспечивало возможность однозначного формирования смыслового содержания информации в рамках реальной действительности и возникающих общественных информационных отношений.

Учитывая, что содержание рассматриваемых терминов информации прямо или косвенно характеризует общественные информационные отношения значительной части материально-энергетических сфер и видов деятельности личности, общества и государства, в которых информация является объектом этих отношений, возникают сложности однозначного определения содержания информации. Проведённый автором анализ научных взглядов известных учёных и специалистов в этой сфере [Белевская, Фисун, 2014] позволяет утверждать, что в связи со сложностью в формулировании однозначного и относительно полного определения информации как правовой категории, формирование и использование её содержания осуществляют с учётом известных философских категорий информации, для которых каждое определение имеет право на существование, при этом привидение определения понятия к конкретному содержанию, будет некорректным [см. Венцовский, 1982].

С учётом того, что принятое в законодательстве содержание термина «информация», его составляющие признаки и производные термины «сведения», «сообщение», «данные» и другие не определены или неоднозначно определены, а также учитывая известные результаты по определению содержания информации в других науках, автор считает необходимым, при формировании, оценке, определении содержания термина информации учитывать ряд особенностей её формирования, которые можно представить следующими *утверждениями*:

утверждение 1. Информация рассматривается как определённые знания, имеющие одну ценностную меру по отношению к внешнему, объективному, миру, и другую ценностную меру – по отношению к получателю (субъекту), обладающему определёнными и конкретными накопленными им знаниями, ставящему определённые познавательные цели и задачи. содержание информации определяется исходя из учёта её свойства, своеобразной дуальности, обуславливающей объективное и субъективное формирование её содержания;

утверждение 2. Информация, являясь абстрактной категорией, и не являясь материально-энергетическим объектом окружающего мира, неразрывно связана с материальным носителем, являющимся атрибутом живой и неживой природы, систем естественной и искусственной природы (мозг человека, конкретные материальные носители);

утверждение 3. Сложность процесса формирования однозначного и единого понятия информации, в силу существования многообразия и разнообразия содержания термина информации и ее свойств, обуславливает необходимость широкого использования системных подходов и методов накопленных информационной наукой;

утверждение 4. Рассматривая информацию как отражение действительности объектом окружающего мира, можно говорить об информации как об абстрактной категории, существующей самой по себе и, являясь таковой, информация не может быть использована (получение, обработка, передача, хранение, переработка и другое) без наличия материального носителя, как необходимого и достаточного своего атрибута, что предполагает рассматривать содержание информации, только в рамках реальной действительности материально-энергетического мира.

Таким образом, информация, как правовая категория, представляет собой результаты постижения объективного мира правовой действительности независимо от формы воспроизведения в сознании человека ранее пережитого восприятия (представления), зафиксированные на материальном носителе. Использование такого содержания термина информации является оправданным, так как в процессе создания, сбора, обработки, накопления, хранения, поиска, распространения, потребления информации, подавляющее большинство правоотношений возникает именно по поводу информации как тех результатов, которые получены в ходе мыслительного осознания реальной действительности и различных видов деятельности личности, общества и государства как в материально-энергетической сфере, так и в информационной сфере и содержащихся на конкретных носителях (источниках информации).

Наряду с важностью рассмотрения содержания понятия *информации* как объекта правового регулирования, большое значение отводится источникам информации. Уточняя содержание источников информации, необходимо отметить, что знание содержания и видов источников информации, позволяет реализовать эффективные механизмы обеспечения её заданных качеств, в том числе её безопасности [Гайкович, Ершов, 1995], обеспечение которой неразрывно связано и неотделимо от реализации и обеспечения информационных прав и свобод граждан, обеспечения информационной безопасности современного общества, государства и используемых ими информационно-телекоммуникационных технологий (ИКТ) и социотехнических систем (СТС). В силу этого, источники информации является также важным объектов правового регулирования современного, информационного общества и всех его сфер.

Определяя информацию как центральное понятие современного информационного общества и его правового, информационно-телекоммуникационного научно-методологического базиса, мы связываем развитие общественных информационных отношений в информационной сфере прежде всего с обеспечением её информационной безопасности и в целом с обеспечением информационной безопасности современного общества, как первоочередным и важнейшим направлением и видом деятельности личности, общества и государства. При этом эффективным инструментом такой деятельности является достаточное, относительно полное, непротиворечивое законодательство, сформированное и развивающееся на основе относительно полного, непротиворечивого правового теоретико-методологического базиса.

С учетом такой постановки проблемы развития методологии теории права современного общества [Белевская, Фисун, 2014], рассмотрения основных направлений государственной политики в информационной сфере и действующего законодательства [ФЗ №2446-1 от 5 марта 1992 г.; ФЗ № 149 от 27 июля 2006г.; ФЗ № 57 от 27 мая 1996 г.; ФЗ № 61 от 31 мая 1996 г.], в том числе Конституции России и других нормативных правовых актов конституционного законодательства, можно сделать вывод о том, что в современных условиях проблема правового регулирования информационной сферы современного информационного общества может быть сведена к решению проблемы обеспечения информационной безопасности личности, общества, государства, используемых ими ИКТ СТС, его информационной сферы. Отсюда, в качестве приоритетных направлений деятельности государственной политики в сфере формирования и развития правового регулирования деятельности личности, общества и государства в информационной сфере и сфере обеспечения информационной безопасности можно выделить:

– решение задач, направленных на реализацию, соблюдение и обеспечение информационных прав, интересов личности в информационной сфере;

– совершенствование правовых механизмов регулирования общественных информационных отношений во всех материально-энергетических сферах и видах деятельности, и, в целом в информационной сфере;

– защита национальных духовных ценностей, норм морали и общественной нравственности от разрушающего воздействия информационных угроз.

Направление государственной политики по обеспечению информационной безопасности личности в рамках решения первоочередной задачи соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, является ведущим. А обеспечение информационной безопасности информационного общества в целом, его информационной сферы, человека и гражданина, должно быть важнейшей тенденцией постоянного и регулярного развития и совершенствования всех частных отраслей права, их теоретико-методологических основ, и, в целом, теории права информационного общества.

Список литературы References

1. Агапов А. Б. Основы государственного управления в сфере информатизации в Российской Федерации. - М.:Юрист,1997.-344 с.
Agapov A. B. Osnovy gosudarstvennogo upravleniya v sfere informatizatsii v Rossiyskoy Federatsii. - М.:Yurist,1997.-344 s.
2. Бачило И. Л. Информация – объект права // НТИ.- Серия 1.-1999. - № 8. - С. 26-34.
Bachilo I. L. Informatsiya – ob'yekt prava // NTI.- Seriya 1.-1999. - № 8. - S. 26-34.
3. Белевская Ю.А., Фисун А.П. Теоретические основы права современного общества и обеспечение информационной безопасности: монография / Ю.А. Белевская, А.П. Фисун. – Орел: ГУ–УНПК, 2014. – 461 с.
Belevskaya YU.A., Fisun A.P. Teoreticheskiye osnovy prava sovremennogo obshchestva i obespecheniye informatsionnoy bezopasnosti: monografiya / YU.A. Belevskaya, A.P. Fisun. – Orel: GU–UNPK, 2014. – 461 s.
4. Берг А.И. Информация и управления. - М.: Экономика, 1966. - 63 с.
Berg A.I. Informatsiya i upravleniya. - М.: Ekonomika, 1966. - 63 s.
5. Венцковский Л.Э. Философские проблемы развития науки.– М.: Наука, 1982. – 190 с.
Ventskovskiy L.E. Filosofskiyе problemy razvitiya nauki.– М.: Nauka, 1982. – 190 s.
6. Гайкович В.Ю., Ершов Д.В. Основы безопасности информационных технологий. - М.: МИФИ, 1995. - С. 13.
Gaykovich V.YU., Yershov D.V. Osnovy bezopasnosti informatsionnykh tekhnologiy. - М.: MIFI, 1995. - S. 13.
7. Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. №2446-I // Российская газета. - 1992. - 6мая.
Zakon Rossiyskoy Federatsii ot 5 marta 1992 g. №2446-I // Rossiyskaya gazeta. - 1992. - 6maya.
8. Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» от 20февраля 1995 г. № 24-ФЗ // Российская газета. - 1995. - 22 февраля.
Federal'nyy zakon «Ob informatsii, informatizatsii i zashchite informatsii» ot 20fevralya 1995 g. № 24-FZ // Rossiyskaya gazeta. - 1995. - 22 fevralya.
9. Федеральный закон от 27 июля 2006г. № 149-ФЗ // Правовая система Гарант; Об архитектурной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ О государственной охране: Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне».
Federal'nyy zakon ot 27 iyulya 2006g. № 149-FZ // Pravovaya sistema Garant; Ob arkhitekturnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 27 maya 1996 g. № 57-FZ O gosudarstvennoy okhrane: Federal'nyy zakon ot 31 maya 1996 g. № 61-FZ «Ob oborone».
10. Философский словарь. - М., 1991.
Filosofskiy slovar'. - М., 1991.
11. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М.: Изд. иностр. лит., 1963.
Shennon K. Imitatsionnoye modelirovaniye sistem – iskusstvo i nauka.– М.: Мир, 1978. - 470с.
Shennon K. Raboty po teorii informatsii i kibernetike. М.: Izd. inostr. lit., 1963. Shennon K. Imitatsionnoye modelirovaniye sistem – iskusstvo i nauka.– М.: Mir, 1978. - 470s.

УДК 355.357

**ВНУТРЕННИЕ ВЫЗОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И
НЕОБХОДИМОСТЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОЛИЦЕЙСКОГО
МИРОТВОРЧЕСТВА ООН****INTERNAL CHALLENGES OF NATIONAL SECURITY AND THE NEED TO
IMPROVE UN POLICE PEACEKEEPING****П.Г. Зверев
P.G. Zverev**

*Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД РФ, Россия, 236006, г. Калининград, ул.
Генерала Галицкого, 30
Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the MIA of Russia, 30 general Galitsky St, Kaliningrad, 236006,
Russia*

E-mail: drpete@yandex.ru

Ключевые слова: ООН, операции в пользу мира, полицейское миротворчество, национальная безопасность.

Key words: UN, peace operations, police peacekeeping, national security.

Аннотация. Статья посвящена анализу деятельности полицейского компонента современных операций ООН в пользу мира в условиях сложных вызовов международной и национальной безопасности. По итогам анализа автор делает рекомендации по разрешению вызовов полицейскому миротворчеству ООН.

Resume. The article is devoted to the analysis of the activities of the police component of modern UN peace operations in the light of the complex challenges of international and national security. According to the results of the analysis, the author makes recommendations for the resolution of these challenges of UN police peacekeeping.

Устойчивый мир требует создания или восстановления таких условий, как уважение прав человека, справедливость, социальная гармония и экономическое благополучие, но достижение всех этих целей, очевидно, является долгим и трудным процессом. Обеспечение более высоких динамических аспектов мира, прежде чем будут гарантированы законность и правопорядок, представляется непростой задачей.

В разрушенных государствах система управления фактически не функционирует, а верховенство закона отсутствует. Возникает размытость между понятиями «преступность» и «война», появляется состояние «не войны и не преступности», которое и характеризует большинство современных чрезвычайных ситуаций. Маловероятно, что международные силы столкнутся с регулярными национальными армиями, равно как и с типичными преступными группировками, противодействие которым оказывает полиция. Скорее всего, им придется иметь дело с вооруженными группами, представляющими негосударственные сообщества, такие как кланы, местные ополчения, силы наемников, частные армии, партизанские движения, корпорации, нарко- и иные картели. Конфликты последних десятилетий во всем мире показали, что довольно часто бывшие полевые командиры становятся магнатами и политическими деятелями. В то время как войны, блокады и чрезвычайные ситуации оказывают разрушительное воздействие на большую часть населения, эти субъекты готовят почву для определенных видов экономической деятельности, оказывающихся особенно эффективными в условиях отсутствия порядка. Люди, получающие пользу от такой деятельности, разумеется, не видят выгоды в оказании помощи по восстановлению эффективного общественного контроля. По этой причине полевые командиры зачастую становятся помехой для процессов мирного урегулирования.

В некоторых ситуациях государства-члены по разным причинам не могут или не хотят направлять свои контингенты для того, чтобы ООН имела возможность дислоцировать надежные миротворческие силы в нестабильном регионе. Тогда Организация вправе санкционировать для противодействия военным преступлениям против гражданского

населения и геноциду региональную организацию или соглашение, а также добровольную коалицию государств под руководством ведущей державы.

Выступавшие на семинаре в Нью-Дели отмечали, что согласие, как правило, требуемое для проведения миротворческой операции, в случаях геноцида или преступлений против человечности может и не достигаться и не соблюдаться на практике как абсолютный критерий для развертывания международной операции. Участники Стокгольмского семинара, развивая эту идею, высказались в том плане, что вопрос о согласии должен разрешаться в каждой конкретной ситуации (*ad hoc*). К примеру, если военная угроза, возникшая вследствие нежелания сторон сотрудничать, ограничена масштабами локального сопротивления, бандитизма и мародерства, а основные стороны конфликта по-прежнему привержены положениям соглашения, миротворческие силы вполне могут быть уполномочены на противостояние такой военной угрозе. Речь идет об определенном типе «полицейских функций», которые следует четко отграничивать от принудительных действий и которые на стратегическом уровне не оставляют места согласию основных сторон конфликта, включая в себя военные операции, нацеленные на силовое решение проблемы. Если же согласия более не существует как независимой переменной или определяющей отличительной черты многоаспектных операций в пользу мира, преобладающий в настоящее время доктринальный подход к принуждению к миру, очевидно, несовершенен и нуждается в срочном пересмотре. Понятие «полицейских функций» предполагает в качестве отправной точки для концептуализации операций в пользу мира фокусировку на подходе, основанном на законе [Berdal, 1993].

Операции в пользу мира требуют «всеобъемлющих и долгосрочных решений», основанных на сложной и многоуровневой доктрине. Задача выработки такого всеобъемлющего документа является сложной не только для одной страны, но и для группы государств. Но если доктрина фокусируется на нескольких базовых принципах, консенсус может быть достигнут и на его основе будет выработано руководство для миротворческой деятельности.

Опыт прошлого показывает, что если внутренним вызовам безопасности не уделяется достаточное внимание на ранних стадиях, усилия, направленные на постконфликтное урегулирование, могут оказаться напрасными. Любая гражданская война неизбежно порождает организованную преступность, кровную месть, неконтролируемое распространение оружия, грабежи и кражи. Гражданские полицейские ООН, дислоцированные наряду с военными миротворцами для оказания помощи в восстановлении национальных правоохранительных органов, зачастую оказываются неготовыми к решению проблем правоохранительной деятельности в рамках «не войны и не преступности», поэтому единственным эффективным инструментом остается военный компонент. При рассмотрении мира как антитезы войне такая реальность фактически размывается, и военные (рассматриваемые как «поставщики войны») обладают уникальной возможностью для создания стабильности и безопасности посредством «принуждения к миру», вместо правоохранительной деятельности. Подобные представления о положении вещей меняются очень медленно.

На рубеже тысячелетий международное сообщество в лице Организации Объединенных Наций (ООН), в сотрудничестве с другими международными организациями и заинтересованными странами, взяло на себя управление в рамках исполнительного мандата (*executive mandate*), что нашло практическое выражение в двух резонансных операциях – в Косово (МООНК / UNMIK) и Восточном Тиморе (ВАООНВТ / UNTAET) [Зверев, 2014]. Для международной полиции (гражданской полиции ООН) это выразилось в обладании исполнительными полицейскими полномочиями, включая право на осуществление арестов [Зверев, 2014] и применение силы и огнестрельного оружия [Зверев, 2014]. Исполнительный мандат накладывает большую ответственность. Культура и правила применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции разных стран отличается, следовательно, применение силы, в том числе оружия, должно находить четкое отражение в правилах ведения боя (ROE) миротворческой миссии и реализовываться с большой осторожностью. Следует также учитывать то обстоятельство, что вооруженность полицейских может спровоцировать нарушителей на применение оружия первыми.

В Косово и Восточном Тиморе Совет Безопасности ООН признал необходимым принятие именно исполнительных мандатов. Иногда язык силы – это единственный язык, который понимают преступники и прочие противозаконные элементы. В то же время нельзя

забывать об опасном характере миротворческой деятельности, а в ситуациях повышенного риска безопаснее работать плечом к плечу с проверенными коллегами, реакция которых на «острые» ситуации надежна и предсказуема. По этим причинам крайне желательна совместная работа сотрудников полиции, обладающих равным уровнем подготовки и профессиональным опытом [Зверев, 2014].

Сотрудники полиции из одной части света или одного региона могут совместно проходить подготовку к миссиям. Следующим после такой подготовки шагом будет формирование совместных подразделений для участия в операциях в пользу мира. Отчасти такая концепция будет означать отход от нынешней политики ООН, в соответствии с которой представители национальностей с различными культурными корнями вполне свободно работают в одних и тех же миссиях (многонациональные миротворческие силы). Такие возможные изменения коррелируют с тенденциями ЕС, а также с предложениями об учреждении региональных тренировочных центров. С другой стороны, опыт Косово показывает, что развертывание мононациональных сил не обязательно означает высокую эффективность. Такое развертывание способно выявить различия концептуального характера в соответствующих сферах ответственности, что, в свою очередь, породит координационные и психологические проблемы в ситуациях подготовки сотрудников местной полиции. Концепции обучения, разработанные внутри каждой миссии, уже преодолели такого рода национальные различия, в результате чего появились эффективные подразделения, в состав которых вошли представители разных национальностей.

Бытует мнение, что исполнительные мандаты, по типу Косово и Восточного Тимора, представляют собой исключительные случаи, которые не составили обязательного правила для Совета Безопасности ООН в отношении принятия таких мандатов в будущем. Возможно, такое утверждение означает выдавание желаемого за действительное. Традиционное миротворчество осуществляется с помощью невооруженных гражданских полицейских ООН, и важность задач, возлагаемых на последних, по наблюдению и обучению трудно переоценить. Однако различные типы кризисов требуют применения разных инструментов и разных подходов. Во время работы миссии Совет Безопасности ООН может вносить в мандат изменения, связанные с деятельностью гражданской полиции. На первоначальном этапе миссии для гражданской полиции ООН может быть вполне достаточно функций наблюдения и патрулирования, но на поздних стадиях могут потребоваться дополнительные навыки и профессиональные инструкторы. Опыт последних двадцати лет показал, что обязанности полиции в операциях в пользу мира значительно изменились. В XXI веке эта тенденция продолжает сохраняться.

На семинаре в Претории (ЮАР) обсуждалась проблема реформирования «сектора безопасности», которому, по мнению выступавших, должно придаваться более широкое, чем принято, значение. Данный вопрос неоднократно поднимался в ходе разных семинаров, на которых отмечалось, что во время развертывания сил гражданской полиции ООН, особенно в рамках исполнительного мандата, возникает потребность в эффективном функционировании всей правовой цепочки (*legal chain*). Буквально это означает потребность в более широком спектре профессиональных знаний и навыков, что, в свою очередь, требует участия в операциях большего количества судей, прокуроров, адвокатов и сотрудников пенитенциарных учреждений, которые смогут взять на себя соответствующие обязанности. Участники семинаров пришли к выводу о том, что для таких лиц будет намного труднее, чем для сотрудников полиции, отсутствовать на месте постоянной работы (уезжая в командировку) даже короткий период времени. И все же их знания и опыт крайне необходимы в полевых условиях, поскольку если эти важные национальные элементы «сектора безопасности» отсутствуют или дали сбой, формирование эффективного правопорядка будет сложным, долгим и, вероятно, даже невозможным процессом. Довольно часто полиция арестовывает или задерживает лицо, но при этом нет квалифицированного прокурора или слаженной системы правосудия, которая предпримет дальнейшие действия, либо просто отсутствует тюремная камера, в которой должен содержаться задержанный (арестованный). В этих условиях, когда правовая цепочка обрывается, работа полиции может оказаться бессмысленной и бесперспективной.

Иногда национальное законодательство в государстве проведения операции в пользу мира устаревает либо вообще отсутствует. Юристы из ряда стран интенсивно разрабатывали законодательство Косово и Восточного Тимора, поскольку прежнее югославское и индонезийское законодательства уже не удовлетворяли потребностей государственных

органов и граждан. Когда общество подвергается абсолютной реструктуризации, существует настоятельная необходимость в скорейшем принятии уголовных и процессуальных законов. Обычно в таких случаях создаются временные законы, которые действуют до тех пор, пока не появляется новое национальное законодательство. Впрочем, это весьма деликатный вопрос, который затрагивает интересы людей и их социальную природу, то есть требует квалифицированной юридической экспертизы. В ходе начальной фазы операции в пользу мира военные и полицейские миротворцы неизбежно сталкиваются с определенными категориями серьезных преступлений. К их числу относятся убийства, покушения на убийства, нападения при отягчающих обстоятельствах, изнасилования, похищения людей, поджоги, разбой и др. Вне связи с той или иной национальной правовой системой, такие преступления было бы проще всего квалифицировать с помощью временного международного уголовного кодекса. Кроме того, необходимо принять временный уголовно-процессуальный кодекс, который бы устанавливал механизм преследования за такие серьезные преступления. На промежуточном этапе операции в пользу мира это способствовало бы формированию элементарной законности и правопорядка и в значительной степени служило бы целям подготовки миротворцев, в том числе международных прокуроров и судей.

Представляется, что все рассмотренные вопросы заслуживают дальнейшего обсуждения. Гражданская полиция ООН должна быть в состоянии сотрудничать не только с юридическим персоналом Организации, но также с местными коллегами и сотрудниками иных правоохранительных органов, которые несут ответственность за создание или совершенствование национальной правовой системы либо правовой системы территории, на которой проводится операция в пользу мира [Report of the Panel on ..., 2000].

Для развития гражданской полиции ООН очень важна перспектива. Недопустимо, чтобы международное сообщество сначала оказало помощь обществу, пораженному войной, а затем бросило его на произвол судьбы. Чтобы инвестиционные затраты и усилия операции по поддержанию мира имели длительный эффект, международное сообщество должно быть готово оказывать помощь в рамках постконфликтного миростроительства на протяжении длительного времени посредством укрепления безопасности, стабильности и уважения верховенства закона. Многие бывшие гражданские полицейские ООН достаточно квалифицированы, чтобы впоследствии вернуться работать в тот же регион в качестве руководителей или участников проектов по сотрудничеству в области развития полицейской деятельности. Полицейские реформы должны привести к созданию такой демократической полиции, работа которой будет основываться на верховенстве закона, а сотрудники будут в состоянии бороться с послевоенной преступностью. Чтобы помочь им в развитии своих навыков, международные полицейские инструкторы должны быть профессионалами, с педагогическим стажем работы в полицейских школах, институтах и академиях в государствах своей национальной принадлежности. Свою работу они должны строить на основе долгосрочных планов развития полицейского сотрудничества, а не на специальной (ad hoc) основе, как это часто происходило в практике гражданской полиции ООН, и в слишком короткие для достижения значимого результата сроки. Необходимо установить, что именно может быть достигнуто в период непосредственного миротворчества и в период после завершения миссии. Следует развивать более тесное сотрудничество с компонентами, вовлеченными в процесс долгосрочного строительства институтов в ходе операции в пользу мира. Развитие такого сотрудничества должно происходить по согласию правительства заинтересованной страны и по его запросу. Существуют разные способы достижения этой цели: через ПРООН, посредством других международных организаций или в двустороннем порядке, – но в любом случае речь идет о долгосрочной перспективе содействия продвижению устойчивого мира, которому на сегодняшний день еще не уделено достаточное внимание и не оказана поддержка.

На основе вышеизложенных положений можно сформулировать ряд рекомендаций по разрешению сложных вызовов полицейскому миротворчеству.

1. Для улучшения количественных и качественных показателей гражданской полиции, которая по своей квалификации подходит для участия в операциях в пользу мира, государства-члены должны оказывать более серьезную поддержку в плане предварительной подготовки, в виде комплексных баз данных квалифицированных полицейских кадров, скоординированного обучения, внедрения процедур отбора, создания резервов

квалифицированного персонала, выдачи «голубых карточек» [Зверев, 2014], где это возможно, а также улучшенного оснащения полицейским оборудованием.

2. Для обеспечения безопасности и правопорядка в период решающей первоначальной фазы миротворческой операции необходимо разработать временные международные уголовный и уголовно-процессуальный кодексы. Это может значительно облегчить привлечение к участию в операциях в пользу мира международных прокуроров, судей, а также персонала пенитенциарных учреждений, равно как подготовку и обучение такого рода персонала.

3. В процессе операции в пользу мира приоритет должен отдаваться более тесному сотрудничеству и координации усилий полиции и других элементов, таких как военный компонент, гуманитарные организации и организации по развитию, неправительственные организации, местные органы власти и местные общины.

4. Необходимо уделять больше внимания совершенствованию всей правовой цепочки, включая квалифицированный и опытный персонал судейского корпуса, прокуроров, адвокатов и работников пенитенциарной системы.

5. Наконец, важным вкладом в постконфликтное миростроительство станут механизмы долгосрочного обучения местной полиции как элемент развития сотрудничества.

Список литературы References

1. Зверев П.Г. Временные администрации ООН и международное гуманитарное право // Молодой ученый. – 2014. – № 8 (67). – С. 670-672.

Zverev P.G. Vremennyye administratsii OON i mezhdunarodnoye gumanitarnoye pravo // Molodoy uchenyy. – 2014. – № 8 (67). – S. 670-672.

2. Зверев П.Г. К вопросу о подготовке сотрудников полиции для участия в миротворческих операциях ООН // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 2 (36). – С. 38-40.

Zverev P.G. K voprosu o podgotovke sotrudnikov politsii dlya uchastiya v mirotvorcheskikh operatsiyakh OON // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2014. – № 2 (36). – S. 38-40.

3. Зверев П.Г. Право международных миротворческих сил на осуществление арестов в исторической ретроспективе // Материалы II международной научной конференции «Юридические науки: проблемы и перспективы», январь 2014. – Пермь, 2014. – С. 128-130.

Zverev P.G. Pravo mezhdunarodnykh mirotvorcheskikh sil na osushchestvleniye arestov v istoricheskoy retrospektive // Materialy II mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Yuridicheskiye nauki: problemy i perspektivy», yanvar' 2014. – Perm', 2014. – S. 128-130.

4. Зверев П.Г. Применение силы и правила ведения боя в миротворческих операциях ООН // Молодой ученый. – 2014. – № 6 (65). – С. 551-553.

Zverev P.G. Primeneniye sily i pravila vedeniya boya v mirotvorcheskikh operatsiyakh OON // Molodoy uchenyy. – 2014. – № 6 (65). – S. 551-553.

5. Зверев П.Г. Социально-психологические аспекты совместной охраны правопорядка как направления полицейской деятельности современных миротворческих операций ООН // Психология. Социология. Педагогика. – 2014. – № 3 (40). – С. 7-10.

Zverev P.G. Sotsial'no-psikhologicheskiye aspekty sovmestnoy okhrany pravoporyadka kak napravleniya politseyskoy deyatelnosti sovremennykh mirotvorcheskikh operatsiy OON // Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika. – 2014. – № 3 (40). – S. 7-10.

6. Report of the Panel on United Nations Peace Operations, A/55/305-S/2000/809 of 21 August 2000, para. 225.

7. Berdal M. Armies in International Peacekeeping, Paper presented at a conference on taking the South African Army into the Future, ISS/S.A. Army, Pretoria, 15th November 1993.

УДК 340.13

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ ДОКТРИНЫ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА В
ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ПЕРИОД НОВОГО ВРЕМЕНИ И НА
СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ****THEORETICAL RESEARCH OF THE DOCTRINE OF INTERPRETATION OF
LAW IN THE UK IN THE NEW TIME AND AT THE PRESENT STAGE****Ю.В. Недилько
Y.V. Nedil'ko**

*Кубанский государственный аграрный университет, 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13
Kuban State Agrarian University, 13 Kalinina St., 350044, Krasnodar, Russia*

E-mail: jvna@list.ru

Ключевые слова: толкование права, общее право, статут, прецедент, доктрина, правила толкования.
Key words: interpretation of law, common law, Statute, precedent, doctrine, rules of interpretation.

Аннотация. Статья посвящена исследованию правил толкования правовых норм, существующих в Великобритании. Приводятся две основные классификации данных правил. Автор обращает внимание на тот факт, что правила толкования английского права формировались на протяжении веков. Огромное влияние на этот процесс оказывали формулировки судебных прецедентов и труды известных английских правоведов, в которых содержался не только обобщенный правовой материал, но и проводился его анализ, в результате которого формулировались конкретные выводы, ставшие впоследствии основой для разрешения юридических дел. Резюмируется, что современная доктрина толкования права в Великобритании включает в себя не только правила толкования, но и законодательные определения, принципы, проистекающие из правовой политики, презумпции, основанные на природе законодательства, лингвистические каноны, древнеримские максимы. Детальная разработанность доктрины толкования способствует выделению необходимой нормы из огромного правового массива и применению ее к конкретному юридическому делу.

Resume. The article is devoted to the research of the rules of interpretation of legal norms existing in the UK. Two main classifications of these rules are shown. The author draws attention to the fact, that rules of interpretation of English law were formed through the ages. A huge impact on this process was provided by the statements of judicial precedents and the works of famous English jurists, which contain not only generalized legal material, but it was made analysis, which was formulated specific conclusions. Later these conclusions became the basis for resolution of legal cases. The modern doctrine of interpretation of law in the UK includes not only the rules of interpretation, but legislative definition, the principles derived from legal policy, the presumption, based on the nature of the legislation, linguistic canons and the Roman maxims. A detailed readiness of the doctrine of interpretation favours to find the necessary rule of law from a vast corpus of legal and its application in a particular legal case.

Правила толкования правовых норм формировались параллельно с развитием самого права. На их становление и развитие оказывали влияние различные факторы. Специфические черты правовой интерпретации в различных правовых системах зависят, прежде всего, от особенностей этих систем, видов и характера правовых источников, соотношения теоретических разработок и правоприменительной практики.

Особенности толкования английского права обусловлены преобладанием такого специфического источника, как судебный прецедент, а также необходимостью его взаимодействия с иными формами английского права, прежде всего, обычаями и статутами. На выработку правил толкования английского права также оказала влияние концепция юридического позитивизма.

Фундаментальные труды английских правоведов, таких, как Э. Кук, У. Блэкстон и др., также имеющие авторитет правовых источников, позволяют проследить развитие прецедентной системы в Англии и формирование основных правил толкования в результате рассмотрения конкретных юридических дел.

В данном исследовании мы остановимся на двух основных классификациях правил толкования английского права, различных по объему и содержанию.

Первая включает в себя всего 3 правила, которые, отметим, в настоящее время уже не применяются в первоначальном виде. Тем не менее, часто в современной литературе они указываются как «каноны толкования статутов» [Martin, P. 54]. Данные правила таковы:

1) *Literal rule* («буквальное правило»), согласно которому слова должны интерпретироваться в соответствии с их очевидным, общеупотребительным смыслом. Данного правила следует придерживаться даже в том случае, если результат толкования не совсем соответствует разуму. Эта мысль была озвучена лордом Эшером следующим образом: «Если слова акта ясны, то вы обязаны следовать им, даже если это приведет к явному абсурду. Суд не правомочен ставить вопрос о вероятной абсурдности положения закона» [R. v Judge of the City of London Court. [1892]. 1 Q.B.273 at 290].

Следует отметить, что правило буквального толкования не получило повсеместного одобрения. Напротив, оно часто подвергалось критике. Его называли «слишком механическим», «оторванным от реалий общеупотребительного языка». Исследователи, критикуя характерный для этого правила тезис о наличии у слов одного буквального, точного значения, отмечали, что даже словари приводят несколько значений одного и того же слова. Кроме этого, они указывали, что значение слов может меняться в зависимости от контекста. В судебном же заседании каждая из сторон вправе настаивать на предпочтительном для нее значении слова как на демонстрирующем очевидный смысл толкуемого понятия [Zander, P. 89].

Отметим, что некоторые исследователи (например, Ф. Беннион), видят воплощение этого спора в разнице понятий «толкование» (*construction*) и «интерпретация» (*interpretation*). Отмечая отсутствие принципиального отличия между ними, Беннион, тем не менее, говорил, что естественнее говорить об интерпретации слов и фраз, а толкование применимо по отношению к более пространным текстам. Вместе с тем, содержание термина «интерпретация» шире, чем понятия «толкование». Интерпретация может означать идею определения легального смысла правовой нормы. Толкование в большей степени имеет отношение к извлечению грамматического смысла, который может не совпадать с правовым. В этом основное различие между двумя терминами.

Таким образом, принимая во внимание точку зрения Бенниона, правило *literal rule* выражает именно толкование (*construction*), а не интерпретацию (*interpretation*).

Несмотря на яростную критику, со времени своего возникновения (XIX в.) правило буквального толкования являлось самым применяемым правилом толкования на протяжении более чем одного столетия [Zander, P. 78]. Странники его применения говорили о том, что буквальный смысл понятия закладывается еще на стадии составления проекта нормативного акта, и в дальнейшем парламент употребляет понятие именно в этом смысле. Так, приложение к британскому Акту «Об интерпретации» (1978 г.) определяет те термины и понятия, значение которых понимается единообразно во всех парламентских актах Великобритании.

Если же есть необходимость другого понимания, то об этом надо прямо указать в законе. Но роль суда состоит именно в раскрытии истинных намерений субъекта правотворчества [Васьковский, С. 21]. Таким образом, правилу буквального толкования противостоит интерпретация в соответствии с «духом» закона.

Английский правовед израильского происхождения Дж. Рац говорил об этом противостоянии, выделяя 2 вида интерпретации - условную и бережную. Условная стремится объяснить смысл нормы с позиции интерпретатора. Бережное толкование осуществляется с точки зрения автора закона и, «как будто бы» позволяет в максимальной степени раскрыть истинные намерения и цели законодателей. Бережная интерпретация представляет собой некое объяснение смысла объекта [Raz, P. 356], его «демонстрацию». Это требует от интерпретатора войти в положение создателей закона, проникнуться их мыслями и духом, и в конечном счете пролить свет на некоторые аспекты и смысл нормы.

Однако это, с нашей точки зрения, не очень надежный способ, поскольку воззрения интерпретатора не всегда совпадают с точкой зрения законодателя, а объект и цели закона могут иметь совсем иной смысл, отличный от того, который сформировался в результате мышления правоприменителя.

В целом же, несмотря на спорность, правило буквального толкования сыграло свою положительную роль, поскольку многократно способствовало преодолению юридических коллизий.

2) Golden rule («золотое правило») сформировалось благодаря попыткам судей, пытающихся применить буквальное толкование, сформировать такую интерпретацию, которая бы исключала абсурдность выводов. Поэтому главным требованием этого правила является избегать интерпретаций, приводящих к абсурдным результатам.

Английская правовая доктрина сформировала два основных подхода к применению золотого правила толкования

Согласно первому – широкому – подходу, данное правило подлежит применению в тех случаях, когда слово имеет одно значение, применение которого влечет за собой абсурдность выводов. В данном случае выход состоит в такой интерпретации данного слова судом, которая бы позволила избежать абсурдных выводов. Данный подход требует применения дополнительных средств и способов толкования и, возможно, всей доктрины интерпретации в целом [Darbishire, P. 19]. Широкий подход применяется намного реже, чем узкий, что обусловлено нежеланием судей возлагать на себя ответственность за интерпретацию неудачных положений норм права.

Второй – узкий – подход, вступает в действие, если у понятия имеется более одного значения. Тогда суд должен выбрать из них наиболее подходящее, т.е. менее абсурдное.

«Золотое правило» толкования может вступать в противоречие с правилом буквального толкования. Часто оно применяется тогда, когда положения закона ясны, но могут трактоваться по-разному и приводить к различным результатам. Тогда судьи, применяя доктрину толкования в целом, основывают решение на принципе справедливости, несмотря на то, что в некоторых случаях оно может не соответствовать буквальной интерпретации правовой нормы.

Если же буквальная интерпретация может иметь два варианта, выбирается тот, который наименее абсурден.

3) Mischief rule (дословно – «правило вреда», корректнее – «правило устранения дефектов») ставит перед каждым последующим законом обнаружение и исправление оплошностей и недостатков предыдущего, а также устранение противоречий. Если закон не достиг этих целей, вся ответственность ложится на судью: он обязан так истолковать норму, чтобы исключить возможный дефект нового закона, а также устранить пробел в праве [Тонков, С. 111-112].

Данное правило сформировалось в результате рассмотрения широко известного дела Хейдона, датированного 1584 г. и проанализированного в трудах сэра Эдварда Кука. Данное дело касалось заключения договора аренды имущества. Его суть сводится к следующему.

Религиозный колледж Оттери передал во владение участок, расположенный на территории поместья, конкретному лицу (именуемому в деле «Ware») и его сыну. Данное владение являлось по сути копигольдом - древним способом передачи участка арендатору, обычно в обмен на оказание сельскохозяйственных услуг. Данный договор представлял собой длительную аренду с преимуществами для каждой из сторон. Арендаторы получали копигольд пожизненно, обязуясь подчиняться воле владельца и обычаю, действовавшему в поместье (маноре). Данный копигольд был частью участка, который мог быть сдан в аренду и другим арендаторам. Позже колледж заключил договор аренды с другим человеком по имени Хейдон на 80-летний срок в обмен на ренту, традиционную для аренды участка в данной местности.

Менее, чем через год после указанных событий Парламентом был принят Акт о запрещении религиозных учреждений 1535 г., согласно положениям которого многие колледжи, в том числе и Оттери, потеряли свои земли и ренты Генриха VIII. Тем не менее, оставались в силе в течение пожизненного срока любые пожалования, которые были сделаны более чем за год до принятия статута.

Суд казначейства решил, что на договор, заключенный с лицом, именуемым в деле «Ware» и его сыном, распространялось положение Акта о запрещении религиозных учреждений, оставляющее в силе копигольд, а на аренду, заключенную с Хейдоном, - нет.

Принятое решение, кроме этого, формулировало вопросы, на которые должны были ответить судьи, интерпретируя статут.

Во-первых, нужно было определить, какова была норма общего права, существовавшая до принятия интерпретируемого акта.

Во-вторых, установить, к каким затруднениям приводила неурегулированность данных отношений общим правом.

В третьих, выяснить, какие правовые меры были предприняты парламентом для исправления вышеуказанных затруднений.

И в-четвертых, обосновать, что обусловило выбор конкретного правового средства и в чем состоит его действительный смысл [Heydon's Case [1584] 3 Co. Rep. 7a at 7b].

Таким образом, применение правила устранения дефектов обязывало судью истолковать правовую норму таким образом, чтобы устранить затруднения и причины их появления, с учетом действительных намерений субъекта правотворчества. Естественно, что разрешить эту проблему был призван статут. Но если законодатель не смог с ней справиться, это обязан сделать судья посредством толкования. При этом, в случае неясности отдельных слов, выражений, либо текста нормативного акта в целом, судьи были правомочны обратиться к норме, существовавшей до принятия закона.

Отметим, что в настоящее время это правило несколько видоизменилось: теперь суд не вправе обращаться к отмененным статутам при толковании консолидированного акта [Williams, P. 98 -99].

В целом следует отметить, что правило устранения дефектов, сформулированное в деле Хейдона, основывается на телеологическом толковании и рассматривается как «последнее» правило толкования: в случае отсутствия положительных результатов при его применении, суд прибегает к иным средствам интерпретации [Sussex Peerage Case [1844]].

Для нашего исследования дело Хейдона имеет важность еще по одной причине. Решение, принятое по нему, официально разрешило вопрос о соотношении «общего права» и закона в Англии. Принятие законов, еще раз подчеркнем, должно служить устранению недостатков в «общем праве». Однако суд пришел к выводу о необходимости ограничения действия закона в целях предотвращения вреда. Решение содержит положение о том, что для других законов, принятых тем же Парламентом, выгодных для арендатора, заключившего договор на пожизненный срок, и не наносящих ущерба владельцу земли, предпочтительно такое толкование, посредством которого их действие распространяется на копигольд. Закон нуждается в таком толковании, которое позволило бы реализоваться истинным намерениям законодателей, направленным во благо общества.

Вообще, Кук пишет о том, что парламентские акты в Англии находились «под контролем» общего права и иногда признавались судами недействительными либо просто не применялись. Это происходило, когда парламентский акт противоречил общественным правам и интересам либо разуму, если он содержал в себе противоречия либо налицо была невозможность его исполнения. Тогда суды, опираясь на общее право, отклоняли данный акт Парламента и принимали решение о признании его недействительным [Dr. Bonham's Case. 1610... P. 113b].

С другой стороны, в деле Слейда, датированном 1602 годом, и проанализированном Э. Куком, подчеркивался приоритет статута над общим правом. Вывод по этому вопросу сводился к тому, что даже если стороной будет предоставлено 100 прецедентов, не соответствующих закону, они не будут приняты в качестве основы для разрешения дела. Это действительно свидетельствует о том, что статут преимущественно воспринимается английскими судьями как средство исправления дефектов общего права, что и обосновывает применение *mischief rule*. Таким образом, какую бы важную роль не играл прецедент в английской правовой системе, его положения все равно должны соответствовать закону [Slade's Case. (1602)... P. 92b]. Но все усилия судей должны быть направлены на то, чтобы посредством интерпретации обеспечить гармоничность взаимодействия статутов с общим правом.

Представленная выше классификация правил толкования в настоящее время подвергается критике со стороны ряда британских исследователей и считается ошибочной [Bennion, P. 104]. По мнению Ф. Бенниона, данная ошибка, «вероятно, первоначально возникла» на основе статьи, опубликованной в 1938 г. Дж. Уиллисом, канадским академиком, который, перечислив указанные правила, отметил, что суд выбирает то из них, которое бы удовлетворяло чувство справедливости [Willis, P. 16].

Признавая такую классификацию ошибочной, Беннион говорит что Уиллис и его сторонники «неправы вдвойне»: во-первых, интерпретационных правил намного больше, а во-вторых, суды не выбирают одно из руководящих начал, исключая другие. Напротив, суд должен исследовать проблему всесторонне, учесть все необходимые принципы и факторы и на их основе сделать обобщенный вывод [Bennion, P. 104]. А для этого необходимо

применение всех известных способов и приемов интерпретации, установленных судами [Ralph v Carrick (1879) 11 Ch. D. 873, 878].

В связи с этим, Ф. Бенион предложил свою, довольно-таки широкую, классификацию правил толкования.

По его мнению, критерии толкования включают в себя различные правила, презумпции, принципы, языковые каноны, применяемые в системе общего права или предусмотренные законами и способствующие их интерпретации. Их можно классифицировать по следующим основаниям:

- 1) правила толкования, имеющие обязательную силу, но в случаях серьезных сомнений редко приводящие к окончательному решению;
- 2) принципы, воплощающие законодательную политику (главным образом, стимулирующие);
- 3) презумпции, основанные на природе законодательства и раскрывающие намерения законодателя;
- 4) языковые правила толкования, отражающие природу или использование языка и рассуждений, главным образом не включенных в законодательство [Bennion, P. 99].

Особое внимание обращается на толкование правовых норм, содержание которых вызывает сомнения. Их содержание должно быть установлено путем применения правил толкования. Если применение нескольких приемов и способов толкования приводит к различным результатам, интерпретатор должен оценить их. Наиболее важные факторы и определяют результат интерпретации. Но заранее законодатель бессилён с точностью определить приоритет одних факторов, оказывающих влияние на толкование, перед другими.

Реальные сомнения в смысле нормативного акта обычно вызывают, по мнению Бенниона, либо грамматическая неоднозначность нормы, либо искаженная конструкция, вызывающая двусмысленное понимание. Но, наряду с факторами, вызывающими сомнения, всегда присутствуют те, которые могут дать ключ к их разрешению. Если буквальное толкование ведет к серьезным неблагоприятным последствиям, очевиден вывод о том, что навряд ли они входили в реальные намерения законодателя. Поэтому данный фактор должен послужить для суда ориентиром в разрешении сомнений. В любом случае, судьи должны иметь в виду, что содержание и смысл грамматических конструкций со временем могли измениться.

К шести общим правилам толкования права Беннион относит:

- 1) основное правило толкования, которое сводится к тому, что интерпретация должна соответствовать намерениям законодателя, т.е. осуществляться в связи с руководящими принципами, установленными законом. Если, соблюдая эту норму, невозможно прийти к однозначному толкованию, нужно рассматривать возникшую проблему всесторонне и решать ее с учетом значимости каждого из результатов такого рассмотрения;
- 2) правило обоснованного толкования, предполагающее осведомленность интерпретатора о всех существующих точках зрения. Данное правило самым наглядным образом было воплощено в словах лорда Эпджона, призывающего судей исследовать все имеющие отношение к делу факты, перед тем, как приступить к толкованию закона [R v Schildkamp [1971] AC 1, 23].

Субъект, осуществляющий толкование, должен исходить из того, что законодатель, формулируя норму права, имел в виду, что она в будущем будет подвергаться не только буквальному толкованию. Поэтому формулировка нормы должна быть таковой, чтобы любое по объему толкование приводило к одинаковому результату. В случае неясностей в силах суда дать интерпретацию, которая сделает смысл нормы более понятным. Но, в любом случае, суд должен на основе имеющейся информации определить, есть ли какие-нибудь сомнения относительно смысла нормативного акта.

В качестве актуальных факторов, оказывающих влияние на результаты интерпретации, Беннион называет: состояние законодательства в государстве перед принятием толкуемой нормы, историю ее принятия и результат действия нормы со времени ее принятия до интерпретации. Кроме этого, он советует активно применять систематическое толкование потому, что норма не существует обособленно, а является частью нормативного акта, который, в свою очередь, - часть всей законодательной базы государства.

Требование учета всех факторов, имеющих значение для определения смысла толкуемой нормы, распространяется только на известные факты. На этом основывалось высказывание лорда Рейда при обсуждении дела Black-Clawson v Papierwerke: «...наверное,

было бы неверным принимать во внимание то, что не было общеизвестным в определенный момент» [Black-Clawson v Papierwerke [1975] AC 591, 614];

3) правило простого смысла, которое говорит о том, что интерпретатор обязан следовать наиболее ясному и очевидному смыслу нормы. При этом грамматический смысл нормативного акта должен соответствовать его юридическому значению;

4) правило эффективности. В соответствии с ним, законодатель, принимая норму, предполагает, что судья посредством толкования будет стремиться к достижению целей принятия нормативного акта, способствовать эффективности правоприменения. Это правило требует согласованности между нормативными актами. Если возникают трудности в их реализации, суд должен приложить все усилия для их преодоления, даже если способы разрешения этих трудностей законом не предусмотрены [Buckley v Law Society (No 2) [1984] 1 WLR 1101];

5) правило разумности толкования предполагает верховенство закона и то, что законодатель при его принятии руководствовался здравым смыслом. Особое значение это правило имеет в том случае, когда судебное решение основывается на заключении неюристов (например, присяжных заседателей), и здесь суд обязан особенно тщательно подойти к интерпретации. Если ни одно толкование нормы не соответствует требованиям здравого смысла, можно предположить, что она была принята по небрежности и должна быть отменена;

6) правило функциональности толкования — это правило, основанное на признании значимости каждого элемента нормативного акта (например, процедуры его принятия, наименования акта и др.) и позволяющее интерпретировать закон в соответствии с его функциями и юридической природой.

Огромную значимость для толкования имеют также правила, установленные законом (законодательные определения). Они устанавливаются в том случае, когда законодатель, желая соблюсти лаконичность нормы права и избежать повторов, устанавливает определенное значение для конкретного термина, употребляемого в нормативном акте. В этом случае можно говорить об ограничении толкования законодателем, т. к. понимание таких терминов должно укладываться в рамки, заданные им [IRC v Parker [1966] AC 141, 161].

Кроме законодательных определений, к критериям толкования английского права Беннион относит также принципы, проистекающие из правовой политики. Осуществляя толкование, интерпретатор должен исходить из необходимости соответствия его результатов официально проводимой политике, принципы которой положены в основу намерений законодателя. Они поддерживаются определенными правилами и основываются на них. Правовая политика должна исходить из необходимости обеспечения благополучия общества и протекать в рамках, определенных законом. Основы правовой политики, заложенные в нормативных актах, должны получать свое развитие в процессе правоприменения, в том числе и в судебных решениях. Помимо этого, влияние на правовую политику оказывают религиозные, экономические и философские доктрины, международные обязательства и, в конечном итоге, здравый смысл и способность грамотно оценивать и регулировать ситуацию. Принципы права и юридической политики — явление динамическое. Суды руководствуются ими в своей деятельности, учитывая при этом их изменения и новый опыт. Однако они не должны формулировать основы этой политики, если законодатель уже определил их.

Структурные элементы правовой политики состоят из многих источников, к которым Беннион относит парламентские акты, последние судебные решения, идеи естественного права, труды отечественных юристов и сравнительное правоведение.

К важнейшим принципам правовой политики причисляются следующие:

1. право должно быть поставлено на службу общественным интересам,
2. справедливость права,
3. недопустимость наложения санкций в случае неясности или двусмысленности нормы,
4. недопустимость придания обратной силы закону,
5. стабильность закона, чтобы лицо на его основе могло прогнозировать последствия своего поведения,
6. ясность и непротиворечивость права,
7. неподверженность права случайным изменениям,
8. согласованность местного права с международным публичным правом.

Кроме этого, интерпретация невозможна без учета презумпций, основанных на природе законодательства, лингвистических канонов, максим. Учет всех указанных аспектов в совокупности позволяет, по мнению Бенниона, получить максимально точное раскрытие смысла толкуемых правовых норм.

Таким образом, можно отметить подробную разработанность доктрины толкования права в Великобритании. Причины такой детализации кроются в необходимости придать упорядоченность и системность нормам и правилам, содержащимся громадном массиве правового материала, накопленного на протяжении веков; в стремлении реализовывать данные нормы исходя из принципа справедливости и приоритета общественных интересов. Специфика английских правил интерпретации состоит в том, что они были выработаны практикой и основаны на ней. В данном случае теория лишь закрепила и упорядочила практически выработанные каноны и принципы, за исключением лишь тех, которые следуют из древнеримских максим. Но не следует забывать, что и они в свое время также были выработаны на основе практики.

Список литературы References

1. Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов. М. 1997.
2. Тонков Е.Н. Толкование закона в Англии. СПб. 2013.
3. Black-Clawson v Papierwerke [1975] AC 591, 614.
4. Bennion F. Statutory Interpretation. 1990.
5. Buckley v Law Society (No 2) [1984] 1 WLR 1101.
6. Coke E. Reports. 1611. Vol. 4.
7. Coke E. Reports. 1611. Vol. 8.
8. Darbishire P. English Legal System. London, 1998.
9. Dr. Bonham's Case. 1610. Hilary Term, 7, James I. In the Court of Common Pleas. В кн.: Edward Coke. Reports. 1611. Vol. 8.
10. Heydon's Case [1584] 3 Co. Rep. 7a at 7b.// <http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Exch/1584/J36.html>
11. Martin J. The English legal system. London, 2003
12. IRC v Parker [1966] AC 141, 161.
13. Ralph v Carrick (1879) 11 Ch. D. 873, 878.
14. R. v Judge of the City of London Court. [1892]. 1 Q.B.273 at 290.
15. R v Schildkamp [1971] AC 1, 23.
16. Raz J. Between Authority and Interpretation. Oxford, Oxford University Press, 2009.
17. Slade's Case.(1602). Trinity Term, 23. Elizabeth I in the Court of King's Bench. .В кн.: Sir Edward Coke. Reports. 1602. Vol. 4
18. Sussex Peerage Case [1844]
19. Sir Edward Coke. Reports. 1602. Vol. 4.
20. Willis. 1938. P. 16.
21. Williams G. Learning the Law. 11th Ed. London, 1982.
22. Zander M. The Law-Making Process. London, 1985.

УДК 342.7

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПОКОЛЕНИЙ «ПРАВ ЧЕЛОВЕКА»**HISTORICAL DEVELOPMENT OF GENERATIONS OF «HUMAN RIGHTS»****Н.Н. Олейник¹, А.Н. Олейник²
N.N. Oleinik, O.N. Oleinik**¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015, г. Белгород,
ул. Победы, 85²Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С.Сковороды, Украина, 61168, г. Харьков, ул.
Артема, 29¹Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia²Kharkiv National Pedagogical University named after G.S. Skovoroda, 29 Artem St, Kharkov, 61168, Ukraine,E-mail: oleinik@bsu.edu.ru¹; hitalex@ua.fm²

Ключевые слова: права человека, поколения прав человека, «негативные права», коллективные права и свободы, Декларация прав человека, ООН.

Key words: human rights, generation of human rights, "negative rights" collective rights and freedoms, the Declaration of Human Rights, the United Nations.

Аннотация. В статье на основе ряда источников анализируется генезис поколений прав человека, за основу берутся наиболее экономически развитые страны Европы и Северной Америки. Авторы рассматривают подходы ведущих стран мира к анализу исторического развития прав человека и формирования концепции поколений. Приведены поколения прав человека в традиционной классификации, рассмотрены различные взгляды касательно отнесения прав человека к тому или иному поколению. Делается вывод о том, что развитие поколений прав человека это постоянный процесс, который определяется развитием и контекстом определенной исторической эпохи.

Дается вывод, что научный и технический прогресс, особенно в области медицины, генетики, биологии и химии открывают много возможностей и ставят много проблем для нас. Таким образом, в теории права мы можем говорить о новом поколении прав.

Resume. On the basis of a number of sources analyzed the genesis of generations of human rights, taken as a basis the most economically developed countries in Europe and North America. The authors examine the approaches of the leading countries of the world to the analysis of the historical development of human rights and the formation of the concept of generations. At the article presents the generations of human rights in the traditional classification, discussed different views on the inclusion of human rights to one or another generation. It is concluded that the development of generations of human rights is an ongoing process, which is determined by the context and development of a particular historical epoch.

Suggested that scientific and technological progress, especially in the area of medicine, genetics, biology and chemistry gives a lot of possibilities and raises a lot problems for us. So in theory of law we can speak about new generation of human rights.

Взаимоотношение человека и государства как важнейшего социального института всегда было в центре внимания мировой политико-правовой мысли с самого момента ее зарождения. Более того, содержание, формы и характер этих взаимоотношений в определяющей степени дают основания для оценки состояния обеспечения и гарантий прав и свобод человека в конкретном обществе, конкретном государстве. Поэтому анализ методологических оснований познания этих составляющих, всего комплекса взаимоотношений государства и человека, сложившихся к настоящему времени, имеет исключительно большое значение для более обоснованных рассуждений о правах человека и избежать столь часто встречающихся сегодня шаблонов при обсуждении этой проблематики. К сожалению, использование этих шаблонов, приобретающее характер клонирования, в настоящее время встречается слишком часто, что не может не тревожить. Большинство семинаров, встреч, конференций, научных и учебных изданий обсуждают проблематику прав человека, исходя из одного главного тезиса: права человека, как и он сам, – высшая ценность, которую пытается игнорировать или ущемлять государство (коллектив, общность, общество).

Однако всякий шаблон, приносящий пользу до поры до времени, начинает себя изживать и наносить все увеличивающийся вред.

Процесс формирования представлений о правах человека имеет многовековую историю. Менялся человек, менялись взгляды на него и на его права. Человечество на каждом историческом этапе рассматривало права человека, исходя из уже приобретенного опыта и конкретных исторических условий. Этот продолжительный и сложный процесс можно охарактеризовать как борьбу людей и их сообществ за право признания естественных прав и обретение новых прав человека.

Ученые античной эпохи сделали большой вклад к развитию представлений о правах человека. Еще древнегреческие мыслители, создавая концепции идеальных государств и обществ, прежде всего, выделяли соотношение государства, общества и личности. Именно благодаря государству и обществу человек вообще становится «личностью». Вступая в жизнь, человек осваивает сначала минимум знаний, профессиональные навыки, а затем приобретает совокупность статусов в экономике, культуре, политике. При этом личность характеризуется совокупностью осваиваемых социальных связей; через объем знаний, опыта, профессиональных ориентаций, индивидуальных особенностей, мировоззренческий потенциал и т.п. Таким образом, если понятие «человек» – биологическое, то «личность» – безусловно, социальное явление.

Вместе с формированием понятия «личность» в научный оборот вводится понятие «права человека», которые и отображают развитие прав личности в обществе и государстве. В результате научной систематизации прав человека в историческом ключе и появилась теория трех поколений прав человека, которые продолжают свое развитие, при этом сосуществуют вместе. Каждый следующий период «открывает» новую страницу жизни прав человека, и «не закрывает» всех их старых проблем [Глухарева, С. 128]. В начале XXI века некоторые исследователи выделяют и четвертое поколение прав человека [Скакун, С. 211].

Концепцию поколений прав человека анализировали и исследовали М. Абдулиева, О. Аврамова, С. Алексеев, В. Басик, Л. Глухарева, О. Жидкова, А. Ковлер, Г. Кравченко, В. Крусс, Г. Рабинович, О. Скакун, А. Солнцев, О. Старовойтова, Ю. Тодыка и многие другие.

Термин «права человека» сравнительно новый. Его стали использовать после Второй мировой войны, когда в 1945 г. была создана Организация Объединенных Наций. И тогда вводится другой термин – «естественные права». Таким же образом было заменено более позднее выражение «права мужчины», так как оно не учитывало права женщин [Уетсон Бернс, С. 13].

Специалисты по правам человека могут проследить историческое происхождение этой концепции еще со времен Древней Греции и Рима. Тогда она была тесно связана с доктринами естественного права греческого стоицизма. Эта была философская школа, основанная Зеноном с Китиона, который считал, что всю вселенную пронизывает универсальная творческая сила. Поэтому поведение человека необходимо рассматривать согласно законам природы и согласовывать с ними [Чанышев, С. 130-131]. Эллинистический стоицизм существенно повлиял на формирование и распространение римского права, можно сказать, что он предусматривал существование естественного права и отвечал *jus gentium* («права народов») – универсальному праву, которое выходило за границы прав гражданства. Например, римский юрист Ульпиан считал, что естественное право – это право, которое дается от природы а не от государства и оно дается всем человеческим существам, независимо от того римские ли они граждане или нет [Хрестоматия по истории государства и права... С. 182].

Однако доктрины естественного права стали тесно связывать с либеральными политическими теориями о естественных правах лишь во времена позднего средневековья. Для того чтобы идея о правах человека, то есть о естественных правах, как общая социальная потребность и реальность, постоянно доминировала, должны были состояться фундаментальные изменения в убеждениях и практике общества, что произошло в период Возрождения и во времена упадка феодализма – период от XIII в. до Вестфальского мира (1648 г.). Когда сопротивление религиозному догматизму и политико-экономической рабской зависимости постепенно стало трансформироваться в либеральные понятия свободы и равноправия, особенно относительно владения и пользования собственностью, лишь тогда по-настоящему были заложены основы, которые мы сегодня называем правами человека. В течение этого периода состоялся переход от обязанностей естественного права к правам естественного права [Уетсон Бернс, С. 14].

Однако, лишь в XVII и XVIII вв. была разработана модернистская концепция естественного права, которая позволила оценивать с позиции справедливости действующее в государстве позитивное право, проводить его превращение в направлении гуманизма и свободы. Г. Гроций, Дж. Локк, Б. Спиноза, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, Т. Джефферсон, И. Кант, Дж.-Ст. Милль, И. Бентам устанавливают права человека (на жизнь, свободу, собственность и т.д.) как священные императивы и закладывают основы современного понимания прав человека. Каждый народ внес свою лепту в развитие идеи о правах человека, решая эту проблему в зависимости от исторических обстоятельств своего бытия.

Особую роль в этом процессе имели такие философы и просветители как Джон Локк, Шарль Монтескье, Вольтер и Жан-Жак Руссо. Наибольшее влияние, по нашему мнению, оказало творчество Дж. Локка. В своих произведениях, связанных с революцией 1688 г. («Славной революцией»), он последовательно доказывал, что каждой личности принадлежат определенные права (поскольку она, как человеческое существо, существовала в «естественном состоянии» еще до того, как человечество стало гражданским обществом); что основными среди них являются право на жизнь, свободу и собственность; что после наступления гражданского общества (в соответствии с «общественным соглашением»), человечество отказалось в пользу государства не от самых прав, а лишь от реализации этих естественных прав, и что неспособность государства обеспечить эти зарезервированные права (государство само обязалась обеспечить интересы своих граждан) порождает право на соответствующую народную революцию [Локк, Т. 3. С. 264-267]. Вместе с Ш. Монтескье Дж. Локк также разработал концепцию разделения власти на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную. Что касается прав человека, то французский философ считал, что «свобода есть право делать все, что дозволено законами» [Монтескье, С. 289-291]. Это определение не потеряло свою актуальность и сегодня.

Философы, опираясь на учение Локка и других ученых, охватывая много разных направлений мысли и имея большую веру в здравый смысл, решительно критиковали религиозный и научный догматизм, нетерпимость, цензуру и социально-экономические ограничения. Они стремились действовать на основе универсальных справедливых принципов, которые гармонично руководят одновременно природой, человечеством и обществом, а теория неотчуждаемых «прав человека» стала их основной этической и социальной стратегией.

Не удивительно, что все эти либерально-интеллектуальные поиски имели большое влияние на западный мир конца XVIII – начала XIX вв. Вместе с практическим примером английской революции 1688 г. и Билля о правах, который стал ее результатом, они содействовали логическому обоснованию революционной волны, которая к тому времени охватила Запад, а особенно Северную Америку и Францию. Томас Джефферсон, который изучал Дж. Локка и Ш. Монтескье утверждал, что его соотечественники – «свободные люди, которые претендуют на права, которые вытекают с естественного права, а не является подарком верховного судьи» [Уетсон Бернс, С. 15]. Эта ж идея была закреплена в Декларации независимости, провозглашенной тринадцатью американскими колониями 4 июля 1776 г.: В ней подчеркивалось, что «мы считаем очевидной истиной, что все люди созданы равноправными, что они наделены Богом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью» [Хрестоматия по истории государства и права... С. 132-133]. Маркиз де Лафайет – близкий друг Джорджа Вашингтона, который делил с ним трудности американской войны за независимость, – повторил лозунги английской и американской революций в Декларации прав человека и гражданина Франции от 26 августа 1789 г. Подчеркивая, что «люди рождаются и остаются свободными и равными в своих правах», в этой декларации провозглашалась: «цель каждой политической ассоциации состоит в сохранении естественных и неотъемлемых прав человека» [Хрестоматия по истории государства и права... С. 88-89]. Декларация определяла эти права как «Свободу, Собственность, Безопасность и Сопротивление притеснениям». В понятие «свобода» она включала свободу слова, свободу объединений, религиозную свободу и свободу от своевольного ареста и тюремного заключения (словно опережая Билль о правах (1791 г.) [Хрестоматия по истории государства и права... С. 153-155], принятый в дополнение к Конституции Соединенных Штатов 1787 г.) [Хрестоматия по истории государства и права... С. 189-199].

Можно подытожить, что традиции прав человека продукт своего времени. Они отображают процессы исторической непрерывности и изменений и, как предмет

кумулятивного опыта, помогают предоставить им содержание и форму. Таким образом, чтобы лучше понять формы и законный объем прав человека полезно проанализировать основные школы, которые определили традиции прав человека, начиная с периода Возрождения.

Особенно полезным в этом отношении являются понятие «трех поколений прав человека». Этот термин ввел в 1970-х гг. Карел Васак, чешский юрист и первый генеральный секретарь Международного института прав человека в г. Страсбурге (Франция) [Vasak: Human Rights... UNESCO Courier, 1977. Nov.]. Три поколения прав человека, по его мнению, соотносятся с тремя идеалами Французской революции: свободой, равенством и братством [Vasak: Pour une troisieme generation... P. 837, 839]. Модель Васака, конечно лишь упрощенное отображение чрезвычайно сложного исторического периода, но дает возможность создать систему развития прав человека в контексте развития государства и общества.

Первое поколение гражданских и политических прав ведет свое начало от указанных выше реформистских теорий XVII и XVIII вв., связанных с английской, американской и французской революциями. Первое поколение включает личные права, вытекающие из естественных прав и созданных на основе позитивного права политических прав. Они находят свою конкретизацию в законодательстве демократических государств. Речь идет о личных (гражданских) и политических правах: право на свободу вероисповедания, на участие в управлении государственными делами, на равенство перед законом и судом, на жизнь, свободу и безопасность лица, от своевольного (незаконного) ареста, задержание. Эти права выразили так называемую «негативную свободу» – т.е. они обязали государство воздерживаться от вмешательства в сферу личной свободы. Это, например, хорошо отражено коротким утверждением, которое приписывается Х.Л. Менкену – «любое правительство, конечно ж выступает против свободы» [Mencken, P. 145]. Таким образом, до этого первого поколения относятся заявленные права, изложенные в статьях 2-21 Общей Декларации прав человека [Всеобщая декларация прав человека]. К первому поколению прав также можно отнести право на собственность и любая попытка лишить любого человека собственности является незаконным действием. Каждое из этих прав отстаивало интересы, за которые велась борьба во время Американской и Французской революций, а также интересы, важные для развития капитализма. Однако в этой концепции первого поколения главным есть понятие свободы – щита, который защищает личность (или группу лиц) от злоупотреблений и плохого отношения к ним политических властей. Эта основная правовая ценность в наше время записана в конституциях более чем 180 стран – о есть практически во всех конституциях мира [Уетсон Бернс, С. 21]. Она доминирует в большинстве международных деклараций и соглашений, которые касаются прав человека принятых после Второй мировой войны. Это – западная либеральная концепция прав человека, которую иногда представляют в романтическом свете, как триумф индивидуализма Гоббса-Локка над статизмом Гегеля. Вышеуказанные права интерпретируются как неотчуждаемые, такие, что не подлежат ограничению. Развитие такие права получили в период установления юридической равенства. Большинство западных ученых считают, что именно эти права можно рассматривать в качестве собственно «прав человека», считая, что права второго и третьего поколения – это всего лишь «социальные посягательства», то есть не столько права, сколько привилегия, направленные на «перераспределение национального дохода в пользу социально слабых [Дмитров: Социальное государство и духовная культура, 2004].

Второе поколение экономических, социальных и культурных прав ведет свое начало от социалистической традиции, которая наметилась среди сенсимонистов во Франции в начале XIX в. Эти права сформировались в процессе борьбы народов мира за улучшение своего экономического уровня (конец XIX – начало XX ст.) – к ним относятся социально-экономические права. Большое влияние на их развитие также оказал научно-технический прогресс XIX ст., с переходом общества от традиционных к либеральным цивилизациям, которые нуждались в гуманистическом либерализме с обеспечением достойного уровня жизни людей и социальной направленности государства. Эти права были направлены на борьбу народов за улучшения своего экономического уровня, повышение культурного статуса.

Они впервые были закреплены также в конституциях социалистических стран. К ним относятся право на труд, социальное обеспечение, образование, отдых, на защиту материнства, детства, медицинскую помощь. Большей частью такие права были лишь декларативными, типичным примером чего является Конституция СССР 1936 г., однако все

равно играли большую роль в строительстве концепции прав и свобод человека и гражданина» [Тиріна, С. 685].

Исторически эта традиция противопоставляется первому поколению гражданских и политических прав. Второе поколение прав человека воспринимается в более положительном («право на»), чем в негативном («свобода от») плане. Эти права требуют вмешательства государства в обеспечение равного участия в производстве и распределении соответствующих ценностей. Показательными для характеристики данной модели являются права человека, изложенные в статьях 22-27 Декларации ООН принятой 12.12.1948 г., такие как право на социальную безопасность, право на работу и защиту от безработицы, право на отдых и досуг, в том числе на периодический оплачиваемый отпуск, право на достойный уровень жизни, соответствующий здоровью и благополучию самого лица и его семьи, право на образование и право на защиту научной, литературной и художественной продукции деятельности человека и др. Однако, как все гражданские и политические права первого поколения неверно характеризовать «негативными правами». Объясняют это тем, что все права, которые принадлежат ко второму поколению экономических, социальных и культурных прав, в сущности, не могут иметь понятия «положительные права». Например, право на свободный выбор занятости, право создавать профессиональные союзы и принимать участие в них, право свободного участия в культурной жизни общества в своей основе не требуют положительных действий государства для обеспечения удовлетворения этих прав. Однако, большинство прав второго поколения, в соответствии с некоторыми критериями справедливого распределения благ, требуют обязательного государственного вмешательства о выделении необходимых ресурсов. Ведь эти права относятся к категории скорее материальных, чем нематериальных ценностей. Таким образом, права второго поколения в своей основе являются требованиями социального равенства. Интернационализация этих прав состоялась с определенным опозданием, частично из-за социалистического влияния в нормативной сфере международных отношений. Но с выходом на глобальную арену стран Третьего мира, которые действовали под лозунгом «революций больших ожиданий», эти права начали интенсивно развиваться.

Что касается третьего поколения прав – в теории сосуществуют много теорий. Вообще-то, сама идея прав третьего поколения начала формироваться через обострение глобальных мировых проблем после Второй мировой войны. По мнению Е.А. Лукашевой, особенность этих прав заключается в том, что они являются коллективными и могут реализовываться общностью (ассоциацией) [Лукашева, С. 74]. Такой точки зрения придерживаются большинство современных ученых, как к примеру К. Васюк. Он считает, что к третьему поколению прав относятся только коллективные права, основанные на солидарности: право на развитие, на мир, независимость, самоопределение, территориальную целостность, суверенитет, на свободу от колониального гнета, право на достойную жизнь, на здоровую природную среду, на общее наследие человечества, на коммуникацию [Vasak: Les problèmes spécifiques... P. 28].

Но существуют и другие точки зрения. Так, С.В. Поленина считает, что третье поколение прав человека охватывает права (специальные права) тех категорий граждан (детей, женщин, молодежи, людей преклонного возраста, представителей национальных и расовых меньшинств и др.), которые по социальным, политическим, физиологическим и другим причинам не имеют равных с другими гражданами возможностей реализации общих для всех людей прав и свобод, и через это нуждаются в поддержке государства и международного сообщества [Поленина, С. 9]. Однако, как справедливо подметила А.Н. Головистикова, главное возражение против легитимации таких прав в качестве прав человека связано с опасностью размывания исходной идеи естественных прав, которыми все люди владеют в одинаковой мере [Головистикова: Классификация прав человека].

В конце концов, третье поколение солидарных прав базируется на двух предыдущих поколениях прав, связывает их между собой и по-новому их концептуализирует. Однако лучше всего рассматривать это поколение как продукт в стадии формирования – результат одновременного подъема и упадка наций-государств второй половины XX века. Третье поколение прав получило свое выражение в статье 28 Общей Декларации прав человека ООН, которая провозглашает, что «каждый имеет право на общественный и международный порядок, в котором права, изложенные в этой Декларации, могут быть полностью реализованы». Третье поколение охватывает ныне шесть вышеуказанных прав. Три из них отображают появление национализма стран Третьего мира и их требований относительно перераспределения власти, богатства и других важных ценностей: право на политическое,

экономическое, социальное и культурное самоопределение; право на участие и получение прибылей от «общего наследства человечества» (общее околоземное пространство; научная, техническая и другая информация и прогресс; культурные традиции, памятники и памятники). Следующие заявленные права третьего поколения – право на мир, право на здоровую и сбалансированную окружающую среду и право на гуманитарную помощь в случае различных катастроф – дают нам возможность понять, что нации-государства неспособны эффективно решать наиболее сложные проблемы самостоятельно без участия международного сообщества в современном мире. Все шесть вышеизложенных прав – коллективные права, которые требуют общих усилий всех социальных сил на планетарном уровне. Однако каждое из них выявляет как индивидуальную, так и коллективную сторону. Например, обеспечение нового международного экономического порядка, который устранил препятствия на пути экономического и социального развития заявленных прав, можно считать коллективным правом всех стран и народов (особенно развивающихся стран). Можно также утверждать, что получение пользы от политики развития, которая базируется на удовлетворении людских материальных и нематериальных нужд, это индивидуальное право всех людей. Когда, например, право на самоопределение и право на гуманитарную помощь находит свое отображение, как на законодательном, так и на моральном уровне, большинство из этих солидарных прав по своему характеру скорее желательны, чем обеспечены судебной властью, и имеют лишь неоднозначный юридический статус международных норм прав человека.

Таким образом, на разных этапах современной истории – после «буржуазных» революций XVII и XVIII вв., социалистических революций первой трети XX в. и антиколониальных революций, которые начались вскоре после окончания Второй мировой войны, – содержание прав человека определялось в общих чертах. Новое содержание прав человека развивалось путем расширения и добавления. Отображая развитие осознания того, какие именно ценности в разные исторические периоды требовали самого большого поощрения и защиты, история содержания прав человека также показывает периодические требования всего человечества о непрерывности и стабильности.

Между двумя первыми и третьим поколениями прав человека есть взаимозависимость, осуществляемая через принцип: реализация коллективных прав не должна ограничивать права и свободы личности.

В XXI в. продолжается процесс возникновения и закрепления новых прав личности, поэтому некоторые исследователи выделяют и четвертое поколение прав человека [Скакун, С. 213-214]. Объясняется это тем, что вместе с развитием и углублением права на информационное пространство нашей планеты, на предоставления различных услуг, основанных на интеллектуальных информационных технологиях (в том числе новейших различных технологических исследований). Так в технологиях связи, использование глобальной сети «Интернет», обеспечение информационных отношений внутри страны и за рубежом, расширяет коллективные права человека. Активно началось становление прав человека, связанных с научными открытиями в области микробиологии, медицины, генетики и т.п. Эти права – результат вмешательства в психофизиологическую сферу жизни человека (например, право человека на искусственную смерть (эвтаназия), право женщины на искусственное оплодотворение и вынашивание ребенка для другой семьи и др.). Эти права тоже имеют границы. Например, во многих странах введен запрет клонирования человека и установление других правовых границ.

Еще П.И. Новгородцев указывал, что «время от времени понятия должны переворачиваться, чтобы могла начаться новая жизнь» [Новгородцев, С. 367-387]. Это хорошо демонстрирует сфера прав человека. Можно сказать, что сегодня научные поиски в области прав человека снова приоткрываются благодаря развитию науки, техники, производства. Однако научно-технический прогресс имеет свои положительные и негативные черты.

С одной стороны, развитие науки и техники принес улучшение уровня жизни, новые рабочие места, но с другой стороны, достижение медицины, генетики, биологии и химии поставили общество в качественно другое состояние [Абашидзе, Солнцев, С. 69]. Таким образом, человечество оказалось на новой стадии развития, в связи с чем уже давно возникла необходимость изучения нового – четвертого – поколения прав, которые станут вызовом XXI ст., когда речь пойдет «о выживании человечества как биологического вида, о сохранении цивилизации, о космической социализации человечества» [Теория государства и права: С. 217].

Еще в 1996 г. О.П. Семитка предположил, что необходимо выделить четвертое поколение прав, к которым он отнес права человека, связанные с осуществлением аборт, эвтанази, другие такие же права [Право: азбука – теория – философия, С. 619]. М.П. Авдеенкова выделяет такую категорию как «право на физическую свободу» [Право на физическую, С. 21]. Некоторые, например, Г. Б. Романовский перечень прав четвертого поколения ограничивает правом на самоубийство, на эвтаназию. При этом, эвтаназию и самоубийство рассматривает как элементы права на смерть [Романовский: К вопросу о праве на смерть... С. 233].

Это разнообразие взглядов свидетельствует как об актуальности, так и о неопределенности мировой доктрины относительно единой системы прав человека.

Некоторые из вышеуказанных подходов слишком узкие в научном плане, другие – не отвечают современным условиям развития общества, злободневной необходимости, третьи – объединяют права третьего поколения с четвертым, поэтому мы предлагаем в качестве четвертого поколения прав выделить биологические права человека и гражданина [Тиріна, С. 687]. Биологические права – это права, которые определяются биологической структурой организма человека, его биологическими нуждами. Нельзя говорить, что такие права появились только сегодня, в условиях развития генетических, медико-биологических экспериментов, эти права присущи непосредственно человеку нового поколения в современном государстве. Наоборот, эти права принадлежат к естественным правам, которых впервые были выделены в Голландии в XVIII в.

Подытоживая, можно сделать вывод, что четвертое поколение прав человека – это независимость и альтернативность лица в выборе правомерного поведения, которое основывается на автономии в границах единого правового поля, норм морали и религии. Но следует избегать упрочения новых медицинских достижений в правовой норме до полного выяснения следствий такого вмешательства в организм человека.

Нельзя утверждать, что каждое из этих четырех поколений прав одинаково приемлемо для всех, или что они или их отдельные элементы всегда и всюду находят одинаковое положительное отношение. Например, некоторые защитники прав первого поколения склонны исключать права второго и третьего поколения из своего определения прав человека вообще (или, по крайней мере, называют их второстепенными). В то же время многие ученые не признают появление прав четвертого поколения. В частности, это объясняется сложностью, которые встречаются в процессе реализации этих прав. Приверженцы прав первого поколения, которые выступают за естественное право и традиции невмешательства, безразличны к мысли, что права человека в своей основе независимы от гражданского общества и являются индивидуалистическими, то есть только они составляют классические права личности. И наоборот, защитники прав второго, третьего и четвертого поколений считают, что права первого поколения, по крайней мере, на уровне общей практики, уделяют недостаточное внимание материальным потребностям людей и используются несправедливыми национальными, транснациональными и международными общественными институтами в качестве легитимирующих инструментов и это «буржуазная иллюзия». Подобным образом, не исключая права первого поколения со своего определения прав человека, они по обыкновению предоставляют этим правам низкий статус и, соответственно, трактуют их как хронологически отдаленные цели, достижения которых возможно лишь после постепенного осуществления фундаментальных экономических и социальных преобразований, которые полностью будут реализованы лишь в далеком будущем.

человека, на сегодняшний день действующих или предложенных, ничего не говорят о легитимности или упорядочении прав, которых они касаются, за исключением прав, которые по международному соглашению определены как неотъемлемые и потому фундаментальнее чем иные (например, свобода от своевольного или незаконного лишения жизни, свобода от пытки и нечеловеческого или унижительного отношения и наказания, свобода от рабства, свобода от тюремного заключения за долги). Вероятно, когда вопрос касается проблемы осуществления заявленных прав, среди юристов, философов и политологов не существует единой мысли относительно их легитимности и иерархии.

Таким образом, легитимность прав личности и заявленные среди них приоритеты определяются контекстом определенной эпохи. Поскольку люди в разных частях планеты отстаивают и уважают те или иные права человека в соответствии с различными процедурами и практикой, эти вопросы целиком зависят от времени, места, обстоятельств, уровня кризиса

и других причин. При этом взаимоотношения государства и личности в историческом генезисе через поколения права человека показывают, что по мере развития прав личности их количество и распространение в различные сферы общественной и социальной жизни, по нашему мнению, только увеличивается. Об этом убедительно свидетельствует и появление третьего и четвертого поколения прав человека. С другой стороны гармоническое развитие личности возможно только в правовом демократическом государстве и в развитом гражданском обществе.

К примеру, О.Ю. Малинова предполагает, что «возможно, на горизонте пятое или шестое поколение прав» [Поколения прав человека... С. 84]. Однако крайне важным остается еще четвертое, поскольку в случае его научной незащищенности, пятое и шестое поколения уже совсем не понадобятся.

Список литературы References

1. Абашидзе А.А., Солнцев А.М. Новое поколение прав человека: соматические права // Московский журнал международного права. – 2009. – № 1. – С. 51-69.
2. Всеобщая декларация прав человека / Голос України. 2008. – № 236.
3. Глухарева Л.И. Права человека в современном мире: социально-философские основы и государственно-правовое регулирование. – М.: Юристъ, 2003. – 303 с.
4. Головистикова А.Н. Классификация прав человека // www.law-n-life.ru/arch/106_Golovistikova.doc
5. Дмитров А.И. Социальное государство и духовная культура // Официальный сайт общественной организации «Наша Родина». – 2004.
6. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических республик Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР от 5 декабря 1936 г. // <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm>
7. Локк Дж. Сочинения: В 3-х т. / Локк Дж. – М.: Мысль, 1988. – Т. 3. – 668 с.
8. Лукашева Е.А. Права человека: Учебник для вузов. – М.: НОРМА, 2003. – 573 с.
9. Монтескье Ш.Л. Избранные произведения / под ред. М.П. Баскина. – М.: гос. изд-во пол. лит-ры, 1955. – 843 с.
10. Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права. – М.: Раритет, 1995. – С. 367-387.
11. Поленина С.В. Права женщин в системе прав человека: международный и национальный аспект. – М.: Ин-т государства и права РАН, 2000. – 255 с.
12. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. – М.: Статут, 1999. – 712 с.
13. Право на физическую свободу / М.П. Авдеенкова, Ю.А. Дмитриев // Государство и право. – 2005. – № 3. – С. 13-22.
14. Поколения прав человека: основные этапы развития правовой идеи и правового института: Учебн. пос. // Институт Уполномоченного по правам человека в субъекте РФ / Под ред. А.Ю. Сунгурова. – СПб, 2003. – С. 80-91.
15. Романовский Г.Б. К вопросу о праве на смерть как юридической основе легализации эвтаназии и самоубийства. Медичне право України: проблеми управління та фінансування охорони здоров'я: Матеріали III Всеукраїнської науково-практичної конференції з медичного права (II Міжнародної науково-практичної конференції з міжнародного права) «Медичне право України: проблеми управління та фінансування охорони здоров'я» (23–24 квітня 2009р., м. Львів) / Упор. Сенюта І.Я., Терешко Х.Я. – Львів: ЛОБФ «Медицина і право», 2009.
16. Скакун О. Ф. Теорія держави і права (Енциклопедичний курс). / О.Ф. Скакун. – Х.: «Еспада» «Ай Бі», 2006. – 776 с.
17. Теория государства и права: Учебник для вузов / Под ред. М.М. Рассолова, В.О. Лучина, Б.С. Эбзеева. – М.: ЮНИТИ–ДАНА, Закон и право, 2000. – 635 с.
18. Тиріна М.П. Покоління прав людини: проблеми сучасної класифікації // Держава і право: Юридичні і політичні науки.: Збірник наукових праць. – 2011. – Вип. 52. – С. 684-689.
19. Уетсон Бернс Г. Права людини // Права людини: концепції, підходи, реалізація: пер. з англ. / Під ред. Б. Зізік. – К.: вид-во «Ай Бі», 2003. – 262 с.
20. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / под ред. З.М. Черниловского. – М.: Юридическая литература, 1984. – 472 с.
21. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Древность и Средние века) / Составитель: В.А. Томсинов. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 1999. – 480 с.

-
22. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: Н.А. Крашенинникова. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 1999. – 592 с.
23. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии: Учеб. пособие для вузов. – М.: Высшая школа, 1991. – 512 с.
24. Mencken H.L. A Mencken Chrestomathy. N.Y.: Alfred A.Knopf, 1949. – 627 p.
25. Vasak K. Human Rights: A Thirty-Year Struggle: the Sustained Efforts to Give Force of the Universal Declaration of Human Rights // UNESCO Courier, 1977. Nov.
26. Vasak K. Les problemes specifiques de la mise en oeuvre des droits economiques et sociaux de l'homme. In: Louvain. Universite catholique de centre d'etudes europeennes. Vers une protection efficace des droits economiques et sociaux. Deuxime colloque de Departement des droits de l'homme. – Louvian, Vander, 1973.
27. Vasak K. Pour une troisieme generation des droits de l'homme // Studies and Essays on International Humanitarian Law and Red Cross Principles / Ed. by C. Swinarski. Hague, 1984.

УДК 343.359.2

**АНТИНАРКОТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ: НЕУТЕШИТЕЛЬНЫЕ
ИТОГИ ИЛИ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ****ANTI-DRUG POLICY IN RUSSIA: THE DISAPPOINTING RESULTS
OR TWENTY YEARS LATER****Е.Е. Тонков**
E.E. Tonkov

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: ETonkov@bsu.edu.ru

Ключевые слова: государство, наркотики, антинаркотическая политика, стратегия, преступность, власть, криминальная ситуация, свобода.

Keywords: the state, drugs, drug policies, strategy, crime, government, crime situation, freedom.

Аннотация. В статье показано, что спустя двадцатилетие со времени начала реализации в России государственной антинаркотической политики не достигнуты желаемые и прогнозирувавшиеся в то время результаты в противодействии незаконному обороту наркотиков и преодолении наркотизма граждан. Напротив, современная наркоситуация в Российской Федерации характеризуется расширением масштабов незаконного оборота и немедицинского потребления высококонцентрированных наркотиков, что представляет серьезную угрозу безопасности государства, экономике страны и здоровью ее населения.

Resume. The article shows that after two decades since the implementation of the Russian state anti-drug policies have not achieved the desired and predicted at that time results in combating illicit drug traffic and overcoming addiction citizens. By contrast, today's drug situation in the Russian Federation is characterized by the expansion of trafficking and non-medical consumption of highly concentrated drug that poses a serious threat to the security of the state, the economy and the health of its population.

К большому сожалению всех, кто находился у истоков формирования современной российской государственной антинаркотической политики, мы не можем констатировать желаемых и планировавшихся в то время успехов ни в противодействии незаконному обороту наркотиков, ни наркотизму населения¹. Все то, что происходит в России сегодня, по своим масштабам вполне соизмеримо с наркотизацией и криминальной активностью населения двадцатилетие назад.

Существует безусловная взаимосвязь наркотизма, наркомании и преступности, причем в ее наиболее опасной форме – организованной. Как отмечал один из родоначальников наркоконтроля, до обидного рано ушедший из жизни А.Н.Сергеев, длительное время возглавлявший в МВД службу по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, «ключевые моменты, характеризующие общественную опасность наркотизма в современных условиях, – это, во-первых, причинение вреда здоровью, влекущее снижение социальной активности граждан, ухудшение благополучия семей... и, во-вторых, обогащение наркопреступных группировок в масштабах, позволяющих им реально влиять на политику, юридическую систему, средства массовой информации, другие структуры и сферы государства и общества» [Противодействие незаконному обороту... С. 3-4].

Как показывают результаты исследований, «доходы от незаконного оборота наркотиков используются для финансирования террористических актов, закупки оружия для незаконных вооруженных формирований, подкупа чиновников, поэтому ликвидация финансовой базы наркобизнеса играет исключительно важную роль в борьбе с терроризмом и коррупцией» [Тонков: Квалификация преступлений... С. 3].

¹ В 2000-2002 гг. автор статьи был начальником кафедры организации борьбы с незаконным оборотом наркотиков Белгородского юридического института МВД России.

В результате нестабильной экономической и социально-политической обстановки и девальвации духовно-ценностной парадигмы государство и общество оказались недостаточно готовы к защите эталонов своего поведения и тех нравственных идеалов, которые подвергаются бесцеремонному разрушению со стороны наших бывших западных партнеров, долго прикрывавшимся заботой о правах человека в России.

Во многом благодаря стараниям западной пропаганды и ее союзников в нашей стране, отсутствие цензуры открыто рекламирующей так называемый «свободный» образ жизни, криминальная деятельность в сфере незаконного оборота наркотиков стала в глазах населения социально престижным занятием. Если ранее лица, сознательно преступившие закон, ассоциировались в массовом сознании с маргинальными слоями общества, то в настоящее время их можно считать самостоятельной социальной группой. Участие в противоправной деятельности, правовой нигилизм, принадлежность к тем или иным преступным кланам и группировкам нередко становится пределом желаний и социальных ожиданий. Часть населения, особенно молодежи, мечтает войти в состав криминальных структур.

Возрастающее распространение таких воззрений и ориентаций позволяет предположить наличие больших перспектив у российской наркомафии, которая имеет значительные социальные ресурсы в виде несовершеннолетних правонарушителей. В целом рост наркопреступности является симптомом, предвестником нарастающих социальных катаклизмов в стране. На этом тревожном фоне приходится с сожалением констатировать неэффективность современной государственно-правовой политики противодействия наркотизации общества.

Во многом это стало следствием того, что «сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп: милосердия, сочувствия, сострадания друг к другу, поддержки и взаимопомощи – дефицит того, что всегда, во все времена исторические делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились» [Российская газета. № 6258. 2013, 13 декабря].

Еще более двадцати лет назад в Концепции государственной политики по контролю за наркотиками в Российской Федерации отмечалось, что «государственная политика по контролю за наркотиками должна обеспечивать баланс мер, направленных на предупреждение и пресечение незаконного предложения наркотических средств и уменьшения спроса на них, и строиться по следующим главным направлениям: совершенствование порядка регулирования законного оборота наркотических средств; борьбы с их незаконным оборотом; предупреждение незаконного потребления этих средств; лечение и социальная реабилитация больных наркоманией» [Концепция государственной политики... ст. 1265].

В Концепции уже тогда были определены первоочередные задачи по совершенствованию и правовому обеспечению деятельности по контролю за оборотом наркотиков, созданию межведомственной системы сбора и анализа информации об их распространении, широкому внедрению объективных методов идентификации наркотических средств, совершенствованию медицинских и юридических подходов к раннему выявлению их незаконных потребителей, а также выделению групп населения с повышенным риском незаконного потребления наркотиков и дифференцированному проведению в отношении них предупредительных мероприятий.

Прошедшие годы с момента принятия Концепции показали, что государство не смогло справиться с возложенными на него функциями в рассматриваемой сфере. Изложенный в Концепции неблагоприятный общий прогноз ситуации с наркотиками не только подтвердился, но и существенно усугубился прогрессирующими негативными процессами, расширением деятельности транснациональных преступных группировок и организаций, связанной с незаконным оборотом наркотиков и их прекурсоров, что стало одним из источников угроз национальной безопасности.

Распространению наркотизации способствовало и то, что сегодня, как и в 90-х годах XX века, российское общество не осознает и старается не задумываться об истинных масштабах опасности, которую несет экспансия неконтролируемого использования психоактивных веществ. Общественное мнение в отношении значимости государственной антинаркотической политики длительное время не формируется крайне неэффективно. Выступления политиков, руководителей органов законодательной и исполнительной властей, ученых, представителей творческой интеллигенции, в которых представлена объективная картина развития наркоситуации в стране, обращает внимание на необходимость принятия экстренных мер по

противодействию наркотизации не могут консолидировать общество для реального решения проблем борьбы с наркобизнесом и наркоманией.

В свое время мы подчеркивали, что «одной из мер борьбы с наркотизацией является урегулирование вопроса потребления наркотических веществ» [Тонков: Государственно-правовая политика... С. 35].

Кроме того, принципы государственной политики, перечисленные в ст. 4 Федерального закона от 8 января 1998 года № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», нуждаются в современном переосмыслении, дополнении и переоценке с учетом достигнутых результатов, анализа просчетов и промахов, определения новых подходов и актуализации задач, которые содержатся в Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 июня 2010 года № 690 [Российская газета, № 5207].

Исходя из этого, Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года была принята в целях консолидации усилий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций и граждан Российской Федерации по пресечению распространения на территории Российской Федерации наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

В Стратегии отмечается, что современная наркоситуация в Российской Федерации характеризуется расширением масштабов незаконного оборота и немедицинского потребления высококонцентрированных наркотиков, таких как героин, кокаин, стимуляторы амфетаминового ряда, лекарственных препаратов, обладающих психотропным воздействием, а также их влиянием на распространение ВИЧ-инфекции, вирусных гепатитов, что представляет серьезную угрозу безопасности государства, экономике страны и здоровью ее населения.

В этих условиях активизировавшиеся попытки некоторых политиков, средств массовой информации и даже федеральных министерств внести предложения о расформировании устоявшейся мощной системы ФСКН России под предлогом финансовых проблем государства следует рассматривать не просто как провокационные, но как ангажированные наркобизнесом.

Не являются, на наш взгляд, достаточно продуманными и оптимизационные мероприятия по сокращению штатной численности ФСКН. Так, например, по сведениям Управления ФСКН России по Белгородской области, планируется сократить 15 % сотрудников белгородского наркоконтроля, в результате чего в Управлении станет меньше на 38 рабочих мест. Аналогичные изменения, продиктованные программой кадровой оптимизации, коснутся Федеральной службы наркоконтроля и всех ее регионов. Характерно, что при сохранении общей напряженной ситуации в сфере противодействия наркобизнесу сокращение прежде всего затронет подразделения, которые обеспечивают оперативно-служебный процесс [Десять смертей от спайса... № 34 (3899)].

Прогнозируя развитие наркоситуации на территории оперативного обслуживания Управления ФСКН России по Белгородской области, необходимо отметить, что соседние Харьковская и Луганская области Украины являются мощными индустриально развитыми регионами, традиционно имевшими тесные экономические отношения с Российской Федерацией. В связи с избранием курса нынешнего руководства Украины на приоритетную интеграцию с Европейским Союзом, надежность производственных связей с российскими предприятиями поставлена под угрозу. Исходя из этого, в Украине предполагается ухудшение материального положения работников крупных предприятий, и соответственно, населения этих промышленных областей.

Средний уровень доходов в этих областях составляет 2 800 украинских гривен, что эквивалентно по курсу 2014 года – 10 000 российских рублей и более чем в 2 раза ниже среднего уровня доходов в Белгородской области (22 400 рублей). При этом необходимо отметить, что с девальвацией гривны реальные доходы населения могут быть еще ниже.

С учетом вышеизложенного, а также разницы в стоимости наркотических средств на «черном» рынке, представляется вполне вероятным увеличение количества наркотических средств, поставляемых контрабандным путем через российско-украинскую границу.

В 2014 году в Белгородской области зарегистрировано 1 230 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в том числе 756 тяжких и особо тяжких, что на 6 % и 21 % соответственно больше, чем за аналогичный период 2013 года.

В том числе, Управлением ФСКН зарегистрировано 604 преступления, что составляет 50 % от общего количества в области, из которых – 458 тяжких и особо тяжких. Раскрыто 512 преступлений, в том числе 339 тяжких и особо тяжких, что на 8 % больше, чем в 2013 году. На 12 % возросло количество раскрытых групповых преступлений.

Из незаконного оборота изъято свыше 83 килограммов наркотических средств и психотропных веществ, в том числе на 15 % (с 1,3 кг до 1,5 кг) увеличилось количество изъятого героина. Высокая прибыльность наркобизнеса порождают масштабность рынка сбыта наркотиков и способствуют его организованности. Если ранее организованный наркобизнес на территории Белгородской области носил локальный характер, то сегодня Белгородчина все чаще подвергается наркоэкспансии из других регионов, в том числе и этнического характера.

Так, Управлением ФСКН ликвидирована международная преступная группа, занимающаяся распространением героина, поступающего из Московского региона. В результате проведенного комплекса мероприятий были задержаны её лидер (гражданин Таджикистана) и 8 активных участников. При этом из незаконного оборота изъято более 700 грамм героина.

В последнее время в связи с бурным развитием коммуникационных технологий, широкое распространение в криминальной среде получает способ сбыта наркотиков посредством сети Интернет.

В Управлении ФСКН по Белгородской области создана специальная группа, осуществляющая круглосуточный Интернет-мониторинг, что позволило в 2014 году выявить на 40 % больше преступлений, совершённых с использованием Глобальной сети (рост с 14 до 23). Закрыт доступ к 42 сайтам, осуществляющим противоправную деятельность, направлено 36 информации в отделение Интерпола.

Остается актуальной проблема незаконного оборота наркотиков в местах лишения свободы. Количество лиц, осужденных за подобные преступления, ежегодно возрастает. Если в 2003 году на территории Белгородской области в учреждениях УФСИН содержалось не более 5 % таких лиц от общего числа отбывающих наказание, то в 2014 году эта цифра составила 20, то есть уровень наркотизации лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, увеличился практически в 4 раза. Управлением ФСКН совместно с подразделениями УФСИН пресечено 20 каналов поступления наркотических средств в места лишения свободы, по фактам организации которых возбуждены уголовные дела.

Упомянутые факты свидетельствуют о достаточно сложной оперативной обстановке в регионе, поэтому сокращение штатной численности сотрудников наркоконтроля не может не сказаться отрицательно на энергии воздействия правоохранительных органов на состояние и непосредственную организацию борьбы с незаконным оборотом наркотиков.

Стабильная правоохранительная система – одно из определяющих условий правового государства, в котором интересы граждан признаются истинными ценностями.

Российское общество переживает в своем развитии сложный период, ставший расплатой за иллюзорные и ненужные претензии обретения статуса полноправного участника процессов, происходящих в современном западном мире. Разбалансированность функционирования сложившейся правоохранительной системы может инициировать как рост социальной напряженности, так и обострение криминогенной ситуации. Изыскивать средства для преодоления проблем, связанных с экономическими санкциями Запада, следовало бы в распухших от переваривания федеральных денежных потоков госкорпорациях и других структурах, патронируемых олигархами, а не повторять ошибок прошлого, сокращая правоохранительные органы.

Одновременно этим актуализируется проблема развития научной составляющей государственной антинаркотической политики, которая должна проводиться в неразрывной связи с деятельностью по защите прав и свобод человека и гражданина, установлению конституционного правопорядка, сохранению психического здоровья нации при соблюдении принципов сбалансированного применения воспитательных и принудительных мер, скоординированного решения задач правоохранительной и просветительской направленности.

Ограничения свободы поведения и выбора форм деятельности существовали на протяжении всей истории человечества. Как подчеркивает Д. Шумпетер, ни одно современное

общество не обеспечивает абсолютной свободы и ни одно государство не сводит ее к нулю [Schumpeter: Capitalism, Socialism..., P. 271].

На самом деле, проблема состоит не в наличии имеющихся правовых ограничений в сфере оборота наркотиков или дополнительном их установлении, а в отношении к ним общества. Допустимость и принципиальная необходимость правовых ограничений в рассматриваемой области правового регулирования не противоречит принципам правового государства, но и во многом определяется ими.

Вместе с тем, нельзя не учитывать и тот факт, что игнорирование прав граждан, по мнению Л.А. Пожаровой, «очень быстро может привести к ситуации, когда вмешательство в сферу частной жизни станет нормой повседневной деятельности государственного аппарата, повлечет масштабные злоупотребления властью и должностным положением» [Пожарова: Гарантии охраны достоинства... С. 14].

Конфликт установленных государством правовых ограничений и гарантированных Конституцией Российской Федерации правовых возможностей личности представляет собой не сугубо юридическое явление, а важнейшую социальную реалью, обладающую собственным местом в структуре общественной жизни, своеобразный проблемный эпицентр формирования государственной антинаркотической политики. Государство не только обязано обеспечить гарантии беспрепятственного и свободного осуществления гражданами правовых возможностей, но и создать эффективную систему ограничений, препятствующих злоупотреблению этим правом.

Нельзя забывать, что формирование свободного гражданского общества, реальной демократии, создание правового государства подразумевают, в первую очередь, господство права, Конституции и закона. Сильное государство, соответствующее современному характеру и структуре общества, должно располагать не менее эффективной методологией и реальным инструментарием, позволяющими обеспечить надежное противостояние угрозе наркотизации.

Одновременно перед нами выдвигается требование, реализация которого может обеспечить успех развитию исследовательских и практических усилий. В условиях происходящей трансформации общественных отношений предстоит прежде всего смена парадигмы в самом подходе к существу взаимодействия правовых ограничений и правовых возможностей в сфере управления противодействием наркотизации общества.

Как справедливо отмечают Д.Н. Бахрах и Л.А. Гущина, «оценивая ограничивающий характер правового регулирования и пытаясь найти оптимальную форму взаимоотношений между государством и личностью, сегодня мы формируем качественно новый характер правового регулирования общественных отношений, основанного на правовом стимулировании позитивными правовыми средствами социально полезного поведения» [Бахрах, Гущина: Стимулирование правового поведения... С. 24]. Правопорядок в обществе является не только показателем внятной государственной политики и стабильности социального пространства, но и выражает уровень лояльности граждан по отношению к государству.

В реализации государственной антинаркотической политики значительную роль играют механизмы и средства ее осуществления. Безусловно, что основная направленность уголовно-правовой борьбы в сфере противодействия наркотизации должна быть сосредоточена на выявлении и привлечении к ответственности лиц, являющихся активными участниками наркобизнеса (организаторы, изготовители, распространители, перевозчики наркотиков и т.д.). Что же касается категории граждан, находящихся в наркотической зависимости, то в отношении них, в первую очередь, следует избирать медицинские, педагогические, социальные, психологические и другие аналогичные ресурсы, так как эти лица являются не носителями проблемы, а ее жертвами.

В свою очередь, главный акцент государственно-правовой политики в указанной сфере, по нашему мнению, должен быть сделан на обеспечении гарантированной защиты населения от наркотической угрозы с помощью юридических, социальных и воспитательных средств, выработанных на научной основе и реализуемых в процессе управления.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 299 утверждена Государственная программа Российской Федерации «Противодействие незаконному обороту наркотиков».

В частности, в ней предусмотрен незначительный рост доли зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств,

психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, уголовные дела о которых находятся в производстве органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, в общем количестве зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, уголовные дела о которых находятся в производстве органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, с 79, 85 в 2014 году до 80, 75 в 2020 году [www.fskn.gov.ru].

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2014 г. № 864-р утвержден план реализации Государственной программы Российской Федерации «Противодействие незаконному обороту наркотиков» на 2014 год и на плановый период 2015-2016 гг. В данном плане особое внимание уделяется профилактике проявлений наркотизма среди молодежи, таких как молодежный форум «Балтийский Артек-2015», ежегодная Всероссийская олимпиада научных и студенческих работ, тематическая антинаркотическая программа «Маросейка, 12» на радиостанции «Эхо Москвы», ежегодный форум-выставка «Реабилитация» и др.

Наркомания – это не личное дело каждого. Потенциально наркоман всегда опасен. В результате наркотизации у потребителя возникают серьезные проблемы со здоровьем, он легко заболевает тяжелыми инфекционными заболеваниями (гепатиты, ВИЧ-инфекция и СПИД, венерические болезни) и становится их активным распространителем. Потребители наркотиков практически во всех случаях становятся участниками криминальной деятельности.

Наркоманы представляют серьезную опасность для здоровья и жизни окружающих, разрушают и деструктурируют семьи, не могут выполнять свой долг перед обществом и защищать интересы государства. Поэтому они должны знать, что им придется смириться с установленными государством правовыми ограничениями, так как закон, мораль, общечеловеческие ценности имеют приоритет и должны господствовать в демократическом обществе. Реализация права на свободу налагает особые обязанности по отношению к государству и обществу и именно поэтому может быть ограничено в тех пределах, в которых этого требуют интересы обеспечения защиты общественной нравственности, здоровья, прав других граждан.

Российская Федерация предпринимает определенные меры в целях выхода из критического положения, сложившегося в связи с расширением масштабов незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, угрожающих национальной безопасности и здоровью населения. В государственной антинаркотической политике, рассматриваемой в качестве формы деятельности, присутствуют как минимум две стороны.

В первую очередь, речь идет о концептуальной составляющей, которая содержит базисные, теоретические представления о деятельности государства в исследуемой сфере (цель, назначение, содержание, средства и т.д.). Кроме того, нельзя обойтись без практического компонента, представляющего собой совокупность конкретных действий по реализации намеченной цели.

Можно с уверенностью говорить о том, что в России сегодня сформированы теоретические основы государственной антинаркотической политики. Имеющаяся юридическая база содержит существенный объем систематизированных положений, определяющих задачи, принципы, приоритеты, субъекты ее реализации, однако стратегия успеха видится во взаимодействии всех органов и общественных организаций, противостоящих распространению наркомании, совершенствованию системы профилактики, строгом регулировании легального оборота наркотических средств, соблюдении правовых, административных, контрольно-технологических требований, регламентирующих производство, хранение, транспортировку и медицинское использование лекарственных препаратов, содержащих наркотические вещества.

Проблема противодействия наркотизации общества является специальной в ряду с другими. Это вызов времени, с которым приходится считаться, принимать его, осуществлять поиск адекватных средств государственно-правового реагирования. Рассматриваемая проблема поставлена перед современным обществом как целостным образованием.

Общество – саморегулирующаяся система, которая в случае возникновения угроз для его безопасности (терроризм, наркотизация и др.) задействует весь арсенал средств противодействия неблагоприятным тенденциям, прежде всего, политических возможностей государства, правовых средств, социальных институтов и др.

Это относится и к плоскости научных исследований, поскольку политика, система управления, правовое регулирование нуждаются в научном обеспечении (в данном случае, с точки зрения установления оптимального набора средств противостояния неблагоприятным тенденциям). Особую значимость данная проблема приобретает в связи с тем, что находится в сфере, с одной стороны, прав и свобод человека, а с другой – вынужденных юридических ограничений и даже применения юрисдикционных средств. Некоторое время назад инициировалось предложение о целесообразности принятия Всеобщей декларации обязанностей человека, а в ООН даже был разработан ее проект. В его преамбуле подчеркивалось, что упор исключительно на правах человека может иметь следствием конфликты, расколы и бесконечные споры, а пренебрежение обязанностями – привести к беззаконию и хаосу.

Между тем еще Гегель предлагал включить в состав юридических обязанностей человека ответственность перед самим собой, перед государством, перед другими людьми [См.: Гегель, Т. 2. С. 61].

Как уже отмечалось, проблема противодействия наркотизации общества хотя и имеет специальный характер, но ее разрешение, тем более, в условиях современной глобализации, требует выхода на *общеметодологический уровень* научного ее освоения для выработки общей концепции, политической программы, системы государственного управления и правовых компонентов. Без решения этих «общих» вопросов мы будем постоянно испытывать затруднения. Отсюда оправданность внимания к *общеметодологическому срезу*, к установлению логики структурирования политики и правовых средств в области противодействия наркотизации.

Наркотизация общества не стала порождением социально-политических и экономических реформ в России, а имела место и ранее. Другое дело, что масштабы распространения наркомании стали принимать угрожающие размеры, близкие по своим параметрам к эпидемическому порогу. Кроме того, как уже отмечалось, сама парадигма противодействия наркомании и наркобизнесу имеет ряд системных недостатков, существенно снижающих ее эффективность.

Речь идет о недостаточно верном восприятии и не всегда адекватной оценке факторов, провоцирующих осложнение наркоситуации, а также их масштабности. В определенный момент произошла переоценка способности силовых ведомств в борьбе с этими явлениями. В результате в стране не сформированы реальные механизмы по координации усилий государственных и общественных организаций, созданию которых уже способствует упоминавшаяся ранее Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года.

Серьезной проблемой является тот факт, что общественное мнение в регионах остается практически равнодушным к предпринимаемым со стороны государства попыткам повысить эффективность противодействия наркотизации. Помимо низкого уровня ресурсного обеспечения в государственной антинаркотической политике особую значимость приобрела специфическая чувствительность населения не только к содержанию правительственных мер, но и к стилю действий властных структур. Патернализм, унаследованная от коммунистических времен заорганизованность и навязанный сверху характер противодействия наркотизации обесценивают даже достаточно сильные меры.

Наиболее приемлемая форма осуществления государственной антинаркотической политики – предложение партнерства государства и общества – так и не получила заметного развития и распространения.

Эта слабость современной государственной антинаркотической политики может сделать недостижимой генеральную цель, поставленную в Стратегии – существенное сокращение незаконного распространения и немедицинского потребления наркотиков, масштабов последствий их незаконного оборота для безопасности и здоровья личности, общества и государства.

Список литературы References

1. Бахрах Д.Н., Гущина Л.А. Стимулирование правового поведения личности: проблемы теории и практики // Государственная власть и местное самоуправление. – 2004. – № 1.
Bakhrakh D. N., Gushchina, L. A. Encourage legal behavior: problems of theory and practice // State grant power and local self-government. – 2004. – No. 1.

2. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. – Т. 2. – М., 1973.
Hegel G. W. F. Works of different years: in 2 vols 2. – М., 1973.
3. Десять смертей от спайса // Белгородские известия. – 2015. – 11 марта. – № 34 (3899).
Ten deaths from spice // Belgorod news. – 2015. – March 11. – No. 34 (3899).
4. Концепция государственной политики по контролю за наркотиками в Российской Федерации: утверждена Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 22 июля 1993 года № 5494-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1993. – № 32. – ст. 1265.
The concept of public policy on drug control in the Russian Federation: Approved Post-regulation of the Supreme Soviet of the Russian Federation from July, 22nd, 1993 № 5494-1 // Vedomosti of the Congress of native deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation. – 1993. – No. 32. article 1265.
5. Пожарова Л.А. Гарантии охраны достоинства личности в условиях реформирования современного российского общества и государства: автореф. ... канд. юрид. наук. – Белгород, 2014.
Pozharova L. A. Guarantees the protection of human dignity in modern conditions of reforming of the Russian society and the state: author. ... candidate the faculty of law Sciences. – Belgorod, 2014.
6. Послание Президента Российской Федерации Владимира Путина Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 года // Российская газета. № 6258. 2013, 13 декабря.
Message from the President of the Russian Federation Vladimir Putin to the Federal Assembly on December 12, 2013 // Russian newspaper. No. 6258. 2013, December 13.
7. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: Учебное пособие / Под ред. А.Н. Сергеева. – М.: УБНОН МВД России, Московская академия МВД России, Изд-во «ЩИТ-М», 2000.
Combating illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances: the textbook / Under the editorship of A. N. Sergeeva. – М.: enforcement Agency of MIA of Russia, Moscow Academy of the MIA of Russia, Publishing house "Board-M", 2000.
8. Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года // Российская газета. – 2010. – 15 июня. – № 5207.
The strategy of state anti-drug policy of the Russian Federation up to 2020 // Russian gas. – 2010. – June 15. - No. 5207.
9. Тонков В.Е. Квалификация преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков на стадии судебного разбирательства: автореф. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2007.
Tonkov V. E. Qualification of crimes in the field of illicit drug traffic at the trial stage: author. ... candidate the faculty of law Sciences. – Krasnodar, 2007.
10. Тонков Е.Е. Государственно-правовая политика противодействия наркотизации российского общества. – Спб.: Юридический центр Пресс, 2004.
Tonkov E. E. State legal policy of combating drug addiction in the Russian society. – SPb.: Legal center Press, 2004.
11. Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. London: Georg Allen, 1976.
Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. London: Georg Allen, 1976.

УДК 346.24

**ПРАВОВОЙ СТАТУС КОРПОРАЦИИ В РАМКАХ РЕФОРМИРОВАНИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА****THE LEGAL STATUS OF CORPORATIONS UNDER THE CIVIL LAW REFORM****Е.Ю. Цуканова, А.Е. Китаева
E.Y. Tsukanova, A.Y. Kitaeva**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: tsukanova@bsu.edu.ru; kitaeva2012@yandex.ru

Ключевые слова: корпорация, государственная корпорация, юридическое лицо, корпоративные правоотношения, правоотношения участия.

Keywords: Corporation, public Corporation, legal entity, corporate relations, relationship participation.

Аннотация. Статья посвящена проблеме определения правового статуса корпорации в условиях реформирования современного гражданского законодательства. В заявленном аспекте авторами проанализированы труды современных цивилистов и выделены характерные признаки корпораций. Также уделено внимание сопоставлению норм гражданско-правового законодательства на предмет их унифицированного подхода к регулированию статуса корпораций.

Resume. The article is devoted to the problem of determining the legal status of a Corporation in terms of reforming the modern civil law. In the inventive aspect the authors analyzed the contemporary jurists and highlighted the characteristics of corporations. Also attention is paid to the comparison of the norms of civil legislation for a unified approach to the regulation of the status of corporations.

Само слово «корпорация» (от познелат. corporation) означает союз, группу лиц, объединенную общностью профессиональных или сословных интересов [Словарь иностранных слов, С. 261].

По мнению ученых в современном смысле понятие корпорации (как организации, основанной на членстве или участии) впервые раскрывалось в трудах германских цивилистов [Суворов, 2000].

В современной доктрине под корпорацией понимается организация, основанная на началах участия (членства), которая создается для реализации интересов ее участников (членов) путем организации управления ею через особую систему органов [Корпоративное право, 2013].

В соответствии со ст. 48 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) под корпоративной организацией понимаются юридические лица, в отношении которых их участники имеют корпоративные права. В соответствии со ст. 65.1 ГК РФ корпоративными юридическими лицами (корпорациями) являются юридические лица, учредители (участники) которых обладают правом участия (членства) в них и формируют их высший орган [Российская газета, 1994].

Проанализировав труды современных цивилистов, можно выделить следующие признаки, характерные для корпорации [Корпоративное право, 2013; Лескова, 2013]:

- корпорация признается юридическим лицом;
- корпорация представляет собой союз физических и (или) юридических лиц, являющихся субъектами права, которые приобретают статус члена (участника) корпорации;
- корпорация обладает собственной волей; воля корпорации определяется общими интересами входящих в ее состав участников; воля корпорации отлична от индивидуальных «воль» входящих в ее состав членов;
- корпорация как юридическое лицо сохраняется независимо от изменения состава ее участников;

- корпорация – это объединение не только участников, но и их имущества – вкладов в уставный капитал, паев, взносов (однако замечается, что у некоторых некоммерческих организаций этот признак отсутствует);

- имущество, внесенное участниками в корпорацию, принадлежит ей на праве собственности;

- участники корпорации как субъекты корпоративных отношений являются носителями прав и обязанностей по отношению как к самой корпорации, так и друг к другу;

- корпорация представляет собой организационное единство, выражающееся в том числе в наличии органов управления, высшим из которых является общее собрание членов (участников).

Некоторые авторы полагают, что существуют так называемые смешанные типы организаций и организаций, формально созданных как объединение лиц и капиталов, но фактически относящихся к категории некорпоративных юридических лиц, так называемых одночленных корпораций. Как пишет О.А. Серова, сама идея обособленности организации от учредителя становится фикцией. То есть одночленная корпорация, в сущности, корпорацией (объединением лиц и капиталов) не является [Турбанов, Виноградов., Кравченко, С. 74-79].

Другое мнение сводится к тому, что наличие у «компании одного лица» всех иных признаков корпорации, а также возможность в любой момент вхождения в ее состав других членов позволяет отнести хозяйственные общества с единственным участником к числу корпораций [Корпоративное право, 2015].

Из анализа научной литературы можно сделать вывод о том, что «участие» или «членство» характеризует связь только между членом и корпорацией. Отношения между самими участниками корпорации, членами ее органов, а в ряде случаев, специально предусмотренных законодательством, также и с участием третьих лиц не сводятся к «членству» или «участию» [Корпоративное право, 2015].

Под корпоративными отношениями в соответствии с п. 1 ст. 2 ГК РФ понимаются отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими.

Тогда, стало быть, отношения между самими участниками корпорации, членами ее органов, а в ряде случаев, специально предусмотренных законодательством, также и с участием третьих лиц не входят в систему корпоративных отношений? Этот вопрос остается открытым.

В.Г. Цепов применительно к акционерным обществам пишет: «Связь акционера с остальными акционерами не охватывается собственно акционерным отношением и основывается на общем требовании правопорядка не чинить препятствия в осуществлении права. Из этого вытекает, что акционер в рамках акционерного правоотношения может предъявлять от своего имени и в своих интересах требования к обществу, но к акционерам, должностным лицам общества и его работникам» [Цепов, С. 109].

Выделять в составе корпоративных отношений наряду счленскими (связи между участником и обществом), также внутриорганизационные (связи, обеспечивающие взаимодействие органов акционерного общества и реализацию ими своих функций) предлагает Ю.В. Поваров [Поваров, С. 21].

О наличии правовых отношений между органами юридического лица пишут А.Б. аев, Ю.А. Синенко [Баев, С. 870; Синенко, С. 19-21].

Процессуальным законодательством органы юридического лица в число субъектов права не включены. АПК РФ, определяя подведомственность корпоративных споров, не относит к их числу споры, стороной в которых может быть орган юридического лица [Арбитражный процессуальный кодекс РФ, Ст. 3012].

Ученые придерживаются также мнения, что участниками корпоративных правоотношений могут быть и третьи лица, не являющиеся обществом, участниками членами органов управления [Корпоративное право, 2015].

Таким образом, формируется мнение, что понятие «корпоративное правоотношение» шире, чем понятие «правоотношение участия (членства)».

При исследовании правового статуса корпорации интересными, на наш взгляд, являются попытки ученых объяснить феномен использования понятия «корпорация» применительно к не имеющей членства некоммерческой организации, учрежденной Российской Федерацией на основе имущественного взноса и созданной для осуществления социальных, управленческих и иных общественно полезных функций – государственной корпорации.

Так, некоторые ученые сводят сущность государственных корпораций к государственным холдингам, именуя их корпоративными объединениями (объединения, созданные на основе участия (членства) в них юридических лиц), которые не являются юридическими лицами, тем самым отграничивая их от корпораций – юридических лиц [Корпоративное право, 2015].

Мы не можем согласиться с такой трактовкой в силу законодательного закрепления понятия государственной корпорации в Законе о некоммерческих организациях. Данный закон, в соответствии со ст. 1 определяет правовое положение, порядок создания, деятельности, реорганизации и ликвидации некоммерческих организаций как юридических лиц [ФЗ «О некоммерческих организациях», Ст. 145].

Законодатель прямо не относит организационно-правовую форму государственной корпорации к некоммерческим унитарным юридическим лицам либо к некоммерческим корпорациям. Однако к некоммерческим унитарным юридическим лицам законодатель отнес публично-правовые компании. Можно предположить, что в объем этих понятий входят такие организационно-правовые формы как государственные корпорации и государственные компании, хотя сам законодатель не ограничивает содержание это понятия конкретными организационно-правовыми формами, хотя одновременно с этим предлагает закрыть перечень некоммерческих юридических лиц.

Примечательно, что согласно п. 7.3 разд. III Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации изначально предполагалось отказаться от таких организационно-правовых форм юридических лиц, как государственные корпорации. Также разработчики Концепции ставили под вопрос некоммерческий характер их деятельности.

Однако в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года одним из элементов развития экономических институтов и поддержания макроэкономической стабильности указана необходимость осуществления формирования эффективной системы управления государственной собственностью при соблюдении соответствия состава государственного имущества функциям государства, обеспечении открытости информации об эффективности управления имуществом, улучшении управления государственными долями в акционерных обществах, повышении эффективности деятельности государственного сектора экономики, а также созданных государственных корпораций и крупных государственных холдингов в стратегических отраслях.

Можно предположить, что понятие «государственная корпорация» существует «само по себе», аналогично понятию «Пенсионный фонд», например. Ведь Пенсионный фонд не является фондом как таковым (фондом как организационно-правовой формой), а является государственным учреждением [Положение об Управлении Пенсионного фонда... № 108п].

И.В. Елисеев полагает, что здесь законодатель использовал термин «корпорация» не в традиционном смысле, а просто как синоним понятия «организация», к тому же звучащий весьма солидно [Гражданское право: Т. 1. С. 209].

Конечно, исходя из стратегических задач, которые ставят перед собой государственные корпорации трудно оспаривать некоммерческий характер их деятельности.

Например, стратегические задачи создания к 2020 г. суперкомпьютерных технологий эксафлопного уровня разрабатываются Госкорпорацией «Росатом». В 2011 г. разработана Концепция развития принципиально новой технологии высокопроизводительных вычислений на базе суперЭВМ эксафлопного класса на 2012-2020 годы [Протокол заседания комиссии... № 1].

Некоторые указывают на фактическое правопреемство корпорацией Росатома (Федерального агентства по атомной энергии) [Никифоров, 2012]. Замечают также, что корпорация имеет легальное право на принятие своих нормативных правовых актов.

В соответствии со ст. 8 Федерального закона от 01.12.2007 г. № 317-ФЗ «О государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» корпорация на основании и во исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, нормативно правовых актов Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации принимает нормативные правовые акты в установленной сфере деятельности [Парламентская газета, 2007].

В соответствии с ч. 4 ст. 8 вышеназванного закона нормативно правовые акты корпорации обязательны для федеральных органов государственной власти, органов

государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления муниципальных образований, юридических и физических лиц.

Исходя из вышеизложенного, основной целью деятельности корпорации является регулирование общественных отношений в установленной сфере деятельности, поскольку государственная корпорация по атомной энергии «Росатом» (Госкорпорация «Росатом») – единственная государственная корпорация, которая наделена полномочиями от имени Российской Федерации осуществлять государственное управление использованием атомной энергии в соответствии с Федеральным законом от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ с изменениями и дополнениями «Об использовании атомной энергии», государственное управление при осуществлении деятельности, связанной с разработкой, изготовлением, утилизацией ядерного оружия и ядерных энергетических установок военного назначения, а также нормативно-правовое регулирование в области использования атомной энергии.

Исследуя цели и полномочия, нетрудно согласиться, что некоммерческий характер деятельности государственных корпораций превалирует над коммерческой основой.

Однако в условиях рыночной экономики встречаются случаи, где государство, являясь держателем контрольного пакета акций, фактически отстраняется от функций собственника. Речь идет об управлении долей государственной собственности в акционерных обществах, ведущих деятельность в отраслях, составляющих естественную монополию государства.

Не будем так же забывать о возможности реорганизации государственной корпорации в открытое акционерное общество. Так, например, государственная корпорация «Российская корпорация нанотехнологий» путем реорганизации была преобразована в ОАО «РОСНАНО». Однако не все поддерживают такой подход. При этом указывается на последствия такого преобразования – исчезновение общественно-полезной цели функционирования [Адарченко, С. 13-16].

Таким образом, можно сделать вывод, что понятие «корпоративное правоотношение» шире, чем понятие «правоотношение участия (членства)».

При определении правового статуса государственной корпорации мы пришли к выводу, что законодатель стремится закрыть перечень некоммерческих юридических лиц. При этом в список некоммерческих унитарных юридических лиц относит публично-правовые компании. Если предположить, что законодатель относит к публично-правовым компаниям государственные корпорации, то с позицией рассматриваемой организационно-правовой формы среди видов юридических лиц вопрос закрыт. Но тогда возникает другой вопрос: закрытый ли перечень некоммерческих унитарных организаций? Если законодатель стремится закрыть перечень некоммерческих юридических лиц, то по нашему мнению, необходимо раскрыть содержание публично-правовых компаний. Или же государственные корпорации будут преобразованы в акционерные общества? Но акционерное общество относится к коммерческим юридическим лицам, то есть преследующим извлечение прибыли как основной вид деятельности. А это на наш взгляд противоречит природе государственных корпораций в сегодняшнем понимании.

К сожалению, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что правовое регулирование корпораций, в целом, и государственных корпораций, в частности, на сегодняшний момент вызывает больше вопросов, чем содержит ответов, и нуждается в продолжении серьезного реформирования.

Список литературы References

1. Арбитражный процессуальный кодекс РФ / СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) / Российская газета. 1994, 8 декабря.
3. Федеральный закон РФ от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.
4. Федеральный закон РФ от 1 декабря 2007 г. № 317-ФЗ «О государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» // Парламентская газета. 2007, 11 декабря.
5. Положение об Управлении Пенсионного фонда Российской Федерации (государственном учреждении) в городе Белгороде утвержденное постановлением Правления Пенсионного фонда Российской Федерации от 16.05.2007 г. № 108п.

6. Протокол заседания комиссии при Президенте РФ по модернизации и технологическому развитию экономики России от 18 июня 2009 г. № 1; <http://www.i-russia.ru/sessions/decisions/24.html>
7. Адарченко Е.О. Государственные корпорации как вид юридических лиц публичного права // Административное и муниципальное право. 2012. № 7. С. 13-16.
8. Баев А.Б. Гражданское право: актуальные вопросы теории и практики / Под общ.ред. В.А. Белова. М., 2007.
9. Гражданское право: Учебник: В 2 т. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 2002. Т. 1. С. 209.
10. Корпоративное право: учебник / отв. ред. И.С. Шиткина. М.: КНОРУС, 2015.
11. Лескова Ю.Г. Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений. М.: Статут, 2013.
12. Никифоров М.В. Субъекты административного нормотворчества: монография. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2012.
13. Поваров Ю.С. Акционерное право России. М., 2009.
14. Синенко Ю.А. Эмиссия корпоративных ценных бумаг: правовое регулирование, теория и практика. М., 2002. С. 19-21.
15. Словарь иностранных слов. М., 1980.
16. Суворов Н.С. О юридических лицах по римскому праву. М., 2000.
17. Турбанов А.В., Виноградов С.В., Кравченко Д.В. Рецензия на монографию О.А. Серовой «Теоретико-методологические и практические проблемы классификации юридических лиц современного гражданского права России» // Банковское право. 2011. № 5.
18. Цепов Г.В. Акционерные общества: теория и практика. М., 2006.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 316

КОРРУПЦИЯ КАК ДЕФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫХ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ

CORRUPTION AS A DEFORMATION OF THE SOCIAL AND MORAL VIRTUES

В.В. Горбова
V.V Gorbova

Воронежский государственный университет, Россия, 394006, г. Воронеж, Университетская площадь, 1
Voronezh State university, 1 University Square, Voronezh, 394006, Russia

E-mail: varvara.vyacheslavovna@yandex.ru

Ключевые слова: коррупция, личная выгода, нравственная культура, общественные нравы, мораль, право, честный труд.

Key words: corruption, self-interest, moral culture, social mores, morals, law, honest work.

Аннотация. В статье анализируется феномен коррупции в этической плоскости. Показано, что коррупция является наиболее сильной и серьезной деформацией социально-нравственных добродетелей, и прежде всего, честного труда. Это свидетельствует о падении общественных нравов, о низкой правовой и духовно-нравственной культуры общества, показателем чего является сниженное отношение к труду. Это порождает в обществе завышенную моральную толерантность к коррупции. Делается вывод, что вне этического анализа и, соответственно, вне этической практики невозможно эффективно решить проблемы, связанные с коррупцией.

Resume. The article analyzes the phenomenon of corruption in the ethical plane. It is shown that corruption is the most severe and serious deformation of the social and moral virtues, and above all, honest work. This testifies to the fall of the public morals, the low legal and moral and spiritual culture of the society, indicated by a reduction attitude to work. This creates moral overcharge tolerance to corruption in a society. It is concluded that is without ethical analysis and ethical practice impossible to effectively solve the problems associated with corruption.

В общественном сознании коррупция традиционно воспринимается как явление аморальнее, безнравственное. Конечно, имеет место и нейтральное отношение к коррупции и даже ее оправдание. Однако полноценное нравственное сознание всегда реагирует негативно на проявление этой социальной патологии. При этом исследование коррупции, определение мер борьбы с ней происходит преимущественно в правовом русле. Но, несмотря на многозначность понятия коррупции, в основе многих определений этого феномена выделяется инвариантное ядро – «личная выгода», имеющее явную этическую окраску. *Этический аспект коррупции* представляется нам поэтому наиболее важным, помогающим раскрыть глубинную сущность этого явления.

Известный специалист в области изучения коррупции, основоположница экономического анализа этого феномена профессор Йельского университета С. Роуз-Аккерман рассматривает коррупцию как злоупотребление государственной властью ради извлечения выгоды. В своей книге она пишет: «*Всякое государство контролирует распределение материальных привилегий и льгот и определяет размер налогового бремени. Распределением привилегий и льгот обычно занимаются государственные чиновники, обладающие правом действовать по своему усмотрению. У частных лиц и компаний, стремящихся получить режим наибольшего благоприятствования, может возникнуть*

желание купить такой режим. Плата за получение материальной выгоды и является случаем коррупции» [Роуз-Аккерман, С. 7].

Исследователь отмечает, что есть один универсальный и главный мотиватор человеческой деятельности, объясняющий различия в социально-культурном опыте различных наций. Это мотиватор – «свокорыстный интерес», включающий в себя «тягу к обеспечению благосостояния своей семьи и своей социальной ячейки. Критики именуют это алчностью, экономисты – максимизацией полезности. Как бы ни называть это свойство, общества различаются тем, как они канализируют свокорыстный интерес» [Роуз-Аккерман, С. 2]. Это экономический взгляд на природу коррупции, но он помогает уяснить ее *этическую природу*, связанную всегда с таким отрицательным моральным свойством как «свокорыстный интерес».

А вот определение известного российского специалиста в этой области В. Д. Андрианова: «Коррупция – использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащее установленным законом и правилам» [Андрианов, С. 39.]. Причем, нужно добавить, что это осознанное использование властных полномочий. Тем самым, речь в данном случае идет о системном и масштабном характере данного явления, свидетельствующего о том, что этот нравственный порок становится привычкой или более точно – страстью.

Страсть к личной выгоде в ущерб общественному благу не может не осуждаться. Однако, несмотря на всеобщее порицание, явление это, увы, широко распространенное и трудноискоренимое. Многие исследователи считают коррупцию вообще неустранимой, поскольку она как социальная болезнь всегда будет возникать при любой социальной организации. И как преступность считается неискоренимой, так же неискоренимой считается и коррупция. Вот показательные мнения из недавних диссертационных исследований: «Коррупция как особое социальное явление существует в любом обществе, которое нуждается в управлении, и искоренить ее полностью невозможно» [Изотов, С. 3]; «Данное явление не является специфическим продуктом современности, а присуще человечеству на протяжении тысячелетий» [Токарев, С. 7].

Действительно, такие выводы делаются большинством авторов, исследующих тему коррупции. Коррупция, как было сказано выше, связана с серьезным нравственным дефектом личности, который именуется страстью к наживе или *корыстолюбием*. И в таком качестве, эта страсть, или нравственный порок, действительно трудноискореним. Т. Гоббс в своем знаменитом трактате «Левиафан» писал по этому поводу: «Желание богатств называется *корыстолюбием*. Это слово всегда употребляется в постыдном смысле, ибо люди, конкурирующие между собой в достижении богатств, недовольны успехами друг друга; однако само по себе это желание постыдно или допустимо в зависимости от тех средств, при помощи которых эти богатства добываются» [Гоббс, С. 41-42]. История общественных и политических систем показала, что средства, с помощью которых реализуется корыстолюбие, всегда постыдны.

В проекции на религиозную этику это называется сребролюбием или стяжательством. Согласно евангельской трактовке *сребролюбие* есть корень всех зол: «Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него. Имея пропитание и одежду, будем довольны тем. А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу; ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям» (1-е Тимофею 6, 7-10). В другом месте говорится: «При этом сказал им: смотрите, берегитесь любостыжания...» (Лук. 12:15). За внешним стремлением к материальным благам, преимущественно к деньгам, христианская этика усматривает здесь более глубокую привязанность человека к миру ложных, мнимых ценностей. Это свидетельствует о нарушении иерархии духовных ценностей, что является наиболее сильным показателем человеческой греховности.

С точки зрения христианского богословия грех сребролюбия настолько сильно поразил человеческую природу, что это сказалось самым фатальным образом на духовном облике европейской культуры. Авторитетный религиозный философ В. В. Зеньковский писал по этому поводу: «Дух «стяжания», сребролюбия, искания почестей, подмен внутренней отданности Христу внешним деланием – все это меняло христианский мир уже до неузнаваемости» [Зеньковский, С. 514]. Исходя из религиозных аргументов, коррупция

является естественным и закономерным результатом грехопадения, что переносит борьбу с ней исключительно в духовный план.

Кроме обозначенного выше свойства, которое является личным моральным качеством человека (или его «грехом», если следовать религиозной традиции), коррупцию необходимо рассматривать в контексте социальных ценностей. Ее появление обусловлено общим падением нравов, то есть падением духовной, правовой культуры общества. Это падение не обязательно рассматривать в жесткой причинно-следственной связи с отходом от религиозных ценностей. Конечно, определенная взаимосвязь здесь имеется, однако нравственные ценности имеют не только религиозный исток. «При низкой духовной культуре ненависть, ревность, жажда обогащения обнаруживаются во всей силе» [Попов, С. 123] – отмечает современный исследователь, связывая, тем самым нравственное состояние общества и появление социальных пороков, прежде всего, коррупции.

Современная нравственная культура российского общества – тема достаточно объемная и многомерная. Здесь необходимо учитывать *фундаментальную смену этической парадигмы*, о которой философ-этик А. В. Разин в статье «Исторические формы морали» говорит так: «Современная этика, безусловно, столкнулась с достаточно сложной ситуацией, в которой многие традиционные моральные ценности оказались пересмотрены. Традиции, в которых ранее во многом виделось основание исходных моральных принципов, зачастую оказались разрушенными. Они потеряли свое значение в связи с глобальными процессами, развивающимися в обществе и быстрым темпом изменения производства, переориентацией его на массовое производство. В результате этого возникла ситуация в которой противоположные моральные принципы предстали как равно обоснованные, в одинаковой степени выводимые из разума» [Разин, С. 16].

Данная ситуация характеризуется значительной трансформацией аксиологических приоритетов в сторону *плюрализации и автономизации* ценностей. По отношению к России эта тенденция приобретает тревожный и опасный характер: «Изменчивость и событийность мира, социальная мимикрия современного человека не вписывается в классические ценностные системы. Такая «моральная мобильность» способствует потере четких критериев дозволенного и недозволенного, достойного и недостойного, когда некоторые моральные понятия (честь, достоинство и др.) исчезают из лексикона современного человека. Релятивизация моральных принципов и отказ от ценностной иерархии приводят к равнозначности и оправданности любых человеческих деяний. Общество становится все более толерантным к тем образцам поведения, которые категорично отрицались еще в недавнем прошлом» [Лаптенко, С. 79.].

Данная характеристика затрагивает формальную сторону изменения морального микроклимата в обществе. Содержательная сторона этой тенденции достаточно емко описано в следующих словах: « В последние два десятилетия в связи с естественной сменой поколений на смену колхозно-совхозному культурному типу приходит человек «попсы», т.е. массовой потребительской культуры, яркими примерами которой могут служить рестораны фирмы «Макдоналдз» или низкопробные боевики» [Щукин, С. 70].

Таким образом, в современной культуре произошла *трансформация содержания и функционального назначения морали*. Мораль не выступает в качестве источника высоких нравственных императивов, она скорее оправдывает низкие потребительские вкусы большинства. В результате чего появилась моральная среда, наиболее благоприятна для процветания коррупции. Она проявляется в том, что население становится *морально толерантным* к феномену массовой коррупции. Исследователи отмечают, что аномально высокий уровень развития коррупционных отношений в современной России обусловлен «доминирующими в общественном сознании субъективными оценками и ценностными установками, рассматривающими совершение коррупционных действий в качестве обычного, «нормального» вида поведения» [Изотов, С. 8].

Здесь исток нравственной деформации общественного сознания, о котором известный философ И. К. Пантин говорит следующее: «Мораль в России, как это ни странно, оказывается в заложниках у правоприменительной практики. Когда коммерческий или иной успех достигается неправовыми методами, когда часть населения оказывается фактически бесправной перед наглостью и безнаказанностью корпораций (как это, например, происходит с обманутыми дольщиками по всей стране, кроме, пожалуй, Москвы), тогда в сознании людей слабеет значимость такой моральной нормы, как справедливость, а подобающее человеку нравственный самоконтроль превращаются в фикцию, от которой надо радикально

избавляться. Но все-таки главная опасность заключается даже не в этом. Главное – это внутренняя готовность сотен тысяч людей (если не миллионов) к противоправному поступку, особенно если он к тому же щедро оплачивается. Эта готовность означает не только моральную неустойчивость. Она свидетельствует, что «средний человек» в России перестает быть существом общественным не только в сфере внешних социально-экономических зависимостей, но и в области внутренних нравственных своих определений. Его поведение и акты воли детерминируются главным образом извне, ситуацией, а не изнутри, нравственностью. Человек разрешает себе все, что ему выгодно, как бы эта выгода ни соотносилась с нормами морали, с общественными интересами. Вообще говоря, так действует природное существо, но не человек как общественный субъект» [Пантин, С. 25-26].

Иначе, как низкой нравственной культурой общества это не объяснить. Если разобраться в истоках самого механизма падения общественных нравов, то необходимо сказать, что *сниженное отношение к труду* является одним из наиболее значимых проявлений этого падения, и возможно, причин. Известный специалист по этике Е. В. Золотухина-Аболина выделяет особый класс социально-нравственных добродетелей, к которым относит, прежде всего, *трудолюбие, мужество, патриотизм и гражданственность, любовь к семье*, а так е добродетели коммуникации: гуманность, способность дружить, товарищество. «Все эти качества человека: любовь к Родине и семье, способность дружить и самозабвенно трудиться, стойкая верность убеждениям, радение о делах общества и государства – проявляются в конкретной повседневности» [Золотухина-Аболина, С. 291]. Иными словами, социально-нравственное добродетели, по мнению автора, это «жизненное преломление высоких этических принципов».

Важно то, что в числе социально-нравственных добродетелей трудолюбие стоит на первом месте. Это не случайно. Отношение к труду – важнейший индикатор и индивидуального и социального нравственного состояния. Многие исследователи считают труд главным атрибутом человека; труд и человек – неразделимые категории и тождественные понятия. Современный автор пишет: «Труд как деятельность является только целесообразной человеческой деятельностью, при которой исключается присвоение чужого конечного продукта – это во-первых, а, во-вторых, труд, как социальное качество, присущее только человеку (обществу), представляет собой процесс внутреннего переживания человека, возвышающий его человеческие качества – человечность» [Парцвания, С. 153].

Кроме этого, труд представляет собой и метафизическую ценность, поскольку связан с такими феноменами как игра и творчество. Проанализировав взаимоотношение этих понятий на примере творчества Ф. М. Достоевского, Н. Ф. Федорова, В. С. Соловьева, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, А. П. Платонова, современный исследователь дает такую формулу взаимосвязи этих феноменов: «...если труд обладает только внешней целью, но не имеет внутренней, а игра обладая лишь целью внутренней, не имеет внешней, то творчеству присущи одновременно и внутренняя, и внешняя цели. И если труд представляет собой своеобразный «базис» для творчества, его деятельностьную первооснову, то игра выступает в качестве особой духовной «надстройки» над творчеством, отчасти с ним пересекающейся» [Коваленко, С. 169]. В ситуации тотальной коррупции исчезает не только нравственный, но и метафизический смысл труда. Но более всего страдает, конечно, честный труд, поскольку коррупция дискредитирует нравственные мотивы честного труда.

Честный труд сегодня, к сожалению, уходит на периферии общественно значимых ценностей, уступив место труду нечестному, связанному с жульничаньем, махинациями и воровством. Стремление добросовестно и упорно трудиться не входит в число нравственных приоритетов личности. Произошла дискредитация идеалов честного труда. Современный философ-этик О. С. Пугачев так говорит об изменении нравственного отношения к труду в потребительскую эпоху: «Паразитизм общества потребления стал обычным и обыденным, более того, он приобрел блестящую обертку и выдается за норму или достижение. Человек труда стал не просто абстракцией, нет: о нем непринято даже говорить» [Пугачев, С. 3].

Характеризуя современный российский крупный бизнес и высшую бюрократию, исследователи отмечают, что здесь господствует «поклонение деньгам и предметам потребления, а не труду и творчеству. Отсюда культ потребления, а не приумножения капитала» [Сердобинцев, 2012]. Экономическая и политическая элита, тем самым, дискредитирует честный труд, что способствует в коечном счете появлению и процветанию коррупции.

Коррупция, таким образом, является наиболее сильной и серьезной деформацией социально-нравственных добродетелей, и прежде всего, честного труда.

Какие в этой ситуации могут быть предложены меры? Совершенно очевидно, что правовых механизмов борьбы с коррупцией явно недостаточно. При всей необходимости правовой регуляции нужно понимать, что истоки коррупции лежат в морально-этической плоскости. Безусловно, полагаться только на мораль есть благодущие и утопия. Благими пожеланиями не исправить моральный климат в обществе. Но недооценивать моральный аргумент такая же утопия в деле борьбы с коррупцией. Мы уже отмечали выше, что основное направление исследований, связанных с коррупцией, это исследования экономического, политологического и юридического характера, которые, как правило, вообще не принимают в расчет моральную аргументацию. Многим трезвомыслящим и прагматичным ученым и практикам кажутся наивными рассуждения о нравственной порочности человеческой природы, склонной к преступлениям.

Однако, вне этического анализа и, соответственно, вне этической практики нам представляется невозможным решить проблемы, связанные с коррупцией. О важности *этической мотивации* вообще говорит известный российский философ М. Т. Степанянц: «Прагматический расчет, будь то материальный или политический, способен объединить группы людей, заинтересованных в практической выгоде, но он не в состоянии служить делу всенародного объединения вокруг вдохновляющей идеи, принципа, идеала. Здесь требуется **этическая** мотивация, которая может быть сформулирована лишь при опоре на национальное культурное наследие, осмысленное с учетом требований нового времени» [Степанянц, С. 10].

Этическая мотивация существования – искомое, необходимое для преодоления многих нравственных пороков общества, в том числе и такого социального зла как коррупция. Вообще, нравственная рефлексия может оказаться куда более действенной в вопросе раскрытия преступного намерения, чем это кажется жесткому юридическому мышлению. Современные исследователи понимают важность этического анализа истоков преступной воли для принятия адекватных практических решений: «...для определения пути добра в борьбе с преступностью (злом) необходимо направить усилия для постижения смысла зла» [Исаев, С. 179]. Если преступление есть зло, (а коррупция, это, безусловно, преступление), то исследование зла как нравственной и метафизической проблемы будет способствовать более адекватным и действенным методам борьбы с преступностью.

Нужно отметить, что применительно к коррупции этический анализ встречается крайне редко. Причем со стороны философского сообщества. Из недавних мероприятий можно отметить прошедший в 2011 г. в Институте философии РАН круглый стол, на котором обсуждался этический аспект борьбы с коррупцией. Участники круглого стола пришли к выводу о необходимости расширения контрольных полномочий самого общества [www.regnum.ru].

Но для этого необходимо повышать не только правовую, но и нравственную культуру общества. В этом контексте хотелось бы обратить внимание на монографию В. Бондаря «Общество против коррупции». Автор задается такими вопросами: «Должно ли общество свыкнуться с коррупцией как с неизбежным злом? Может ли общественная система функционировать без взяток и подношений как платы за эффективность чиновничьего аппарата? К чему приведет бездействие в отношении прогрессирующей коррупции? Можно ли ощутимо снизить ее уровень и какие меры для этого нужны?»

Автор помимо анализа социально-экономических и правовых проблем самым серьезным образом обращает внимание на нравственные аспекты в борьбе с коррупцией. Важным является анализ общественного сознания, которое оказывается толерантно к коррупции. «Более половины наших граждан определяют коррупцию как положительное явление» – отмечает автор, делая такой вывод: «**Отсутствие подсознательного негативного смысла в термине «коррупция»** – одна из причин того, что в обыденном понимании это слово воспринимается многими российскими гражданами не как разрушение власти, а как взаимоотношения легального или нелегального обмена» [Бондарь, С. 21].

Таким образом, завышенная моральная толерантность к коррупции порождает терпимое к ней отношение. В. Бондарь предлагает наряду с широкомасштабной борьбой с коррупцией, включающей в себя и силовые методы противодействия, и информационную компанию, и регламентацию действия чиновников, и усовершенствование системы контроля за деятельностью бюрократии и многое другое, *усовершенствование морального климата и*

восстановление норм морали. Он отмечает: «Противодействие коррупции может включать систему моральных поощрений и наказаний, которые могут иметь не меньшее влияние на ментальные установки в отношении коррупции, чем система уголовных, административных и дисциплинарных наказаний» [Бондарь, С. 223].

Как бы ни утопично и абстрактно это не выглядело, но без морального аспекта иные методы борьбы с коррупцией оказываются малоэффективными. Мы убеждены, что восприятие коррупции как деформации социально-нравственных добродетелей может реально способствовать ее посильному преодолению.

Список литературы References

1. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство: Причины, следствия, реформы. М. : Логос, 2003.
2. Андрианов В.Д. Бюрократия, коррупция и эффективность государственного управления: история и современность. – М.: Волтерс Клувер, 2011.
3. Изотов М.А. Коррупция в современной России. Диссертации на соискание кандидата филос.н. по специальности 09.00.11. орел, 2012.
4. Токарев Б.Б. Социально-философское осмысление феномена коррупции. Диссертация, на соискание степени кандидат философских наук по специальности 09.00.11. М., 2011.
5. Гоббс Т. Левиафан // Соч. В 2-х т. М.: Мысль, 1991. Т. 2.
6. Зеньковский В.В. Основы христианской философии. М., 1996.
7. Попов Л.А. Десять лекций по этике. – М.: Изд-во «Ось-89», 2001. – С. 123.
8. Разин А.В. Исторические формы морали // Проблемы этики: Философско-этический альманах. Вып. III. – М.: Алькор Паблшерс, 2012.
9. Лаптенко А.С. Мораль в условиях трансформирующегося общества // Актуальные вопросы фундаментальной и прикладной этики: к 90-летию со дня рождения профессора В.Г. Иванова: матер. Международной научно-практической конф. СПб.: СПбГУП, 2012. 156 с.
10. Шукин В.Г. Город и свобода. Историко-культурные заметки // Вопросы философии. 2012, №8. – С. 70.
11. Пантин И.К. Социально-политический переворот 1991–1993 гг. и кризис нравственного сознания в российском обществе // Политико-философский ежегодник. Вып. 5. – М. : ИФРАН, 2012. – С. 25-26.
12. Золотухина-Аболина Е.В. Курс лекций по этике. – Ростов н/Д.: Феникс, 1999.
13. Парцвания В.В. Философия труда // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. Сборник философских статей. Выпуск I. СПб.: «Петрополис», 2001.
14. Коваленко В.А. Труд и игра в контексте творчества // Вопросы философии. – 2011. №12.
15. Пугачев О.С. «Не хлебом единым...» // Нравственность и хлеб насущный: сб. мат-лов. науч.-практ.конф. – Пенза? РИО ПГСХА, 2006. С. 3.
16. Сердобинцев К.С. Дифференциация власти, собственности и управления – необходимое условие модернизации и развития гражданского общества в России // Вопросы философии. 2012, №4.
17. Степанянц М.Т. Культура как гарант российской безопасности // Вопросы философии. 2012. № 1.
18. Исаев А.А. О роли духовности в борьбе с преступностью как социальным злом // Философия морали. Тоска по русскому аристократизму (К 70-летию со дня рождения В.П. Фетисова). – М.: Флинта; Наука, 2012.
19. <http://www.regnum.ru/news/polit/1464890.html>
20. Бондарь В. Общество против коррупции. Муниципальные программы противодействия коррупции. – М.: Московская школа политических исследований, 2008.

УДК 316.472.45

**ЦЕННОСТЬ СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК ОСНОВА ПОТЕНЦИАЛА
КОНСОЛИДАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ****VALUE OF JUSTICE AS THE BASIS FOR BUILDING CONSOLIDATION OF
THE POPULATION IN MODERN RUSSIA****Д.В. Давтян
D.V. Davtyan**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: davtyan@bsu.edu.ru

Ключевые слова: справедливость, социальная справедливость, консолидация, самоорганизация, гражданская активность.

Keywords: justice, social justice, consolidation, self-organization, civil activity.

Аннотация. В статье рассматривается проблема социальной справедливости в современном российском обществе. Изучен консолидационный потенциал справедливости. Проведен анализ эмпирических данных связанных с представлениями россиян о социальной справедливости как ценности общественной жизни.

Resume. In article the problem of social justice in modern Russian society is considered. Consolidation potential of justice is studied. The analysis of empirical data of the Russians connected with ideas of social justice as values of public life is carried out.

Развитие социально-политической ситуации в России в последние годы вновь актуализировало проблему справедливости. Во многом вследствие дефицита справедливости в повседневной жизни. Результаты социологических исследований, проведенных в Белгородской области в 2011 году учеными Белгородского государственного национального исследовательского университета ($n = 6000$) показали: 39% респондентов постоянно сталкиваются в повседневной жизни с несправедливостью или, по меньшей мере, с тем, что они определяют как несправедливость [Бабинцев В.П., 2013, С.121].

Справедливость в современных научных исследованиях трактуется как синтетическая научная категория, органически соединяющая познавательный и аксиологический аспекты. Она олицетворяет возможность идеала как ценности, обусловленной собственным поведением людей, а также их разумностью, т.е. способностью не только формулировать конечные цели, но и придавать обоснованность своим желаниям, решениям, а также трезво судить о событиях, в которые они вовлечены (рефлексия).

Как отмечает Т.В. Дыльнова: «социальная справедливость включает и субъективный, ценностный аспект, обнаруживающийся в чувстве справедливости, на основе которого формируются индивидуальные и групповые социальные оценки, социальные ожидания и социальные притязания. На все эти феномены индивидуального и общественного сознания существенный отпечаток накладывают социальные интересы, в силу чего представления о справедливости и несправедливости могут различаться у представителей различных социальных групп» [Дыльнова Т.В., 2005, С. 47-48].

Итак, социальная справедливость представляет собой ценность, т.е. реальный факт общественной и индивидуальной жизни. Ценности - это социокультурные смыслы, усвоение и принятие которых индивидами обеспечивает не только поддержание и воспроизведение определенных общественных отношений, но и их развитие. Как ценность социальная справедливость включает в себя гносеологический, нормативный, оценочный и идеальный компоненты. Выступая самой критической точкой пересечения индивидуального и общественного интересов, она выражает исторически и культурно приемлемую меру равенства и свободы индивидов. Более того, Социальная справедливость как ценность в

современном российском обществе имеет достаточно высокий консолидирующий потенциал [Дыльнова Т.В., 2005, С. 47].

О том, насколько важна справедливость для российского общества, неоднократно говорил и Президент России В.В. Путин. Еще в 2011 году выступая на съезде «Единой России» В.В. Путин заявил, что «сегодня очевиден главный запрос граждан России – обеспечить справедливость в самом широком смысле этого слова» [Путин В.В., 2012]. В своих предвыборных статьях он писал о том, что «общество будет успешным, только когда у наших граждан не будет сомнений в его справедливости» [Путин В.В., 2014]; что «справедливое устройство общества, экономики – главное условие нашего устойчивого развития в эти годы».

Такие заявления главы государства представляются не случайными. Данные социологических опросов свидетельствуют о том, что «справедливость» входит в первую пятерку наиболее важных для россиян ценностей. Так, в марте-апреле 2012 г. Институт социологии РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф. Эберта в РФ провел общероссийское социологическое исследование на тему «Русская мечта: какая она и может ли осуществиться?». Социологи предложили респондентам ограниченный набор альтернатив, из которых они могли выбрать определенное число позиций, характеризующих их мечтания. Его результаты представляются очень интересными. Первые три места в списке того, о чем мечтают россияне, заняли следующие ответы (допускалось до трех вариантов ответа): «жить в достатке, иметь возможность тратить деньги, «не считая копейки» (40%); «иметь хорошее здоровье» (33%); «жить в более справедливом и разумно устроенном обществе» (33%), составляющими которого являются социальная справедливость, равные права для всех, сильное государство, заботящееся о своих гражданах [Горшков М.К., Крумм Р., Тихонова Н.Е., 2013, С. 22]. По словам директора Института социологии РАН М.К. Горшкова, великую русскую мечту можно выразить одним словом – и «это будет слово «справедливость» [Горшков М.К., 2012]. Помимо этого, справедливость выступает и одним из важнейших мотивов гражданской активности. Это принципиально важно, поскольку в современной российской практике в основе гражданской активности в абсолютном числе случаев лежит нетипичная для западной культуры апелляция не к закону, а к справедливости. Так, по мнению известного российского политолога-американиста Н. Злобина: «Американцы признают главенство закона, мы уповаем на справедливость» [Злобин Н., 2012].

Действительно, несмотря на преобразования последних десятилетий, именно справедливость выступает в качестве важного стимула гражданского участия в его различных формах. Так, в ходе авторского социологического исследования «Технологии гражданского контроля в практике местного самоуправления: сущность, механизмы реализации, социальные следствия», проведенного в мае – июне 2013 года в Белгородской области (N-1130), на вопрос, почему в России необходим гражданский контроль, граждане указали следующие причины: подконтрольность органов местного самоуправления органам государственной власти (22,44%), развитость коррупционных практик (44,68%), злоупотребление местными чиновниками должностными обязанностями в угоду своих интересов (46,42%), имитации в органах местного самоуправления - «чиновники работают только для галочки» (39,85%). В структуре этих причин четко просматривается представление о том, что гражданский контроль должен восстановить принцип справедливости, дискредитированный коррупционными практиками и чиновничьим произволом.

Но, рассматривая проблему справедливости, нельзя не учитывать неоднозначность трактовки данного понятия гражданами. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2013 году предоставил данные о том, как россияне понимают социальную справедливость.

Для относительного большинства граждан социальная справедливость – это равенство граждан перед законом (36%). Реже смысл этого понятия сводится к равенству в уровне жизни (20%). Еще меньше тех, для кого социальная справедливость – это возможность для каждого достичь того, на что он способен (13%), или же ситуация, когда положение каждого члена общества определяется его трудовыми усилиями (12%). Гарантии для социально незащищенных связывают со справедливостью 11%. 6% опрошенных полагают, что социальной справедливости не существует.

Сильное государство, порядок, национальные интересы – вот то понимание социальной справедливости, которое близко большинству россиян (58%). Прежде всего, такой позиции придерживаются жители средних, малых городов и сел (60-61%), а также пожилые респонденты (62%). За альтернативную концепцию – демократия, солидарность, свобода –

выступают 27% опрошенных (в 2007 году – 22%). В основном это жители крупных городов (40%).

Несмотря на неоднозначность трактовок, можно утверждать: от успешности реализации принципа социальной справедливости в конкретных социальных практиках может зависеть не только интеграция социума, легитимность социального порядка, но и самоактивность личности.

Несмотря на то, что справедливость признается обществом как одна из важнейших ценностей, простое ее декларирование еще не означает реальную реализацию этого принципа на практике. На наш взгляд следует различать справедливость как терминальную ценность и как социальную практику. Исследования социологов показывают, что в настоящее время большинство россиян не особенно верят (или вовсе не верят) в возможность реализации мечты о жизни в справедливом и разумно устроенном обществе. Разрыв в между уверенностью в возможности реализации такой мечты между тремя нижними (нищие, представители глубокой бедности, собственно бедные) и двумя верхними (обеспеченные, состоятельные) стратами необычайно велик – практически восьмикратный (7% и 55% соответственно). Что же касается представителей 4–8 страт (нуждающиеся, малообеспеченные, среднеобеспеченные), составляющих свыше 80% населения России, то оптимистов (т.е. уверенных в осуществимости мечты о жизни в справедливом и разумно устроенном обществе) среди них немногим более трети – 36% [Горшков М.К., Крумм Р., Тихонова Н.Е., 2013, С. 267].

Большинство россиян, выражающих недовольство многочисленными проявлениями несправедливости, не изъявляют готовности личными усилиями содействовать их устранению. В целом ученые весьма скромно оценивают мобилизационный потенциал запроса на социальную справедливость. Причины этого они видят не только в том, что он главным образом адресован государству, но и в том, что «стремление к справедливости в современной России практически никак не сопряжено с солидарностью, готовностью за эту самую справедливость бороться» [Петухов В.В., 2011, С. 22], в низком потенциале субсидиарности, неразвитости чувства общности с людьми, живущими в том же населенном пункте, в той же местности, неготовности к солидарным действиям по защите своих групповых интересов [Андреев А.Л., 2013, С. 102-103].

Все это сильно отличает нашу страну от развитых демократий, в которых признания и реализация принципа социальной справедливости во многом заслуга общественных организаций, которые являются важнейшими институтами консолидации (выражения) интересов различных социальных групп. В России таких организаций тоже много. По состоянию на 28 июля 2015 г., Минюстом зарегистрировано 227 тыс. 445 некоммерческих организаций. На первый взгляд, это много, однако их потенциал используется явно недостаточно по различным причинам: недоверие к общественным организациям; низкая гражданская самооценка; неверие людей в то, что их личное участие в политической или общественной жизни способно что-либо изменить в деятельности различных социальных институтов [Руденкин В.Н., 2014].

Такая ценностная установка логично приводит к отчуждению граждан от НКО. Большинство людей предпочитают занимать привычную для них позицию «зрителя», предпочитая делегировать полномочия (равно как и ответственность за происходящее в своем населенном пункте) органам власти.

В результате, возникает объективная необходимость в поиске качественно новых форм самоорганизации граждан, отвечающих запросам общества и актуальных в современных социально-экономических условиях. Одной из таких форм являются социально-сетевые сообщества, которые «представляют собой комплекс относительно стабильных и долговременных взаимодействий неформального характера, не имеющих выраженной организационной структуры и выполняющих по отношению к их участникам функцию наращивания объема личного и социального капитала....» [Реутов Е.В, Колпина Л.В, Реутова М.Н., Бояринова И.В., 2011, С.76].

Включенность индивидов в социальные сети способна компенсировать недостаточность индивидуальных социальных ресурсов за счет поддержки участников социальных сетей – семьи, родственников, друзей и знакомых, земляков, религиозных и этнических общин [Реутов Е.В, Колпина Л.В, Реутова М.Н., Бояринова И.В., 2011, С.78].

Социальные сети, с одной стороны, являются вынужденным, компенсационным механизмом, формирующимся в условиях неэффективности государства и других социальных

институтов. С другой, - представляют собой универсальный социальный механизм, осуществляющий свои функции в условиях состояния относительной социальной и групповой солидарности и дополняющий в этом качестве иные социальные институты.

Формирование социально сетевых сообществ наиболее перспективно на местном уровне, где социально-экономические связи между людьми, ожидание взаимных обязательств, на основе которых возникает социальный капитал коллективного действия, привязаны к месту проживания человека, к локальной территории. Наряду с личным интересом каждого человека формируется коллективный интерес местной общины, местного сообщества. Развитие социально-сетевых сообществ, связано с решением таких задач как:

- развитие и поддержание ценностей родственных, дружеских и коллективных отношений;
- развитие каналов коммуникации, площадок для общения граждан между собой и с органами власти;
- формирование культуры доверия (межличностного и институционального).

Таким образом, идея справедливости всегда была самым тесным образом связана с развернутыми обоснованиями индивидуальных и коллективных действий. Внимательное отношение власти к исходящим от общества инициативам, готовность к диалогу и взаимодействию с населением, развитие практик гражданской активности (в особенности на местном уровне), наличие эффективной системы гражданского контроля за властью, дадут мощный импульс развитию институтов демократии, сделают их надежным партнером государства и будут способствовать утверждению в нашей стране принципов социальной справедливости.

Список литературы References

1. Андреев А.Л. Русская мечта: взгляд социолога // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. - 2013. - № 1. - С. 95-108.
Andreyev A.L. Russian dream: sociologist's look//Monitoring of public opinion: economic and social changes. - 2013. - No. 1. - Page 95-108.
2. Бабинцев В.П., Ушамирская Г.Ф. Стратегия формирования солидарного общества в регионе // Дискусия. - 2013. - №5-6. - С. 120-127.
Babintsev V.P., Ushamirskaya G. F. Strategy of formation of solidary society in the region//Diskusiya. - 2013. - No. 5-6. - Page 120-127.
3. Горшков М.К, Крумм Р., Тихонова Н. Е. О чем мечтают россияне: идеал и реальность. - М.: Весь мир, 2013. - 400 с.
Gorshkov M. K, Krumm R., Tikhonov N. E. About than dream Russians: ideal and reality. - M.: Whole world, 2013. - 400 pages.
4. Дыльнова Т.В. Социальная справедливость как основа консолидации и развития современного российского общества: дисс. док. соц. наук. 22.00.04. Саратов, 2005. - 341с.
Dylnova T.V. Social justice as basis of consolidation and development of modern Russian society: dock. the social. sciences. 22.00.04. Saratov, 2005. - 341p.
5. Добрынина Е. Великая русская мечта // Российская газета. - 2012. - №5810(137).
Dobrynina E. Great Russian dream//Russian newspaper. - 2012. - No. 5810(137).
6. Злобин Н. «Лучше равенство перед законом, чем упования на справедливость» [электронный ресурс]. URL: http://www.russia-today.ru/2012/2012_14_12.html (дата обращения: 30.07.2015).
Zlobin N. The equality before the law, than hopes on justice is better" [an electronic resource]. URL: http://www.russia-today.ru/2012/2012_14_12.html (date of the address: 30.07.2015).
7. Петухов В.В. Ценностная палитра современного российского общества: «идеологическая каша» или поиск новых смыслов? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. - 2011. - № 1. - С. 6-23.
Petyhov V.V. Valuable palette of modern Russian society: "ideological porridge" or search of new meanings?//Monitoring of public opinion: economic and social changes. - 2011. - No. 1. - Page 6-23.
8. Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России [электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2012/02/13/putin-statya.html> (дата обращения 31.07.2015).
Putin V.V. Justice construction. Social policy for Russia [an electronic resource]. URL: <http://www.rg.ru/2012/02/13/putin-statya.html> (date of the address 31.07.2015).

9. Путин В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить [электронный ресурс]. URL: <http://www.izvestia.ru/news/511884> (дата обращения 01.08.2015).
Putin V. V. Russia concentrates – calls which we have to answer [an electronic resource]. URL: <http://www.izvestia.ru/news/511884> (date of the address 01.08.2015).
10. Реутов Е.В., Колпина Л.В., Реутова М.Н., Бояринова И.В. Эффективность социальных сетей в региональном сообществе // Социологические исследования. – 2011. – №1. – С. 79-88.
Reutov E.V., Kolpina L.V., Reutova M. N., Boyarinov I.V. Efficiency of social networks in regional community//Sociological researches. – 2011. – No. 1. – Page 79-88.
11. Руденкин В.Н. Проблема справедливости в современном российском обществе // Вопросы управления. – 2014. - №26.
Rudenkin V. N. Problema of justice in modern Russian society//Questions of management. – 2014. - No. 26.
12. Некоммерческие организации в России [электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/info/671635> (дата обращения: 30.07.2015).
Non-profit organizations in Russia [an electronic resource]. URL: <http://tass.ru/info/671635> (date of the address: 30.07.2015).
13. «Социальная справедливость: как мы её понимаем» [электронный ресурс]. URL: <http://old2.wciom.ru/index.php?id=268&uid=114297> (дата обращения: 29.07.2015).
"Social justice: as we understand it" [an electronic resource]. URL: <http://old2.wciom.ru/index.php?id=268&uid=114297> (date of the address: 29.07.2015).

УДК 141.319.8

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ А. КОЖЕВА
В ТВОРЧЕСТВЕ Ж. БАТАЯ И М. БЛАНШО****INTERPRETATION OF THE PHILOSOPHICAL CONCEPTION OF A. KOJEVE
IN WRITINGS OF G. BATAILLE AND M. BLANCHOT****И.А. Жиленков
I.A. Zhilenkov**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: zhilenkov_i@bsu.edu.ru

Ключевые слова: Кожев, Батай, Бланшо, «конец истории», «смерть человека».
Key words: Kojève, Bataille, Blanchot, "end of history", "death of man".

Аннотация. В статье анализируется влияние философско-антропологической концепции А. Кожева на философию и культуру второй половины 20 века. Рассматривается литературно-философское творчество французских мыслителей Ж. Батая и М. Бланшо в его отношении к философии А. Кожева. Дается характеристика их интерпретаций ключевых для философской концепции Кожева тем «конца истории» и «смерти человека».

Resume. The article analyzes the influence of philosophical and anthropological conception of A. Kojève on the philosophy and culture of the second half of the 20th century. The literary and philosophical work of French thinkers G. Bataille and M. Blanchot in its relation to the philosophy of A. Kojève is considered. A description of their interpretation of the main thesis of Kojève's philosophical conception the "end of history" and "the death of man" is given.

Философское наследие Александра Кожева (1902-1968), в последние годы активно изучающееся как западными, так и отечественными исследователями, занимает достаточно важное место в современном идейном контексте. Основное значение в этом плане имеет философско-антропологическая концепция Кожева, разрабатывавшаяся им под видом комментария к «Феноменологии духа» Гегеля. Принимая в качестве фундаментальной характеристики человеческого бытия феномен негативности, являющийся основанием отрицающе-преобразовательной деятельности человека, Кожев развивал антропологическое учение, представленное в форме спекулятивной диалектики исторического развития человека. Ключевые положения указанного учения связаны, прежде всего, с темами «конца истории» и «смерти человека» (а также с концептами «пост-истории» и «пост-человека»), интерпретация которых Кожевом как раз и оказала значительное влияние на современную философию.

Свое развитие философская концепция Кожева получила в работах ряда мыслителей второй половины 20 века, и в частности в творчестве Ж. Батая и М. Бланшо, акцентировавших своё внимание на антропологических аспектах философии Кожева и её культурологическом значении. Далее мы рассмотрим, каким образом Батай и Бланшо развивали и проблематизировали основные положения философско-антропологической концепции А. Кожева.

В историю философии Кожев вошёл благодаря своим семинарам по «Феноменологии духа», которые он вёл в 1934-1939 гг. в Париже в Высшей практической школе. Как известно, лекции Кожева посещали видные французские интеллектуалы, в 1930-60-е годы формировавшие философский и литературный ландшафт Франции, среди них: Р. Арон, Ж. Батай, А. Бретон, Р. Кайуа, Р. Кено, П. Клоссовски, Ж. Лакан, М. Мерло-Понти. В интересующем нас аспекте наиболее важной из всех участников семинара Кожева фигурой нужно назвать Жоржа Батая (1897-1962). Батай в своей художественно-философской эссеистике, а также в некоторых теоретических работах развивал философско-

антропологическую и культурологическую концепцию, одним из оснований которой была кожевская интерпретация «Феноменологии духа». Причём влияние Кожева в данном случае было не имплицитным (как, например, у Лакана), а достаточно явным и открыто признававшимся самим Батаем. Так, в одном из своих теоретических трудов, «Теории религии» (1948), Батай, имея в виду концепцию Кожева, делает следующее замечание: «Мысли, развиваемые мною здесь, в основе своей содержатся в ней» [Батай, 2006].

Важно ещё и то, что в своём философском и литературном творчестве Батай не только отталкивался от идей Кожева, но и развивал их. Кожев своей интерпретацией пытался дополнить философию Гегеля современными на тот момент философскими, научными и историко-политическими данными и посредством подобной актуализации подтвердить её «истинность». Батай же рассматривал себя в качестве «гегельянца», преодолевшего замкнутость системы Абсолютного Знания и обратившего апологию разума в её противоположность, введя в свою философию темы безумия и смерти.

Уделяя особое внимание тематизированному Кожевом концепту желания, Батай в своих исследованиях переносит основной акцент с исторической диалектики борьбы и труда (доминировавшей в курсе лекций Кожева 30-х гг.) на проблемы конкретного индивидуального бытия человека. Вместо той тотальности существования, которая, по Кожев, достижима только в «конце истории», то есть является совокупностью всех исторически реализовавшихся познавательных и деятельностных позиций, Батай рассматривает тотальность «целостного человека», способного в своём (исторически ограниченном) индивидуальном бытии воплотить различные потенции экзистенциального характера. В целом, речь здесь шла о той же негативной силе, о которой говорил и Кожев, однако в данном случае негация осуществлялась не столько как преодоление природного мира (то есть была не столько трудом в гегелевско-кожевском смысле), сколько в выходе за пределы социо-культурной детерминированности индивида, замыкающей его жизненный горизонт в круге определённых и устойчивых содержаний, смыслов и норм.

Стоит отметить, что помимо концепции Кожева для понимания идей Батая важны и другие теоретические источники. Определяющее влияние на всё творчество Батая оказала философия и сама личность Фридриха Ницше. В частности, в 30-х годах Батай предпринял попытку переоткрытия и одновременно защиты философии Ницше от нацистской пропаганды, издав несколько номеров журнала «Ацефал» (1936-1939), в целом ориентированного на реактуализацию наследия немецкого философа. Этот журнал являлся своего рода печатным органом одноимённой эзотерической организации, созданной Батаем для практической реализации его концепции религиозно-мистического опыта.

В целом, (экзистенциально)-интеллектуальную ориентацию Батая можно охарактеризовать как «дионисийскую» и иррационалистическую. Как и экзистенциалисты, Батай занимался рассмотрением преимущественно индивидуального бытия – но не столько отдельной «личности» (поскольку это понятие связано, прежде всего, с социальной активностью индивида, то есть характеризует отдельный аспект его жизнедеятельности), сколько человеческой жизни в её предельных состояниях, через которые, по Батаю, возможно достичь полноты (или «тотальности») существования.

Основное внимание Батая было обращено к независимым от исторических изменений и в некотором роде «метафизическим» состояниям человеческого бытия, выражающим его устремленность к пределам и нарушению границ, проявляющуюся в преодолении чрезмерного влияния на жизнь человека моральных, социальных, культурных запретов и норм (в основе своей имеющих конвенциональный, а значит условный и относительный характер). Подобного рода преодоление получило своё философское обоснование в разработанной Батаем концепции «трансгрессии». Феноменология указанных состояний включает в себя, среди прочих, следующие явления: безумие, мистический экстаз, эротизм, трата (особенно интересовала Батая её социально значимая форма, известная как потлач), жертвоприношение, наконец, смерть, как постоянно преследующая субъекта возможность его собственного разрушения и уничтожения.

Батаевская концепция трансгрессии опиралась, в частности, на тематизированную Гегелем и развитую Кожевом идею негативности и небытия (ничто) как основного «источника» деятельности (а для Батая и жизнедеятельности) человека. Как мы отметили, Батай понимает негативность не только (и не столько) как преобразовательную силу (или труд), а скорее как силу разрушительную, что и является одним из проявлений его «дионисийства». Причём на человека как субъекта познавательных, социальных и иного рода

отношений эта сила оказывает ещё и саморазрушительное воздействие; в предельном случае детерминированный этими отношениями субъект как таковой «умирает», при этом высвобождая скрытые ранее экзистенциальные потенции.

Так, например, в «Теории религии» Батай совмещает гегелевско-кожевскую концепцию труда как негации (налично-данного) и свою собственную трансгрессивную стратегию. «Трудовая теория» Гегеля-Кожева дополняется здесь элементами «дионисийства», рассматриваемого как совокупность культурно-религиозных практик, в которых особую роль играет значимый для Батая опыт «разгула». Таким образом, замкнутая система знания, созданная Гегелем и прокомментированная Кожевом, обретает в философском опыте Батая иное экзистенциальное измерение, раскрывающее разрушительные потенции негативности через обращение к игнорируемым этой системой иррациональным феноменам человеческого бытия.

Теоретическое влияние Кожева на Батая не было односторонним. Не только Батай был слушателем кожевского семинара, но и Кожев принимал участие в организованном Батаем Коллеже социологии, функционировавшем в Париже с 1937 по 1939 годы. Коллеж социологии представлял собой свободное и неофициальное объединение интеллектуалов, находившихся на тот момент в авангарде европейских социально-гуманитарных и культурологических исследований. Помимо Батая его основателями были уже упомянутые Роже Кайуа и Мишель Лейрис. Гегельянство Кожева являлось одним из теоретических источников разрабатываемой в Коллеже концепции, и, кроме того, в его работе участвовали некоторые другие слушатели кожевского семинара – Ж. Валь, П. Клоссовски. Также известно, что за деятельностью Коллежа внимательно следил известный немецкий философ и культуролог Вальтер Беньямин (1892-1940), однако ему так и не удалось выступить там с докладом.

Стоит отметить, что у Кожева было скептическое отношение к проводимым участниками Коллежа социологии исследованиям феномена сакрального (так называемой «сакральной социологии»). Характеристика основной роли Кожева в работе Коллежа содержится в следующих словах Батая: «В ходе одного из самых первых заседаний Александр Кожев проанализировал, какой может быть действительная обоснованность социологического исследования с точки зрения Гегеля, сделав, правда, отрицательный вывод» [Олье, 2004]. По мнению Кожева, участники Коллежа «ставили себя в положение фокусника, который сам себя, при помощи своих фокусов, пытается заставить поверить в магию» [там же]. Речь шла о том, что, помимо самого изучения социально-психологических аспектов феномена сакрального, Коллеж социологии пытался не только реконструировать, но ещё и возродить некоторые элементы мифологического сознания. Целью этой попытки было создание некой современной мифологии, потенциально имеющей политическое влияние и противопоставленной как переживавшей кризис либерально-демократической идеологии, так и более действенному в психологическом плане «новому мифу» национал-социализма.

Упомянутое Батаем заседание Коллежа, на котором Кожев выступил с докладом о «конце истории», состоялось 4 декабря 1937 года. Доклад Кожева произвёл сильное впечатление на слушателей, однако Батай был озадачен теми антропологическими следствиями, которые имела изложенная Кожевом концепция «конца истории», и попытался высказать свои возражения (или сомнения) по этому поводу. Поскольку его реплики были несколько «путаными», то Кожев, в свою очередь, «попросил Батая письменно изложить его позицию в отношении “конца истории”» [Фокин, 1994].

В связи с этим обстоятельством Батай написал текст, известный как «Письмо Х., руководителю семинара по Гегелю». Для рассматриваемого нами вопроса это «Письмо» важно ещё и тем, что в нём Батай, уточняя и развивая указанные возражения, по сути высказывается о теме «пост-человека», на тот момент ещё не развитой Кожевом.

В своём «Письме» Кожеву Батай размышляет о том положении, которое ожидает интеллектуала после описанного Кожевом «конца истории». Это положение он характеризует как «негативность без применения», или «негативность того, кому “больше нечего делать”» [Батай, 2004]. Следуя здесь своей основной установке на дополнение философии Гегеля субъективно-экзистенциальными моментами, Батай конкретизирует вопрос о тех формах, которые приобретает негативность в «пост-исторических» условиях, в отношении собственного существования. Батай здесь переносит достаточно абстрактную (и построенную на логическом парадоксе) идею «конца истории» не только на современную ему историческую ситуацию (как это делает Кожев), но и на своё личное, индивидуальное бытие (рассматриваемое им с философско-антропологической точки зрения).

Кроме того, в этом «Письме» Батай неявно очерчивает ту линию антропологической диалектики, о которой Кожев определённо выскажется только в известном примечании 1960 года к переизданию его «Введения в чтение Гегеля». Речь идёт об оппозиции, не формулируемой в эксплицитной форме Батаем, но определяющей собой два альтернативных пути существования «пост-человека», какими их видел Кожев: «животное» / «сноб». Причем Батай рассматривает эти фигуры как, прежде всего, возможные для него самого экзистенциальные позиции. Так, осознавая неудовлетворительность приводимых им субъективных аргументов, он заявляет, что безличной логике концепции Кожева ему нечего противопоставить, «кроме звериного крика, так кричит зверь, попавший в капкан». Вводя такое анималистическое сравнение, Батай тем самым превосхищает кожевскую идею «конца речи», наступающего после (и в результате) «конца истории». Позже Кожев будет отмечать, что «пост-человек» утратит способность к дискурсивному постижению реальности: фактически как животные, «пост-исторические» существа «реагировали бы посредством условных рефлексов на звуковые или зрительные сигналы, и их, так сказать, “речь” ничем бы не отличалась от “языка” пчёл» [Кожев, 2003].

С другой стороны, Батай указывает ещё на одну имеющуюся у «пост-человека» экзистенциальную возможность. Оказываясь после «конца истории» «бездеятельной», негативность теряет свою силу, при этом, как считает Батай, «бессильная негативность становится произведением искусства». Данное положение можно сравнить с представлением Кожева о японской культуре как выражении «снобизма», проявляющегося в формализованном ритуале. Объективированная в форме искусства, «бессильная негативность», по словам Батая, становится «негативностью без содержания», поскольку после «конца истории» отсутствуют какие бы то ни было возможности для реализации её преобразовательного потенциала; ей остаётся только «самовыражаться» в формах замкнутого на самом себе, «чистого» искусства. То же самое говорит и Кожев, отмечая оторванность ритуализированной японской культуры от исторического действия и отсутствие в ней социально-политического содержания [Кожев, 2003].

Наконец, Батай затрагивает тему потребления как одного из проявлений «безработной негативности». Если Кожев рассматривал этот вопрос в его социально-экономическом аспекте, связывая утверждение «общества потребления» с концом политической истории, то Батай в своём анализе исходит, опять же, из экзистенциального плана, в рамках которого феномен потребления имеет не столько социальную, сколько индивидуальную значимость. По Батаю, вся деятельность человека «негативности без применения» (или «пост-человек») сводится, в конце концов, «к тому, чтобы предоставить свободной стороне своего существования возможность доставлять себе удовольствие: речь идёт о свободном времени и развлечениях» [Батай, 2004]. Вероятно, здесь можно усмотреть отсылку к теоретически обосновываемому Батаем опыту «дионисийства», но, тем не менее, это не меняет общей постановки вопроса. Как видим, в своём «Письме» Кожеву Батай, пусть и в неявном виде, намечил ключевые положения концепции «пост-человека», проблематизировав их через соотнесение с опытом собственного индивидуального существования.

Последний момент, на который мы обратим внимание в проводимом здесь сопоставлении концепций Кожева и Батая, связан с темой соотношения антропологии и речи (дискурса). Дени Олье, автор книги о Коллеге социологии, отмечает, что за несколько недель до своего выступления в Коллеге, Кожев посвятил одну из своих лекций по «Феноменологии духа» размышлениям «о статусе имён собственных в системе» [Олье, 2004]. Далее Олье приводит цитату из «Введения в чтение Гегеля», которую мы дадим в соответствующем переводе из русскоязычного издания: «...каким должен быть Человек и как должна протекать его историческая эволюция, чтобы, на каком-то её витке кто-то, некий человеческий индивид, которому случилось именоваться Гегелем, узрел себя обладателем абсолютного Знания...» [Кожев, 2003]. Не вдаваясь в подробный разбор того ответа, который даёт на этот вопрос сам Кожев (и которым, по сути, является вся его интерпретация «Феноменологии»), отметим только, что тема некой «судьбы», связанной с собственно человеческой (и даже личной) жизнью какого-либо мыслителя (например, Гегеля), Кожева не интересует. По его мнению, сама логика философии (в том виде, как её понимает Кожев) ведёт к возникновению системы «Абсолютного Знания», и роль конкретного философа в этом процессе состоит только в том, чтобы эту логику распознать (тем самым элиминировав случайное – по отношению к системе знания – значение своей личности).

Как мы показали, Батай не соглашается с подобным взглядом. Он считает невозможным рассматривать философское мышление в отрыве от индивидуального существования, при этом полагая свою философскую стратегию выражением как собственной личности, так и пережитого им экзистенциального опыта. В отношении философии Гегеля свою основную задачу он видел в том, чтобы дополнить её тем, «чего Гегель не знал или чем он пренебрег» [Фокин, 1994], а именно ввести в гегелевскую систему элементы иррационализма и опыт предельных состояний человеческого бытия. Тем самым Батай хотел одновременно и проблематизировать концепцию Гегеля, и показать силу содержащегося в ней «заряда» негативности (то есть подтвердить её «истинность»).

Дискурсивное выражение того «внутреннего опыта» (таково название одной из основных работ Батая), который Батай исследовал, не могло ограничиваться рамками «связной, последовательной и осмысленной речи», являвшейся для Кожева и инструментом, и предметом изучения. Закономерным образом, проводимый Батаем подход привёл его к признанию религиозно-мистического молчания («безмолвия») наиболее адекватной формой выражения трансгрессивного и, вместе с тем, сокровенного личного опыта. В связи с этим Кожев отмечал, что «произведения Батая оказываются по ту сторону круга гегелевского дискурса» и предлагал рассматривать их как «вербальное выражение созерцательной Тишины» [Кожев, 1994]. Так или иначе, сам Батай, по замечанию отечественного исследователя С.Л. Фокина, «видя Кожева “величайшим философом современности”, строил своё позднее творчество как комментарий к “Введению в прочтение Гегеля”» [Фокин, 1994].

Далее мы обратимся к фигуре французского мыслителя и писателя Мориса Бланшо (1907-2003), которого с Ж. Батаем связывали отношения своего рода «философской дружбы». Как и Батай, хотя и в меньшей мере, Бланшо испытал влияние философии Гегеля, главным образом, в форме той интерпретации, которую дал ей Кожев. И если Батай, как мы показали, разрабатывал в основном философско-антропологический аспект концепции Гегеля-Кожева, то Бланшо (являвшегося в большей степени писателем, чем философом) в этом плане интересовала проблема дискурса (как литературно оформленного текста) в его отношении к индивидуальному человеческому бытию.

В интересующем нас вопросе основная линия мысли Бланшо связана с разработкой темы негативности, применительно как к дискурсии (или речи) в целом, так и к литературному творчеству в частности. Мы не будем останавливаться на специфически литературных аспектах концепции Бланшо (о наличии которой говорить стоит достаточно условно), связанных, во-первых, с разрабатываемой им стратегией «письма», противопоставленной традиционным типам и методам литературного творчества и повлиявшей на формирование теории и практики постструктурализма, и, во-вторых, с оригинальной жанровой формой «рассказа» (фр. *récit*). В данном случае нас интересует только философская составляющая творчества Бланшо, относящаяся к проблемам, поставленным в философско-антропологической концепции Кожева.

В целом можно сказать, что литературно-философский опыт Бланшо представляет собой попытку дискурсивного выражения негативности, обнаруживающей себя не только в исторической диалектике «борьбы и труда» (описанной в философии Гегеля и Кожева), но и на уровне индивидуального человеческого существования (на чём заострял своё внимание Батай). Причём у Бланшо такое выражение является не просто «феноменологической дескрипцией», сводящейся к обработанной в художественно-литературной форме философской составляющей так называемого «романа идей». Подобное «описание» экзистенциального опыта «человека негативности» можно встретить, например, в романах Ж.-П. Сартра, в своём литературном творчестве адаптировавшего содержание определённых философских понятий в целях их популярного литературного изложения (в этом плане особенно показателен ранний роман Сартра «Тошнота» (1938)). Напротив, Бланшо не просто «пересказывает» некую философскую концепцию (и не делает этого в «доступной» форме), но самим опытом своего «письма» реализует эту концепцию, вводя негативность в пространство работы с языком.

Таким образом, в понимании Бланшо сама литература становится средством разрушения исторически сложившихся и принимаемых как данность (или, по-гегелевски, «налично-данных») отношений между человеком как субъектом дискурса и его экзистенциальным существованием, находящими своё выражение в традиционном представлении о (литературном) творчестве. Уничтожается сама фигура «писателя», как автора некоего текста, который он «присваивает» себе, и вместо конкретного субъекта

устанавливается безличное и отчуждённое от любого авторства «письмо», самостоятельное функционирование которого не зависит от авторской «воли» («воли к власти» над дискурсом).

В связи с этим, уже упоминаемый нами С.Л. Фокин так характеризует представление Бланшо о литературе: «Литература словно смерть... это умерщвление словом всего того, что живет» [Фокин, 1994]. Речь здесь идёт не только о той разрушительной силе негативности, которую заключает в себе дискурс, но и в целом об абстрагирующей функции слова (или понятия), «выделяющей» смысл из живого объекта и «располагающей» (или объективирующей) его в мышлении. Подобное представление о речи как проявлении негативности развивал и Кожев. По его мнению, «концептуальное понимание эмпирической реальности равносильно убийству» [Кожев, 2003].

Однако, при имеющейся преимущества развиваемого Бланшо подхода по отношению к концепции Кожева, по мнению Виктора Лапицкого, русского переводчика и комментатора произведений Бланшо, в понимании последнего негативность не похожа «на негативность у Гегеля или Маркса – на труд, преобразующий природу, на политическую деятельность, преобразующую общество» [Лапицкий, 2007]. Как мы показали, для Батая негативность также была не столько трудом, сколько разрушительной (и саморазрушительной) силой, иррациональной по своей сути, и её продуктивный аспект (выделенный Гегелем и Кожевом) представлялся Батаю лишь одной из возможностей её реализации.

В свою очередь, Бланшо акцентирует внимание не столько на активной и деструктивной стороне негативности, сколько на обратной стороне оказываемого ею разрушительного воздействия. Так, применяя свою писательскую стратегию, Бланшо пытается дискурсивно зафиксировать (онтологическую) пустоту, остающуюся после работы негативности. При этом такая фиксация проводится им не дистанцированно от её предмета, но посредством самого акта «письма», одновременно и описывающего, и содержащего в себе эту пустоту. Приведём слова В. Лапицкого, комментирующего указанную стратегию Бланшо: «...при письме вместо бытия обнаруживаешь его нехватку». Также, в отношении рассматриваемого нами вопроса, Лапицкий отмечает, что в понимании Бланшо «литература... чисто негативна,...она – форма надрыва языка, сама его нестабильность, языковой катаклизм; субъект литературы – не язык в его положительной данности, а никогда ещё не данная пустота...» [Лапицкий, 2007]. Сам Бланшо в эссе «Могущество и слава» (1959, из сборника «Грядущая книга») так определяет собственную задачу как мыслителя: «всегда...мыслить нехватку, которая как раз и есть мысль...» [Бланшо, 2006].

Подобного рода «нехватку» Кожев рассматривал в качестве основания антропогенного «желания признания», видя в ней проявление сущностной негативности человека и фактически единственное его отличие от животного. Реализующееся в ходе истории «заполнение» этой фундаментальной «нехватки» приводит после завершения исторического процесса к полному удовлетворению человека своим политическим, социальным и экономическим положением, и тем самым, по Кожеву, возвращает его снова в животное, «доисторическое» состояние.

В этом пункте предложенная Кожевом концепция «конца истории» оказывается достаточно спорной и вызывает соответствующие возражения, в частности, у Батая (прокомментированные нами ранее). Бланшо также находился под влиянием тематизированной Кожевом идеи «конца истории», и так же, как и Батай, в некоторых своих произведениях рассматривал экзистенциальные следствия (лучше, последствия) этой идеи (в этом плане особенно стоит отметить эссе «Литература и право на смерть», 1949). Основное внимание Бланшо было сосредоточено на «пост-исторической» судьбе речи, и в этом смысле свой собственный литературный опыт он рассматривал как опыт «последнего писателя», что отсылает одновременно и к «пост-человеку» Кожева, и к «последнему человеку» Ницше (хотя В. Лапицкий отмечает, что более корректным является сопоставление с «последним философом» из фрагмента «Эдип» Ницше [Лапицкий, 2007]). Кроме того, одно из произведений Бланшо также называется «Последний человек» (1957).

В эссе «Смерть последнего писателя» (1959, из сборника «Грядущая книга») Бланшо рассматривает некую гипотетическую ситуацию, соотносимую с кожевским «концом истории», в которой метафорой «исчезновения», или «смерти» человека становится смерть некоего писателя, оказывающегося «последним», что означает также исчезновение фигуры автора. «Пост-историческая» эпоха рассматривается здесь Бланшо как некая «эра без речи», в

которой исчерпавшая себя негативность дискурса уступает место «глубочайшему безмолвию» (скорее метафизического, нежели эмпирического характера). «Последний писатель», который «слышит, как в нём затихает умирающая вместе с ним речь», по мысли Бланшо, своей смертью освобождает безличный дискурс от навязчивого присутствия в нём субъекта, пытающегося использовать дискурсивные ресурсы в собственных целях, сторонних суверенной речевой стихии. В результате манифестируемого «смертью последнего писателя» исчезновения фигуры автора сможет «пробудиться истинная речь: речь Книги» [Бланшо, 2006].

Возникающая здесь метафора книги как некоего самостоятельного и отчуждённого от (дискурсивной) деятельности человека универсума речи отсылает (помимо аналогичного литературно-культурологического проекта французского писателя Стефана Малларме) к некоторым пассажам из лекций Кожева (завершающих курс 1938-1939 учебного года). Интерпретируя последнюю, VIII-ю главу «Феноменологии духа», в которой Гегель подытоживает опыт диалектического развития сознания, Кожев говорит о Мудреце (Гегеле), завершающем историю своей Книгой, содержащей Абсолютное (то есть вечное и неизменное) Знание. («Результатом деятельности Мудреца, то есть всецелого и совершенного Человека, который завершает собой становление человеческой реальности, является Наука. ... Не человек, не Мудрец во плоти и крови, а Книга заменует собой явление Науки в Мир, явление это – и есть абсолютное Знание» [Кожев, 2003]).

Для Бланшо книга также оказывается не просто самодостаточным пространством дискурса, то есть речи как таковой, но завершённым воплощением знания (и в этом плане противостоит Произведению, как всегда открытому и свободному в отношении своего содержания тексту). В эссе с соответствующим названием «Отсутствие книги» (1969, в сборнике «Бесконечная беседа») Бланшо так выражает эту мысль: «Книга как хранилище и средоточие знания со знанием отождествляется. ... книга – это Книга». Таким образом, и Кожев, и Бланшо схожим образом видят «пост-историческую» перспективу существования негативности. Разница между их позициями состоит в том, что Кожев, используя диалектический метод, «перемещает» негативность из области исторического действия в дискурсивное пространство «последней» книги, где она и замыкается на самой себе, в то время как Бланшо, избегая применения столь явных риторических приёмов (каким является диалектика), выстраивает более тонкое отношение между негативностью, книгой и человеком, рассматривая их как вторичные по отношению к самому дискурсу феномены.

Как когда-то это делал Батай, Бланшо снова ставит вопрос о «статусе имён собственных в системе». Но для Бланшо этот вопрос имеет значение не столько в плане его «экзистенциальной» проблематизации (то есть относящейся к индивидуальному человеческому существованию), сколько в его связи с проблемой авторства. Отталкиваясь явно от концепции Кожева, Бланшо также соотносит событие «конца истории» с появлением Абсолютного Знания в форме «последней книги», автором которой является Гегель (который в какой-то степени оказывается тем самым «последним писателем»). Однако специфика предлагаемой Бланшо интерпретации состоит в том, что для него книга является в каком-то смысле априорной по отношению не только к тому знанию, которое в ней содержится, но и к истории как таковой. Как пишет Бланшо, «отношение Книги и имени уже содержится в историческом отношении, связавшем абсолютное знание системы с именем Гегеля: это отношение Книги и Гегеля, отождествляя последнего с книгой и вовлекая его в своё развитие, делает из Гегеля пост-Гегеля, Гегеля-Маркса, потом радикально чуждого Гегелю Маркса...» [Бланшо, 2006]. Тем самым, не книга является производной исторического процесса (в качестве его итога), но сама история обнаруживает себе в книге, направляющей историческое движение (от Гегеля к Марксу и далее). Иными словами, в случае Бланшо можно говорить о своего рода «литературоцентризме» (в котором его обвинял, в частности, А. Бадью), поскольку дискурс выступает у него в качестве некой первичной реальности.

Как и Кожев, считающий случайным тот факт, что историю завершает именно Гегель (то есть какой-то конкретный человек), Бланшо рассматривает авторство Гегеля, и вообще его замысел, или проект книги как не столь существенные моменты. Кроме того, саму интерпретацию Кожева он также не считает необходимой (в то время как Батай в этом вопросе придавал особое значение именно комментарию Кожева [Батай, 2006]). Тот образ завершённого и исчерпывающего знания, который (как кажется) придаёт философии Гегеля Кожев, является для Бланшо уже предзаданным самой книгой (то есть «Феноменологии духа»). Неявно отсылая здесь к кожевской интерпретации, эти мысли он формулирует следующим

образом: «Книга – это целокупность, какой бы ни была форма этой целостности, будет или нет структура этой целостности вполне отличной от той, которую запоздавшее прочтение приписывает Гегелю» [Бланшо, 2006]. Кроме того, развивая тему вторичности автора по отношению к создаваемой (якобы) им книге (как целостному законченному тексту), Бланшо утверждает, что именно сам дискурс в своей собственной логике, или, лучше сказать, в своём внутреннем движении приходит к некоторым специфическим формам, но «отнюдь не современный толкователь, придавая философии Гегеля её связность, излагает её как книгу и тем самым представляет книгу как конечную цель Абсолютного Знания» [там же].

Таким образом, Кожев и (после него) Бланшо развивают в определённом отношении сходные интерпретации темы «конца истории» и наступающей в результате этого конца «смерти человека». Интерпретация Кожева является при этом диалектико-антропологической, поскольку основной акцент он делает на «пост-исторической» эволюции (вернее, «деградации») собственно человека, исчерпывающего в историческом действии творческие потенции и объективирующего негативность в форме завершённого абсолютного текста. В одной из лекций Кожев так резюмирует эту идею: «Умирает не просто такой-то и такой-то человек: умирает Человек как таковой. Конец Истории есть смерть собственно Человека. После этой смерти остаются: 1) живые тела, человеческие по форме, но лишённые Духа, то есть Времени, или творческой силы; и 2) Дух, который существует налично, но в виде неорганической, неживой реальности – в виде Книги» [Кожев, 2003].

С другой стороны, Бланшо предлагает «литературоцентристскую» трактовку «конца истории», в которой он онтологизирует определённые виды дискурсивных практик, наделяя их самостоятельным (по отношению к человеческой деятельности) значением. «Конец истории» в представлении Бланшо оказывается, прежде всего, «концом речи», манифестирующим суверенную негативность дискурса и одновременно отчуждающим её от человека – в событии «последней книги» – актом уничтожения субъекта речи. В связи с этим, «пост-человек» в понимании Кожева и Бланшо предстаёт неким безмолвным читателем, единственным человеческим действием которого является чтение герметичного и самодостаточного, то есть, по сути, не нуждающегося в этом прочтении, текста («Феноменологии духа» Гегеля). Приведём здесь ещё один фрагмент лекции Кожева, в котором подводятся итоги исторической деятельности человека: «История завершилась, делать больше нечего, и единственным занятием Человека остаётся чтение и понимание Книги, описывающей всё то, что было и могло быть сделано... Время, в котором длится Человек-читатель-Книги, – это циклическое (или биологическое) Время Аристотеля, а не линейное, историческое гегелевское Время» [там же].

Как видим, существование «пост-человека» становится фактически животным, поскольку оно навечно замыкается в «доисторическом» (и внеисторическом) пространстве биологических циклов. Кожев, рассматривая данную ситуацию диалектически, производит перестановку в понятийной оппозиции «пространство / время». Будучи «производной» времени, человек, по Кожеву, после «конца истории» из области временного возвращается в пространство, то есть в статичный и самодостаточный (и в этом смысле вечный) мир природы. Схожим образом, но не в отношении исторической диалектики, а в плане функционирования дискурса, определяет, по замечанию В. Лапицкого, свою литературную стратегию Бланшо: «...рвутся временные связи (время – полигон диалектики), заменяемые пространственными скрепами (пространство – вотчина литературы)» [Лапицкий, 2007].

На этом мы завершим наше рассмотрение интерпретации тем «конца истории» и «смерти человека» в творчестве М. Бланшо. Сопоставление его идей с концепцией Кожева мы подытожим последним сравнением интеллектуальных стратегий этих двух мыслителей. Как для Кожева, так и для Бланшо, одним из наиболее существенных аспектов «конца истории» оказывается та трансформация, которую претерпевает дискурс (или сама речь) в результате «смерти человека», одновременно этой смерти сопутствуя. И если философский проект Кожева можно рассматривать как своего рода манифестацию «конца философии», то в творческом наследии Бланшо нашёл своё отражение «конец литературы», означающий, по мнению мыслителя, её неспособность всецело овладеть негативностью дискурса.

Исходя из сказанного, сделаем следующий вывод. Французские мыслители Ж. Батай и М. Бланшо развивают философскую концепцию А. Кожева в большей степени в своём литературном творчестве и эссеистике, чем в форме теоретических работ. Батай проблематизирует экзистенциальный аспект воспринятой через трактовку Кожева позиции Гегеля как философа «абсолютного знания». Тем самым, событие «конца истории»

рассматривается им в перспективе индивидуального существования. Бланшо, в свою очередь, развивает литературоцентристскую интерпретацию идеи «конца истории», понимаемой им как завершение эволюции определённых дискурсивных практик. Таким образом, пример рассмотренных мыслителей позволяет констатировать, что влияние концепции Кожева обнаруживается не только в философии, но и в целом в культуре второй половины 20 века.

Список литературы References

1. Батай Ж. Письмо Х., руководителю семинара по Гегелю // Коллеж социологии. – СПб.: Наука, 2004. – С. 57-62.
2. Батай Ж. Проклятая часть: Сакральная социология. – М.: Ладомир, 2006. – 742 с.
3. Бланшо М. Смерть последнего писателя // Locus Solus: Антология литературного авангарда XX века. – СПб.: Амфора, 2006. – С. 116-122.
4. Бланшо М. Могущество и слава // Locus Solus: Антология литературного авангарда XX века. – СПб.: Амфора, 2006. – С. 122-129.
5. Бланшо М. Отсутствие книги // Locus Solus: Антология литературного авангарда XX века. – СПб.: Амфора, 2006. – С. 129-146.
6. Кожев А. Введение в чтение Гегеля: Лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе. – СПб.: Наука, 2003. – 792 с.
7. Кожев А. Предисловие к сочинениям Жоржа Батай // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб.: Мифрил, 1994. – С. 315.
8. Коллеж социологии 1937-1939 / Сост. Д. Олье. – СПб.: Наука, 2004. – 588 с.
9. Лапицкий В. После-словия. – СПб.: Амфора, 2007. – 375 с.
10. Лапицкий В. Последний писатель [Морис Бланшо] // После-словия. – СПб.: Амфора, 2006. – С. 37-49.
11. Олье Д. Гегельянские концепции. Александр Кожев // Коллеж социологии. – СПб.: Наука, 2004. – С. 49-57.
12. Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века: Сб. статей / Сост., пер., комм. С.Л. Фокина. – СПб.: Мифрил, 1994. – 346 с.

УДК 341.01

**КОНЦЕПЦИЯ ПРАВА КАК ЭТИЧЕСКОГО МИНИМУМА В
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX ВВ.****THE CONCEPT OF LAW AS AN ETHICAL MINIMUM IN RUSSIAN LEGAL
DOCTRINE OF THE LATE XIX - EARLY XX CENTURIES****А.Е. Кравченко
A.E. Kravchenko**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: aprildreamo8@gmail.com

Ключевые слова: А.С. Ященко, В.С. Соловьев, право, нравственность, доктрина, синтетическая теория права.

Keywords: A.S. Yashchenko, V.S. Solovyov, law, morality, doctrine, synthetic theory of law.

Аннотация. Статья посвящена анализу взглядов на соотношение права, нравственности и религии видного дореволюционного правоведа Александра Семеновича Ященко (1877-1934) – видного представителя синтетической теории права. В статье доказывается, что выработанный А.С. Ященко подход позволяет понять нравственные свойства права в единстве общего блага и личной свободы.

Resume. The article analyzes the views on the relationship between law, morality and religion of a prominent pre-revolutionary legist Alexander Yashchenko (1877-1934), the leading representative of the synthetic theory of law. In this paper we prove that A. S. Yashchenko's approach allows us to understand the moral features of law in the unity of the common good and personal freedom.

Проблему определения права и его сущности можно назвать вечной. Вопрос о месте права в системе других социальных регуляторов волновал и продолжает волновать интеллектуальную элиту человечества. Особо острые дискуссии на протяжении веков возникали о соотношении права, нравственности, религии. Сегодня этот спор набирает новые обороты. В юридической литературе, с одной стороны, нарастают и постмодернистские тенденции, а, с другой, высказываются опасения превращения юриспруденции «в средство легализации нравственных пороков» [6, с. 3]. Современный мир разделился по вопросам допустимости однополых браков, ювенальной юстиции, легализации права на убийство и «запретные» удовольствия.

России пока удается «держать оборону» в условиях агрессивного наступления западной модели либеральной демократии и так называемых стандартов в сфере защиты прав человека. В условиях метафизического разлома особую актуальность приобретает концептуальная поддержка государственной власти, возложившей на себя миссию защиты традиционных ценностей. В этой связи особый интерес приобретает исследование отечественной этико-правовой синтетической концепции, ярким представителем которой был Александр Семенович Ященко.

В дискуссии о соотношении права и нравственности принимали самые видные представители отечественной политико-правовой мысли В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, Г.В. Михайловский, И.А. Ильин, Е.В. Спекторский, Л.А. Тихомиров, П.Е. Казанский, Н.А. Захаров и другие.

Нельзя не согласиться с Е.В. Сафроновой, что «среди многочисленных теорий соотношения права и нравственности можно выделить три основные» [9, с. 293]. Первое учение в содержании права и морали не видело принципиальной разницы (Г.В. Михайловский); второе, основоположниками которого являлись немецкие ученые И. Фихте и А. Гумбольдт, исходившие из идеи разграничения и отмечавшие, что право и нравственность не имеют между собой ничего общего. И, наконец, «третья точка зрения, преобладавшая в отечественной науке, основывалась на постулате несомненного родства права и

нравственности. Сторонники этой теории (И. Еллинек, В.С. Соловьев, И.П. Новгородцев, А.Н. Яценко, В.Г. Щеглов, Е.Н. Трубецкой и др.) видели в праве минимум нравственности» [9, с. 293-294].

Наиболее последовательно точку зрения на право как минимум нравственности отстаивали В.С. Соловьев и А.С. Яценко. Анализ взглядов В.С. Соловьева посвящено немало работ [2, 3, 4, 7, 8 и др.], а вот к исследованию взглядов его последователя – А.С. Яценко обращались немногие, причем преимущественно философы [1, 5].

Александра Семеновича Яценко с полным правом можно назвать автором синтетической теории права, применившим синтетический метод к анализу целого спектра понятий: права и нравственности, государства, общества и личности. «Необходимо, - писал он, формулируя свою методологическую задачу, - для настоящего жизненного синтеза органическое соединение всех односторонних определений на основании синтезирующей силы всеобъемлющего начала, являющегося живой душой всего соединения» [10, с. 58]. Важнейшую задачу юриспруденции А.С. Яценко видел в выработке синтетического определения права. Право по своему содержанию тесно связано с моралью. Мораль, как и право, является структурным элементом общественной системы. Яценко основывает представление о праве на методологии синтеза, считая, что при «правильном понимании природы права все элементы должны войти в систему в одинаковой пропорции, чтобы получить органическое равновесие» [10, с. 108]. При этом рассматривать право вне связи с нравственными и религиозными нормами он считал недопустимым.

Разделяя философию права В.С. Соловьева А.С. Яценко, отмечал, что «право есть определенно фиксированный заранее принудительный минимум нравственности» [10, с. 147]. Вслед за В.А. Соловьевым он не противопоставлял и естественного права позитивному. «Естественное право есть лишь общая формула права, - отмечал он, - под которую подставляется реальное содержание каждого конкретного права», это «общая идея права» [11, с. 26]. Поэтому А.С. Яценко не разделял точки зрения, что определение права как минимума нравственности применимо только к естественному праву. «Право как минимум нравственности» - это «всякое право (естественное или положительное)» [11, с. 26].

Цель права - стремление к справедливости, а абсолютная справедливость возможна лишь в Царстве Божьем, и только божественный закон может предопределяет и развитие нравственности и эволюцию права.

Право, считал А.С. Яценко, «не может быть понято, как начало самостоятельное и отдельное от нравственности» [11, с. 15]. Право есть свобода, обусловленная равенством [11, с. 8]. При этом равенство в определении права и Соловьевым и Яценко понимались не как равенство субъективных права, а как «свободу ограниченную равенством» [11, с. 11]. Необходимо справедливое равенство, т.е. равенство в должном, - доказывал А.С. Яценко, - «а это уже входит в область нравственности» [11, с. 16].

По мнению В.С. Соловьева, которое разделял и поддерживал А.С. Яценко, - нравственность имеет ряд ступеней. «Всякое совершенство, как идеальная цель, - писал он, - может быть достигнуто только через последовательную работу, через постепенное «становление». Абсолютное и относительное в нравственности не противоположны, а свободно и полно сливаются в единую нравственную жизнь», поэтому право должно «прогрессивно приближается к нравственности» [11, с. 16].

Основные различия между моралью и правом Яценко видел в следующем: во-первых, «нравственность не ограничена в своих требованиях, право – ограничено»; во - вторых, «право требует действительной реализации этого минимального добра, нравственность может оставаться только идеальным требованием»; в-третьих, «право, в отличие от нравственности допускает принуждение» [11, с. 17].

Вывод, к которому приходили два выдающихся мыслителя сегодня звучит как никогда актуально: право – «промежуточная область между идеальным добром и злою действительностью»; задача права – «это не немедленное осуществление Царства Божия, а предохранение общества от того, чтобы оно не превратилось в ад» [11, с. 17]. Между правом и нравственностью нет противоречий. Противоречия существуют между различными состояниями правового и нравственного сознания. Если законы противоречат требованиям морали, то «они противоречат и существенным требованиям права» [11, с. 17].

Сегодня, в условиях, когда в западном мире нарастают тенденции трансгуманизма, где нравственность рассматривается как понятие изменчивое, зависящее от эволюции человеческого разума, а право превращается в одно из средств легализации нравственного

порока, Российская Федерация встала за защиту традиционных нравственных ценностей, став в современном мире оплотом традиционализма. При обосновании такой политики, разработке концепции государственной идеологии необходимо опираться на достижения отечественной политико-правовой доктрины.

Список литературы References

1. Гараева Г. Ф. Философия права методология обоснования нравственной природы права в синтетической теории права А.С. Яценко // Сборник научных трудов международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы правовой политики».- М., 2014.- С. 95-104.
2. Гусев Е.К. Анализ преемственности историософских воззрений ранних славянофилов и В.С. Соловьева: Дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2004.- 146 с.
3. Захаров А.А. Историко-философская концепция В.С. Соловьева: Автореферат дис. ... д.ф.н. – М., 1999. – 43 с.
4. Кондаков В. А. Право и нравственность в философских концепциях В. С. Соловьева и С. Л. Франка // Духовные ценности и национальные интересы России. Тюмень, 1998. С. 30-34.
5. Макаров, Р. Н. Идея этико-правового синтеза в философии права А.С. Яценко : Дис. ... канд. филос. наук. – Тула, 2003. – 123 с.
6. Нравственные императивы в праве, науке, образовании и культуре. Материалы международного молодежного форума, проводимого по благословению митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна в 3 частях. Ч. 3. / Под ред. Е.В. Сафроновой. – Белгород: Издательство БУКЭП, 2013. – 335 с.
7. Попова А. И. Философия права В. С. Соловьева // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. Вып. XIX. Владимир Соловьев. М., 1996. С. 98-107.
8. Попова Е.А. Нравственно-правовой идеализм Владимира Соловьева: Дис. ... канд. юрид. наук. / Коломна, 2006. - 190 с.
9. Сафронова Е.В., Рутман В.Г. К вопросу о христианской философии права (из истории русской правовой мысли) // Право.- М., 2013. – Т.1.- Вып. 6. – С. 293-299.
10. Яценко А. С. Философия права Владимира Соловьёва. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства: сост. А. П. Альбова. – СПб. : С.-Петербург. ун-т МВД.: Алетейя, 1999. – 252 с.
11. Яценко А.С. Философия права Соловьева. – С.-Петербург: Сенатская типография, 1912. – 43 с.

УДК 378.014.543 (4)

АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА ПОВЫШЕНИЯ ЗАНЯТОСТИ И СНИЖЕНИЯ БЕЗРАБОТИЦЫ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

ANALYSIS OF INTERNATIONAL EXPERIENCE EMPLOYMENT AND REDUCE YOUTH UNEMPLOYMENT

Г.А. Краснова
G.A. Krasnova

Центр экономики непрерывного образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ 119571, г. Москва, Проспект Вернадского, 82
Center of economics of the continuing education of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia). Bloc 5, k. 121, 82, Vernadskogo prosp., Moscow, 119571, Russia

E-mail: director_ido@mail.ru

Ключевые слова: молодежь, безработица, трудоустройство, молодежная политика, национальные приоритеты, уровень безработицы.

Key words: youth, unemployment, employment, youth policy on, national priorities, the unemployment rate

Аннотация. Статья посвящена теме молодежной занятости в мире. Уровень безработицы среди молодежи вдвое превысил уровень безработицы в мире в целом, а в России – в три раза. Ухудшение ситуации с молодежной безработицей заставляет страны искать новые пути и механизмы. В целом ряде зарубежных странах уже разработаны стратегии и запущены программы по расширению возможностей трудоустройства молодежи. В статье проанализированы лучшие региональные и национальные практики по трудоустройству молодежи, включая законодательные, организационные и финансовые инициативы, реализованные в последние годы. В процессе анализа особое внимание обращалось на конкретные механизмы и программы, эффективность реализации программ и их влияние на молодежную занятость в краткосрочной и долгосрочной перспективе, количественные и качественные показатели, ожидаемые странами от затраченных вложений в программы трудоустройства молодежи.

Resume. The article is devoted to the topic of youth employment in the world. The unemployment rate of youth unemployment twice as high as the world in general, and in Russia - three times. The deterioration of the situation of youth unemployment makes the country look for new ways and mechanisms. Some countries have developed strategies and programs launched to increase employment opportunities of young people. The article analyzes the best regional and national practice on labor-unit youth, including legislative, organizational and financial initiatives implemented in recent years. The analysis draws particular attention to the specific mechanisms and programs, the effectiveness of the programs and their impact on youth employment in the short and long term, quantitative and qualitative indicators, expected by countries buck investments in youth employment programs.

По данным доклада Международной организации труда (далее – МОТ) «Глобальные тенденции занятости в 2014 году» в 2013 г. во всем мире насчитывалось около 202 млн безработных, из них около 74,5 млн являлись молодыми людьми в возрасте до 25 лет. Уровень безработицы среди молодежи вдвое превысил уровень безработицы в мире в целом и составил более 13%^[1].

Безработица и неполная занятость молодежи остаются на высоком уровне во всем мире. Безработица среди молодежи, как правило, выше, чем среди взрослого населения. Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. и последующая рецессия еще более увеличили этот разрыв. В период с 2000 по 2011 гг. уровень участия молодежи на рынке труда снизился во всем мире с 52,9 до 48,5%, а это означает, что менее половины молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет активно присутствуют на рынке труда.

По данным МОТ, ожидается, что мировой уровень безработицы среди молодежи, который вырос до 12,6% (73,8 млн молодых людей) в 2012 г., повысится до 12,9% к 2017 г. В развитых странах 35% молодых людей из общей численности безработной молодежи оставались без работы на протяжении шести месяцев или дольше. В Европе 12,8% молодых людей не работают, не учатся и не получают профессиональной подготовки.

В связи с ростом остроты проблемы молодежной безработицы в целом ряде зарубежных стран уже разработаны стратегии и запущены программы по расширению возможностей трудоустройства молодежи. Разработка комплекса мер и механизмов по улучшению интеграции российской молодежи в рынок труда в краткосрочной и долгосрочной перспективах является актуальной и востребованной задачей на национальном и региональном уровнях.

К молодежи ООН относит категорию молодых людей от 15 до 24 лет. При этом ООН признает[2], что само значение термина «молодежь» существенно различается в различных странах мира, а определение «молодежи постоянно трансформировалось в зависимости от меняющихся политических, экономических и социально-культурных условий»[2]. Всемирная организация здравоохранения и ЮНИСЕФ используют термин «подростки» для тех, кому от 10 до 19 лет, «молодежь» — для тех, кому от 15 до 24 лет, а также термин «молодые люди» — для тех, кому от 10 до 24 лет. Используемое этими специализированными учреждениями широкое определение, охватывающее возраст от десяти до 24 лет, указывает на то, что политические меры, ориентированные на молодежь, часто должны давать результаты до наступления 15 лет»[3].

К молодежи в Российской Федерации относят возрастную группу в возрасте от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях, определенных нормативными правовыми актами Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, — до 35 и более лет. В 2014 г. в Российской Федерации проживали 33,22 млн граждан в возрасте от 14 до 30 лет[4]. В настоящем исследовании используются термины «молодежь» и «молодые люди» в зависимости от контекста. Но основное внимание сосредоточено на возрастной группе от 15 до 24 лет.

В 2015 г., по данным доклада МОТ «Трудоустройство в мире и социальный прогноз: тенденции 2015», ожидается, что число безработных увеличится на 3 млн чел., и еще на 8 млн чел. в последующие четыре года. С начала финансового кризиса число потерянных рабочих мест к настоящему времени составило 61 млн мест. Для решения проблем с безработицей к 2019 г. должно быть создано дополнительных 280 млн рабочих мест, чтобы закрыть глобальный разрыв занятости, обусловленных кризисом. В странах Северной Африки и в странах Африки (южнее Сахары) и на Ближнем Востоке по-прежнему сохраняется высокий уровень безработицы, в некоторых случаях до 30%. В странах Южной Европы пока не произошло значительное снижение уровня безработицы, несмотря на создание новых рабочих мест в последние месяцы. В азиатских странах — в частности, в Юго-Восточной Азии и странах АТР — сохраняется относительно низкий уровень безработицы, но в основном за счет высоких темпов неформальной занятости, которая в некоторых странах достигает почти 85% от общего числа занятых[5]. Среди развитых стран мира значительно упал уровень безработицы в Великобритании и Соединенных Штатах Америки. В других странах Европейского Союза уровень безработицы уменьшается. В Латинской Америке и Карибском бассейне в ряде стран наблюдается рост безработицы, а замедление роста мировой экономики влияет на снижение ранее высоких темпов создания рабочих мест.

Ухудшение безработицы среди молодежи является общей для всех регионов мира и происходит, несмотря на повышение уровня образования в целом, и тем самым разжигает недовольство в обществе[6]. «Такая беспрецедентная ситуация, — говорится в докладе «Молодежная занятость в странах Восточной Европы: кризис внутри кризиса» МОТ, — заставляет задуматься о риске появления «потерянного поколения»: другими словами, когорты невостребованных и потерявших надежду молодых людей, вынужденных вести маргинальное существование на рынке труда. Как показывают последние события в арабских странах и в странах Северной Африки, большая численность людей, вынужденных жить без работы, без надежды и в условиях слабых возможностей для занятости, является угрозой для социально-экономической стабильности»[7].

Действительно, последние несколько лет протестные молодежные движения прошли в самых разных странах мира. Поводы для молодежных волнений в разных странах были разные, как и их последствия и длительность, но в основе которых, представляется, лежит беспокойство молодежи о своем будущем. В 2011 г. в Тунисе молодежь первой вышла на улицы и зажгла искру «арабской весны». На площади Тахрир в Каире первыми заявили протест молодые люди, что в дальнейшем привело к падению режима в Египте[7, с. 1]. В Европе выступления молодежи Греции, Испании в период острого экономического кризиса были связаны с недовольством мерами, предпринимаемыми правительствами, и безработицей. Движение «Оккупируй Уолл-стрит», начавшись в США, распространилось в 82

странах мира и охватило около 1 тыс городов осенью 2011 г.[7, с. 2]. В 2014 г. начало учебного года ознаменовалось студенческими волнениями в Гонконге.

Глобальный уровень безработицы среди молодежи, по данным доклада МОТ «Трудоустройство в мире и социальный прогноз: тенденции 2015»[5], как ожидается, увеличится до 13,1% в 2015 г., а затем останется неизменным до 2018 г. Наибольший рост безработицы среди молодежи в 2015 г., с ожидаемым дальнейшим ростом в течение следующих лет, будет наблюдаться в Восточной Азии и на Ближнем Востоке. В отличие от молодежи уровень занятости пожилых людей во время кризиса оставался стабильным практически во всех странах мира. Однако от предыдущих спадов экономики, когда пожилые работники часто досрочно отправлялись на пенсию, работодатели предпочли в этот раз оставить на работе опытных работников. Тем не менее, есть данные, что для тех пожилых работников, которые потеряли свою работу, становится все труднее получить новую работу.

В России безработица молодежи также превышает средний уровень безработицы населения. По итогам обследований населения по проблемам занятости «Занятость и безработица в Российской Федерации в феврале 2015 года» Росстата[8] в среднем среди молодежи в возрасте 15–24 лет уровень безработицы в феврале 2015 г. составил 15,8%, в том числе среди городского населения – 15%, среди сельского населения – 18%. Коэффициент превышения уровня безработицы среди молодежи в среднем по возрастной группе 15–24 лет по сравнению с уровнем безработицы населения в возрасте 30–49 лет составляет 3,3 раза, в том числе среди городского населения – 3,8 раза, сельского населения – 2,4 раза. Средний возраст безработных в феврале 2015 г. составил 36,2 года. Молодежь до 25 лет среди безработных составляет 22,9%, в том числе в возрасте 15–19 лет – 4,5%, 20–24 лет – 18,5%. Высокий уровень безработицы отмечался в возрастной группе 15–19 лет (36,9%) и 20–24 лет (13,9%).

В числе безработных, не имеющих опыта трудовой деятельности, 16,7% составляет молодежь в возрасте от 15 до 19 лет, 47,3% – от 20 до 24 лет, 16,6% – от 25 до 29 лет[8].

Общеизвестно, что в период перехода от учебы в школе к трудовой деятельности, молодые люди еще часто не имеют четких представлений о том, чем хотят заниматься в профессиональной деятельности, и поэтому часто меняют работу или временно не работают. Молодежь в это время еще не обременена финансовыми обязательствами, а родители могут и готовы финансово помогать. Кроме того, навыки и усилия по поиску работы молодых людей менее эффективны, чем у взрослых. Работодатели предпочитают нанимать сотрудников, имеющих трудовой стаж, а молодежь его еще не может представить. В случае сокращения на предприятиях или в организациях в условиях финансового кризиса молодежь также становится более уязвимой категорией работников, опять же ввиду отсутствия трудового опыта по сравнению с взрослыми работниками, невысоких выплат по увольнению в случае сокращения. Все описанные выше факторы объясняют традиционно более высокий уровень безработицы среди молодежи, чем среди взрослых. Но в условиях финансового кризиса и рецессии показатели по молодежной безработице увеличились в 3–5 раз, а новый кризис занятости молодежи характеризуют новые тенденции: «увеличение числа «потерявших надежду» на трудоустройство молодых людей и повышение уровня безработицы среди выпускников высших учебных заведений»[7].

Эти новые реалии не могут не вызывать беспокойство Правительств во всех странах мира. По мнению МОТ, «основная ответственность за расширение молодежной занятости ложится на государство. По этой причине требуется эффективная координация и взаимодействие различных органов государственной власти как на национальном, так и на местном уровнях. Но одного этого недостаточно. Государство нуждается в поддержке бизнеса, который, в свою очередь, нуждается в квалифицированных работниках, приверженных своим принципам профсоюзам и открытым к сотрудничеству молодежным организациям, а также в поддержке всего гражданского общества.

Международные и национальные исследования лучших политик, практик и программ трудоустройства молодежи проводятся регулярно международными и национальными организациями. Считается, что трудоустройство молодежи должно иметь статус национального приоритета[7, с. 38] в социально-экономических планах развития стран, и отражаться набором согласованных экономических и социальных мер, направленных на обеспечение занятости молодежи и достижение конкретных целей, а также постановки прозрачных целей и задач, соответствующих ресурсов по их достижению, и измеримых результатов воздействия.

Конечно, в каждой стране существуют свои методы определения приоритетности занятости молодежи в национальных программах социально-экономического развития. Например, трудоустройство молодежи вошло в число приоритетных направлений как сквозная межотраслевая тема национальной политики в области занятости в ряде стран Европейского Союза: в Австрии, Бельгии, Германии, Ирландии, на Мальте, в Португалии и Соединенном Королевстве). В других странах трудоустройство молодежи регулируется в конкретных секторах экономики, например, в Мали и Сербии. На основе принципа «особых групп» или «незащищенных групп населения» рассматривается в Коста-Рике, Демократической Республике Конго и Кении.

Необходимо отметить, что формирование молодежной политики как отдельного направления в международной и национальной политиках государств можно отнести к 50–60 гг. прошлого века. Первостепенную роль в этом сыграла Организация Объединенных Наций, которая выделила молодежь в отдельную социальную группу впервые в Декларации о распространении среди молодежи идеалов мира, взаимного уважения и взаимопонимания между народами, принятой на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 7 декабря 1965 г. Например, «национальная молодежная политика в Южной Африке на 2009–2014 гг. направлена на интеграцию вопросов развития молодежи и молодежной занятости в национальную политику и программы, и в бюджет страны должны быть заложены средства для обеспечения реализации этой политики»[7, с. 35]. Национальная стратегия развития навыков на 2011–2016 гг. была разработана Министерством высшего образования и профессиональной подготовки ЮАР и утверждена Правительством страны. Основные направления профессионального развития и навыков реализовываются в соответствии со Среднесрочной стратегической программой, Национальной рамочной промышленной политики и Планом действий в промышленности[9].

Национальные планы действий по вопросам молодежной занятости приняты в 35 странах из 138, в частности, в Финляндии, Германии, Словении, Бразилии, Южной Кореи, Уганде, Кении. Фактически такие планы обеспечивают межведомственную координацию в области молодежи и занятости молодежи, определяют степень приоритетности тех или иных результаты мер и планируемые за счет использования конкретных ресурсов в течение определенного периода времени.

Законодательные меры регулирования рынка труда молодежи определяются законодательством о защите занятости (англ. – *employment protection legislation*). В целом, «законодательство о защите занятости (далее – ЗЗЗ) включает в себя нормы трудового права, регулирующие порядок найма и увольнение работников, и, также правила, определяющие порядок заключения временных и постоянных трудовых договоров, а также правила, относящиеся к коллективным увольнениям. Влияние такого законодательства на молодежную занятость зависит от различий в его толковании. С одной стороны, считается, что более жесткое ЗЗЗ приводит к росту затрат, связанных с увольнением, и затрудняет адаптацию предприятий к условиям экономического цикла. Это отрицательно сказывается на занятости в целом и молодежной занятости в частности, так как благоприятствует тем, кто уже имеет работу, в ущерб ее соискателям (эффект «инсайдер-аутсайдер»). С другой стороны, считается, что ЗЗЗ обеспечивает базовую безопасность, повышает стимулы для работодателей вкладывать средства в кадры и способствует сотрудничеству в трудовых отношениях, что в совокупности должно приводить к росту производительности труда, конкурентоспособности и эффективности в целом»[6, с. 111]. При всей сложности количественной оценки влияния на рынок труда законодательства о защите занятости ввиду его многоаспектности, о чем свидетельствуют межстрановые сравнения и различные экономические рейтинги, можно однозначно сделать вывод, что на молодежную занятость оно имеет положительное влияние во всех странах мира. Законодательные меры о защите молодежной занятости в большей степени распространены в странах с переходной экономикой, но имеют положительное воздействие и в странах ОЭСР[10]. Законодательные реформы касаются законов, регулирующих порядок заключения договоров и коллективных увольнений, защиты временных и постоянных работников.

Меры по поддержке молодежи зависят от уровня доходов стран. Страны ОЭСР, как правило, имеют разнообразный портфель программ, наиболее популярные среди них комплексные учебные программы, в то время как страны со средним уровнем дохода в основном ориентированы на создание и совершенствование систем обучения и подготовки. Охват программ населением в странах с низким уровнем доходов является относительно

небольшим, по сравнению с более развитыми экономически странами.

Исследование программ в постконфликтных странах и в странах с низкими доходами в условиях финансового кризиса было предпринято Всемирным банком в 2002 г., в ответ на потребность повысить эффективность предоставляемой помощи этим государствам. Всемирный Банк определил 35 стран в подготовке рекомендаций и оказанию помощи для сокращения бедности и устойчивого развития, в девяти из них были проведены исследования: Бурунди, Центральной Африканской Республике, Кот-д'Ивуар, Гвинее, Косово, Нигерии, Зимбабве, Боснии и Герцеговине, а также секторе Газа.

Не все программы ориентированы исключительно на молодежь. Одна из пяти программ является открытой для людей всех возрастов. Предпринимательство, обучение и несколько сервисных программ ориентированы, в основном, на молодежь. Сельской молодежи в странах с низким уровнем дохода, сталкивающейся с бедностью чаще, чем городская молодежь, оказывается меньше внимания, чем молодежи, живущей в городе. Только 10% целевых программ рассчитано на сельскую молодежь. Около 28% всех целевых программ ориентированы только на городскую молодежь, и 62% целевых программ рассчитаны на городскую и сельскую молодежь.

Цели программ значительно зависят от уровня экономического развития стран. В развивающихся странах существует больше программ помощи молодежи из семей с низким уровнем дохода, так как они имеют относительно высокий уровень безработицы и часто относятся к группам риска. В Латинской Америке, где молодежь находится в наиболее экономически невыгодном положении, были поддержаны и профинансированы правительством комплексные программы, такие, как программа «Молодежь» (исп. – *Jovenes*) и целевые образовательные программы, финансируемые местными органами власти, международными организациями и частным сектором.

Программы в странах с переходной экономикой ориентированы на безработную молодежь с низким уровнем образования или не посещающих школу. Около двух третей всех программ в этих странах фокусируются на выпускниках школ и студентах, которые уже завершили обучение или завершат его в ближайшее время. Большинство таких программ нацелены на обучение навыкам и субсидирование заработной платы.

Данных по программам для молодых женщин, молодых инвалидов и молодежи из числа этнических групп или меньшинств незначительно. Только 45 программ из 289 программ ориентированы на молодых женщин. В странах ОЭСР зафиксированы 32 программы, рассчитанные на молодых инвалидов. Наконец, только 21 целевая программа направлена на отдельные этнические группы молодежи.

Основным источником финансирования программ занятости молодежи в странах мира является государственный бюджет – 56% программ, но есть и программы, финансируемые совместно государством и частным капиталом, международными организациями (Всемирным банком, МОТ, ООН) и другими организациями-донорами – 33%. Реализация образовательных программ, программ по развитию предпринимательства в развивающихся странах значительно зависят от ресурсов международных партнеров и неправительственных организаций.

Рассмотрим подробнее основные типы программ (мер), реализованные и реализуемые в разных странах и регионах мира.

Программы субсидирования заработной платы

Программы субсидирования заработной платы направлены на мотивирование работодателей принимать на работу молодых работников. Субсидии предоставляются работодателям при приеме на работу граждан, находящихся в статусе безработных в течение определенного периода времени. Субсидии выплачиваются от шести месяцев в странах с переходной экономикой и до двух лет в развитых странах. Сумма субсидий работодателям и пособий, как правило, устанавливается и обеспечивается непосредственно государственными органами по трудоустройству. Некоторые программы предлагают дополнительные стимулы для работодателей для сохранения на постоянной основе работников после окончания периода субсидирования.

В Дании государственное субсидирование заработной платы безработным предполагает найм на работу граждан этой страны, которые оказались без работы более девяти месяцев (три месяца для лиц до 30 лет)[11]. При этом граждане, занятые в государственном секторе, получают до 15 евро в час, а работающие на частных предприятиях могут получать субсидию в

размере лишь девять евро в час¹. Субсидия выдается на срок до одного года при условии соответствия нанимаемых граждан определенным критериям.

Работа граждан, получающих заработную плату из государственной субсидии, может сочетаться с обучением. Цель этого механизма регулирования рынка труда состоит, во-первых, в том, что руководство предприятия может принять решение оставить временного работника на своих обычных условиях после завершения субсидируемого периода, а во-вторых, в том, что безработный получает опыт работы и соответствующие рынку труда компетенции. Как правило, безработные сами стремятся найти именно такую работу, а социальные работники оказывают им в этом помощь.

Воздействие программ субсидирования заработной платы оказалось особенно успешным в улучшении краткосрочных результатов в области занятости молодежи в странах с переходной экономикой. В Чехии и Польше занятость улучшилась с 12% до 15,6%, особенно среди молодых женщин и граждан с низким уровнем образования. Анализ затрат и выгод от субсидирования в Польше показал, что выгоды в основном обусловлены значительным приростом величины общественных благ и услуг. В целом же затраты на субсидирование заработной платы превышают выгоды для национальной экономики и национального бюджета.

В промышленно развитых странах эффект субсидирования по заработной плате не однозначный. В Бельгии и США зафиксированы статистически значимые положительные эффекты по приему (найму) на работу, в то время как в Швеции были получены негативные краткосрочные и незначительные долгосрочные результаты. В США уровень занятости основной целевой группы населения по заработной плате в неделю – афро-американских подростков – увеличился с 21,6% до 39,2% по сравнению с контрольной группой. В Бельгии положительное влияние программы субсидирования заработной платы на долгосрочную безработицу молодежи зафиксировано в первый год, а именно, коэффициент перехода от занятости к незанятости снизился на 31%, особенно среди женщин.

Программы субсидирования заработной платы реализовываются на национальном уровне, охватывая городские и сельские районы в равной степени. Безработные являются основной целевой группой населения по таким программам. Программы в странах с переходной экономикой направлены на участие женщин, в США и Бельгии объектом особого внимания была молодежь. При этом в США это чернокожие молодые люди, не окончившие среднюю школу и находящиеся в группе риска.

Программы субсидирования заработной платы являются более дорогостоящими по сравнению с программами по переподготовке и обучению. Но, несмотря на относительно высокую стоимость на одного человека, политика субсидирования заработной платы особенно популярна в странах, где стоят задачи по сокращению продолжительности безработицы в определенных группах населения.

Программы общественных работ

Программы общественных работ, как правило, находятся исключительно в ведении правительств и имеют цель снижения уровня безработицы и повышения шансов на получение работы уязвимых групп населения, находящихся в зоне риска. В европейских странах программы общественных работ реализовывались с целью решения вопросов социальной справедливости, а не рыночной неэффективности. В странах с переходной экономикой программы общественных работ имели целью в основном предоставление временной поддержки и работы, приносящей доход безработным молодым людям и взрослым, находящимся длительно более года без работы.

Страны ОЭСР имеют давнюю традицию по реализации программ общественных работ, направленных на безработных всех возрастов. Программы направлены на создание рабочих мест в рамках общественных работ и других мероприятий, которые производят общественные блага или предоставляют общественные услуги. В США, например, «Корпус молодежи» – это программа, которая предлагает оплачиваемую работу молодым людям, не посещающим школу, в среднем по 32 часа в неделю, по улучшению состояния окружающей среды и землепользования, социальной восемь часов в неделю по другим мероприятиям. Участники программы работают от девяти до 12 месяцев на общественных работах.

Программы общественных работ в одних странах показывают положительное влияние на занятость, в других – не имеют или имеют даже негативное воздействие на

¹ Приведены данные 2011 г.

трудоустройство граждан. К примеру, в Болгарии программа оказала положительное влияние на занятость: временная занятость увеличилась на 6%, а в США до 26%. Во Франции и Польше программы не показали положительных или отрицательных результатов.

Из анализа эффективности программ общественных работ можно сделать следующие выводы. Программы могут стать рентабельными, если осуществление программ временного трудоустройства направлено на наиболее уязвимые группы населения на рынке труда, а именно на бедных и меньшинства, которые в отсутствие таких программ не смогли бы найти работу.

Известно, что участие в программах общественных работ может привести к снижению рисков маргинального поведения молодежи. К примеру, в США благодаря таким программам снижается вероятность того, что молодые люди будут арестованы, будут употреблять спиртные напитки и иметь сексуальные связи, приводящие к нежелательным беременностям.

Программы общественных работ в основном ориентированы на наиболее уязвимых работников, чтобы сохранять их связь с рынком труда в период безработицы и исключить потери человеческого капитала. Большинство программ общественных работ ориентированы на безработных всех возрастов, только в США целевой аудиторией таких программ является молодежь. Программы в Польше и Болгарии ориентируются в основном на молодых людей мужского пола и инвалидов.

Программы общественных работ могут создавать высокую зависимость участников, препятствуя переходу их к несубсидированной занятости. Данные по программе общественных работ в Польше показывают, что эффект от программ постепенно уменьшается после 15 месяцев регистрации граждан в качестве безработных.

Программы для молодых предпринимателей

Главной целью программ для молодых предпринимателей является формирование и развитие предпринимательских навыков у молодых людей, а именно, способности создавать и управлять предприятиями, создавать постоянные рабочие места. Программы предпринимательства молодежи могут быть привлекательны для частного сектора, хотя изначально финансирование и реализация лежат исключительно на правительстве. Кредиты имели решающее значение для создания и поддержки предприятий малого бизнеса. Данных об эффективности реализации программ предпринимательства в программах занятости молодежи по-прежнему ограничено. Выдача кредитов в рамках программ предпринимательства была реализована в Индии, а также в развивающихся странах Азии и Африки.

Программы предпринимательства, как правило, дают значительные положительные краткосрочные эффекты на занятость молодых участников, но их финансовая и экономическая эффективность в долгосрочной перспективе до сих пор нуждается в изучении. Только одна программа, из трех оцениваемых, показала получение чистой прибыли в определенный период времени, но необходимо дальнейшее изучение этих результатов в долгосрочной перспективе. При этом нет никаких свидетельств того, что в долгосрочной перспективе, будут получены положительные результаты.

В Болгарии программа предпринимательства молодежи увеличивала вероятность получить работу, особенно у молодых женщин, по крайней мере, на 50%: рентабельность программы составила 42,7%. В Перу участие в программе увеличило вероятность открытия собственного бизнеса участников примерно 7,8%. Кроме того, благодаря программе увеличился процент людей, владеющих собственным бизнесом на 11%, а также снижение общего уровня безработицы на 6,5%. Доходы участников по сравнению с контрольной группой выросли на 61,25%. И хотя отсутствуют фактические данные об экономической эффективности программы, можно предположить, что она дала, по крайней мере, краткосрочный положительный эффект и прибыль. Ключевым фактором, определяющим успех таким программ, являются доступность кредитов и регулярное консультирование участников.

Программы предпринимательства молодежи в странах центральной Европы направлены безработных людей, независимо от их индивидуального социально-демографического профиля, в то время как программы в странах Латинской Америки и Карибского бассейна были ориентированы на неблагополучную молодежь от 15 до 25 лет, обладающих предпринимательскими навыками или владельцев небольшого/или неформального бизнеса, и проживавших в населенных пунктах, где осуществлялась программа.

Основной проблемой устойчивого развития программ предпринимательства является отсутствие информационных систем долгосрочного мониторинга оценки эффективности таких программ. Это может стать причиной сокращения бюджета и создать риски для их эффективного функционирования программ. Анализ программ предпринимательства в Латинской Америке показал важную роль функционирования таких информационных систем для рынка труда для обеспечения развития и возможного расширения программ предпринимательства. Информационные системы долгосрочного мониторинга оценки эффективности показателей программ позволяют сравнивать их результаты – число новых созданных предприятий и их экономических показателей в долгосрочной перспективе. И в этом смысле они являются инструментом для улучшения структуры и масштабов программ.

Программы обучения молодежи

Подготовка и обучение является самой популярной мерой по трудоустройству и занятости молодых людей. Они направлены на улучшение навыков безработных, ищущих работу граждан, и в то же время способствуют удовлетворению спроса на рабочую силу. Некоторые программы направлены на подготовку к работе, в то время как другие предлагают полный набор услуг, который включает профессиональное обучение и обучение без отрыва от работы.

Программы, как правило, осуществляются при поддержке государства и управляются министерствами труда и образования, в ряде стран привлекаются частные поставщики образовательных услуг, что способствует в целом развитию конкуренции между учебными учреждениями.

Большинство программ в странах Латинской Америки направлены на увеличение занятости и расширение возможностей занятости частичной занятости. Продолжительность учебных программ варьируется от 4,5 месяцев (в США и Турции) до двух лет во Франции.

Положительный опыт в развивающихся странах связан с ориентацией учебных программ на потребности рынка и привлечением частных провайдеров образовательных услуг и работодателей. Программы обучения – наиболее часто используемая мера в стратегиях занятости, но оценка их эффективности показывает неоднозначные результаты в разных регионах, по полу и возрасту. Результаты исследования показывают больший эффект от программ обучения в странах переходной экономикой и развивающихся странах, чем в странах с развитой экономикой.

Из восьми оцениваемых программ профессиональной подготовки реализация шести привела к позитивным воздействиям на рынок труда. Так, программы повысили вероятность занятости среди молодых людей, как минимум на 6% – в Венгрии и максимум на 57% – в Боснии и Герцеговине. Такой широкий диапазон влияния на занятость в основном связан с полом и уровнем образования: девушки и участники с низким уровнем образования, как правило, получали более высокие доходы от программ, чем участники мужского пола и участники с высшим образованием соответственно.

Учебные программы оказали положительное влияние на доходы участников. Так, в Боснии и Герцеговине участники программ в возрасте до 25 лет увеличили свои ежемесячные доходы. Наибольшее воздействие на доходы произошло в подгруппе молодежи с высшим образованием, чей ежемесячный доход поднялся примерно на 185 долл. США.

В странах ОЭСР программы обучения реализовываются на протяжении более трех десятилетий. Но их результаты часто показывают незначительное воздействие на вероятность занятости в целом, с некоторыми положительными результатами у взрослых женщин и образованных граждан. Результаты пяти из восьми анализируемых программ, показали отрицательные или нулевые влияния на занятость и доходы участников в краткосрочной перспективе, то есть через год после начала программы.

Образовательные программы имеют широкую целевую аудиторию: неблагополучная молодежь, безработные, частично занятые или ищущие работу в городских и сельских районах. В промышленно развитых странах, как правило, такие программы нацелены на безработную молодежь, в то время как страны переходного периода и развивающиеся страны предлагают обучение для всех зарегистрированных безработных независимо от возраста и пола. Большинство программ ориентируются на женщин и мужчин трудоспособного возраста с низким уровнем образования. Программы обучения в Боснии и Герцеговине ориентированы в первую очередь демобилизованных солдат, со средним упором на беженцев, жертв войны и инвалидов, вдов и безработных всех этнических групп, а именно, мусульман, хорватов и сербов, а также иммигрантов и меньшинств.

Стоимость программ обучения и подготовки в странах ОЭСР, как правило, дороже, чем в развивающихся странах и с переходной экономикой. Например, программы в странах Центральной Европы являются наименее дорогостоящими мерами на рынке труда с точки зрения затрат на размещение, по сравнению с программами субсидирования заработной платы, общественных работ и самозанятости. В Бразилии такие программы имеют относительно низкую стоимость – 2,13 долл. США за один час, в Чили и Аргентине – 2,91 долл. США и 4,36 долл. США соответственно.

В Дании провайдеры продолженного профессионального обучения в значительной степени финансируются государством. Они получают целевое финансирование и должны ежегодно согласовывать свои бюджеты с Министерством по делам детей и образования Дании. Кроме того, существует практика частичной оплаты за обучение обучающимися, в среднем составляющей около 15% от общего объема затрат на обучение. В большинстве случаев обучение, как правило, оплачивается работодателем. Безработные учащиеся, принимающие участие в программах продолженного профессионального обучения взрослых в рамках их индивидуального плана трудоустройства, освобождаются от каких-либо сборов. Эти расходы покрываются Министерством труда Дании. Участники программ непрерывного обучения имеют право на фиксированное пособие от государства по государственной системе грантов для обучения взрослых (дат. – *VEU-godtgørelse*/англ. – *State grant system for adult training*). В 2012 г. объем средств составил 425 евро в неделю, что соответствует 80% от максимальной ставки компенсации страхования по безработице. Большинство участников программ непрерывного обучения работают и получают полную зарплату в течение всего периода обучения, а пособие выплачивается работодателям в качестве частичной компенсации за заработную плату стажеров.

Расходы на образование взрослых и непрерывное обучение в Дании финансируются за счет специального налога в размере 8%, который взимается со всех работающих. В 2009 г., по официальной статистике, общий доход в бюджет Дании от этого налога составил 10,7 млрд евро[11].

Хотя учебные программы, как правило, приводят к увеличению производительности и занятости, они могут быть достаточно дорогостоящими и имеют ограниченное применение для удовлетворения потребностей рынка труда в высококвалифицированных кадрах. Стратегии по сокращению расходов на такие программы предполагают участие частного сектора в предоставлении образовательных услуг в рамках таких программ. С другой стороны, социальный диалог с работодателями и гражданским обществом может усилить актуальность таких программ по развитию определенных навыков и удовлетворения спроса на рабочую силу. В этом случае программы действительно могут способствовать трудоустройству и расширению возможностей для квалифицированных работников. Высокая степень отсева участников по таким программам еще одна проблема в их реализации. В ряде стран, к примеру, в Польше была разработана система санкций, чтобы уменьшить вероятность отказа от участия в программе: участники, которые бросили курс до его завершения, должны были возместить стоимость своего обучения.

Программы «второго шанса»

Программы «второго шанса» нацелены на улучшение возможностей трудоустройства безработных, молодых людей с низким уровнем образования, а также молодежь, рано бросившую школу или по каким-то причинам не продолжившую образование в формальной системе.

Программы «второго шанса» в развивающихся странах позволяют участникам завершить их обучение в начальной школе в течение короткого периода времени и предлагают профессиональную подготовку для их трудоустройства. «Расчеты группы по подготовке Всемирного доклада по мониторингу ОДВ показывают, что если бы все учащиеся в странах с низким доходом окончили школу с базовыми навыками чтения, 171 млн чел. мог бы выбраться из нищеты, что было бы равнозначно сокращению нищеты в мире на 12%. Одним из важных способов, с помощью которых образование снижает масштабы нищеты, является повышение доходов людей. В целом один год школьной учебы увеличивает заработок в среднем на 10%. Образование может помочь людям вырваться из состояния работающих бедняков. В 1965 г. взрослые в Восточной Азии и районе Тихого океана провели в школе на 2,7 года больше, чем жители стран Африки к югу от Сахары. На протяжении последующих 45 лет в Восточной Азии и районе Тихого океана средние темпы роста были более чем в четыре раза выше. В Гватемале в 2005 г. взрослые в среднем имели школьное

образование продолжительностью 3,6 года, и в 1965–2005 гг. средний уровень увеличился лишь на 2,3 года. Если бы в этой стране данный параметр соответствовал среднему показателю для Латинской Америки и Карибского бассейна, где среднее количество проведенных взрослыми в школе лет возросло с 3,6 в 1965 г. до 7,5 в 2005 г., она могла бы более чем вдвое повысить свои среднегодовые темпы роста в 2005–2010 гг., что эквивалентно дополнительной сумме в 500 долл. США на человека»[12, с. 26].

Данные по оценке эффективности программ «второго шанса» есть только по странам ОЭСР. К примеру, есть данные, что в Дании такие программы оказали положительное краткосрочное влияние на занятость. В частности, уровень безработицы снизился за счет перехода участников из статуса безработных к статусу обучающихся, к сожалению, на занятости безработных это не сказалось. Это краткосрочное влияние в значительной мере связано с прямым действием программы, но данных об экономической эффективности программы нет.

Из-за нехватки учебных мест, которая существовала в течение нескольких лет в школах и/или компаниях, Правительство Австрии инициировало Закон о содействии получению образования молодежью (нем. – *Jugendausbildungssicherungsgesetz, JASG*). Закон гарантирует доступность учебных курсов всем молодым людям, не нашедшим подходящую работу после получения обязательного школьного образования. На курсах продолжительностью до 12 месяцев ими осваиваются новые знания и навыки, относящиеся к конкретному ремеслу. Конечная цель этих курсов – трудоустройство молодежи. Курсы финансируются Правительством Австрии и Европейским социальным фондом[13].

Одним из успешных проектов считается проект «Группа спасения» в Финляндии. За бросившими школу «подростками закрепляется персональный консультант, который оказывает им поддержку, необходимую для того, чтобы они могли либо вернуться в школу, либо найти работу. Работая в тандеме, подросток и консультант формируют «группу спасения»[7].

В целом, можно сделать вывод, что регулярный мониторинг промежуточных и долгосрочных целей программ «второго шанса» постоянная мотивация участников являются ключевыми факторами успеха таких программ и смягчают риски реализации программ и негативные эффекты. Программы «второго шанса» направлены на молодых людей с низким уровнем образования, в частности, детей, рано бросивших школу. Несмотря на то, что данные показывают превышение затрат на реализацию программ «второго шанса», по сравнению с ожидаемыми результатами, в целом, они обходятся дешевле, чем другие программы и меры по трудоустройству молодежи.

Мероприятия по улучшению системы обучения и подготовки ориентированы на мотивирование молодежь к получению образования. Они информируют молодых людей о системах обучения и национальных учебных заведениях, а также в рамках программ предлагают субсидии молодым людям на получение образования. К примеру, в рамках таких программ в Кении участникам выдаются ваучеры на обучение, а участники могут свободно выбирать образовательное учреждение, исходя из своих потребностей и целей. Участники оплачивают только 10% стоимость обучения, а государство субсидирует оставшиеся 90%. Такая схема позволяет снизить затраты на обучение и повысить его качество за счет конкуренции между государственными и частными поставщиками.

Комплексные программы (меры) по трудоустройству молодежи

Страны ОЭСР реализовывают комплексные программы с упором на квалификацию и профессиональную подготовку с 60-х гг. прошлого века. В развивающихся странах первые комплексные программы появились в 90-х гг. прошлого века. В Латинской Америке комплексные подходы к неблагополучной молодежи были смоделированы в рамках молодежных программ. Первая программа появилась в Чили в 1991 г. И затем они получили развитие в Аргентине, Уругвае, Парагвае, Перу, Колумбии, Доминиканской Республике и Венесуэле. В целом, программы показали положительное влияние на трудоустройство молодежи в Латинской Америке.

Еще одним примером комплексной программы является американская программа Job Corps. В рамках программы студенты поступают на 30-ти недельный курс, получают ежемесячное пособие в период их обучения, консультируются по вопросам карьеры и получают поддержку в период перехода на рынок труда в течение 12 месяцев после окончания учебы.

Программа «Gateway period», запущенная в Великобритании, длится до четырех

месяцев и включает наставничество, обучение и обширную помощь в поиске работы. Если участники после четырех месяцев так и не трудоустроились, им в течение следующих 12 месяцев предлагается следующие четыре варианта: субсидируемая занятость и обучение на рабочем месте; профессионально-техническое образование или профессиональная подготовка, волонтерская работа и занятость в экологическом проекте. Если и после этого этапа участники не нашли работу, они регистрируются в качестве безработных.

Пакет успешной занятости представляет собой всеобъемлющую программу поддержки оказания помощи нуждающимся, ищущим работу с низким уровнем дохода с индивидуальным графиком работы в Южной Корее. Кроме того, в рамках программы проводятся исследования о фактическом состоянии рынка труда, его перспективах, о стимулировании мотивации и компетентности, о сервисах интенсивного поиска работы. Для соискателей, которые сумели найти работу, предусмотрено пособие для выхода на рынок труда.

В Германии для облегчения перехода от школьной системы образования к дуальной системе, уменьшения отсева молодежи в 2010 г. была запущена программа «Завершение и переход – образовательная цепочка, ведущая к профессиональной квалификации». В программе три основных компонента:

- консультирование по старту в карьере;
- образовательный компонент;
- профессиональная профориентация[14].

Комплексные программы являются более эффективными в развивающихся странах, чем в промышленно развитых странах. Данные по результатам комплексных программ в странах Латинской Америки свидетельствуют об увеличении вероятности занятости и доходов участников после окончания учебы по сравнению с контрольной группой. В Аргентине, например, зафиксирована 10-ти-процентное увеличение вероятности занятости взрослых женщин, в Чили – 21-ти-процентное увеличение, и значительные результаты для молодежи старше 21 года и женщин. Кроме того, доходы участников увеличились примерно на 10% в Аргентине и Доминиканской Республике, с лучшими результатами для молодых мужчин и взрослых женщин; в Чили зафиксировано увеличение на 26%.

Кроме того, программы «Молодежь» в Латинской Америке показывают экономическую эффективность в долгосрочной перспективе. Так, в Перу программа «Молодежь» окупилась за семь лет, в Доминиканской Республике инвестиции в обучение возвращаются в течение двух лет. Но в Аргентине – 12 лет. В целом, программы «Молодежь» окупаются за девять лет.

В странах ОЭСР картина менее положительная. Мета-анализ восьми программ занятости молодежи, реализуемых в США, с 1962 по 1998 гг. показал очень умеренные, и даже негативные результаты их влияния на рынок труда. Результаты анализа 31 программы по оценке воздействия их на доходы участников, из которых 15 были направлены на молодежь, показали практически нулевой результат: молодые люди в среднем увеличили свои доходы на 92 долл. США. Участники программ обучения без отрыва от работы увеличили более чем на 1,4 тыс долл. США. Обучение оказалось менее эффективным для женщин, чем для всех остальных участников.

В англо-саксонских странах ОЭСР комплексные программы дали более высокую прибыль, чем в континентальной Европе: из 20 программ положительные результаты показали 9 программ, и все они произошли в англо-саксонских странах. Позитивные результаты показали безработные, принявшие участие в таких программах. В Канаде программа трудоустройства оказала существенное улучшение годового дохода за счет увеличения времени работы: 3800 долл. США до почти 5200 долл. США. В Великобритании молодые безработные мужчины на 20% повысили вероятность получения работы после обучения.

Сравнения результатов программ в англо-саксонских странах и других государств-членов ОЭСР показали, что англо-саксонские страны имеют более гибкие правила рынка труда, чем континентальная Европа. Анализ данных выявил, что чем выше жесткость занятости, тем меньше вероятность наличия положительного воздействия от программ занятости молодежи.

Комплексные программы в основном направлены на частично занятую и экономически неактивную молодежь. В развивающихся странах и США они преимущественно направлены на молодежь из семей с низким уровнем дохода и с низким уровнем образования. Возраст участников колеблется от 14 до 30 лет.

Затраты программ на одного участника в Латинской Америке составили от 600 долл. США до 2 тыс долл. США на каждого участника. Активное участие частного сектора позволяет значительно сэкономить государственные средства, когда частный бизнес покрывает расходы по обучению на рабочем месте. Прозрачный механизм отбора учебных заведений также может стать эффективным инструментом для формирования конкурентной стоимости подготовки и обеспечения высокого качества при низкой стоимости программ.

Программа в Перу является одной из немногих программ, в рамках которой осуществляется мониторинг на регулярной основе затрат и доходов. В Аргентине относительно высокие затраты по программе привели к закрытию ее в 2001 г. В дальнейшие годы правительством Аргентины были инициированы небольшие программы, такие, как «Программа возможностей» (исп. – *Programa Capacitar*), которая была реализована в гораздо меньшем объеме, но больше отвечала на потребности рынка труда.

В зоне ОЭСР стоимость программ оказалась более высокой. В США в среднем 10 032 долл. США на одного участника. Высокая стоимость программ в США объясняется высокой стоимостью курсов, инфраструктуры, материалов для реализации американских программ, а также значительные расходы по поддержке участников после завершения программы, значительные расходы на разработку систем оценки и мониторинга.

Программа для молодежи в Великобритании наименее дорогостоящая по сравнению с остальными программами в странах ОЭСР. Она получила широкую поддержку правительства Великобритании, уделяющей большое внимание повышению и расширению масштабов программы.

Потенциальные стратегии по смягчению негативных последствий включают средства для осуществления или усовершенствования механизмов распределения расходов между государственным и частным секторами, в частности, в предоставлении обучения на рабочем месте. Данные из стран Латинской Америки и Карибского бассейна показывают, что гарантийных писем обязательств участия работодателей недостаточно, чтобы обеспечить участие частного сектора. Представляется, что субсидии на заработную плату и налоговые послабления были более эффективной мерой по повышению участия частного сектора в программах. Проблемы координации программы и чрезмерная степень централизации ограничивает по существу потенциал региональных и местных компаний и организаций. Следствием этого является избыточное время, затраченное на подготовку и реализацию процесса выбора поставщиков обучения. Укрепление институциональной координации и управления комплексными программами может играть важную роль в снижении эксплуатационных затрат программ.

Устойчивость программ значительно зависит от качества и актуальности программ обучения. Постоянный обмен опытом позволяет организаторам программ актуализировать содержание учебных программ своевременно и контролировать учебный процесс. Кроме того, участие частного сектора в программах обеспечивает согласованность между обучением и навыками, которые востребованы на рынке.

Программы профессиональной ориентации

Программы профессиональной ориентации могут входить в комплексные программы, быть частью выше рассмотренных программ, а также функционировать как самостоятельные программы.

Профессиональная ориентация (профориентирование) направлена на информирование молодежи о профессиях и на потребность рынка труда в этих профессиях: «Ее целью является организация информационного пространства, позволяющего получить максимум сведений о мире профессий, и об их потребности в стране, регионе, конкретном городе и даже на предприятии»[15, с. 114]. Анализ показал, что профессиональную ориентацию осуществляют самые разные организации: от образовательных учреждений разного уровня и видов собственности, до предприятий и различных центров занятости, международных организаций. Формы профориентирования также крайне разнообразны: дни открытых дверей, индивидуальное и групповое консультирование, разработка различных пособий и гидов по трудоустройству и т. д. В процессе профессиональной ориентации существуют разные этапы. К примеру, профинформация и профконсультация являются как части процесса профориентирования определяют уже не сферу труда, а конкретную профессию, «тот вид трудовой деятельности, который человек выбрал и которым он соответствует – как по своим физиологически данным, так и социальным характеристикам»[15, с. 115].

Во Франции работы по профориентированию проводятся сетью профконсультационных

пунктов, на 1,2 тыс учащихся приходится один профессиональный консультант. Система профориентирования во Франции централизована, ответственность за нее возложена на Министерство образования, непосредственная работа осуществляется Национальной службой информации о разных видах образования и профессиях [16, с. 115].

Таким образом, на основе качественного анализа мер (мероприятий) и количественного анализа по странам и программам трудоустройства молодежи можно сделать следующие основные выводы, а именно:

– Обучение и подготовка являются доминирующей мерой (мероприятием) в программах трудоустройства молодежи.

– Программы по интеграции молодых людей в рынок труда в развивающихся странах мира ориентированы на молодежь с низким уровнем доходов или недостаточно образованную.

– Информация о мероприятиях по занятости молодежи лучше освещена в промышленно развитых странах мира.

– В целом оценка социально-экономической эффективности мер (мероприятий) по обеспечению занятости молодежи является слабой. Только одна четвертая часть мер (мероприятий) предполагает оценивание оказанного ими влияния на рынок и одна из десяти имеет фактические данные об экономической эффективности таких программ и мер.

– Мероприятия (меры), как правило, более успешны в развивающихся странах и в странах с переходной экономикой, чем в промышленно развитых странах.

– Мероприятия (меры), как правило, более успешны в странах, имеющих высокую гибкость рынка труда.

– Мероприятия (меры), направленные на молодежь с низкими доходами, имеют более высокую вероятность повышения занятости и доходов у этой целевой группы.

Список литературы References

1. Глобальные и региональные механизмы взаимодействия в условиях новых вызовов [Текст] / О. Йоханссон, И. Гийемет, Д. Тернер, Д. Николетти, К. де ла Мезонев, Г. Буске, Ф. Спинелли ; пер. с англ. Е. А. Сафонкиной ; науч. ред. перевода М. В. Ларионовой // Вестник Международной организации труда. – 2013. – Т. 8. – № 4. – С. 5-45.

2. Всемирная программа действий, касающаяся молодежи, до 2000 года и на последующий период: принята Генеральной Ассамблеей ООН 13 марта 1996 г. № A/RES/50/81// [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа : http://vmo.rgub.ru/files/rezoluzija_oon_pogramma_dejstvij_1996-146-2.pdf, свободный. – Загл. с экрана. – (Дата обращения : 14.05.2015).

3. Доклад о мировом развитии : 2007 : развитие и новое поколение / пер. с англ. – Москва : Весь Мир, 2007. – 376 с.

4. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства России от 29 ноября 2014 г. № 2403-р [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/, свободный. – Загл. с экрана. – (Дата обращения : 14.05.2015).

5. World employment and social outlook : Trends 2015 / International Labour Office. – Geneva : ILO, 2015. – 447 P.

6. Молодежная занятость в странах Восточной Европы : кризис внутри кризиса : справочный доклад к Неофициальной встрече министров труда и социального обеспечения в ходе 100-й сессии Международной конференции труда, Женева, 15 июня 2011 г. [Электронный ресурс] // МОТ. – Электрон. дан. – Режим доступа : http://www.ilo.org/moscow/information-resources/publications/WCMS_345401/lang--ru/index.htm, свободный. – Загл. с экрана. – (Дата обращения : 14.05.2015).

7. Кризис в сфере занятости молодежи : время действовать доклад на 5-й Международной конференции труда, 101-я сессия, 2012 г., Международное бюро труда, Женева, 2012. [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа : http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/--relconf/documents/meetingdocument/wcms_175984.pdf, свободный. – Загл. с экрана. – (Дата обращения : 14.05.2015).

8. Росстат : официальный сайт [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа : http://www.gks.ru/bgd/regl/B11_04/lssWWW.exe/Stg/d03/2-rin-trud.htm, свободный. – Загл. с экрана. – (Дата обращения : 20.05.2015).
9. Unesco-Ibe (2010-2011) : World Data on Education : South Africa VII Edition. – Geneva : UNESCO-IBE, 2011. – 263 P.
10. Мироненко, О. Н. Влияние законодательства о защите занятости на занятость и безработицу : опыт межстрановых сопоставлений / О. Н. Мироненко // Экономический журнал Высшей школы экономики. – 2009. – № 4. – С. 575-595.
11. Vocational education and training in Denmark : Short description : European Centre for the Development of Vocational Training. – Люксембург, 2012. – 351 с.
12. Программа ЮНЕСКО «Образование для всех» [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа : <http://www.unesco.ru/ru/?module=news&action=theme&id=167>, свободный. – Загл. с экрана. – (Дата обращения : 10.02.2015).
13. Sabine Archan Thomas Mayr [Текст] : Vocational education and training in Austria : Short description. – Luxembourg : Office for Official Publications of the European Communities, 2006. – 188 P.
14. CEDEFOP ReferNet (2011) [Текст] : Germany VET in Europe Country Report : Thessaloniki : CEDEFOP. – Geneva : UNESCO-IBE : EURYDICE, 2011. – 199 P.
15. Тощенко, Ж. Т. Социология труда [Текст] : учеб. для вузов / Ж. Т. Тощенко, Г. А. Цветкова. – Москва : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. – 464 с.
16. Краснова, Г.А. История развития непрерывного профессионального образования Франции / Г. А. Краснова // Вестник РУДН. Серия Информатизация образования. – 2015. – № 3. – С. 18-25.

УДК 140.8

СООТНОШЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО И ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСОВ В ПОЗДНИХ РАБОТАХ Ж. БАТАЯ**THE RELATION BETWEEN POETIC AND PHILOSOPHICAL DISCOURSES IN GEORGES BATAILLE'S LATE WORKS****А.Ю. Шутов**
A.Y. Shutov

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20
National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia

Ключевые слова: философия, поэзия, сакральное, профанное, внутренний опыт, суверенность.
Key words: philosophy, poetry, sacred, profane, inner experience, sovereignty.

Аннотация. В данной статье анализируется взгляд Ж. Батая на перспективы взаимодействия поэтического и философского дискурсов на материале его поздних работ. На раннем этапе своего творчества Батай, описывает поэзию как свободную игру, а философию как рабский, но полезный труд. На позднем этапе осуществляет переход от полного неприятия философии к осознанию наличия неразрывной связи между философией и поэзией и их органичного сочетания в рамках единого дискурса. В основе такого дискурса лежит понятие «внутренний опыт», под которым Батай подразумевает взаимоналожение перспектив интроспективного анализа субъективных переживаний и формального анализа социальных феноменов, соответствующих внутренним переживаниям индивида.

Resume. This article deals with George Bataille's views on possibilities of interaction between poetic and philosophical discourses. Bataille conceptualizes poetry as a free play and philosophy as a servile and useful labor. Although this definition doesn't change throughout the development of his thought, Bataille proceeds from total denial of philosophy to realization that poetry and philosophy are linked together and thus can be combined in one discourse. As a basis of such discourse Bataille poses "inner experience" which implies superposition of two different perspectives: that of introspective analysis of subjective affections and that of formal analysis of social phenomena which correspond with inner affections.

Введение

В англо-американской и континентальной философских традициях соотношение поэтического и философского дискурсов имеет ряд отличий. Аналитические философы, видящие в философии строгую науку, либо вообще не интересуются вопросом соотношения поэзии и философии, либо выводят поэтическое за границы философского знания, поскольку в философии как науке нет места озарениям, многозначным метафорам и не ясным, логически не безупречным рассуждениям. Напротив, представители континентальной философии почти всегда указывают на сильное родство и сходство между философией и поэзией. Например, Г. Гадамер в работе «Философия и поэзия» пишет: «У поэтического и философского способов речи есть одна общая черта. Они не могут быть "ложными". Ибо вне их самих нет мерила, каким их можно было бы измерить и каким они соответствовали бы» [Гадамер, 1991: 126]. Хайдеггер также подчеркивает близость философии и поэзии, несмотря на их принципиальное различие: «Я писал об этом: философия и поэзия стоят на противоположных вершинах, но говорят одно и то же» [Хайдеггер, 1991: 154]. Континентальные философы видят тесную связь философии и поэзии, поскольку используют развитый аппарат поэтических средств самовыражения гораздо чаще своих англо-американских коллег.

Из этой дихотомии выбивается Ж. Батай, для которого проблематика соотношения философии и поэзии является одним из основных лейтмотивов творчества. В то время как приведенные выше континентальные философы описывают философию и поэзию как нечто очень близкое друг другу, Батай говорит о них как двух разнонаправленных видах деятельности. Несмотря на то, что он принадлежит континентальной традиции, на страницах его ранних произведений (таких как «Внутренний опыт», 1943) философский и поэтический дискурсы вступают в ожесточенную «борьбу», причем явное преимущество Батай отдает

поэзии. В поздних работах, таких, как, например, «Суверенность» (1976) и «Теория религии» (1973), автор видит в философии инструмент, который, тем не менее, может подвести нас к пределам мышления, преодолеваемым поэтическим озарением и воображением. Таким образом, в поздних работах Батаея была создана оригинальная концепция взаимодействия поэтического и философского дискурсов. Нашей задачей в рамках данной статьи является реконструкция концепции Батаея и ключевого для нее понятия «внутреннего опыта».

Философия и поэзия

Основанием для столь пристального внимания Батаея к проблеме соотношения философии и поэзии стала его резко критическая позиция по отношению к академической философии и поиски новых способов выражения идей.

Условно творчество Батаея делят на два периода: довоенный (1928 – 1945 гг.) и послевоенный (1946 – 1962 гг.). В работах довоенного периода (например, «Внутреннем опыте») автор раскрывает опыт невозможного - опыт разрушения субъектности и выхода субъекта вне себя. Описывая данный опыт, он говорит от своего имени так, словно ведет дневник, в котором скрупулезно фиксирует все, что происходило с ним самим в момент столкновения с невозможным. Такая задача вынуждает Батаея покинуть область философского дискурса, упоминая его лишь с целью обнажения ограниченности философии, её внутренних разрывов, нестыковок и противоречий; все направлено на преодоление рационального знания и достижение мистического незнания. Это заметил Ж. Деррида: «Это письмо (пример, который оно нам дает, не заботясь о наставлении, - это то, в чем мы заинтересованы здесь и сейчас) сцепляет классические концепты в их неизбежности так, что при определенном взгляде они якобы подчиняются своему привычному закону, но, в то же время, относясь в определенной точке к моменту суверенности, к абсолютной потере смысла, к невоздержанной растрате, к тому, что отныне можно назвать негативностью или потерей смысла разве что в философском смысле; к некому бессмыслию, которое, таким образом, выходит за пределы абсолютного смысла, замкнутости или горизонта абсолютного знания» [Derrida, 1967: 393].

До второй мировой войны Батаей пишет свободно, экспрессивно, художественно, передает личные ощущения. Работы, написанные в таком стиле, не находят отклика у его современников. После войны его стиль изменяется: он пишет наукообразные труды, снабжая их множеством отсылок к работам серьезных этнографов, экономистов, социологов, пытаясь придать своим идеям как можно больше объективности.

Когда Батаей писал художественно, то считал художественный стиль единственно верным, а строгое философское рассуждение сухим и ложным. После неудачи с художественными текстами Батаей изменил отношение к философскому рассуждению и стал использовать его наряду с художественным языком, чтобы дополнить личное переживание обобщенным анализом.

Поэтическая суверенность и рабское философствование

Тема поэзии в работах Батаея неразрывно связана с тематикой языка, его профанной и сакральной сторонами. Профанный язык инструментален, поскольку используется для достижения практических целей в мире полезного производства и потребления. Такой язык имеет относительно стабильную структуру семантических референций, а слова в нем отсылают к реально существующим объектам. Каждый речевой акт подразумевает ясную и четкую цель использования языка в данной конкретной ситуации. Поэтический язык Батаей понимает, как своего рода жертвоприношение слов, их бесполезную растрату, трансгрессию языка: «Никак не могут взять в толк, что литература, поскольку в ней нет ничего, ежели она не поэзия, а поэзия прямо противоречит своему имени, литературный язык — выражение скрытых желаний, потаенной жизни — есть не что иное, как извращение языка, равно как эротизм — извращение половых функций, разве что чуть посильнее» [Батаей, 1997: 279]. Поэтический язык всегда ведет нас от известного к неизвестному, конструирует своеобразный независимый мир, попутно разрушая мир профанный и обрывая с ним все связи. Этот мир недолговечен, изменчив и иллюзорен, он не способен длиться во времени, «в поэзии все, что описывается, одновременно и ускользает в непознаваемость» [Батаей: 57]. Таким образом, поэзия суверенна, поскольку неподвластна любым попыткам опредметить её и использовать как полезный инструмент для достижения каких-либо практических целей.

Философию Батай понимает как стремление от неизвестного к известному, как движение, обратное поэтическому по своему назначению. И если поэзию можно назвать сакральной стороной языка, передающей опыт сакрального, то философия, по Батаю, как правило, нацелена на полное и исчерпывающее описание профанного. В природе самой философии, в её стремлении к созданию замкнутых, полноценных и нерушимых систем знания заложена невозможность изучения тех феноменов, которые размыкают строгое мышление, подрывают имеющиеся у нас знания и выталкивают человека в область незнания. Одним из творческих импульсов Батая является желание «показать тупик философии, которая не могла осуществиться без дисциплины, а с другой стороны, терпит неудачу, будучи не в силах достичь пределов своего предмета, того, что я обозначал прежде словом “крайности возможного” и что всегда касается крайних проявлений жизни. Даже философия смерти, если она фундаментальна, отворачивается от своего предмета» [Батай: 691]. Следует отметить, что, говоря о философии, Батай имеет в виду, прежде всего, рационализм, поскольку для него само мышление предстает как нечто процессуальное, как серия операций, приводящих к построению логически корректной системы. Поэтому, согласно Батаю, философия есть полезный труд, направленный на создание смысла. Но поскольку философия имеет свое основание и цель вовне, то она оказывается несвободной, «рабской» деятельностью. Иными словами, по мысли Батая, смыслообразование подразумевает подчинение размышлений ряду жестких правил, таких как системность и каузальность. Эти правила сдерживают и ограничивают его. Более того, философское размышление всегда подразумевает наличие конечной цели, к которой оно устремлено. Таким образом, в каждый момент времени размышление сдерживается этой целью, в то время как поэзия подразумевает свободное исследование, в котором нет ничего предопределенного заранее. Так, между философией и поэзией обнаруживается то же отличие, что существует между трудом и игрой. Труд всегда направлен на конкретную цель, в основе которой лежит польза. Такая полезная цель является предельным основанием труда. Игра же самоценна, акцент в ней делается не на результате, а на процессе, с точки зрения практической пользы она связана с «растратой» времени. Объекты, вовлеченные в игру, носят символический и условный характер, она не имеет четкой и заранее определенной цели (речь идет об интеллектуальной игре, подобной игре в бисер, о которой говорит Г. Гессе в одноименном романе).

Однако отношение к философии в творчестве Батая постепенно меняется. Начиная с тотального её неприятия во «Внутреннем опыте» как слепой и замкнутой на себе области познания, создающей ограниченные системы знания (причем, недостаточной Батай признает не только философию, но и поэзию, задаваясь целью пойти по пути незнания дальше, чем авторы самых смелых литературных опытов), в поздних работах Батай приходит к признанию необходимости рационального мышления для создания полноценной концепции устройства феноменов, относящихся к области сакрального, поскольку они существуют не в вакууме, а так или иначе соотносятся с упорядоченными социальными формами, с профанным. Не отрицая своих прежних претензий к философии, Батай признает, пусть и ограниченную, но все же позитивную роль философского рационального мышления и пытается выстроить своеобразный диалог между поэтическим и философским дискурсами.

Амбивалентный внутренний опыт

Поздний этап творчества Батая отмечен попыткой создать свой собственный уникальный дискурс, который обращается к ресурсам и поэзии, и философии. Необходимость их синтеза вызвана его стремлением к анализу и внутренних переживаний предельного опыта, и их социальной функции. Батай осознает, что такие феномены как эротика и суверенность необходимо рассматривать и в контексте сакрального, и в контексте профанного, в силу их взаимообусловленности. Таким образом, философия позволяет ему реконструировать предпосылки предельного опыта, тогда как поэзия дает возможность отобразить опыт трансгрессии профанного мира. Насколько эффективно их сочетание в творчестве самого Батая?

По мнению Зенкина, рассуждающего о соотношении различных режимов письма в предисловии к сборнику трудов Батая [Зенкин: 47-48], основная проблема его письма заключается в двойственности создаваемых им теоретических конструктов. Эта двойственность напрямую вытекает из разорванности его мышления между философским и поэтическим. Первое подразумевает отстраненный и объективный анализ, второе – мистическое слияние с объектом анализа. Причем, оба способа мышления не отделены у Батая четкой границей один

от другого. Они зачастую смешиваются так, словно автор пытается говорить в двух перспективах одновременно. Наглядной иллюстрацией может служить концепция суверенности, рассуждая о которой Батай одновременно описывает суверенность и как результат мгновенных разрывов в повседневном существовании, вытекающих из трансгрессии запрета, и как некое постсовременное состояние человечества, когда все люди, суверенно отказавшись от своей суверенности, представляют собой безликую и усредненную массу, которая суверенна потому, что не обладает никакими отличительными характеристиками, неопределима и потому есть ничто.

Такая двойственность является сильной стороной дискурса Батая, поскольку позволяет ему представить объект анализа полнее, чем это возможно, оставаясь в рамках лишь одной из перспектив. Очевидно, что спонтанное перемещение между эмической и этической позициями в анализе имеет результатом не вполне ясное и линейное рассуждение, но этот недостаток вторичен. Более серьезный недостаток в ходе размышления Батая обнаруживается, если обратить внимание на исходные дефиниции философского и поэтического, которые позволяют Батаю обосновывать ограниченность философского и необходимость поэтического дискурса.

Батай утверждает, что представление о суверенности было искажено различными историческими пертурбациями, которые, в частности, привели к тому, что суверенность светская (военная) и религиозная были радикально разведены. Тот факт, что суверенность по-прежнему составляет наиболее важную и сокровенную сторону человека, позволяет Батаю исходить для обоснования своего рассуждения из данных интроспекции. Всякая мысль для него дана в длительности, как сумма операций, нацеленных на достижение определенного результата. Этот результат заранее предопределяет её траекторию. В силу чего мысль сама по себе, согласно Батаю, оказывается ущербной, не принадлежащей самой себе. Когда субъект направляет свое внимание внутрь к своей свободной и неопределенной субъективности, мысль неизбежно распадается, уступая место поэтическому видению, которое превосходит мысль, будучи более независимым и живым: «Если и есть нечто такое, что мы постигаем изнутри, это именно суверенность - как та, к которой мы стремимся сами, так и та, которую мы признаем за царственными особами, порой без всяких внешних оснований. Такой опыт, конечно, не имеет смысла независимо от связанных с ним объективных данностей, но сами эти данности нам следует понимать в свете этого опыта, без которого они бы и не были нам даны. Некоторые условия опыта представляются нам объективно - как, например, производство, его избыточная доля и доля необходимая для существования, - но когда в игру вступает *настоящее время*, то, даже если говорить об *объектах* и продуктах потребления, на которые оно воздействует, эти объекты оказываются *разрушены*, потреблены, и предпочтение, отдаваемое *мгновению*, соответствует презрению к объективному миру. Возможны и другие подходы к мгновению, но оно всякий раз отсылает только ко внутреннему миру *субъекта*. Учитывая это, признаю, что говорил неопределенно: из моих высказываний не остается ничего, что бы я мог схватить, но именно к такому состоянию я и стремился. Моя мысль теряет точку опоры, когда объективные вещи перестают меня навязчиво преследовать, когда в моих глазах их мгновенное разрушение значит больше, чем мое былое уважение к ним, чем моя бывшая забота об их приобретении, чем присущая им одним серьезность. В этот момент я еще рассматриваю объективные вещи, но в свете такой внутренней истины, что они оказываются лишь поводом для субъективной игры. Тем самым моя мысль переходит из одного мира в другой - из объективного мира, где она строится, в мир субъективный, где она распадается, но пока она распадается и еще не распалась полностью, я еще могу выразить её содержание» [Батай: 346].

Что, если мы представим себе размышление не как операцию, нацеленную на полезный результат, правила которой навязаны нам извне, но как автономное бесконечное размышление, у которого нет заранее намеченной цели или жестких правил, ограничивающих его (что, собственно, и можно назвать сутью философии)? Для Батая человек способен видеть вне себя лишь отдельные объекты и вещи, отчужденные от него самого и от самих себя. Соответственно, размышление, направленное вовне, неизбежно включается в логику мира вещей, мира пользы, целей и средств. Однако интроспективное созерцание, увлеченное внутренней деятельностью свободного субъекта и разворачиванием его суверенности, не будет таковым. Оно будет не просто дрящимся во времени, но бесконечным: бесконечное созерцание ради созерцания, бесконечный анализ переходов и переливов, сочленения и разъединения объектов сознания, представляющий собой нечто схожее с аристотелевским «мышлением о мышлении».

Батай понимает философию как полезный труд, нацеленный на производство, накопление и преумножение смысла. Таким образом, он описывает философию в терминах

капиталистической логики, подразумевающей производство материальных благ, их накопление и усовершенствование средств производства для еще большего накопления. По его мнению, философия инертна и неадекватна действительности, поскольку в ней отсутствует элемент игры, алеаторики, растраты смысла. Она должна быть подорвана революционным порывом свободного поэтического воображения. Однако Батай, критикуя философию, упускает тот факт, что каждой операции в логике капиталистического производства отведено строго ограниченное время и место, поскольку производство должно быть максимально эффективным. Именно это делает человека, выполняющего ту или иную операцию, в том числе, операцию мышления, несвободным. Его существование суть подчинение, ибо он не в состоянии сам определять время и место своих действий. Отсюда следует, что бесконечное мышление суверенно, поскольку бесконечная операция трансgressирует описанную выше капиталистическую логику, оказываясь незавершенной и неэффективной. В этом свете становится очевидной ограниченность «сюррационализма» Батая, поскольку само его понимание рационального мышления является довольно ограниченным. Он упускает такой его аспект как чистый, самосозерцающий разум, который имеет свою цель в самом себе.

Однако критика рациональности Батаем является и сильным, и одновременно слабым местом в его размышлении, поскольку, будь он всецело последователен, ему вряд ли удалось внятно описать различные состояния и движения суверенности. Абсолютно свободное субъективное самовыражение не имеет смысла, поскольку его невозможно воспринять или же декодировать каким-либо образом. В пределе такое самовыражение означало бы изобретение нового языка, что пытались делать, например, русские кубофутуристы, хотя даже их эксперименты были вписаны в определенную логику развития авангардного поэтического искусства. Соответственно, если прочтение текстов Батая и философский комментарий к ним возможны, то в логике Батая есть изъян, поскольку, критикуя рационализм, он пользуется свойственными именно рациональному подходу средствами для передачи своей мысли. Несмотря на эту непоследовательность, Батаю удалось передать специфическое понимание человеческой субъективности, как принадлежащей миру сакрального.

Как уже было сказано выше, Батай допускает ошибку, когда трактует рациональное мышление исключительно как трудовую и целерациональную операцию, забывая о том, что логическое мышление может иметь различные способы применения. Ошибка в толковании рациональности приводит к тому, что Батай полагает в качестве основного средства для достижения суверенности «разборку рельс, по которым движется разум» [Батай: 324]. Такая постановка вопроса в итоге имеет следствием упреки в мистицизме и иррационализме со стороны таких философов, как Сартр [Сартр, 1994] и Хабермаса [Хабермас, 2008].

Батай мог бы избежать упреков в мистицизме и избавиться от обнаруженной выше в его рассуждениях ошибки в толковании рациональности при более широкой трактовке разума. Разум не только раб, но и господин, который способен освободить человека от капиталистической логики труда и накопления. Вместо того, чтобы разбирать рельсы, по которым разум движется, Батаю следовало указать в какую сторону эти рельсы необходимо проложить. Ведь для того чтобы описать и утвердить новое понимание того, что является главным и сокровенным в человеке, для того чтобы подвергнуть уничижающей критике отношение к человеку как к вещи и как к средству, а также обратить внимание на негативные последствия господства калькулирующего разума, нет необходимости отрицать логическое мышление и разум как таковые. Человеческий разум является одним из наиболее гибких инструментов, созданных природой, поэтому уместно говорить о разных логиках и способах мышления, будь то мышление человека, достигнувшего просветления, или человека, переживающего тяжкую утрату. Очевидно, что такое мышление не соответствует рабской логике расчетливого накопления и потребления, однако оно все равно имеет свои правила и свои ориентиры, сколь бы изменчивым ни было.

Более того, Батай говорит о мышлении как о «рабской» деятельности, тогда как поэзия для него – это одно из проявлений суверенности. Суверенность он понимает как абсолютную свободу и независимость, отсутствие подчинения чему бы то ни было. В таком случае к реабилитации разума нас ведет одно простое соображение: подлинно суверенным может быть лишь тот, кто обладает предельно ясным осознанием себя и своего положения в универсуме. Сама по себе дифференциация философии и поэзии как, соответственно, ограниченно-рационального и суверенного, выглядит в этом контексте весьма сомнительной, что заставляет поставить под вопрос и все последующие рассуждения Батая. Однако если мы примем его аксиоматику, то увидим, что, несмотря на некоторую условность изначальных предпосылок,

ему действительно удалось продемонстрировать эвристический потенциал поэтического воображения и глубокой интроспекции, которые, несмотря на некоторую долю произвольности, позволяют устанавливать соответствие между внутренними и внешними проявлениями тех или иных феноменов, снимая противоречие между строго рациональным и поэтическим дискурсами. В качестве примера можно привести его «Теорию религии», которая начинается с описания непрерывного животного бытия, которое, по признанию самого Батая, не могло быть создано никак иначе, как через поэтическое воображение, поскольку как таковой опыт животности нам непосредственно недоступен. Именно это описание служит отправной точкой для всего последующего рассуждения Батая, показывающего сложную эволюцию отношения человека к испытываемому им изначальное чувство растворенности в мире и вскрывающего стремление вернуть ощущение сакральности окружающего мира. В процитированном выше отрывке из книги «Суверенность» Батай идет еще дальше, открывая в содержании глубоко субъективных переживаний им собственной суверенности соответствие историческим формам её проявления, что позволяет Батаю описывать феномен суверенности не только в отношении политической власти, но и в отношении отдельного индивида, внутри которого суверенность присутствует как некая скрытая сила. Такое понимание индивида было положено Батаем в основание его философско-антропологической теории.

Таким образом, развитие представления о соотношении поэтического и философского дискурсов в творчестве Батая проходит несколько этапов, хотя отношение к поэзии как суверенной игре и философии как рабскому труду остается практически неизменным. Меняется лишь взгляд на возможность выстраивания взаимосвязей между ними и продуктивного использования обоих дискурсов в философии. Итогом развития этого взгляда становится оригинальная концепция амбивалентного внутреннего опыта, который сочетает интроспекцию, основанную на интуиции с рефлексивным анализом объективных социальных форм проявления тех внутренних переживаний, которые обнаруживаются в интроспекции. Данная концепция была сформулирована Батаем в поздних работах, где он не только выявляет общие истоки философии и поэзии, но и подчеркивает их единство в стремлении к воссозданию образа человека и того универсума, который его окружает. Философия, стремящаяся к установлению строгих правил мышления (логике) и созданию абсолютно однозначного и замкнутого понятийного аппарата (смысла), очень быстро превращается из живого размышления в мертвую систему понятий. Такая философия способна описывать лишь внешнюю и профанную часть человеческой жизни, упуская сакральную ее часть, которая лежит в области неподконтрольных разуму витальных импульсов и озарений. Поэзия позволяет увидеть не «смысл», а «бессмыслие». Отбросив знание, достигнуть «незнания», то есть вернуть человеку его внутреннее измерение, его «безумие», утраченное в силу его добровольного подчинения гегемонии разума. Цельный анализ человека и условий его существования возможен лишь при сочетании внешней и внутренней перспектив, то есть перспектив философии и поэзии.

Список литературы References

1. Гадамер Г. Г. Философия и поэзия // Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С.126.
2. Хайдеггер М. Беседа с Хайдеггером // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. С. 154
3. Derrida J. (1967) De l'économie restreinte à l'économie générale, un hegelianisme sans réserve. L'écriture et la différence. Paris: Seuil, p. 393.
4. Батай Ж. Внутренний опыт. СПб.: Аксиома, Мифрил, 1997. С. 279.
5. Батай Ж. Теория религии // Батай Ж. Проклятая часть: сакральная социология. С. 57.
6. Батай Ж. Эротика // Батай Ж. Проклятая часть: сакральная социология. С. 691.
7. Зенкин С. Сакральная социология Ж. Батая. С. 47- 48.
8. Батай Ж. Суверенность // Батай Ж. Проклятая часть: сакральная социология. С. 346
9. Батай Ж. Суверенность. С. 324
10. Сартр Ж.-П. Один новый мистик // Танатография Эроса. СПб.: Мифрил, 1994
11. Хабермас Ю. Между эротизмом и общей экономикой: Батай // Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2008.

УДК 167.3; 167.4; 167.7

**«ОБЩЕСТВО ЗНАНИЙ»:
ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КРИТИКА ПОНЯТИЯ**

**«KNOWLEDGE SOCIETY»:
PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL CRITIQUE OF CONCEPTS**

**Н.Н. Шамардин
N.N. Shamardin**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: shamardin_n@mail.ru

Ключевые слова: наука, знание, инновации, «общество знаний», информационное общество
Key words: science, knowledge, innovation, «the knowledge society», information society

Аннотация. В статье представлена аналитика интерпретаций и смысловых значений концепта «общество знаний». Дано интегральное понимание «общество знаний» как социума языкового и культурного многообразия, в котором по мере роста инновационного сегмента синтезируются и преодолеваются различия дискурсов науки, технологии, экономики и культуры, что сопровождается усилением фрагментации общества и разделением его сфер, пронизанных знанием. С этих позиций «общество знаний» – это общество «сетевое» взаимодействия умов, парадигма которого приобретает черты нового социального идеала, задающего вектор планетарного развития.

Resume. The article presents the analyst's interpretations and semantic meanings of the concept «knowledge society». Given the integral understanding of the «knowledge society» as a society's linguistic and cultural diversity, in which the growth of innovative segment are synthesized and overcome the differences in the discourses of science, technology, economy and culture, which was accompanied by increased social fragmentation and division of the spheres, infused knowledge. From this perspective, «knowledge society» – a society «network» interaction of minds, the paradigm of which acquires the features of a new social ideal, determining the direction of planetary development.

Понятие «общество знания» обрело популярность относительно недавно – на рубеже 1960-1970-х годов XX века, а его введение в оборот связывают с именем американского учёного Р. Лэйна, исследовавшего влияние научного знания на сферу публичной политики и управления.

Мы исходим из того, что философско-методологическая критика понятия «общества знаний» и его интерпретация как культурно-исторического феномена не представляется возможной без рассмотрения комплексного и взаимообусловленного характера процессов, оказывающих влияние на формирование «обществ, основанных на знании».

Прежде всего, определимся с нашим собственным подходом к выявлению смыслов и значений концепта «общество знаний». Мы исходим из того, что логика генезиса понимания и трактовок общества знания, а также идей, выдвигаемых в русле исследования данного феномена, во многом определяется логикой изменения социально-экономических структур, на фоне которых происходит стремительное развитие технологий и новых тенденций в культуре. Такие изменения затрагивают существенные интересы людей, стран и народов, обсуждая переосмысливать собственную роль в меняющемся мире, заново определять перспективы реализации имеющихся возможностей, способностей и талантов [Алексеева, С. 6]. На общем фоне активного поиска новых моделей общественного развития в международной и российской практике широкое распространение получила идея формирования «общества знания», которое преимущественно связывается с постиндустриальным этапом развития общества (информационное общество).

В фокус исследовательского интереса многих зарубежных и отечественных авторов попадает парадигма «общества знаний», от оригинальных историко-философских концепций второй половины XX века до интегрального понимания «общества знаний» как современного

этапа общественного развития, характеризующего переход к новой форме постиндустриального общества, где доминирующей ценностью, экономической и ресурсной, становится «знание» как таковое. Анализ новых проблем, актуализированных «обществом знания» показывает вполне объяснимые (отчасти по причине сложности самого феномена) расхождения позиций философов, социологов, политологов, экономистов на объективные содержательные характеристики формирующегося общества знания как «общества будущего». Многие аспекты ожидают своего осмысления, оценки и изучения.

Однако сразу заметим, что на сегодняшний день концепт «общество знаний» не получил своего четкого определения в современной социально-гуманитарной науке и философии. В частности, не разведены и нередко смешиваются как взаимозаменяемые смежные с ним понятия: «информационное общество», «постиндустриальное общество», «когнитивный капитализм», «человеческий капитал» и пр. По меньшей мере, это свидетельствует об их нерелевантном использовании в качестве операционального инструментария применительно к концепту «общество знаний».

В данном отношении следует согласиться с авторами, полагающими, что данные понятия «претендуют лишь на то, чтобы легитимировать «неизменный», «естественный» характер капиталистической эксплуатации человека и человечества и маскируют суть дела [См.: Бондаренко, С. 110]. Кроме того, на наш взгляд, в западной литературе, пласт которой представлен современными версиями социологии знания, социальной эпистемологии, теориями «общества знаний», и в которой концепт общества знания как «общества будущего» более разработан и концептуализирован, он рассматривается в отрыве от понятия «духовное производство», как идеальной формы связи, отношений и определенного типа общения людей. Оно, собственно, и возникает из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми [См.: Маркс, Энгельс, С. 39]. Во-первых, духовное производство, помимо традиционных видов духовной деятельности (наука, искусство и пр.), включает в себя виды услуг, связанные с воспроизводством, хранением, распространением и потреблением интеллектуальной продукции. Причем эти границы подвижны, постоянно расширяются по мере сближения духовного производства с другими сферами общественной жизни людей. Во-вторых, это совокупность межличностных отношений в процессе производства, обмена, распространения и потребления ими духовных ценностей, которые получают свою институциональную форму выражения, организуются в систему социальных учреждений и норм поведения в социуме (институциональный аспект деятельности).

Представляется симптоматичным, что сегодня концепт «общество знаний» активно используются рефлексивными учеными не просто в контексте осмысления процессов экономической, политической жизни, но и работает в информационной, научно-образовательной сфере, а также в сфере коммуникаций. Авторы философских работ, затрагивая тему «общества знания», опираются на идеи, сформулированные представителями дисциплин, изучающих новые процессы в сферах управления и рынка. Как отмечает И.Ю. Алексеева [Алексеева, С. 5], сегодня общество знаний приобретает черты нового социального идеала, определяющего направленность стратегий и программ региональных, национальных и международных структур. Потрясения, вызванные третьей промышленной революцией, а именно возникновением новейших технологий, фактически привели к появлению новой социокультурной динамики.

Профессиональная подготовка, научно-технические достижения, формы культурного самовыражения, начиная с середины XX века, переживают постоянные эволюционные изменения, в том числе в направлении роста их взаимозависимости, использования широкого и богатого культурного контекста. Так, сегодня уже невозможно представить науку, равнодушную к образованию, к богатствам локального знания или культуру, замкнутую «на себя» и закрытую для изучения и трансляции новых форм знания. Реальность такова, что в эпицентре всех этих преобразований находится понятие знания. Это наглядно подтверждается растущим массивом исследований о новом статусе знания, сопровождающимся и все более ясным пониманием его роли в инициативах современного развития. В самом деле, к началу века XXI и в философии науки и в теории познания произошли существенные изменения, в ряду которых – усиление исследовательского интереса к методам гуманитарных наук и характерным для них формам и способам организации знания; к отличным от научных моделям и вариантам освоения мира; изучение возрастающей роли техники, инфокоммуникационных систем и сетей в производстве и распространении знания и др.). Все эти свежие тенденции объединяются вокруг понимания

знания как феномена культуры [См.: Лекторский, С. 9], развиваемого в рамках неклассической эпистемологии.

Трудности категоризации «общества знания» во многом связаны с тем, что новые компьютерные технологии качественно не меняют сущности знания. Радикально меняются только возможности получения, хранения, переработки и трансляции знаний, что приводит к беспрецедентному увеличению количества информации и ускорению ее циркуляции. Именно поэтому представляется спорным, что общество знания существенно отличается от информационного общества. Даже индустриальное общество нельзя понять без учета роли знаний и новых технологий, а в постиндустриальном обществе университеты и другие центры производства и передачи научного знания становятся влиятельной социальной силой [Делокаров, С. 18.]. Сюда же мы относим важный «экономический нюанс». Поскольку знания в принципе не приспособлены к тому, чтобы служить товаром, постольку сложно определить затраты на их производство, их стоимость как товара невозможно измерить общественно необходимым трудом, затраченным на их создание. Известный французский социолог А. Горц отмечает: «Невозможно определить, где начинается и где кончается труд по открытию новых знаний: оно может быть творческой деятельностью, хобби, занятием в свободное время. Кроме того, не существует отношений эквивалентности между формами и знаний и их содержанием, каждое знание не подлежит взаимозаменяемости, является ни с чем не сопоставимой ценностью. Но именно эта несравнимость и была в конечном счете использована капиталом» [Горц, С. 14]. Зарубежные и российские ученые, занимающиеся разработкой концепции постиндустриального общества, в целом говорят об «обществе знания» как новом этапе общественно-экономического и социального развития.

На невозможность целостного понимания истории и перспектив развития общества в информационно-когнитивном аспекте в обход уточнения понятия «знания» указывают многие исследователи, правомерно рекомендуя отделить это понятие от близких или «дублирующих» его: таких, как «информация», «данные», «сведения», рассмотреть их соотношенность и сформулировать «узкое» и «широкое» толкование термина «знание». В теории построения компьютерных баз знаний и экспертных систем – наиболее продвинутой сферы научного исследования и применения знаний – понятие знания в узком смысле базируется на более общем понятии «информация» (иерархической совокупности данных/сведений и собственно знаний).

С точки зрения различимости терминов «данные» и «знания», отметим, что в отличие от данных знания, выражают общие, глубокие и существенные сведения, касающиеся структур, процессов, явлений. К тому же они должны быть признаны в качестве таковых (то есть знаний) в рамках соответствующего института. Таким институтом, например, может являться институционально зафиксированный или же назначенный эксперт, коллектив, сообщество экспертов, публикация в соответствующем издании и другие формы. По сути, знания представляют собой концентрированную и общественно (также лично или коллективно) апробированную информацию, формирующую своеобразную микромодель окружающего мир.

В ряду основных характеристик знания назовем такие: *интерпретируемость* (возможность содержательного истолкования знаний в терминах данной предметной области); *структурированность* (наличие на множестве единиц знаний сложных структур, отражающих как формальную иерархию понятий и категорий, содержательные взаимоотношения между структурами, процессами, явлениями); *связанность* (отражение единства объективного мира); *активность* (отражает роль знаний не только как результата процесса познания, но и как причины или иницилирующего элемента данного процесса).

Исходя из того, что большинство дефиниций знания все же выполнены в соответствии с нормами классической теории познания, целесообразно обратиться также к его неклассическим определениям, трактовкам и коннотациям. Однако для полноты философско-методологического и науковедческого анализа концепта «общество знания», выявления его политико-экономических смыслов и рациональных философско-научных значений необходимо коснуться к неклассическим определениям, трактовкам и коннотациям, широко представленным сегодня в рамках неклассической эпистемологии, которая значительно расширяет круг рассматриваемых феноменов, объединяемых термином «знание». Знание и познание понимаются как элементы более широкой области – мира человеческой деятельности и общения (но в их идеальном аспекте).

Свой новый философско-гносеологический статус получают основные гносеологические понятия (знание, истина, рациональность, метафора, научный стиль мышления (как особый тип культуры, ментальности, погруженный в социальный контекст). Все это находится в пространстве новейших дискуссий по основным проблемам познавательного процесса, анализ которого утверждает факт детерминации обыденного сознания и знания транслирующимися и культивируемыми в культуре нормами и идеалами, сферами деятельности, от которых зависит внутреннее содержание знания [Калинина, С. 18]. Науковедческий интерес распространяется на анализ различных форм и типов знания, не стремясь заранее навязать им некое универсальное единство [Касавин, С.13].

С учетом вышеизложенного, можно констатировать, что однозначного способа употребления понятий «знание», «научное знание», «наука» не существует. У знания нет единственно адекватной формы, комментирует И.Т. Касавин, все формы знания, будучи так или иначе ориентированными на совершенно разные социальные потребности и роли познающих субъектов, оказываются в той или иной мере специализированными [[Касавин, С.13]]. Сегодня налицо тенденция к индивидуализации знания, к разнообразию его форм, тесно связанных с локальными практиками и не требующих универсальной стандартизации; прогнозируется снижение роли (и доли) стереотипов в общественном производстве – в сфере практического знания.

Обобщенно говоря, понятие «знание» укоренено в человеческой истории и культуре, взаимодействуя с другими формами сознания и предметно-практической деятельностью человека, а степень актуализации проблематики знания зависит от особенностей той или иной цивилизации, ее потребностей и целевых установок. Однако если до относительно недавнего времени знание было лишь одним из ресурсов социального развития (и не самым главным), то для современного общества решающим ресурсом выступает именно знание. При этом речь идет не просто о знании в обыденном смысле, а о *знании-информации*, то есть знании, которое может быть количественно оценено и передано с помощью новейших коммуникационных технологий.

Возрастание роли знания обусловлено целым рядом причин, среди которых: резкое увеличение удельного веса всех видов коммуникаций в различных секторах производства, бизнеса, научной, образовательной и культурной сферах; гигантское возрастание роли информационных продуктов и услуг, и, наконец, создание глобального информационного пространства, обеспечивающего эффективное взаимодействие и общение людей [Сильянов, С. 3]. На сегодняшний день общепризнано: знание превратилось в предмет воистину колоссальных экономических, политических и культурных интересов настолько, что может служить для определения качественного состояния общества, контуры которого лишь начинают вырисовываться. Все это свидетельствует о том, что знание, выступает своего рода индикатором информационной цивилизации, ассоциирующейся с «обществом знания», в котором «должно быть обеспечено совместное использование знаний и социальная интеграция каждого из его членов с целью развития новых форм солидарности.... знание – общественное достояние, которое должно быть доступным для каждого, ... само по себе знание только дорога к мудрости. Всякое общество обладает богатством – обширным потенциалом познания, который необходимо оптимально использовать» [К обществам знания: С. 20].

Итак, определившись с пониманием роли знания и с диалектикой его смыслов и коннотаций, обратимся к аналитике концепта «общество знания», сосредоточившись на его философско-методологических и науковедческих интерпретациях. Возникновение общества знания, как следствия непрерывной эволюции индустриальных обществ, можно датировать периодом конца XX в. По мнению специалистов, подобным обществам глубоко присуща зависимость от научного знания и технологических инноваций, от развития новых компьютерных и информационных технологий, имеющих огромное значение для понимания природы этих обществ [См.: Колпаков: 2008]. При ближайшем рассмотрении имеющихся характеристик общества (и обществ) знания мы видим, что в основном массиве источников по данной проблеме присутствуют достаточно различные подходы.

Своеобразие каждого из них определяется выдвиганием на первый план той или иной стороны или аспекта рассматриваемого феномена. Объединительной платформой теорий, концепций и подходов является то, что практически во всех речь идет об обществе, доминантой развития которого является производство и использование знаний и обсуждается проблема доступа к знанию как важному ресурсу, в том числе и образовательному. Под

«использованием» в данном случае подразумеваются самые разные виды деятельности (приобретение, распространение, практическое применение корпуса знаний в самых разных видах практики, его технологическое использование в социуме): «Общества знания «эры информации» отличаются от прежних тем, что по своему характеру, унаследованному от века Просвещения, они ставят своей целью обеспечение социальной интеграции и поощрение социальной активности граждан» [К обществам знания: С. 20], – провозглашает Всемирный доклад ЮНЕСКО.

В целом большинство концептуальных трактовок общества знаний строится на основе сравнительного анализа с теориями постиндустриального и информационного общества, что, конечно, расширяет горизонт понимания данного феномена, не сводя сущностные характеристики только к экономике знаний. Общество знаний понимается преимущественно как новая стадия социально-экономического развития, почти достигнутая передовыми странами и обретающая черты более отдаленного, но не менее желанного будущего для тех, кто отстал в мировой технологической гонке [Алексеева, С. 9]. Такое определение, тем не менее, не исключает признания высокой роли и места знания, функционирующего в более ранних культурно-исторических системах.

Обратившись к хронологическим источникам, мы увидим, что рождение и последующее вхождение в жизнь концепта «общество знания» относится рубежу 1960-70-х гг. XX века, практически одновременно с понятиями «обучающиеся общества». Понятие «общество знания» получило свое освещение в научно-теоретических и социально-философских ученых западной и отечественной социальной философии конца XX - начала XXI вв., а распространение самого термина связывается с именем П. Дракера, считающегося основоположником этого философского направления мысли. В ряде своих «классических» работ он характеризует знание как «силу, способную создать новое общество». По мнению П. Дракера, такой период ведет отсчет после второй мировой войны, когда знание стало использоваться для производства нового знания [См.: Drucker: The Age of Discontinuity..., 1969]. Существенный вклад в осмысление и концептуализацию понимания целей, задач и видения перспектив развития «обществ знания» на мировой арене XXI века привнесли доклады и публичные выступления ученых (в частности, доклад Эдгара Фора «Учиться быть»). Также идея «общества знания» нашла отражение у Д. Бэлла, спрогнозировавшего предпосылки перехода общества к новому этапу постиндустриального развития, основанному на научном знании. Важно отметить, что впервые в истории философской мысли «знание» определяется не как гносеологическая сущность, инструмент познания мира, но как основание развития общественного и экономического устройства – самоценный товар, услуга, капитал и, в конечном счете, детерминанта развития общественных отношений. Выделяя знание как специфически характерный для этого этапа социального развития основной производственный ресурс, Д. Бэлл приводит классификацию этапов социальных фаз, завершающуюся, по его мнению, становлением постиндустриального общества. Серьезной базой для концептуализации «информационного общества» послужили исследования Ф. Махлуа, который одним из первых исследуя информационный сектор экономики, указал на сопряженность «общества знаний» непосредственно с «экономикой знаний». В своих исследованиях он выделил новый вид труда, связанный со сбором, обработкой и хранением информации – «информационный труд».

Но в наиболее явном виде концепт «общество знания» присутствует в области исследований, которые разрабатывают и развивают междисциплинарную проблематику информационного общества, восходящего к «зарю» бурного развития кибернетики. Особая роль здесь отводится серии трудов испанского мыслителя и исследователя, создателя концепции сетевого общества Мануэля Кастельса, посвященных «эре информации» [Кастельс, С. 109]. Его трилогия по данной проблематике, по мнению президента Лондонской школы экономики профессора Э. Гидденса, это «выдающийся труд по социальной и экономической теории, наиболее значимая попытка описать экстраординарные изменения, происходящие ныне в социальном мире» [Всемирный доклад по вопросам..., 2001]. Исследования М. Кастельса неслучайно в эпицентре «спроса»: в его работах вскрываются и объясняются важные взаимосвязи между коммуникацией и отношениями власти и общества в новом технологическом контексте, процессы трансформации общества в ходе деконструкции их институтов под давлением новых отношений власти и формирования новых институтов, позволяющих членам общества мирно сосуществовать друг с другом, несмотря на противоречивые интересы и ценностные ориентации. На базе разработанной им

целостной теории, позволяющую оценить фундаментальные последствия воздействия информационной революции на современный мир, дается критика понятия «информационное общество», а в качестве ее механизма используется термин «информационный капитализм» как более емкое название для характеристики эпохи, в которой знания и информация становятся ключевым источником производства. Наш интерес к ним обусловлен выявлением политико-экономических смыслов концепта «общество знаний».

Определенное понимание сути вопросов, лежащих в области теоретического потенциала и методологического значения концепции «общества знания» дает обращение к основным концепциям «общества знания» в современной социальной теории. Н. Штер [Ster, P. 42-90] предлагает под обществом знания понимать новую социальную реальность, которой присуще целое множество отличительных черт, таких как рост значения фундаментальной науки как непосредственной производительной силы, возрастание роли знания в качестве основания индивидуальных и коллективных действий, появление политической экономии знания, повышение статуса экспертов и экспертных групп и т.п. Он считает, что термин «постиндустриальное общество» должен быть заменен термином «общество знания». Это общество, в котором преодолено различие дискурсов науки, технологии, культуры и социума.

Г. Бехманн анализирует различные версии концепции общества знания, фокусируя внимание на различии знания и информации, экономических и социальных трансформациях, изменении характера трудовых отношений [Бехманн, С. 39]. По его оценке, развитие общества знания является одновременно эволюционным феноменом и политическим намерением. Он приходит к выводу о том, что знание является не только конституирующей особенностью современной экономики, но также базовым организационным принципом нашей жизни, и именно поэтому можно утверждать, что мы живем в обществе знания. Однако решающая роль знания в социальном воспроизводстве означает, что и фактор незнания оказывается чрезвычайно значимым. В условиях неопределенности становятся необходимыми социальное обучение и адаптация социальных акторов к риску.

В работах К.Х. Делокарова представления об обществе, основанном на знании, рассматриваются в широком философском и социокультурном контексте [Делокаров, С. 11]. Автор показывает, что и успех, и недостатки концепции общества, основанного на знании, связаны с тем, что она выступает продолжением парадигмы рационализма и Просвещения. Общество знания – не только возможная в будущем модель социального развития, но и то, что становится реальностью уже в наши дни. Именно поэтому необходимо уделять первостепенное внимание нравственным аспектам становления нового общества, его ценностным основаниям, проблемам социальной справедливости и образования. Д.В. Ефременко в своей статье рассматривает риск как обратную сторону знания [Ефременко, С. 66]. Он считает не вполне убедительными те трактовки общества знания, которые игнорируют или приуменьшают роль воспроизводства и коммуникации социальных рисков. Автор обращает внимание на связь ранних версий концепции общества знания с технократическими идеями, а также на существенное изменение социальных функций науки по мере превращения знания в решающий фактор развития общества. По его мнению, особую актуальность идеям об обществе знания придало то обстоятельство, что на определенном этапе они оказались в резонансе с новейшими тенденциями развития глобальной финансовоэкономической системы. Однако дискуссии о посткапитализме или о когнитивном капитализме скорее прикрывали, а не раскрывали сущность этих тенденций.

И.Е. Москалёв аргументирует позицию, согласно которой прогресс информационно-коммуникационных технологий и экспоненциальный рост информации выступают внешним фоном качественных социальных изменений, позволяющих сделать вывод о появлении новых характеристик общества как сложной системы [Москалёв, С. 98]. Общество знания – это общество нового уровня сложности коммуникативных процессов, что в свою очередь требует повышения сложности управленческих систем, учитывающих неоднозначность и неопределенность будущего, новые риски и возможности. Проблемам организации научно-технической деятельности в условиях общества знания посвящена статья В.Г. Горохова [Горохов, С. 109]. В современной ситуации наука обязана не только поставлять обществу надежное знание, но и одновременно помочь решению социальных проблем с помощью производства новых знаний. Все более тесное встраивание науки в социальный контекст и требование ее практической релевантности являются выражением изменения общественной

функции науки и одновременно исходным пунктом научной рефлексии ее отношений с обществом. Автор приходит к выводу о конвергенции академического и технологического порядков знания, благодаря чему возникает новая, включенная в процессы принятия социально значимых решений наука.

М.Е. Соколова подробно останавливается на другом аспекте современного процесса производства знания, а именно на формировании информационно-коммуникационного пространства научной деятельности [Соколова, С. 134]. В центре внимания автора – перспективы формирования информационного пространства российской академической науки. Характеризуя его современное состояние как сложный стохастический процесс, на который оказывают влияние различные факторы, личные и институциональные интересы, автор полагает, что управление академическим информационным пространством должно быть гибким, исключая попытки централизованного регулирования. Вместе с тем необходимо осуществлять это управление на основе стратегического подхода, учитывающего приоритеты информационной политики государства.

В характеристиках общества знаний сквозь призму эволюции экономики акценты смещаются к выделению основных стадий ее генезиса. Выделяются: экономика, основанная на физическом труде и сельском хозяйстве; индустриальная экономика, базирующаяся на использовании природных ресурсов и экономика, базирующаяся на знаниях. Отсюда «новое общество» интерпретируется – как общество знаний, а «новая экономика» – как «экономика знаний» с их ключевой ролью. Прогнозируется, что именно знания будут выступать и непосредственным продуктом деятельности, и предметом непосредственного потребления, и производственным ресурсом, используемым в процессе производства продукции, и предметом распределения или рыночных трансакций, и орудием (или же инструментом управления), и, что главное, мощным средством сохранения и консолидации обществ, стран и народов.

Наш обзор иллюстрирует главный процесс: возрастание роли знания буквально во всех сферах жизни социума – это важнейшая закономерность современной стадии развития; количественное нарастание знаний переходит в качественное изменение их роли в экономике именно в ходе наступления «цивилизации знаний» (обществ знаний). Не имеет смысла оспаривать очевидное: характерной чертой современной познавательно-творческой деятельности наших современников становится наличие в каждом продукте и услуге «доли» знания – в интеллектуальной или опредмеченной форме. Это – с одной стороны. Однако, с другой стороны, по совокупности данные процессы на пути к «новому обществу» сопровождаются и новыми проблемами, решение которых в самом ближайшем будущем возлагается на функционирующую в мире систему образования, которая, надо признать, не вполне отвечает императивам формирующегося общества, основанного на знаниях. Нельзя не понимать: изменения в информационной сфере ведут, с одной стороны, к созданию «сетевой организации», «сетевой структуры», «сетевой технологии», «всемирной паутины», а с другой, к нивелированию доминантных ценностей и способствует децентрализации интеллектуальной власти.

Итак, мы видим: в принципе основной массив современных теорий и подходов к анализу «общества знаний» обобщает тенденции, описанные или предсказанные в трудах первопроходцев, говоривших о проникновении технологий во власть, о новой экономике научных знаний, о глубоких переменах в сфере труда и т.д. [К обществам знания... С. 22-23]. И в этом плане заслуга ученых разных стран крайне велика для рефлексии современных процессов, подготавливающих общества к переходу в новую стадию «обществ знания».

Список литературы References

1. Алексеева И.Ю. Что такое общество знаний. М., 2009.
2. Бехманн Г. Общество знания – трансформация современных Обществ // Концепция «общества знания» в современной социальной теории: Сб. науч. тр. М., 2010.
3. Бондаренко Е.А. Интеллектуалы, интеллектуальный труд и культурный капитал в исторических системах духовного производства. Дисс... к. филос. н. / 09.00.13. Белгород, 2014. С. 110.
4. Всемирный доклад по вопросам развития человека // *Mettre les nouvelles technologies au service du développement humain*. PNUD, 2001.

5. Горохов В.Г. Научно-техническая политика в обществе Знания // Концепция «общества знания» в современной социальной теории: Сб. науч. тр. М., 2010.
6. Горц А. Нематериальное. Знание. Стоимость и капитал. М., 2010.
7. Делокаров К.Х. Является ли «общество, основанное на знаниях», новым типом общества? // Концепция «общества знания» в современной социальной теории: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. М., 2010.
8. Ефременко Д.В. Концепция общества знания и ее обратная Сторона // Концепция «общества знания» в современной социальной теории: Сб. науч. тр. М., 2010.
9. Калинина Г.Н. Границы науки и превращенные формы знания: монография. Белгород, 2012.
10. Касавин И.Т. Понятие знания в социальной гносеологии // Познание в социальном контексте. М., 1994.
11. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
12. К обществам знания: Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж, 2005.
13. Колпаков В.А. Общество знания. Опыт философско-методологического анализа // Вопросы философии 2008. №4.
14. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.
15. Маркс К., Энгельс Ф., Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений: (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М., 1966. С. 39.
16. Москалёв И.Е. Качественные характеристики социальных изменений в контексте общества знания // Концепция «общества знания» в современной социальной теории: Сб. науч. тр. М., 2010.
17. Сильянов Е.А. Инженерия знаний как фактор развития современного общества: Дис. к. филос. н. / 09.00.11. Владивосток, 2005.
18. Соколова М.Е. Информационное пространство российской академической науки как интегрированная профессиональноинтеллектуальная среда: Перспективы формирования и управления // Концепция «общества знания» в современной социальной теории: Сб. науч. тр. М., 2010.
19. Peter Drucker, The Age of Discontinuity, Guidelines to our changing society, New York, Harper Row, 1969.
20. Ster N. Knowledge Society. L., 1994. P. 42-90.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Бабинцев В.П.** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Белевская Ю.А.** – кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник отдела фундаментальных и прикладных исследований Орловского государственного университета
- Белогорцева И.Е.** – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного и межкультурной коммуникации Белгородского государственного института искусств и культуры
- Борисов С.Н.** – доктор философских наук, проректор по научно-исследовательской и инновационной деятельности Белгородского государственного института искусств и культуры
- Борисова О.С.** – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Давтян Д.В.** – аспирант кафедры Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Дидык М.А.** – кандидат философских наук, доцент кафедры теории культуры, этики и эстетики Института философии и социально-политических наук
- Жиленков И.А.** – аспирант кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Зверев П.Г.** – кандидат юридических наук, преподаватель Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России
- Игнатов М.А.** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории науки Белгородского государственного института искусств и культуры
- Игнатова В.С.** – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и истории науки Белгородского государственного института искусств и культуры
- Калинина Г.Н.** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории науки Белгородского государственного института искусств и культуры
- Киселева Н.А.** – старший преподаватель кафедры истории, философии, рекламы и связи с общественностью Орловского государственного института экономики и торговли
- Китаева А.Е.** – аспирант кафедры гражданского права и процесса Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Колесникова И.Г.** – кандидат филологических наук, доцент кафедры издательского дела и библиотекосведения Белгородского государственного института искусств и культуры
- Кравченко А.Е.** – аспирант кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Краснова Г.А.** – доктор философских наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
- Кузнецов А.В.** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Кузнецова А.В.** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Липич Т.И.** – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой

- философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Майданский А.Д.** – доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Мелешко Е.Д.** – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и культурологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Назаров В.Н.** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Недилько Ю.В.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета
- Новак М.В.** – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и истории науки Белгородского государственного института искусств и культуры
- Олейник А.Н.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры общественно-правовых дисциплин и менеджмента образования Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды
- Олейник Н.Н.** – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и украинологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Полухин О.Н.** – доктор политических наук, профессор, ректор Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Римская О.Н.** – кандидат философских наук, директор НОЦ «Социокультурные и интеллектуальные технологии» Белгородского государственного института искусств и культуры
- Римский В.П.** – доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, заведующий кафедрой философии и истории науки Белгородского государственного института искусств и культуры
- Рубежанский С.И.** – аспирант кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Рыболовлева О.А.** – аспирант кафедры социологии и психологии управления Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
- Терехов В.В.** – ассистент кафедры философии и культурологии Орловского государственного университета
- Тонков Е.Е.** – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Ушамирская Г.Ф.** – доктор социологических наук, профессор, ректор Волжского института экономики, педагогики и права
- Ушамирский А.Э.** – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Волжского института экономики, педагогики и права
- Федосеенков А.В.** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Ростовского государственного строительного университета
- Фисун А.П.** – доктор технических наук, профессор кафедры электроники, вычислительной техники, информационной безопасности Орловского государственного университета
- Цуканова Е.Ю.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского

- Шамардин Н.Н.** – права и процесса Белгородского государственного национального исследовательского университета
– аспирант кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Шовгеня С.А.** – старший преподаватель кафедры управления персоналом Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Шутов А.Ю.** – аспирант Школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»